

САБИНА ТИСЛЕР

ПОХИТИТЕЛЬ ДЕТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Annotation

В невероятно жестоком психологическом триллере «Похититель детей» поражает все: и жуткий маньяк, и мучения беспомощных жертв, и переживания убитых горем родителей, и работа полицейских, пытающихся остановить серийного убийцу.

Автор рисует подробный психологический портрет преступника, отслеживая превращение никому не нужного ребенка в приветливого, скромного детоубийцу, который таким изуверским способом пытается компенсировать недополученную в детстве любовь близких.

Сабина Тислер
Похититель детей

Предисловие переводчика

Уважаемые читатели!

Вы первыми читаете на русском языке произведение современной немецкой писательницы Сабины Тислер «Похититель детей». Эта книга — ее первый роман, хотя Сабина Тислер далеко не новичок на литературном поприще: она больше известна в Германии как автор сценариев к популярным детективным сериалам, в частности «Номер телефона полиции 110».

Хотя автор и отнесла свою книгу к романам, но правильнее было бы назвать ее социально-психологическим триллером, потому что здесь есть все: и жуткий маньяк-убийца, и мучения беспомощных жертв, и переживания убитых горем родителей, и работа полицейских, пытающихся остановить серийного убийцу, и взгляд на современную жизнь в Германии и Италии.

Особенность этой книги в том, что в ней нет однозначно положительных героев, кроме того, читатель с первых страниц знает, кто убийца.

Мы отслеживаем его превращение из забитого, запуганного мальчика в приветливого, скромного изувера с выраженной манией величия, получающего удовольствие от ощущения всевластия над незащитными детьми. Все происходит на наших глазах, все, казалось бы, ясно, но читатель до последней строки пребывает в напряжении — настолько умело автор строит интригу, попутно давая очень подробный психологический портрет преступника.

Честно говоря, мне не доводилось переводить более жуткую книгу.

И весь ужас ее заключается в максимальной приближенности к реалиям современного общества и в честном показе незащищенности людей, живущих в нем. Это касается не только сытой, законопослушной и надежно защищающей своих граждан Германии, где весьма распространенное отчуждение и равнодушие внутри семей может иметь довольно далеко идущие последствия и принимать крайне уродливые формы. Если бы эту книгу написала не немка, живущая сейчас в Италии и знающая жизнь в этих странах, что называется, изнутри, то ее можно было бы обвинить в предвзятом отношении к немцам. Хотя справедливости ради следует отметить, что итальянцам от нее тоже изрядно досталось.

Несомненная заслуга автора заключается в том, что она заставляет читателя не только мысленно быть рядом с полицией и ловить убийцу, но и сопереживать жертвам и их родным, людям, чьи судьбы в один миг оказываются сломанными по воле выродка, поставившего себя выше остальных. Конечно, в страшном образе Альфреда автор обобщила всех преступников такого рода, однако, судя по передачам немецкого телевидения ЦДФ «Нераскрытые дела», она не так уж и сгустила краски.

Книга написана так, что от нее трудно оторваться. Очень жестокая, со множеством натуралистических сцен, но, как ни странно это звучит, — полезная. Особенно для стран, где матери, выросшие в обстановке «человек человеку друг», сегодня должны понять, что никто не защитит их детей лучше, чем они сами.

Спасибо тебе, Клаус, за твой совет и твою любовь

Тоскана, 1994 год

Обстановка в долине была какой-то странной. Все окна и двери обоих домов были закрыты, чего Аллора прежде никогда не видела. Не было видно ни мужчины, ни женщины. Но когда она прислушалась и затаила дыхание, то услышала тихий плач, похожий на жалобное мяуканье кошки.

Аллора ковыряла в носу и ждала. Плач иногда затихал на несколько минут, но потом начинался опять. Услышав тонкий пронзительный визг, она дернулась всем телом, и ее охватила дрожь. От страха по спине поползли мурашки. Что там случилось? Может, нужно просто пойти туда и постучать в дверь? Но она побоялась. Ангел не был человеком, к которому можно было бы просто прийти и сказать «аллора»^[1].

В ангеле было нечто, что пугало ее. Он словно был обвит невидимой колючей проволокой, которая могла поранить человека, разрезать кожу любому, кто решился бы подойти слишком близко.

И тут впервые она подумала, что ангел, наверное, совсем не ангел.

Солнце давно уже скрылось за горизонтом, и наступила ночь. В лесу темнело быстро, намного быстрее, чем в поле. Аллора пока еще не думала о том, как будет идти назад, — она неотрывно смотрела в сторону мельницы. Лампы справа и слева от двери не горели, и в доме тоже было темно.

Когда Аллора уже перестала различать очертания дома, до нее дошло, что она совсем забыла о времени и что теперь ей нет пути назад. Придется заночевать в лесу.

Вдруг она услышала крик. Долгий мучительный крик, которому, казалось, не будет конца. И в этот миг Аллора поняла, что это не кошка, а человек.

Аллора зажала уши руками и сидела так, пока крик не прекратился. Затем наступила мертвая тишина. С мельницы не доносилось ни звука. Она протерла глаза — в них ощущалось жжение, словно она слишком долго просидела у огня, неотрывно глядя на пламя.

Ее словно парализовало. Она сидела, не в силах двинуться с места. Холод медленно охватывал ее босые ноги, поднимаясь все выше и выше. Аллора забилась в яму поглубже, сгребая к себе ветки, листья, мох, — все, до чего могла дотянуться, не вылезая. Затем она обхватила ноги руками, оперлась подбородком на колени и принялась ждать. Дыхание ее выровнялось, сердце стало биться медленнее. Она была начеку, сосредоточив все внимание на мельнице. Но там ничего не происходило. Не было слышно ни голоса, ни звука. Окна и двери остались закрытыми, мужчина больше из дома не выходил.

Послышался крик сына. Точно так же кричал сын в ту ночь, когда умерла старая Джульетта. Ее любимая nonna^[2].

На следующее утро Аллора не могла вспомнить, просидела ли она всю ночь, не сомкнув глаз, или все же уснула.

На рассвете она услышала, как заскрипели петли деревянной двери кухни. Первые лучи солнца как раз появились над вершиной горы, когда из дома вышел мужчина. На руках он нес мертвого мальчика — точно так, как она когда-то несла бабушку. Голова мальчика запрокинулась назад через левую руку мужчины, рот был открыт. Его светлые волосы тихо шевелились на ветру. Правой рукой мужчина держал мертвого мальчика под колени, и его ноги безжизненно покачивались из стороны в сторону. Мужчина подошел к высохшему

пруду и бережно опустил в него тело мальчика.

Немного погодя с оглушительным грохотом заработала бетономешалка, и Аллора бросилась бежать. Мужчина, которого она с этого момента больше никогда не называла ангелом, ее не заметил.

За ночь руки и ноги Аллоры затекли и окоченели, она задыхалась, и ей пришлось так много думать, что было трудно бежать. Ей понадобилось целых три часа, чтобы добраться до Сан Винченти. Никто не спросил ее, где она была ночью.

Она ушла в свою комнату и забралась в постель, даже не смыв с рук и ног землю. Она укрылась одеялом с головой и попыталась понять то, что увидела. Но ей это так и не удалось.

Берлин / Нойкелльн, ноябрь 1986 года

Он вышел на улицу не ради охоты. В этот туманный, необычно холодный ноябрьский день он и не собирался искать очередную жертву. Все произошло само собой, совершенно неожиданно для него. Возможно, это случилось повелению рока или просто по глупой случайности, но в то утро он проспал и вышел из дому на полтора часа позже, чем обычно.

Леденящий ветер носился по улицам. Моросил дождь. Альфред озяб и поднял воротник пальто. У него не было перчаток, шарфа или головного убора. Одежда была ему в тягость, и он круглый год носил простой серый пуловер и темно-синие вельветовые брюки. Для лета они были слишком толстыми, для зимы — слишком тонкими, и сейчас тоже не защищали от холодного ветра, задувавшего под пальто.

Альфред уже три года вел уединенную жизнь в берлинском кице^[3], где никто не мог узнать его. У него не было друзей, он избегал тесных контактов, отказывался от любых развлечений, никогда не ходил в кино или театр, и телевизора в его убогой квартирке на задворках тоже не было.

Хотя ему шел всего лишь четвертый десяток, в его густых, слегка волнистых волосах уже пробивалась первая седина, и это делало его характерное лицо еще интереснее. На первый взгляд это был хорошо выглядевший, симпатичный мужчина. Его бледно-голубые, чистые как стекло глаза смотрели на окружающих ласково и внимательно, с подчеркнутым интересом. На самом же деле все было скорее наоборот.

После короткого размышления он свернул направо, в ближайшую боковую улочку, ведущую к каналу. В это время на улицах почти никого не было, дети давно были в школе, и только тот, у кого была крайняя необходимость, выходил из дому в такую погоду. Один киоск по продаже денер-кебаба, одна пивная, одна булочная — больше на этой улице ничего не было. Парикмахерская, магазин, где продавались газеты, и маленькая турецкая овощная лавка в прошлом году разорились, и с тех пор эти помещения больше никто не брал в аренду. Раз в неделю сюда приезжала машина для вывоза мусора — вот и все. Старые люди умерли, новые семьи сюда не переселялись. Только не сюда. Много квартир пустовало, разбитые стекла окон никто не менял, голуби гнездились в загаженных, ободранных комнатах и коридорах.

В висках начало глухо стучать. Он знал, что это могло означать приближение приступа мигрени. Вчера вечером он сидел возле кухонного окна и несколько часов смотрел на желтый, как охра, пятнистый фасад здания, стоявшего поперек, и на серую каменную ограду, отделявшую задний двор от соседнего участка. Двор был заасфальтирован, кто-то выставил цветочный горшок с чахлым фикусом к контейнерам для мусора. Естественно, чтобы избавиться от него, а не чтобы озеленить задний двор. И это жалкое растение уже несколько недель тихо увядало, являясь для жителей дома единственным кусочком природы во всей округе.

В одной руке он держал письмо, которое перечитывал снова и снова, а в другой — бокал с красным вином, к которому он снова и снова прикладывался. Его сестры, которых он терпеть не мог, близнецы Лена и Луиза, коротко сообщали, что соседка обнаружила их мать. Мертвой. В своей ванной. И уже после похорон, перебирая оставшиеся после матери вещи, близнецы нашли номер его почтового ящика и смогли известить его. Они сожгли пожитки

матери и продали дом. Решили, что он не будет возражать.

Привет.

Конечно, они когда-нибудь должны были найти его. Он уже давно принимал это в расчет.

В октябре, когда выдалась свободная неделя и ему стало скучно, он поехал к ней. Она жила в маленьком доме на краю какого-то села в Нижней Саксонии. Уже три года он ничего не слышал о своей матери, Эдит, и ему захотелось посмотреть, как она живет.

Когда он на своей белой «хонде» въехал во двор и посигналил, никакой реакции не последовало. Царила мертвая тишина. Раньше, когда кто-нибудь заходил во двор, лаяла собака, и мать моментально выходила из дома, подозрительно и недовольно наморщив лоб, потому что не ожидала ничего хорошего от того, что кто-то без предупреждения появлялся перед домом.

Но сейчас не было слышно ни звука. Не было ни единого движения. У него возникло ощущение, что даже ветер на мгновение затаил дыхание, потому что не шевелился ни один листок. Даже кошка не кралась за угол дома.

Целое утро шел дождь, но сейчас между облаками проглянуло солнце, и стало видно, какими грязными и запыленными были окна дома, уже много лет не мытые. Сорняки между брусчаткой, которой был вымощен двор, мать раньше всегда тщательно вырывала, а теперь они выросли по колено и захватили почти весь двор, а в цветочных ящиках торчали стебли герани, высохшей уже много зим назад.

Вид родительского дома привел его в ужас. Он медленно подошел ближе. Тихо, чтобы не нарушать кладбищенскую тишину, и в ожидании чего-то страшного.

Он прошел возле задней стены сарая через грядку, крапива на которой доставала ему до пояса. Раньше это была ее клубничная грядка.

Повернув за угол сарая, он увидел его. Ринго, помесь шнауцера с овчаркой, был верным другом матери. Мать же демонстрировала свою привязанность к нему лишь тем, что каждый вечер наполняла его миску едой, но Ринго все равно любил ее. Он просто не знал ничего другого.

Ринго все еще был на цепи. Он лежал на боку. Его худые одеревеневшие лапы казались непомерно большими. Там, где когда-то были глаза, зияли глубокие, покрытые корочкой застывшей крови дыры. Вороны выклевали его глаза и большую часть мозга. А после этого в черепе Ринго поселились черви.

Альфред нагнулся и погладил всклокоченную шерсть Ринго, покрывавшую высохшее, похожее на скелет тело.

— Ты умер с голоду, старик, — прошептал он. — Она и вправду уморила тебя голодом.

Альфред глубоко вздохнул. Ринго он займется потом. А сейчас первым делом следовало попасть в дом. Он боялся того, что его ожидало.

Дверь была закрыта на ключ, а ключа у него не было уже давно. Он долго и настойчиво жал на кнопку дверного звонка, но в доме не было никакого движения. На его зов тоже никто не отвечал. Маленькое окно в коридор рядом с входной дверью, которое раньше никогда не закрывалось и через которое он в детстве залезал в дом, когда забывал взять с собой ключ, тоже было закрыто наглухо. Альфред принес камень, разбил окно и влез в дом. Затем стряхнул осколки стекла со своего пуловера, прошел по коридору и открыл дверь в гостиную.

Эдит Хайнрих сидела в кресле у окна, закрытого гардиной. Она исхудала настолько, что

походила на собственную тень. Маленькое худое человеческое существо с тонким, почти неразличимым на фоне спинки кресла силуэтом.

При виде сына, вошедшего в комнату, она не сделала ни единого движения, даже бровью не повела, и, казалась, нисколько не удивилась его появлению. Будто бы он выходил на минутку, чтобы принести петрушку.

— Это я, мама, — сказал Альфред. — Как дела?

— Блестяще, — ответила она. Ее цинизм ничто не могло сломить, и тон остался тем же — жестким и холодным, хотя голос уже ослаб. Поле зрения сильно сузилось, а головой она двигала с трудом, поэтому ей пришлось повернуться всем телом, наблюдая за тем, как он прошел через комнату и раздвинул темные шторы. Дневной свет заполнил комнату, и в его лучах стала видна пыль, туманом повисшая в воздухе.

— На улице светит солнце, — сказал он.

— А мне все равно, — ответила она и прикрыла глаза от света.

Альфред выключил люстру и открыл окна, потому что в комнате стояла вонь, как в сыром погребе с загнившей картошкой.

Эдит моментально начала дрожать и еще глубже забилась в кресло. Он взял с дивана плотное одеяло и укутал ее. Эдит позволила сделать это без всяких комментариев, лишь смотрела на него тусклыми глазами, давно уже потерявшими прежний блеск.

Потом он пошел в кухню. Мать ничего не ела, наверное, уже целую вечность — остатки еды на столе и даже те, что он нашел в холодильнике, были очень давними и покрытыми плесенью. Под раковиной он нашел пластиковый кулек, сгреб туда объедки и вышел на улицу, чтобы их выбросить.

Он с трудом открыл тяжелую трухлявую дверь сарая, чуть его не придавившую. Единственная еще живая свинья, худая, как и его мать, апатично лежала на земле. Он взял нож и перерезал ей глотку. Свинья лишь жалобно взвизгнула, когда он оборвал ее одинокое жалкое существование.

На огороде собирать было нечего. Даже у яблони, с которой он когда-то в детстве упал, была какая-то странная болезнь: все яблоки были сморщенными и покрытыми черной паршой.

— Тебе нужно в дом престарелых, — сказал он матери. — Ты сама уже не справишься.

— Ничего мне не нужно, — ответила она.

— Но ты же тут одна, ты умрешь с голоду! Ты даже не встаешь и не ходишь в кухню за едой!

— Ну и что?

— Я же не могу бросить тебя подыхать здесь!

На какой-то миг глаза Эдит снова ожили и злобно заблестели.

— Если здесь появится дьявол, чтобы забрать меня, значит, так и надо. Не лезь не в свое дело!

Альфред удивился тому, сколько еще сил осталось в этой истощенной маленькой женщине.

— Ты уморила голодом собаку. И свинью.

Она пожала плечами.

— Ты даже не давала ему воды, бедняге!

— Сначала он лаял целыми днями. А потом затих. Значит, тихо и мирно уснул.

Альфред не стал говорить ничего больше, потому что видел, насколько мать истощена.

Наверное, она уже несколько лет ни с кем не разговаривала. Он увидел, что ее голова свесилась на плечо, рот открылся, и она начала тихонько похрапывать.

Рядом с яблоней он выкопал глубокую яму для собаки и свиньи. Похоронив животных, он подмел двор и навел порядок в кухне. Потом он пошел к матери, поднял ее с кресла и начал раздевать. Эдит испуганно открыла глаза и закричала. Жалобно и пронзительно, как фазан в зубах у лисицы. Он, не обращая внимания на крики, продолжал раздевать ее.

Пуловер за пуловером, блуза за блузой, рубашка за рубашкой. Эдит, как луковица, натянула на себя почти все, что было в доме из одежды.

— Как дела у близняшек? — спросил он.

Эдит не ответила, зато продолжала орать как резаная.

Ванну он отскреб заранее, очистив ее от многолетней грязи и ржавчины. Еле теплая вода для купания, тем не менее, была коричневатой и непрозрачной. Он с отвращением держал на руках старое, морщинистое, но легкое как перышко тело. Мать пиналась, вырывалась и до крови исцарапала его щеки своими острыми, давно не стриженными ногтями. Она отбивалась изо всех своих сил, не желая, чтобы ее трогали, поднимали, несли и купали. Она защищалась, как дикое животное, и визжала без перерыва. Альфред чувствовал, как кровь стекает с его щек по шее на пуловер. Мать казалась ему отвратительным насекомым, которое хотелось раздавить.

Она всегда защищалась. Всю жизнь. Против любого прикосновения, против любой ласки. Она никогда не могла заставить себя взять детей на руки. А в этот момент в ней проснулись нечеловеческие силы, и она все еще вырывалась, когда он опустил ее маленькое тело в мутную жижу.

Она лежала в ванне обессиленная, словно упавшая в воду стрекоза, чьи крылья намокли, отяжелели и были уже больше не в состоянии оторвать тело от воды. Ее тонкие белые косы плавали в воде, веки глаз стали красными как огонь, словно она плакала целыми днями.

— Ах ты, скотина! — ругалась она. — Немедленно вытащи меня отсюда!

Альфред никак не отреагировал на эти слова. Он бессмысленно уставился на ее острые колени, выглядывающие из воды. Пытался осознать, что этот беспомощно барахтающийся в ванне скелет и есть его родная мать, но это ему не удалось. Его рука всколыхнула воду в ванне, и ее тело качнулось туда-сюда.

— Когда ты родился, околоплодные воды были зелеными! — пронзительно закричала она. — Ты выродок, ублюдок!

— Я знаю, мама, — тихо сказал он и улыбнулся.

Затем он покинул ванную комнату и, пока искал в комнате ключи от машины, старался не слушать, как мать зовет на помощь.

Сама она никогда не выберется из ванны. Он прекрасно понимал это, выходя из дому. А уже через четверть часа он напрочь забыл о ней...

Опустошив третью бутылку вина, он порвал письмо. Он не собирался давать сестрам знать о себе. И так придется заводить новый абонентский почтовый ящик.

Он не чувствовал опьянения. Выключив свет в кухне, он остался в абсолютной темноте и попытался в уме складывать все цифры по очереди, от единицы до тысячи, чтобы потренировать мозг. Он не добрался даже до двадцати.

Альфред засунул руки поглубже в карманы штанов и, согнувшись, пошел дальше. Ветер

бил ему прямо в лицо, так что было трудно дышать. Боль пронизывала голову. Ему нужно срочно принять пару таблеток аспирина и выпить горячего кофе.

Всего лишь в нескольких шагах отсюда была пивная «Футбольная встреча». Альфред заглянул в окно. Двое мужчин сидели у бара. У одного были белоснежные волосы и прическа а-ля Моцарт. Это был Вернер. Естественно, в это время он уже был здесь. Вернер получил наследство, правда, не такое уж большое, однако он высчитал, что если останется и дальше в своей дешевой квартире, то денег ему хватит до девяноста пяти лет. Вернер был убежден, что до такого возраста не доживет, а помрет раньше, и смотрел в будущее с соответствующим оптимизмом. Каждое утро между девятью и десятью часами он появлялся в «Футбольной встрече» и начинал с двух кофейничков крепкого кофе, омлета и бутербродов, затем плавно переходил к пиву. Он пил медленно, зато непрерывно целый день, постоянно сидел у стойки бара, заговаривал со всеми, кто заходил в пивную, знал все и обо всем в кице и время от времени писал портрет кого-нибудь из посетителей.

В полночь он всегда отправлялся домой. Держась прямо, твердой походкой и почти трезвый. Вернер давно уже стал составной частью «Футбольной встречи» — здесь, в этой пивной, его когда-нибудь хватит удар, он свалится с высокого стула у бара и отсюда его вынесут вперед ногами.

С тех пор как познакомился с Вернером, Альфред избегал появляться в «Футбольной встрече», хотя еще недавно довольно регулярно завтракал там или ел котлеты на обед. Он увидел желание и восторг в глазах Вернера, когда они однажды сидели за столом друг напротив друга. Вернер был в восторге от Альфреда, и Альфред знал, что Вернер очень хочет написать его портрет. А вот как раз этого Альфред хотел избежать.

Еще полчаса, и Милли откроет свою закусочную. У Милли можно было получить большую чашку горячего кофе с молоком, самые лучшие в городе жареные колбаски с соусом карри и бесплатный аспирин. До Нойкелльнского судоходного канала было уже недалеко, и он решил еще немного прогуляться, а затем позавтракать у Милли.

Дождь прекратился, сильный ветер гнал облака перед собой и время от времени прорывал дыру в плотном покрывале облаков. До канала оставалось всего лишь несколько метров. Узкая пешеходная дорожка проходила вдоль берега. Альфред повернул направо, в направлении Бритца. По утрам с восьми до десяти часов многие владельцы собак выгуливали здесь своих питомцев, но в это время тут почти никто не появлялся.

Тихие пешие прогулки возле канала в настоящее время были единственными моментами в его жизни, которыми он наслаждался по-настоящему. Он шел медленно, испытывая прекрасное чувство, когда ни о чем не думаешь. Время от времени мимо него проплывала грузовая баржа или целый караван на буксире, большинство из Польши или из России, вероятно, направляясь в Гамбург либо в Голландию и Францию. Каждый раз он приветственно поднимал руку, и капитаны прикладывали руку к фуражке, отвечая ему. Он уже несколько дней подумывал, не попытаться ли наняться на судно внутреннего плавания, но в большинстве случаев эти судна были семейными предприятиями и на них работали не больше трех человек. Капитан, его жена и машинист, чаще всего брат или зять капитана. У него, постороннего человека, там вряд ли был хотя бы один шанс. А кроме как драить палубу, он ничего не умел. Если бы он действительно всерьез захотел стать моряком и выходить в открытое море, то ему пришлось бы уехать в Гамбург и попытаться наняться там на какой-нибудь контейнерный корабль, чтобы наконец-то перебраться через «большой пруд».

Однако его удерживала мысль, что на протяжении многих недель он будет пленником корабля, без единого шанса как-то отделиться от других, сойти на берег или просто сбежать. Он не хотел, чтобы его снова засунули в тесное пространство с другими людьми, не хотел снова выносить их вонь и притворство. Это он уже проходил. И повторения этого он не хотел больше никогда в жизни.

В этот момент он услышал пронзительный детский крик, который тут же оборвался. Он резко остановился, словно его ударило током, и обернулся. На приличном расстоянии он увидел маленького светловолосого мальчика, на которого напали два подростка лет на пять-шесть старше него и угрожали ему ножом.

Альфред бросился к ним. Было 12 ноября 1986 года, одиннадцать двадцать утра.

Беньямин Вагнер сегодня с утра, с без четверти восемь, бесцельно болтался по городу. Его светлые волосы от сырости стали волнистыми, отдельные капли дождя скатывались по челке и щекотали ему нос. Кроссовки промокли насквозь. Станным образом они порвались с внутренней стороны, так что между подошвой и верхом можно было просунуть линейку. Что он часто и с удовольствием и делал в школе, когда ему было скучно, из-за чего обувь рвалась еще больше. А это была его единственная пара кроссовок. Ботинки, которые ему купил отец и которые каждое утро заставляла надевать в школу мать, он не любил, потому что они натирали пятки.

Между тем он жутко замерз. Хотя его куртка-анорак и не пропускала влагу, но дождевая вода затекла ему за шиворот, майка прилипла к телу и производила тот же эффект, что и холодный компресс со льдом на все тело. От холода у Беньямина зуб на зуб не попадал. Он знал, что сделал ошибку, не надев капюшон, но он ненавидел капюшоны. Они сужали поле зрения, а когда он поворачивал голову, капюшон съезжал вниз и вообще закрывал ему глаза. Кроме того, под импрегнированной материей капюшона было плохо слышно, а в городе это было опасно. Там всегда нужно быть начеку.

В школьном портфеле, который он с утра таскал с собой, лежали две классные работы, которые должны были подписать его родители. Работа по математике на «шестерку» и диктант на «пятерку»^[4].

Он не закончит пятый класс и попадет в приют. В этом он был убежден, потому что мальчик из его класса, который в прошлом году остался на второй год, попал в приют. А Беньямин в приют не хотел. Все, что угодно, только не в приют.

Вчера вечером он спрятался в своей комнате, включил вокмен, надел наушники и подошел к окну. «Папа, пожалуйста, приди домой. Пожалуйста, папочка, приди поскорее!» Время от времени он садился на постель и листал журнал «Браво», который ему дал почитать приятель Анди, и снова и снова перечитывал статью о поцелуях. Он едва мог поверить тому, что там было написано. То, что люди, когда любят друг друга, суют друг другу в рот языки, было невозможно даже представить. Но он не мог усидеть на месте больше пары минут. Он снова засовывал «Браво» под матрац, на тот случай, если вдруг зайдет мать, и подходил к окну, чтобы вознести к небу ту же короткую молитву:

«Пожалуйста, папочка, приди скорее! Пожалуйста, Боженька, сделай так, чтобы папа скорее вернулся домой!»

Но папа все не шел.

Его мать, Марианна, сидела в инвалидном кресле у окна и смотрела очередной вечерний сериал. Всего лишь три года назад она была молодой женщиной со спортивной фигурой, а потом однажды вечером просто упала в ванной, потому что у нее отнялись ноги. Онемение и постоянное покалывание в руках и ногах она не воспринимала всерьез и скрывала от мужа. Марианне Вагнер поставили диагноз «рассеянный склероз». Несмотря на физиотерапию и сильнодействующие лекарства, приступы болезни повторялись все чаще, пока инвалидное кресло не стало неизбежным, потому что дни, когда она могла нормально ходить и снова чувствовать свои ноги, бывали все реже и реже. Следствием всего этого стала депрессия. Марианна страдала оттого, что не могла больше быть полноценной матерью ребенку и полноценной женой мужу. Она много плакала и начала курить, хотя это только

ухудшило ее состояние.

Беньямин постоянно боялся расстроить мать. Он испытывал чувство вины, когда она начинала рыдать, и вообще не мог видеть, как его любимая мамочка плачет. Он знал, как она страдает оттого, что у него проблемы в школе, потому что она упрекала себя в том, что так получилось. Она ни в коем случае не должна узнать о неудовлетворительных оценках за классную работу: когда мать волновалась, у нее начинался приступ, после которого она чувствовала себя еще хуже, чем раньше.

В этот вечер она сидела перед телевизором и курила сигарету за сигаретой. По тому, как она гасила сигареты, Беньямин мог определить, как она себя чувствует. Ее руки дрожали, она была несобранной и нервной, глаза покраснели. Видно, она уже плакала, а сейчас нервничала, потому что мужа, Петера, снова не было дома.

Беньямин тупо смотрел в окно и гипнотизировал угол улицы с оранжевым домом, который покрасили лишь прошлым летом. Из-за угла этого дома выходил отец, возвращаясь с работы. Обычно он шел так быстро, что его легко можно было прозевать, если не смотреть не отрываясь на это место. Петер Вагнер работал на «Сименсе» у конвейера, и его рабочий день заканчивался в семнадцать часов. Затем он садился на Сименсдамм в метро, линия U7, и мог ехать до Карл-Маркс-штрассе или до станции метро «Нойкелльн». И то, и другое было на одинаковом расстоянии от многоквартирного дома в стиле шестидесятых годов, где они снимали жилье уже пять лет. Правда, это была ужасно длинная поездка в метро, целых двадцать остановок, но если поезд не уходил прямо из-под носа и все складывалось нормально, то Петер успевал домой еще до шести. Однако в последнее время он довольно часто заходил пропустить по рюмочке вместе со своим коллегой Эвальдом, который жил на Геррманнштрассе. Тогда Эвальд вместе с ним выходил на станции «Нойкелльн», чтобы не делать пересадку, а потом пешком преодолевал чуть-чуть большее расстояние до дома.

Для Марианны этот Эвальд был как бельмо на глазу. Она злилась из-за каждого вечера, который муж проводил в пивной, пропивая деньги, которых и так не хватало. Кроме того, она расстраивалась из-за каждого вечера, который не могла провести с мужем, потому что понимала, что ей осталось не так уж много, — она уже не верила, что доживет до совершеннолетия Беньямина.

При этом Петер никогда не был агрессивным, даже когда приходил домой абсолютно пьяным. Он брел, держась за стенки и улыбаясь, как дурачок, словно смеялся над собой и своей шаткой походкой, концентрировался на спальне, падал на постель и засыпал мертвым сном. Он ничего не говорил, не отвечал на вопросы, не поддавался на провокации, только отрицательно мотал головой. Его ничего не трогало. Ни одна из мировых проблем, какой бы великой она ни была.

Беньямин вечерами часто лежал, прислушиваясь к разговорам родителей. Они даже не старались говорить тише, поскольку думали, что Беньямин крепко спит. Он слышал, как отец защищает его перед матерью, заявляя, что для подростков плохие оценки — обычное явление, что это просто трудный возрастной период, который закончится через год-другой. Мать сомневалась в этом, да и сам Беньямин не очень-то верил в то, что говорил отец, потому что даже сам был обеспокоен: учительница сказала, что только чудо может спасти его от того, чтобы не остаться на второй год.

«Если ты не усвоишь правописание, — говорила учительница, фрау Блау, — то провалишься и по всем остальным предметам, потому что автоматически будешь получать на балл ниже. Приходится догадываться, что ты написал, что ты имел в виду и как это

вообще должно называться. Читай книги, и ты увидишь, как пишутся слова».

Беньямин ничего не понимал в правописании. Почему слово «Bohne» пишется через «h»? «Потому что «о» произносится как долгий звук», — говорила фрау Блау. Но «о» в слове «Kanone» тоже произносится долго, а «Kanone» все-таки пишется без «h». Этого не могла объяснить ему даже фрау Блау. И в диктанте Беньямин путал все. Как пишется «Wal» — через «h», или с двумя «а», или просто с одним «а»? А как обстоят дела со словами «Saal», «Pfahl» и «Qual»?

Беньямин слишком долго думал, терялся, путался все больше и больше и делал из-за этого кучу совсем уж глупых ошибок. И каждый раз получал «неудовлетворительно». Это было выше его сил. Все это просто не вмещалось в его голове.

Работу по математике он завалил, потому что не знал таблицу умножения. Понятно, это была его вина, но цифры тоже не лезли ему в голову. Он просто не мог запомнить, что два умножить на семнадцать будет тридцать четыре, а семью восемь — пятьдесят шесть. Ни одно число не имело для него никакого значения, через три секунды он все снова забывал.

Беньямин твердо решил показать неудачные работы отцу и объяснить ему все. Понятно, он тоже расстроится, как и мать, но, конечно, поймет его, по крайней мере не будет плакать. У него будет бесконечно печальный взгляд, но работы он подпишет. И, наверное, скажет эту ужасную фразу, которая всегда пугала Беньямина до смерти: «Надо что-то решать, сынок».

Около восьми вечера он перестал смотреть в окно. Надежды, что отец вернется домой трезвым и они успеют поговорить, становилось все меньше. Он пошел в гостиную, сел около матери и стал вместе с ней смотреть новости. Мать всегда радовалась, когда он интересовался новостями.

Он сидел тихо-тихо. Время от времени он смотрел на мать и улыбался ей. Когда новости закончились, Беньямин сказал:

— Папа, конечно, скоро придет. Не волнуйся.

Марианна храбро кивнула и погладила Беньямина по руке:

— Как насчет бутерброда с ливерной колбасой?

Беньямин засиял:

— Ой, я сейчас приготовлю!

И помчался в кухню.

Когда он вернулся в гостиную с двумя бутербродами с ливерной колбасой и двумя стаканами молока, мать уже уснула. Но когда он попытался тихонько поставить на столик возле кушетки маленький поднос, на котором был изображен освещенный солнцем горный пейзаж, Марианна проснулась и обняла его.

— Ты мой большой мальчик, — прошептала она. — Если бы ты знал, как я тебя люблю!

— Я тебя тоже, мама, — прошептал в ответ Беньямин, — я тебя тоже.

В этот момент он почувствовал себя бесконечно счастливым и крепко обнял мать. Вместе с тем на душе у него было очень горько, хоть плачь. Ему так хотелось раскрыть перед ней душу, но он не решился.

В девять часов мать отослала его спать. Беньямин ушел в свою комнату, не протестуя. Но заснуть он не мог. Он то и дело вскакивал с постели и смотрел на улицу. Время от времени из-за угла появлялись люди, но отца не было среди них. К одиннадцати у Беньямина просто не осталось сил бодрствовать дальше. Он решил на следующий день прогулять школу, чтобы выиграть немного времени, ведь фрау Блау, конечно же, спросит, где подписи родителей. После этого он, усталый, заснул, держа в руке плюшевого

медвежонка.

Когда Бенъямин, как всегда, в семь пятнадцать зашел в кухню, мать как раз готовила ему бутерброды в школу. Она была бледной и усталой. Ее длинные волосы не были расчесаны и падали на плечи, она не заколола их, тем не менее Бенъямину она казалась прекрасной.

— Папа Дома? — спросил Бенъямин.

— Да.

— А когда он пришел?

— В три. Какао хочешь?

Бенъямин кивнул.

— А сейчас ты рада? — спросил он мать.

— У меня легче на душе. Конечно.

Бенъямин расслабился. Значит, все в порядке. Сегодня после обеда он поговорит с отцом.

— Он сегодня пойдет на работу?

— Нет, — сказала Марианна, — у него выходной, и он проспится. А сейчас поторопись, уже почти половина восьмого.

Бенъямин не спешил. Он знал, что не может опоздать, потому что вообще не пойдет в школу, но этого нельзя было показывать. Поэтому он, как обычно, проглотил бутерброд с повидлом и запил его какао. Потом он взял портфель, в который на всякий случай уложил «Браво» и обе тетрадки для классных работ, завернул школьные бутерброды, чмокнул мать на прощание в щеку, на ходу сдернул куртку с вешалки в коридоре и помчался вниз по лестнице.

Марианна Вагнер поднялась с инвалидного кресла и встала у окна. Ноги позволяли ей какое-то время постоять, и она наслаждалась этим моментом. «У меня прекрасный сын, — думала она, — а проблемы со школой мы решим. Вместе мы с этим справимся».

Она увидела, как он вышел из дому и не сколько пошел, сколько вприпрыжку побежал по улице. «Это не ребенок, а подарок, — сказала она себе, — тем более что у меня уже не будет другого».

У нее стало совсем легко на душе, и она помахала ему вслед рукой, хотя он, конечно, не мог этого видеть. Потом она подумала, есть ли в доме все необходимое, чтобы приготовить сыну его любимое блюдо. Мясной рулет и много коричневого соуса. И с крученой лапшой.

Небольшой пакетик с фаршем нашелся в морозильной камере над холодильником, яйца тоже были, а сухие булочки и панировочные сухари у нее всегда хранились про запас в кухонном шкафу. То, что она в состоянии претворить свою идею в жизнь, вызвало чувство эйфории. Впервые за долгое время она радовалась предстоящему совместному обеду, потому что Петер тоже будет в нем участвовать. Она медленно начала убирать в кухне, концентрируясь на каждом шаге и на каждом движении руки. Но и это удавалось ей сегодня легче, чем обычно.

Затем она налила себе чашку свежего горячего кофе, снова села в инвалидное кресло и включила радио. «Morning has broken», — пел Кэт Стивенс. Это была песня ее молодости, и она принялась тихонько подпевать. Дождь на улице усилился.

До универмага «Карштадт» было уже недалеко. Бенъямин ускорил шаг. Такой школьный день тянется ужасно долго, если не знаешь, чем заняться и куда деться. У его приятеля Анди была, по крайней мере, бабушка, к которой он мог прийти в любое время. Анди два раза просидел у нее по полдня, когда прогуливал школу, чтобы не писать работу по биологии и по английскому языку. У бабушки Анди всегда были кексы, и она часами могла играть в карты — в «мяу-мяу», «дурачка» или в настольную игру «не горячись». Анди был в полном восторге от своей бабушки. Она даже один раз разрешила ему выкурить сигарету, но главное дала святое честное слово, что ничего не скажет родителям Анди. Такая бабушка — настоящее золото. И прежде всего при такой погоде. Бенъямин решил спросить у Анди, можно ли ему в следующий раз тоже пойти к его бабушке.

Дедушка Беньямина, отец его матери, умер уже несколько лет назад, и бабушка теперь жила одна, с таксой и парой куриц, в маленьком доме в Любарсе на окраине Берлина. Слишком далеко, чтобы провести там полдня. Родители его отца жили около Мюнхена. Бенъямин уже два раза проводил там летние каникулы. Может, предложить Анди обмен: чтобы Анди на летние каникулы поехал вместе с ним к его бабушке и бабушке в Баварию, а Анди взамен занял бы ему бабушку в Берлине? Какая-никакая, а все же возможность.

Теплый воздух из универмага, подгоняемый вентилятором на входе, устремился навстречу Беньямину и принес ему неизъяснимое удовольствие. Бенъямин остановился на входе и распахнул анорак, надеясь, что теплый воздух высушит и его рубашку, прилипшую к спине, но из этого ничего не вышло. Она осталась мокрой и холодной. Так что пришлось зайти в магазин. Он прошел через галантерейный и чулочный отдел, миновал прилавки с дешевыми модными украшениями и добрался до эскалатора за отделом аптекарских и косметических товаров. Он поехал на четвертый этаж, потому что знал: там находятся туалеты.

Ему повезло. В мужском туалете никого не было. В это время в универмаге было мало посетителей, он открылся всего лишь полчаса назад. Бенъямин поспешно стянул куртку, пуловер и футболку, потом снова натянул пуловер, потому что страшно стеснялся оставаться до пояса голым, и подставил футболку под электрическую сушилку для рук. Пришлось раз десять запустить сушилку, прежде чем футболка наконец высохла. Он с облегчением оделся и в теплой, сухой одежде наконец-то снова почувствовал себя хорошо.

В этот момент в туалет зашел толстый пожилой мужчина с жидкими, зачесанными с затылка на лоб волосами, слепо моргавший, словно его ослепил свет, хотя здесь вообще-то было не особенно светло. Он смерил Беньямина сердитым взглядом, однако ничего не сказал и исчез в одной из кабинок. Бенъямин услышал, что мужчина закрыл дверь кабинки на засов, и сунул под сушилку мокрую голову. Однако горячий воздух дул ему только в затылок, так что пришлось оставить эту затею. Бенъямин снова надел анорак, взял портфель и отправился в отдел игрушек.

— Слушай, парень, ты играешь уже целый час. По-моему, хватит, — заявил молодой продавец — обладатель прически, как у Элвиса Пресли, и непередаваемого берлинского диалекта. — Здесь не детский сад. У тебя что, сегодня нет занятий в школе?

— Наша учительница заболела, — заикаясь, пробормотал Бенъямин и с неохотой

положил на место пульт дистанционного управления автогонками. — Ладно, сейчас уйду.

— Вот и хорошо, — ухмыльнулся продавец и убрал машинки с игрушечного автодрома.

Беньямин собрал свои вещи. Было уже одиннадцать. У него оставалось больше двух часов свободного времени, и он думал, чем бы заняться. «Карштадта» с него пока что достаточно, и, может быть, дождь уже прекратился, тогда можно будет пойти к каналу покормить диких уток. К двум своим школьным бутербродам он пока еще не притрагивался. Значит, один — себе, а другой — уткам. Это будет справедливо. Бедным птицам при такой погоде трудно найти себе что-нибудь поесть.

Прошлой весной срубили деревья на берегу канала, потому что они вот-вот могли упасть в воду и помешать движению судов. Муниципальное управление по озеленению города распорядилось аккуратно распилить стволы и сложить их в штабель, чтобы лучше было вывозить. Тем не менее несколько колод скатились вниз или просто остались в стороне.

На одной из колод сидел Беньямин, а перед ним, всего в двух метрах, плавала целая стая уток. Определенно штук двадцать-тридцать. Они появились быстро как молния, будто возникли из ниоткуда, как только Беньямин бросил кусочек хлеба единственной, степенно плававшей перед ним паре уток.

Пока он скормил им один бутерброд, снова начался дождь. Беньямин надел капюшон на голову, потому что не хотел, чтобы футболка еще раз намочила, и начал кормить уток уже вторым бутербродом — тем, которым, собственно, собирался пообедать сам. Утки становились все доверчивее и подплывали все ближе. Некоторые уже начали брать крошки прямо у него из рук, ведь тогда не нужно было драться с другими за каждый кусочек хлеба.

Беньямин, сколько себя помнил, всегда мечтал о домашнем животном, но так его и не получил. Его мать боялась работы, грязи и болезней, которые могут передаваться через них. Правда, отец обещал ему котенка, если он не останется в пятом классе на второй год, но ничего из этого, наверное, не получится. Котенка можно выкинуть из головы.

Беньямин так увлекся кормлением уток и был в таком восторге, что их приплывало все больше и больше, что не заметил двух парней, которые тихо подошли сзади. Вдобавок ему почти ничего не было видно и слышно под капюшоном.

Парни смахивали на скинхедов. У них были бритые головы и кожаные куртки. У того, что пониже, на голове была вытатуирована молния. Из-за обритых голов трудно было определить возраст парней. Им могло быть лет шестнадцать-семнадцать, а может, и больше. Беньямин понял, что произошло, лишь когда кто-то схватил его за анорак и рывком поставил на ноги. Он увидел прямо перед собой два лица, которые показались ему уродливыми рожами, и закричал. Утки бросились в стороны. Вдруг раздался короткий резкий щелчок ножа с выбрасывающимся лезвием, и парень повыше приставил его к горлу Беньямина.

— Заткнись! — прошипел он.

Беньямин умолк.

Тот, что с молнией, стянул с мальчика анорак, пока второй держал его.

— Где деньги? — спросил он.

— У меня нет, — пролепетал Беньямин. — Честно, нет. Я всегда хожу в школу без денег. Чтобы не украли.

— Говно!

Тот, что поменьше, схватил портфель Беньямина, вытряхнул его и перерыл содержимое.

Кошелек там не было.

— Говно!

И парень повыше ростом ударил Бенъямина в живот.

— Покажи карманы штанов, — рявкнул он. — Ты, трусливая свинья, где-то спрятал свое сраное бабло!

Бенъямин скорчился от боли. У него перехватило дыхание, и несколько секунд он даже думал, что задохнется. Он хватал воздух как рыба, выброшенная на берег, а когда смог дышать, то вывернул карманы штанов. Кроме семидесяти пфеннигов и фигурки из шоколадного яйца-сюрприза, в них ничего не было.

— У меня и правда больше ничего нет, — прошептал Бенъямин.

От злости парень покрупнее нанес Бенъямину боковой удар в челюсть. Он отлетел метра на два и упал в грязь, прижав руку к подбородку, который ужасно болел. Отморозок с молнией на голове выхватил у второго нож с выбрасывающимся лезвием, уселся на Бенъямина верхом и приставил нож ему к горлу.

— Это чертовски опасно — выходить из дому без бабок! — заорал большой. — А мы так ва-а-ще такого не любим!

— А также чертовски опасно нападать на маленьких детей, — низкий и явно злой мужской голос раздался так внезапно, что оба скинхеда вздрогнули. — Дело в том, что я сам такого не люблю!

Тот, что поменьше, сразу же вскочил и спрятал нож за спину.

Перед ними стоял Альфред с пистолетом в руке, держа обоих скинов на прицеле.

— Иди ко мне, — сказал Альфред Бенъямину. — А вы, засранцы, не двигайтесь с места, а то я в момент снесу ваши идиотские головы!

Бенъямин робко осмотрелся по сторонам, шмыгнул к Альфреду и встал около него.

— А сейчас пошли вон, быстро! И чтоб я вас здесь больше не видел! Считаю до трех, и чтоб вас тут не было! Раз-два-три!

И на счет «три» он выстрелил из газового пистолета прямо им в лицо. Парень с молнией громко завыл и рванул прочь, словно за ним гнался сам черт. Тот, что покрупнее, хватал ртом воздух, пытаясь открыть глаза, которые нестерпимо жгло, и сжимал кулаки.

— Закрой глаза! — приказал Альфред Бенъямину и выстрелил еще раз. Большой парень заорал и свалился на землю. Он тер глаза, чтобы унять нестерпимое жжение, и с ревом катался по траве, пытаясь уменьшить боль.

— Идем, — сказал Альфред.

Он сунул пистолет в карман и бросился бежать, прихватив с собой Бенъямина, который еле успел схватить анорак. Примерно метров через сто, за поворотом, Альфред остановился.

— Оденься, а то простудишься.

Бенъямин лязгал зубами от холода. Он быстро, как только мог, натянул на себя куртку.

— Мой портфель... — заикаясь, сказал он.

— Мы заберем его потом, когда эти сволочи уйдут. Сначала тебе нужно в тепло, чтобы не простудиться. И еще тебе нужен горячий шоколад и много-много сливок. Ты такое любишь?

Бенъямин и представить себе не мог ничего лучшего.

Альфред бежал дальше, Бенъямин держался рядом с ним.

У Альфреда мысли путались в голове, а сердце билось так, что готово было выпрыгнуть из груди. Он даже не замечал, что не идет, а бежит. Он видел только маленького мальчика

рядом с собой, чувствовал его близость буквально всем телом и не знал, кричать ли от радости или это начинается новый кошмар. С того, последнего раза в Ханенмооре вблизи Брауншвейга прошло три с половиной года, и за все это время он ничего такого себе не позволял. Маленького Даниэля он держал в строительном вагончике три дня на протяжении пасхальных праздников, прежде чем умертвить. Никто не вышел на его след, и преступление осталось нераскрытым. Сразу же после этого он оборвал все контакты, переселился в Берлин и начал абсолютно новую жизнь. Каждый день он работал над собой и страдал, как свинья. Он чувствовал себя, словно алкоголик, который круглосуточно сидит перед бутылкой с виски и пытается бороться с искушением. Он держался подальше от школ, детских садов и детских площадок, на лето закрылся в своей квартире, хотя полмира проводило дни и вечера в парке, а дети шалили на лужайке, пока родители жарили сосиски на гриле. Он избегал озер, где купались люди, и открытых бассейнов. При этом он почти сходил с ума.

Но он чертовски гордился собой. Когда наступила осень и похолодало, стало легче. Дети больше не играли на улице, парки опустели. Он твердо решил держаться сколько потребуется, пока не пройдет это влечение. Каждую зависимость можно перебороть силой воли. Каждую. И он тренировался непрерывно. Иногда на несколько недель отказывался от пива. Затем — от своего любимого утреннего кофе. Потом некоторое время он заставлял себя есть хлеб без масла, что давалось с очень большим трудом. После обеда на него часто нападало нестерпимое желание съесть что-нибудь сладкое. В большинстве случаев он разрешал себе крендель с мясли, или кусок пирожного, или половину плитки шоколада. И от этого он на некоторое время отказался. Он пытался поломать любую привычку, отказываясь от того, что любил.

Когда он заметил, что привык каждый день после обеда засыпать на час, то заставил себя бодрствовать. Каждую закономерность следовало победить. И ему это удалось. Он был человеком с сильной волей. И этой своей чертой он восхищался. Его самосознание было стабильным, пока он не проявлял слабость и не брался за старое.

А сейчас этот чужой маленький мальчик бежал рядом с ним. Совершенно случайно, совершенно добровольно. Его не нужно было заманивать, уговаривать или усыплять, он просто был здесь и просто бежал вместе с ним. Альфреда даже бросило в пот. Он был на пути в дачный поселок, застроенный легкими летними домиками. Зимой домики пустовали. Сейчас там не было ни души.

Его ноги двигались автоматически. У него не было сил сопротивляться.

Сейчас они бежали медленнее. Да и причины торопиться уже не было, скинхеды давно скрылись. Беньямин украдкой посмотрел на мужчину рядом. Он определенно был немного старше, чем папа, и сильнее. И стройнее. Из-за монотонной и малоподвижной работы у конвейера отец располнел и отпустил животик.

Беньямин подумал, что у мужчины странные глаза: он смотрел прямо перед собой, и взгляд у него был какой-то застывший. Хотя вокруг не было ничего особенного, на что можно было бы смотреть. Но он смотрел так, как будто ему предстояло сделать что-то очень сложное, например посадить самолет в тумане, и ему страшно.

Мужчина был очень приятным, в этом Беньямин не сомневался. Хотя ему и было жутковато, что он носит с собой пистолет. Но через секунду Беньямин подумал, что и это тоже здорово. Как в Америке. Как на Диком Западе. Никто никому ничего не может сделать. Можно в любой момент защитить себя. Или спасти другого. Как он спас Беньямина.

— Ты почему не в школе? — неожиданно спросил Альфред.

— Да так просто... — Беньямину вдруг стало стыдно.

— Как? Просто так? Сбежал с занятий?

Беньямин молча кивнул.

— Почему? Боишься контрольной работы?

Беньямин покачал головой и уставился в землю.

— Не-е, я завалил немецкий и математику.

— Ну ладно. Ты завалил две работы. Но это уже в прошлом. А почему же ты сегодня не в школе?

— У меня нет подписи родителей.

— Это не проблема. Не волнуйся, мы все уладим.

Беньямин промолчал. У него, правда, не было ни малейшего представления, как это должно получиться, но он не хотел задавать слишком много вопросов.

Альфред и Беньямин добрались до моста Тойпицер Брюкке. Беньямин остановился.

— Я должен забрать портфель. Эти типы уже точно убежали.

Он хотел повернуться и убежать, но Альфред держал его за руку железной хваткой.

— Момент!

Беньямин вздрогнул от страха.

— Твой портфель мы заберем позже, о'кей? Никто его не украдет. Кроме того он лежит в кустах на берегу и его никто не увидит, потому что при такой собачьей погоде там никто не ходит. — Альфред почувствовал, как его бросило в жар. Сейчас нельзя было допустить ни малейшей ошибки. — В твоих тетрадях уже есть подписи родителей? Например, под прошлыми работами?

Беньямин испуганно кивнул. Ему казалось, что его рука попала в тиски.

— Хорошо. Тогда я подпишусь вместо твоих родителей. Я это умею. Я могу подделать любую подпись. Никто ничего не заметит.

На какое-то время это произвело на Беньямина нужное впечатление.

— Идем, — сказал Альфред.

Он свернул налево и увлек Беньямина за собой. За путями городской электрички начинались дачные участки. Колония «Рюбецаль», колония «Штадтбэр», колония «Килер Грунд», колония «Георгина», колония «Зоргенфрай» и другие.

Ему придется с ходу найти подходящий летний домик. Не слишком запущенный, и чтобы открыть его было нетрудно, и чтобы подальше от дороги. Необходимо принимать решения быстро и не раздумывая. Мальчик ни в коем случае не должен потерять доверие к нему.

— Думаю, мне лучше пойти домой, — сказал Беньямин. — Большое спасибо. Это было очень здорово с вашей стороны.

Он попытался освободиться, но Альфред не отпускал его.

— Это нечестно, — сказал он. — Я помогаю тебе избавиться от больших парней, которые собирались побить тебя и отнять вещи... а ты даже не хочешь выпить со мной какао. Я так одинок. Я был бы рад, если бы у меня появилась компания.

Беньямина начали мучать угрызения совести.

— А где вы живете?

— Очень далеко отсюда, на севере. В Хайлигензее. Там у меня красивый большой дом и две собаки.

— Какие собаки? — В нем моментально проснулся интерес.

— Далматинцы. Сука и кобель. Очень милые. Их зовут Пюнктхен и Антон^[5].

— Вот здорово! — Беньямин улыбнулся и представил, как две черно-белые пятнистые собаки спят у него на кровати.

— Зато у моей тетки есть летний домик. Он здесь неподалеку, — продолжал Альфред. — Мне каждый день приходится приезжать сюда и кормить морских свинок, потому что она лежит в больнице. Я подумал: может, тебе захочется немного помочь мне? И ты обязательно должен согреться. Это совсем близко.

Беньямин лихорадочно соображал. Казалось, мысли мелькают в голове настолько быстро, что он никак не мог ухватить их и отсортировать. Он слышал голос матери, которая десятки раз твердила ему: «Не ходи ни с кем и никуда, слышишь? Кто бы и что бы тебе ни обещал — животных, сладости, игрушки... Да что угодно... Это всегда ложь! Не позволяй втянуть себя в разговор, просто убегай. Тебе ясно?»

Тогда он кивал, соглашаясь. Конечно. Другие дети, может, и пойдут с незнакомыми людьми, но он — нет. Никогда! Он же не дурак! Он не даст заманить себя, так что пусть родители не волнуются.

И отец сколько раз повторял: «Никогда не соглашайся показать дорогу, если тебя попросит об этом незнакомый человек. И ни в каком случае не садись в машину к незнакомым людям! Не заходи в чужую квартиру! Не верь ничему, что тебе будут говорить. И прежде всего не верь, если кто-то станет говорить, что это мы послали его к тебе. Или если кто-то скажет, что с мамой или со мной что-то случилось и ты должен немедленно сесть в машину и поехать с этим человеком в больницу. Не верь никому! Ты даже представить себе не можешь, сколько хитростей в запасе у плохих мужчин».

И это он тоже вспомнил. Он был абсолютно уверен, что разберется в любой ситуации. Но ему всегда казалось, что удрать будет очень просто, а сейчас это было дьявольски трудно.

«Этот человек не заговаривал со мной, — думал Беньямин. — Он помог мне, когда я был в очень скверной ситуации. Он не занимался поиском маленьких детей, чтобы увезти их куда-то. Он совершенно случайно оказался рядом, когда я нуждался в помощи. Значит, он определенно не один из тех, кого имели в виду мама и папа».

Беньямин мог понять, что мужчина чувствовал себя одиноким и в качестве ответной услуги за свою помощь всего лишь хотел, чтобы ему составили компанию и помогли кормить морских свинок. Наверное, само по себе это ужасно скучно.

Только на прошлой неделе на уроке религии фрау Блау рассказывала, что очень многие старые люди чувствуют себя ужасно одинокими. Тем, кто находится в доме престарелых, чуть полегче — они, по крайней мере, могут поиграть с другими в канасту и «мяу-мяу», но очень много стариков живут в своих квартирах и у них никого нет. Ни детей, ни родственников, ни друзей. Никто не знает, что они где-то живут. Именно в Нойкелльне очень много таких, у кого нет даже канарейки, есть только телевизор, и денег не хватает даже на еду.

Беньямину было ужасно жалко всех старых людей, которые жили в одиночестве, хотя он считал, что лучше все же иметь телевизор, чем канарейку. Но он полагал, что человек становится одиноким только в старости. А этот мужчина совсем не старый, однако ужасно одинокий! И это, как думал Беньямин, еще хуже.

Что же делать? Боже, у него было не так уж много времени: мужчина держал его за руку и тащил дальше. Может, вырваться и убежать? А если мужчина окажется проворнее? Он

выглядел более спортивным, чем отец, и, если уж на то пошло, мог бегать быстрее Беньямина. На последнем летнем празднике в Хазенхайде Беньямин бежал с отцом наперегонки, и отец выиграл. И маме пришлось купить им всем по порции сахарной ваты, потому что она проиграла пари: мама спорила, что выиграет Беньямин.

«Да, я убегу, — сказал себе Беньямин. — Я попробую там, впереди. На следующем повороте я убегу. Побегу так быстро, как только смогу. Мужчина не будет гнаться за мной. Он только расстроится, даже разозлится, но мне все равно. Я все равно больше никогда его не встречу, потому что он живет не здесь, а очень далеко, в Хайлигензее». Мальчик пнул ногой камешек, и тот укатился далеко вперед. Беньямину захотелось побежать за камешком и пнуть его еще раз, но незнакомец по-прежнему крепко держал его за руку.

«Папа точно рассердится, если я пойду с этим мужчиной в домик, — пронеслось у Беньямина в голове. — И рассердится больше, чем из-за пятерки и шестерки. Да, надс удирать. Еще десять метров, и я побегу направо. Ничего не говоря. Внезапно».

— Ты действительно очень хороший мальчик, — сказал вдруг мужчина и улыбнулся. — Я помог тебе, а сейчас ты поможешь мне. Я считаю, что это правильно. Думаю, мы должны стать друзьями. Ты согласен?

Сердце Беньямина дрогнуло. Нет, сейчас он не мог убежать. Это было бы просто подло. Незнакомец был таким хорошим, и он доверял ему. Нельзя его разочаровывать. Сейчас они попьют какао, покормят морских свинок, это будет недолго. Времени у него достаточно. В любом случае, домой он придет вовремя и ничего не станет рассказывать родителям, чтобы отец не подумал, что он глупый и невоспитанный, потому что не послушался его.

Беньямин посмотрел на ручные часы, которые ему подарила на Рождество бабушка из Баварии. Они были очень простыми, неприметными и не нравились Беньямину. Конечно, поэтому эти типы на них и не позарились. Беньямин считал, что его часы — почти девчачьи. Он хотел бы иметь настоящий хронометр. С секундной стрелкой, секундомером, датой, будильником и всемирными часами. И, конечно, чтобы он был водонепроницаемым. Вот о каких часах он мечтал! Но, видно, придется еще долго ждать, пока они у него появятся.

Было пять минут первого. Обычно в этот день было шесть уроков, и мама будет ждать его около двух часов.

«У меня еще есть время, — подумал Беньямин, — почему бы не сделать одолжение приятному человеку?»

— Боже мой, ну ты и постаралась! — сказал Петер, заходя в кухню. — Мясной рулет, соус, лапша, лук-порей с овощами! С ума сойти! Ты сегодня так хорошо себя чувствуешь? — Он поцеловал жену в макушку.

— Я всегда хорошо себя чувствую, когда ты дома.

Петер вполне оценил намек.

— Ну-ну, не заставляй меня испытывать муки совести. Разреши мне хотя бы такие мелочи.

— Иногда — да. О'кей. Но не постоянно. Не трижды в неделю, а то и чаще. Ты хотя бы раз подумал, во что обходится твоя пьянка?

Петер задумался. Через время он сказал:

— Хорошо. Раз в неделю. Но я не позволю отнять у меня этот единственный раз. Согласна?

Марианна подарила Петеру свою очаровательную улыбку.

— Согласна.

— Зачем ты задала себе столько работы с приготовлением ужина? Мы сегодня что-то празднуем?

— Нет, но утром мне показалось, что Бенни какой-то грустный. Или невеселый. Может быть, он просто устал. В общем, я подумала, что он обрадуется своему любимому блюду. Мы уже целую вечность не ели мясной рулет!

— Скажи честно, сколько часов ты над ним трудилась?

Марианна смахнула с потного лба прядь волос.

— Да ладно, ничего страшного.

Конечно, ей было очень тяжело. Все время до обеда она провела в кухне. Любое движение руки — это проблема. К тому же все у нее получалось намного медленнее, чем у здоровых людей. Каждый маленький шаг стоил больших усилий, каждое движение надо было тщательно продумывать. И постоянно приходилось делать перерывы с отдыхом на стуле или в инвалидном кресле. Только для того чтобы сделать фарш, ей понадобилось целых сорок пять минут. Раньше она справлялась с этим за десять минут. Но Петеру незачем это знать. Она не любила говорить о своей болезни, потому что тогда чувствовала себя еще слабее. Она надеялась, что Петер, может быть, время от времени будет даже забывать об этих проблемах. Что он снова увидит ее такой, какой она была раньше, когда они только познакомились. И когда она еще была здоровой, а Бенни — совсем маленьким.

Марианна устало опустилась на кухонный стул и зажгла сигарету. Петер достал пиво из холодильника и подсел к ней. Мясной рулет она поставила разогреваться в духовку на самую низкую температуру, готовая вермишель томилась под полотенцем. Лук-порей с овощами был самым простым блюдом, и его в любой момент можно было быстренько разогреть.

Марианна посмотрела на часы.

— Где же его носит? Уже пять минут третьего! Обычно он дома без четверти два.

— А он знает, что ты готовила специально для него?

Марианна отрицательно покачала головой.

— Ну, значит, где-то гуляет. Он же думает, что мы будем есть только вечером.

Петер открыл бутылку пива и одним глотком осушил ее наполовину. У него вырвался

глубокий вздох блаженства.

— Что, опять появился вкус? — укоризненно спросила Марианна.

— Скажем так, мне стало лучше, — усмехнулся Петер и открыл газету. — Есть что-нибудь новое?

— Без понятия, я еще не читала.

Марианна молча курила, и с каждой новой сигаретой ее беспокойство усиливалось.

В половине третьего она позвонила Анди. Он сразу же подошел к телефону.

— Алло, Анди, это мама Бенни. Скажи, ты не знаешь, где он? Дело в том, что его еще нет дома.

Анди перепугался. Бенни сегодня вообще не было в школе. Значит, он прогулял, а мать об этом даже не подозревает. Нельзя выдавать его ни в коем случае.

— Я не знаю, где он, — сказал Анди. — Мы пошли домой. Как всегда.

— Когда точно? Во сколько?

— Ну... в половине второго занятия закончились... а потом мы сразу пошли домой.

Погода сегодня дерьмовая.

— Вы не заглядывали на минутку к Милли?

— Не-е, сегодня нет.

— Бенни не планировал ничего особенного? Он тебе что-нибудь говорил?

— Не-е. Ничего. Да нам по немецкому задали много. Сочинение писать. Не меньше трех страниц. Настоящее свинство!

— О'кей, Анди. Спасибо и на этом. Пока. — Она положила трубку.

Петер в ожидании стоял возле двери.

— Ты же знаешь, они всегда вдвоем идут по Зонненаллее. Потом Анди сворачивает на Фульдаштрассе, а Бенни дальше идет один. Но оттуда всего-то минут десять. Может, и того меньше.

Она посмотрела на часы.

— Сейчас без двадцати три. Он опаздывает уже на час!

— Наверное, шляется где-то.

Петер был в недоумении, но постарался успокоить жену самым, как ему казалось, безобидным объяснением. Однако его слова только вывели Марианну из себя, потому что она подумала, что он не воспринимает происходящее всерьез.

— Ты хоть посмотрел на улицу? Снег идет! Мерзкий мокрый снег с дождем. Бенни не взял с собой ни шапки, ни шарфа, ни перчаток. Я проверила. Все лежит в коридоре. Ты что думаешь, ему нравится шататься по улице в такую погоду? Да еще в одиночку? Анди-то уже дома!

— Я же этого не знал. А ты как думаешь, где он?

— Я вообще ничего не думаю.

На щеках у Марианны появились красные пятна, которые выглядели на бледном лице неестественно, словно нарисованные.

«Господи, только бы у нее не начался приступ!» — испугался Петер.

— Что я должна думать? — жалобно, тонким голосом спросила она. Когда Марианна нервничала, голос у нее срывался и становился похожим на голос маленькой девочки. — Я же не ясновидящая! Но я боюсь, Петер, у меня дурное предчувствие! Ты можешь хоть что-нибудь сделать?

— О'кей, — сказал Петер и глубоко вздохнул. Он разрывался между злостью и беспокойством. — Пойду посмотрю, может, найду его. А ты позвони классной руководительнице и спроси, не случилось ли сегодня чего-нибудь... чего-нибудь такого, о чем Анди не решился тебе сказать.

— Ты имеешь в виду, что Бенни боится возвращаться домой? — Марианна энергично замотала головой. — Мы же ему ничего не сделаем! Это чушь, Петер! Мы же никогда не закатывали скандалов!

— Да откуда я знаю? — повысил голос Петер. — Мы с тобой не имеем ни малейшего понятия о том, что происходит у него в голове! — Он допил пиво. — И все равно позвони фрау Блау. В любом случае, хуже не будет.

Марианна молча кивнула и взяла сигарету. Руки дрожали так, что ей понадобилось время, чтобы зажечь ее. Петер вышел из квартиры. Рулет в духовке постепенно превращался в сухую корку.

Альфред сразу увидел, что это то, что надо. Простой деревянный домик, один из немногих, окрашенных не в белый, голубой или зеленый цвет, кроме того окна у него не были закрыты ставнями. Лак, которым было покрыто дерево, от времени приобрел серый оттенок и отставал клочьями. Тем не менее дом даже сейчас, в ноябре, излучал какое-то тепло. Сад выглядел ухоженным и был должным образом подготовлен к зиме. Растения, чувствительные к морозу, были высажены в горшки и стояли вдоль задней стенки домика под защитой выступа стены. Голливудские качели были закутаны в некрасивую зеленую, зато устойчивую к непогоде пластиковую пленку. Альфред был твердо уверен, что домик чистый и ухоженный и что он найдет в нем все, что ему понадобится.

На высокой деревянной калитке, над которой летом виднелись вьющиеся розы, была табличка «Близе».

— Это ваша фамилия? — спросил Бенъямин, и Альфред утвердительно кивнул. Это было самым простым.

Калитка была закрыта. Альфред демонстративно порылся в карманах. Бенъямин терпеливо ждал.

— Вот идиотство! — проворчал Альфред. — Я забыл ключи.

— А морские свинки? — сразу же спросил Бенъямин. — Теперь они останутся голодными?

— Почему? Конечно, нет. Мы все равно зайдем в дом. Никаких проблем.

Альфред протянул руки.

— Давай-ка я пересажу тебя через забор.

Бенъямин сделал шаг навстречу, и Альфред одним движением переправил его в сад.

«Боже мой, какой нежный ребенок! — подумал Альфред. — И такой легкий!»

И он легко перемахнул через забор.

Он еле сдерживал свое нетерпение, свое желание наконец-то скрыться с мальчиком в доме. Он хотел избавиться от страха, что случайный прохожий увидит его и потом вспомнит.

Альфред обошел вокруг домика, подыскивая подходящий инструмент. Но уложенная плитками дорожка, терраса, грядки и даже газон были словно вылизаны, на них не валялось ничего лишнего. Ни камня, ни палки. Не говоря уже о ломе или забытой лопате.

Пока Альфред занимался поисками, Бенъямин послушно стоял возле голливудских качелей и ждал.

«Он немножко робкий, — подумал Альфред, — но совсем не конфликтный. Милый мальчик, который, наверное, каждому хочет угодить и старается ничем не огорчать родителей. Но сейчас этого не избежать».

При этом Альфреду было абсолютно все равно, что будет с родителями мальчика. Он только удивился, насколько просто все оказалось. Мальчик стоял рядом. Тихо и спокойно. Засунул руки в карманы и пытается разглядеть что-то через плотную живую изгородь. Он терпеливо ждал, потому что не имел ни малейшего понятия, что его ожидает. Он не брыкался, не кричал, не отбивался. Пока что. Разительное отличие от Даниэля. Тот вообще не хотел общаться, и Альфред вынужден был еще в лесу усыпить его эфиросодержащей жидкостью, чтобы похитить.

Альфреду постепенно становилось не по себе, потому что он никак не мог найти ничего

подходящего. Но вдруг он увидел железного ангела, который стоял рядом с железным же садовым светильником. Ангел был высотой сантиметров сорок и страшно уродлив. Он был совсем черным, с чертами младенца-монголоида, выше пояса у него было тело мальчика, а ниже — отвратительная фигура женщины. Его мизерный пенис был едва обозначен и почти полностью скрывался между пышными бедрами. Альфред внутренне содрогнулся от такой безвкусицы, но для его цели тяжелый ангел, который, к счастью, не был прикреплен к земле анкерами, подходил как нельзя лучше.

Он поднял ангела и выбил им единственное окно, которое не просматривалось с дороги. Затем запустил руку внутрь, повернул задвижку и открыл ее.

— Иди сюда, — сказал он Бенъямину, — я помогу тебе залезть.

Бенъямин исчез в домике, и Альфред быстро, как только смог, забрался следом за ним.

Домик был небольшой. Возле окна, выходящего на улицу, стояла широкая кровать, покрытая коричневым одеялом из овечьей шерсти. Посреди маленькой комнаты, сразу за входной дверью, стоял стол с двумя маленькими креслами, все из ротанга и довольно небрежно окрашено белой краской. Очевидно, хозяева любили летом посидеть перед распахнутыми дверями. В задней части Домика находилась кухонька с маленькой буфетной стойкой и двумя высокими стульями. Еще там была электрическая печка с двумя конфорками, подвесной шкафчик и полка под стойкой. Мойкой служили два пластмассовых тазика, аккуратно вымытые и вложенные друг в друга. В домике пахло сыростью и плесенью, как всегда, когда помещение закрывается наглухо и не проветривается.

— А где же морские свинки? — сразу же спросил Бенъямин.

— Нет никаких морских свинок, — ответил Альфред, избегая взгляда мальчика, который смотрел на него глазами, полными ужаса.

И в этот момент Бенъямин понял, что все же попал в ловушку. Значит, это был плохой человек, о котором говорили родители. Нет, этого не может быть, это просто страшный сон. «Проснись же, проснись! — кричал ему внутренний голос. — Проснись же наконец!». Бенъямину так хотелось сейчас заползти в теплую постель к родителям, прижаться к папиной спине и почувствовать, что с ним ничего, ну абсолютно ничего не может случиться. Страшные сны, бывает, повторяются, но все это — не настоящее, это просто кошмар.

Однако Бенъямин не проснулся. Все происходящее было реальностью. Он попался. Это и на самом деле случилось с ним. То, от чего всегда предостерегали его родители. Бенъямин не хотел и не мог поверить, что он проиграл. Что выхода не было.

— Ложись на кровать, — сказал Альфред.

Бенъямин оцепенел от ужаса и не двигался с места.

Альфред заговорил более резким тоном:

— Если я говорю «ложись на кровать», ты должен лечь на кровать! Понятно?

Бенъямин робко кивнул, медленно подошел к кровати и лег на нее, будто ожидая врача, который вот-вот должен подойти и сделать ему укол.

Альфред подошел к маленькому комоду, стоявшему возле стены напротив кровати, и сразу же нашел то, что искал. Кухонные полотенца и скатерти.

— Слушай, — говорил он, вынимая из ящика кухонного стола ножницы, надрезая скатерть и разрывая ее на длинные полосы, — все очень просто. Ты не станешь кричать, не попытаешься удрать, а будешь делать то, что я скажу. Тогда мне не придется связывать тебя и забивать в рот кляп, и нам обоим будет легче. Если же ты начнешь орать или отбиваться, то я очень, очень рассержусь.

— Что вы со мной сделаете? — прошептал Беньямин, и колени его задрожали. Он уже не мог держаться и контролировать себя, настолько его трясло от страха.

— В свое время ты все поймешь.

— Вы сделаете мне больно?

— В зависимости от обстоятельств.

Беньямин подумал, каким же он оказался дураком. В принципе, у него ведь не было никаких настоящих проблем. Что такое две неудовлетворительные оценки по классным работам? Все это такие мелочи по сравнению с ловушкой, в которой он сейчас оказался! Почему он не пошел к маме и не поговорил с ней? Зачем только прогулял школу? Его одноклассники были сейчас на уроке музыки, и он мог быть с ними. Он сидел бы сейчас рядом с Анди и тайком играл под партой в автоквартет. Наверное, господин Финкус спел бы вместе с ними «Сегодня здесь — завтра там». Любимую песню всего класса. Все было бы как всегда. И он остался бы жив.

И тут он вспомнил, что где-то слышал: нужно говорить с преступником. Тогда они лучше узнают друг друга, и тот не сможет сделать ему больно.

— Раздевайся, — приказал Альфред, продолжая обыскивать шкаф и полку. Ему срочно требовалось спиртное. Все равно какое. Ему нужно было оглушить себя, успокоиться, потому что напряжение уже было свыше всяких сил. У него было много времени, и он хотел полностью насладиться им. Если он не найдет ничего выпить, то кайф закончится через полчаса.

— Вы даже не спросили, как меня зовут. — Беньямин пытался говорить спокойно, но его голос дрожал и срывался.

— А я и знать этого не хочу, — сказал Альфред. Наконец-то! В самом дальнем углу на полке, среди консервных банок с овощами, помидорами и старыми банками с побегими спаржи он нашел бутылку вишневого ликера, в которой, однако, оставалось не больше четверти содержимого. Альфред налил ликер в стакан для воды и начал пить. Медленно, не отрываясь.

— Меня зовут Беньямин Вагнер, — сказал Беньямин. — Мне одиннадцать лет, я хожу в пятый класс и живу на улице Везерштрассе, двадцать пять. У меня есть хобби...

Альфред высунулся из-за стойки бара и заорал:

— Ты что, глухой? Я тебе сказал, что ничего не хочу знать! Не хочу знать твоего сраного имени! И не хочу знать, сколько тебе лет, в какую школу ты ходишь, и толстые у тебя родители или худые, богатые или бедные, или бог знает какие! Это неважно! Это к делу не относится! И если ты не заткнешься, то я об этом сам позабочусь, понял?

Беньямин испуганно кивнул. Этот человек никогда не будет ему другом.

— Раздевайся, ты, маленькая жаба! Давай шевелись!

Беньямин медленно снял пуловер. В домике была не теплее, чем на улице. Окно, через которое залез мужчина, было еще открыто. Как бы заставить этого человека хоть на секунду выйти из дома? Тогда можно было бы выскочить в окно и убежать! Но ему ничего не приходило в голову. В книжках дети тоже попадали в безвыходные ситуации, но им каким-то образом удавалось удрать. В последний момент у них всегда появлялась сумасшедшая спасительная идея.

— Ты скоро? — спросил Альфред.

Беньямин медленно стянул джинсы, затем носки. И тут же покрылся гусиной кожей.

— Дальше! — приказал Альфред. Он сидел перед кроватью, пил и не отрывал взгляда от

Беньямина. Кухонные полотенца и разорванная на полосы скатерть лежали наготове, под рукой.

Беньямин попытался не думать о том, что делает и что здесь происходит. Мысленно он был с родителями. Со своей прекрасной, но ужасно больной мамой, которая так прекрасно умела утешать, если у него что-то болело. У которой были длинные светлые волосы и нежная кожа. Которая умела готовить самый лучший на свете мясной рулет с самым вкусным коричневым соусом и которая иногда шептала ему на ушко: «Я люблю тебя, маленький». И он думал о папе, который уже сто раз ремонтировал ему велосипед и на днях рождения так прекрасно умел изображать других людей, который любил слушать кантри и каждую зиму ходил с ним на Инсуланер кататься на санках.

Беньямин медленно стянул футболку через голову.

— И трусы тоже, — сказал Альфред и подался чуть-чуть вперед.

В просвете между гардинами на окне у изголовья кровати Беньямин видел небо. Он снял трусы и теперь лежал на кровати совершенно голый.

— Снег идет, — сказал он тихо. — Скоро Рождество.

И заплакал.

Милли была в шоке.

— Бенни не вернулся домой? Да быть такого не может! Надо же, Бенни! Он же такой хороший мальчик!

Милли было пятьдесят семь лет, она и выглядела на пятьдесят семь, и тридцать из них торговала едой в передвижном киоске в берлинском кице, и двадцать два года из них — в Нойкелльне на площади Вильденбрухплатц. У нее были огненно-рыжие волосы, которые она упорно подкрашивала каждую неделю. Она собирала их в пучок, гордо возвышающийся на голове и увеличивающийся с каждым годом на один сантиметр. Если в кице что-то случалось, она узнавала об этом первой и с удовольствием делилась своими знаниями с окружающими.

— А когда Бенни в последний раз был здесь? — спросил Петер.

Милли задумалась.

— Сегодня точно нет. Вчера? Дай-ка вспомню. Вчера забегал на минутку, съел котлету. Нет, ты скажи, где же может быть этот сорванец?

— Если бы я знал...

Петер выглядел усталым и измученным, словно уже потерял последнюю надежду. Было половина пятого. Он уже два часа мотался по окрестностям, расспрашивал людей в забегаловках, киосках по продаже денер-кебаба и всяких сладостей, проверил все отделы «Карштадта» — и все без толку. В отделах игрушек он тоже расспрашивал про Беньямина, оставил там описание мальчика, но никто не мог его вспомнить. Куда там! А продавец с прической под Элвиса Пресли работал на полставки и в час дня ушел домой.

Все это время Петер понимал, насколько бессмысленны его поиски, потому что Беньямин был не тем ребенком, который мог часами болтаться по городу, лишь бы не идти домой. Беньямин боялся за мать и делал все, чтобы не причинять ей лишнего беспокойства, волнения и забот. Он знал, что мать переживает, если он опаздывает. Поэтому он усвоил привычку звонить, если заходил к другу или задерживался где-то.

Беньямин был послушным и, главное, надежным ребенком. Ребенком, который даже умел извиняться. Который умел говорить «да ладно, ничего», если родители были неправы. Ребенком, который приносил матери цветок или рисовал ей картинку, когда она была чем-то расстроена. Ребенком, который мог даже обнять отца. Такой ребенок не мог так долго не являться домой без причины. Где-то в самой глубине сердца Петер чувствовал: что-то случилось. Что-то ужасное. Поэтому и не спешил возвращаться домой. Марианна сразу же увидела бы по его лицу, что что-то произошло. Ей так нужна была надежда, а он не умел притворяться.

Милли налила ему рюмку шнапса.

— На, выпей. Полегчает. Хотя бы на пару минут.

Петер с благодарностью взял шнапс и выпил его одним глотком.

— Милли, у тебя есть наш номер телефона?

Милли ухватила за свое дикое гнездо из волос, умудрившись, впрочем, не разрушить его.

— Есть. Только чтоб я так знала где.

Она подвинула Петеру через прилавок лист бумаги и карандаш.

— Лучше запиши еще раз.

Петер поспешно написал номер телефона.

— Позвони, прошу тебя, если увидишь его или что-нибудь узнаешь. Что бы там ни было.

Звони в любое время. Хоть среди ночи. Да?

Милли сунула листок в карман.

— Конечно, позвоню.

Петер кивнул и, понурив голову, пошел к выходу. Милли остановила его:

— Эй, Петер!

Петер обернулся.

— Выше голову, — сказала Милли, стараясь улыбнуться.

И Петер был ей за это благодарен.

«Прошу тебя, прошу, прошу, прошу... Пожалуйста, Боженька дорогой, сделай так, чтобы случилось чудо, — молился Беньямин, — прошу тебя, сделай так, чтобы папа нашел меня. Чтобы он пришел и забрал меня отсюда. Прошу тебя, сделай так, чтобы он спас меня. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, дорогой Боже!»

Бенни лежал, связанный по рукам и ногам полосками разорванной скатерти, на кровати. Ноги и руки раскинуты в стороны и привязаны к деревянным ножкам кровати. Рот заткнут кухонным полотенцем. Он не мог кричать, лишь с трудом дышал. Глаза его были завязаны еще одним полотенцем, так что он даже не мог видеть, что происходит вокруг.

Он лежал на спине, и его голое тело было накрыто колючим клетчатым одеялом, которое Альфред тоже нашел в комодке.

То, о чем изо всех сил молил Беньямин, все-таки случилось, потому что страшный человек на какое-то время ушел из домика, чтобы раздобыть еще спиртного. Но Бенни не мог убежать. У него не было ни малейшего шанса развязать путы.

«Прошу тебя, Господи милый, прошу тебя, прошу тебя... Помоги! Не надо мне никакой кошки. Буду каждый день выносить мусорное ведро. Весь год, каждый день! Сделаю все, что ты пожелаешь! Пожалуйста, Боже, пожалуйста, умоляю тебя, придумай что-нибудь, у тебя ведь точно есть какая-нибудь идея, ты же можешь найти выход! А если нет, то сделай так, чтобы я умер. Лишь бы злой человек не вернулся снова, умоляю тебя, Боже, Господи, Господи!»

В то время, когда Альфред с бутылкой ликера «Баллентайн» под мышкой возвращался в домик, Петер Вагнер входил в ответственный за его район полицейский участок дирекции 5, участок 54, по адресу Зонненаллее, 107.

Он никогда не бывал здесь раньше, поэтому мыслил стереотипами. Он ожидал, что тут будет полно громко орущих пьяных мужиков, полуголых проституток, курящих в коридорах, мускулистых рабочих со стройки, угрожающих набить морды полицейским, несовершеннолетних карманных воров, рассказывающих свои лживые истории, одиноких старых женщин, которым казалось, что их кто-то преследует, и избитых бездомных бродяг.

Однако в длинном коридоре полицейского участка было пусто. Здесь царила мертвая тишина. Приемные часы были здесь только в первой половине дня — очевидно, Петер Вагнер был единственным, которому срочно понадобилась помощь.

— Да? — вместо приветствия сказал вахтер за зарешеченным окошком, с недовольным видом отрываясь от бульварной газеты «Бильдцайтунг» и снимая очки.

— Я хочу подать заявление о пропаже человека. У меня сын исчез.

Петер говорил необычно тихо, словно боялся кому-то помешать.

— Комната восемнадцать «а», в самом конце коридора справа, дверь перед туалетами.

Вахтер снова нацепил очки на нос и взял в руки газету.

Петер Вагнер тяжелыми шагами шел по коридору. Его резиновые подметки взвизгивали на пестром линолеуме, покрывающем пол. Странно, но здесь пахло ливерной колбасой. Как в больнице, в отделении для умирающих, где он когда-то проведывал своего коллегу, больного раком прямой кишки, и которого после этого уже никогда не видел.

«Если какая-то свинья что-нибудь сделала с моим маленьким Бенни, я ее убью», — мысленно поклялся Петер. И он не шутил.

Марианна Вагнер была на грани обморока. Она сидела в инвалидном кресле и сосредоточенно дергала себя за волосы. Боль отвлекала ее от страшных мыслей, которые были намного болезненнее, от ужасных картин, от которых просто невозможно было избавиться.

Было почти восемь, когда Петер пришел домой. Уже по тому, как он уронил ключи на полку в коридоре, она поняла, что он ничего не узнал. Ей было страшно смотреть на него. И тяжелее видеть его боль, чем переносить свою.

Он молча прошел в кухню, где она сидела у окна, подошел к холодильнику и достал бутылку пива.

— Он не был сегодня в школе, — сказала она в наступившей тишине. — Я говорила по телефону с фрау Блау. Она решила, что он заболел.

Петер молча пил пиво. Марианне было трудно говорить.

— Он написал работу по немецкому на «пятерку», а по математике — на «шестерку». Наверное, поэтому и не пошел в школу...

Она твердо решила не плакать, но по-другому не получалось. Это было самым невыносимым. То, что с сыном произошло несчастье только потому, что он побоялся показать дома свои плохие оценки. Что бы там ни случилось, это была ее вина. Ее и Петера.

Петер не успокаивал ее. Ее плач не приводил его в агрессивное настроение, как бывало обычно, потому что Петер всегда рассматривал слезы как обычную женскую попытку шантажа. Нет, сегодня у нее была причина. Но ее плач сделал его еще беспомощнее, чем он и без того был. Он даже не в состоянии был подойти и утешить ее. Да и что он мог сказать? «Не плачь, он вернется... Если бы что-то случилось, мы бы уже знали об этом... Отсутствие новостей — уже хорошая новость... Послушай, все обойдется: тысячи детей каждый год исчезают и находятся в тот же день...»

Нет, все это были фразы, которые не соответствовали его мыслям. Утешения просто не существовало. И, если быть честным, у него уже не было ни малейшей надежды. Потому что Беньямин не был авантюристом, ему бы и в голову не пришло просто так сбежать из дому. Скорее, он бы побоялся оказаться один в чужом мире за пределами дома.

Все это он уже рассказал полицейскому, который безучастно отстукивал заявление об исчезновении ребенка на допотопной пишущей машинке. А тот только пожал плечами, что, вероятно, должно было означать: «Все так говорят».

— Они начнут искать только завтра, — внезапно вырвалось у Петера. — Эти проклятые задницы, называющие себя госслужащими, только просиживают кресла! Эти сволочи не верят, когда им говоришь: мой сын не тот ребенок, который может сбежать из дому! Они просто тупо выполняют идиотские служебные инструкции, для них Беньямин — только новый номер дела, который положено обработать не ранее чем через двадцать четыре часа, и баста! Ты даже представить себе не можешь, какой гнусный, тупой остолоп сидит там на входе! Мне так и хотелось врезать по его тупой скучающей хारे! — От ярости лицо Петера покраснелось.

— Могу себе представить, — прошептала она.

— Они считают, что он может быть у кого-нибудь из друзей и остаться там ночевать. У какого-то друга, о котором мы, возможно, не знаем. Или, может, он сидит сейчас в поезде и

едет к бабушке или к бабушке, или просто путешествует по белому свету. Вот какую чушь они мне нарасказывали! А поскольку девяносто пять процентов исчезнувших детей появляются дома через двадцать четыре часа, то розыск объявляется только через сутки. Так обстоят дела в нашем чиновничьем государстве.

Петер захлебнулся пивом и закашлялся.

— И этот мешок с говном пойдет сегодня вечером домой и уснет сном праведника. А все потому, что только тогда, когда имеются данные, указывающие на возможность совершения преступления, связанного с применением силы, только тогда вся полицейская машина запускается немедленно. То есть если бы мы нашли его вещи и тому подобное. У них не хватает людей, чтобы немедленно проверить каждое заявление о пропаже детей — вот что сказала эта обезьяна! Зато людей, чтобы выписывать штраф за неправильную парковку, у них хватает!

— Я чего-то не понимаю, — пробормотала Марианна.

— А я тем более.

— Боже мой, на улице уже темно. И снег идет.

Петер со стуком поставил на стол пустую бутылку и вскочил.

— Я дома с ума сойду. Я не могу сидеть всю ночь и представлять, где он и что делает. Я этого просто не выдержу!

По лицу Марианны беззвучно текли слезы, словно из бездонного колодца.

— Пожалуйста, — сказала она, — пожалуйста, скажи мне хоть что-нибудь, где он может быть. Скажи, что с ним ничего не случилось! Ты ничего не можешь придумать? Мне нужно на что-то надеяться!

Петер молчал. Вместо ответа он только на секунду прижался рукой к ее мокрой щеке.

Перед тем как выйти из квартиры, он сказал:

— Оставайся у телефона.

И дверь за ним хлопнула.

Марианна сидела в инвалидном кресле, не отрывая глаз от телефона и дергая себя за волосы.

Было двадцать три часа пятьдесят минут, когда Петер вышел из «Футбольной встречи». Хозяин позже довольно точно вспомнил об этом, потому что Вернер широким жестом распрощался с остальными посетителями и заявил:

— Детки, я иду спать. Желаю всем вам спокойной ночи, я вас всех люблю. И это единственная причина, по которой завтра я приду сюда снова.

За исключением незначительных изменений, это было дословное содержание ежевечерней речи Вернера, которой он обычно завершал свое пятнадцатичасовое ежедневное сидение в пивной. Хозяин пивной всегда приветствовал сие заявление, поскольку оно побуждало большинство посетителей также отправляться домой, и ему удавалось почти вовремя, в двадцать четыре ноль-ноль, закрыть свое заведение.

Петер не был пьян, но он немного успокоился.

— Веди меня, друг мой, — сказал Вернер и обнял Петера за плечи. — Мне ужасно холодно.

И только сейчас до Петера дошло, что он провел в пивной почти весь вечер, — вечер, который нужно было использовать для поисков сына. Совесть заговорила в нем с такой силой, что даже тошнота подступила к горлу. Ему казалось, что последние три часа он был без сознания.

Вернер ухватился за Петера:

— Ты куда идешь, друг мой?

— На кладбище, — огрызнулся Петер, вырвался и бросился бежать по направлению к каналу. Не останавливаясь, не переводя дыхания.

На последнем углу улицы, прямо у воды, стояла телефонная будка. Он наскреб несколько монет и позвонил Марианне.

— Ты где? — спросила она. — Что ты делаешь?

— Ищу его, — рявкнул он в трубку, пытаясь криком заглушить голос совести.

— Иди домой, пожалуйста, — почти беззвучно прошептала она. — Я этого больше не выдержу!

— Скоро буду, — сказал Петер и повесил трубку.

Маленький карманный фонарь, легко помещавшийся в кармане куртки, но все равно необычайно мощный, был у него с собой. Петер медленно прошелся по берегу, потому что знал, что Беньямин любил сидеть здесь у воды. Сегодня после обеда он уже прошел один раз вдоль канала и ничего не нашел. Тем абсурднее было продолжать поиски сейчас, ночью, но какое-то необъяснимое чувство заставляло его сердце биться быстрее. Он обыскивал с фонариком берег метр за метром, и беспокойство охватывало его с каждой минутой все сильнее. Ему казалось, что уже за следующим кустом он увидит Беньямина, сидящего на камне, и тот скажет: «Привет, папа! Мне холодно. А что сегодня у нас на ужин?»

Дикая утка, спавшая в кустарнике, хлопая крыльями, взлетела буквально из-под ног Петера, который чуть не наступил на нее. Он вздрогнул, выключил фонарик и какое-то время стоял в темноте, прислушиваясь. Потом включил фонарик и продолжил поиски.

Сейчас, ночью, стало еще холоднее, и Петер застегнул молнию стёганой куртки повыше, закрыв шею до подбородка. Местами на траве лежал тонкий слой снега, но на голой земле

под кустами и деревьями снег растаял. Петер шел спотыкаясь, не видя, куда ступает, потому что светил на пару метров впереди себя.

И тут он увидел его! Прямо у воды, за кустами, незаметный для человека, идущего по тропинке. Портфель со светоотражательными полосками на верхнем клапане, ярко вспыхнувшими, когда луч фонарика попал на них. Красный школьный портфель Бенни с лиловыми и синими вставками по бокам, с защелками, которыми Бенни мог играть часами, когда ему было скучно. Крепления верхней ручки Бенни разрисовал вскоре после того, как ему этот портфель подарили. Марианна тогда очень рассердилась, а сейчас у Петера при виде этого безобидного детского рисунка даже выступили слезы на глазах. Совсем рядом с портфелем на полусгнивших листьях лежали пенал, тетради, пара учебников, несколько карандашей и игровая приставка — гейм-бой Бенни.

Петер дрожал от волнения. Портфель был здесь, значит, Бенни тоже должен быть где-то совсем рядом. Петер не стал подбирать портфель и остальные вещи Бенни, а принялся, светя фонариком, обыскивать местность, ожидая в любой момент увидеть тело своего ребенка за ближайшими зарослями. Он лез через кусты на коленях, заглядывал под опускавшиеся до земли ветки, разгребал лежавшие на земле кучи старых листьев, но Бенни нигде не было. Нигде.

Когда он остановился на минуту, то услышал, как волны канала тихо плещутся о берег. И где-то вдалеке лаяла собака. «Вода... — подумал он. — Кто-то бросил его в канал. Бенни в канале». В черной воде Нойкелльнского судоходного канала, воняющей дохлой рыбой и соляжкой...

У Петера подкосились ноги, и некоторое время он неподвижно сидел на мокрой земле. «Что же делать? — подумал он. — Сейчас в воде очень холодно». Он прижал ладони к вискам. Так сильно, как только мог. «Я вызову полицию. Они должны искать Бенни в канале. Они должны привезти водолазов. И служебных собак. Может, он где-то запутался в кустах».

Петер Вагнер медленно поднялся. Ему с трудом удалось выпрямить ноги, настолько они занемели от сидения на холодной земле. Он знал, что так лучше, что так нужно, но ему было невыносимо тяжело оставлять портфель и вещи Бенни в грязи.

В нескольких метрах от него по верхней дороге прошел какой-то человек. На нем было пальто, но не было ни шапки, ни шарфа, ни перчаток. Ему было за тридцать, он был худощавым, со спортивной фигурой и слегка вьющимися волосами. Он шел не спеша, но целенаправленно. Он заметил луч фонарика на берегу и невольно усмехнулся. «Ах да, школьный портфель, — подумал он. — Это они нашли портфель. Да, а я так и не успел подписать классную работу. Но сейчас это уже не имеет значения. У моего любимца больше нет проблем. Ни с родителями, ни с учителями». И он мысленно послал воздушный поцелуй в направлении дачной колонии: «Спи спокойно, мой маленький принц!»

Затем он ускорил шаг.

Когда Петер Вагнер бежал к телефонной будке, то увидел черную тень человека, свернувшего в боковую улицу. Но он не обратил на него никакого внимания.

На следующее утро Альфред проснулся как обычно и много времени посвятил занятиям йогой. То, что он пропустил вчера, следовало восполнить сегодня. Он чувствовал, как с каждым упражнением буквально оживает. Тепло постепенно распространялось по телу, и он почувствовал себя просто великолепно.

Даже вид из окна показался ему не таким безрадостным, как обычно, тем более что погода значительно улучшилась. Снег уже не шел, и, пожалуй, к обеду могло даже выглянуть солнце. «Самое время для продолжительной пешеходной прогулки», — подумал Альфред. Прогулки вдоль канала.

В половине девятого он вышел из дома. Вернера, скорее всего, еще нет, значит, можно выпить утренний кофе в «Футбольной встрече».

Карл-Гайнц, хозяин «Футбольной встречи», еще не убрал стулья со столов после уборки и как раз протирал прилавки.

— Сейчас закончу, — сказал он вместо приветствия. — Могу дать круассанов, если хочешь.

— Прекрасно! — Альфред снял пальто.

— Что-то тебя давно не было, — сказал Карл-Гайнц, кладя на тарелку два круассана и доставая кофейник. — Случилось что?

— Ничего. Дел было много.

Карл-Гайнц кивнул.

— Приятного аппетита.

Альфред любил эти круассаны с легкой начинкой, покрытые сахарной глазурью. Они были идеальным сладким дополнением к утреннему кофе.

— Ты уже был возле канала? — спросил Карл-Гайнц.

Альфред сидел с полным ртом, поэтому только отрицательно покачал головой.

— Черт-те что творится! Водолазы, полицейские, собаки, и что б я знал, что еще такое. Ищут маленького мальчика.

В этот момент в пивную зашел Вернер. Он увидел Альфреда, и его лицо просияло.

— Доброе утро, Альфред, мой хороший! Какая приятная неожиданность!

Альфред только хрюкнул и выдавил из себя улыбку.

Вернер схватил высокий стул и примостился как можно ближе к Альфреду.

— Я по тебе скучал, хороший мой, я очень хочу написать твой портрет! У тебя есть чуточку времени?

— Нет, к сожалению, — сказал Альфред, вставая. — Мне нужно в Геттинген. Мать умерла.

— Ах, бог мой! — пробормотал Вернер. Он был разочарован.

Карл-Гайнц через стойку молча пододвинул к нему горячий кофе.

— Сколько стоит? — спросил Альфред.

— Два сорок.

У Альфреда деньги были наготове, и он вложил их в руку хозяина. Потом взял свое пальто.

— До следующего раза, Вернер! — приветливо сказал он. — Тогда ты сможешь меня нарисовать. Даже в цвете, если хочешь.

Вернер громко отхлебнул кофе.

— Не морочь мне задницу! — проворчал он.

— Хорошего дня, — сказал Альфред Карлу-Гайнцу и покинул пивную. Он все равно не выдержал бы больше в «Футбольной встрече». Он хотел быть *при этом*. Он хотел видеть, что происходит возле канала.

Карстен Швирс служил в полиции уже тридцать лет и был по горло сыт своей работой, своей профессией, а в последнее время — и самой жизнью. Его жена Хайди три года назад переселилась к подруге, прихватив чемодан, косметичку и таксу Фритци. Через неравные промежутки времени она звонила ему, задавала обязательный вопрос «Как дела?» и не выражала ни малейшего желания хотя бы сделать попытку вернуться домой. За это время Карстену все уже стало до лампочки, но настроение все равно было подавленное.

Все было настолько бессмысленным! Целый день водолазы искали в канале маленького мальчика, который вчера не был в школе и с тех пор пропал без вести. Отец сам нашел его портфель на берегу канала. Случайность, которая абсолютно не понравилась Карстену. Он подробно поговорил с родителями, но не продвинулся вперед ни на шаг. Отец был замкнут и недоверчив — очевидно, он был не слишком высокого мнения о работе уголовной полиции. Он взял больничный, сидел дома и пил. К обеду он уже был не в состоянии нормально говорить.

— Я знаю, наверное, меньше вас всех, неоднократно повторял он. — Я ничего не знаю, абсолютно ничего. Я знаю только, что Бенни не мог убежать из дому. Вы напрасно тратите время, допрашивая меня.

Марианну Вагнер с утра положили в больницу «Шарите». У нее случился приступ рассеянного склероза и нервный срыв. Ее накололи успокаивающим, и теперь она еще меньше была в состоянии давать какие-либо объяснения.

Главный комиссар Швирс сегодня ушел с работы вовремя: пока не нашли Бенямина, смысла сидеть на работе не было. Единственное, чего он хотел, — выспаться. Ему даже трудно было держать шариковую ручку.

Он медленно шел домой. Снег, выпавший два дня назад, уже давно растаял, и хотя похолодало, снега и дождя, по крайней мере, не было. Он старался дышать глубоко, но с закрытым ртом. «Надеюсь, что не заболею», — думал он. Ему было страшно даже представить, что придется лечиться от гриппа в условиях, когда за ним некому будет ухаживать. Раньше, когда он лежал с температурой, Хайди готовила для него бульон и горячий чай, давала свежую пижаму и перестилала постель, когда она становилась влажной от пота. Она проветривала спальню, когда он был в ванной, и приносила газеты и иллюстрированные журналы, чтобы ему было что почитать. Она была добрым духом, делавшим болезнь почти удовольствием. Выходя из комнаты, она всегда с улыбкой говорила: «Позвони мне, если что-то понадобится». Это была прекрасная фраза, которую он очень хотел бы слышать снова, хотя больше не верил в нее. Ему пришлось смириться с мыслью, что Хайди оставила его.

Сегодня ему впервые бросилось в глаза то, что на улице, по которой он как раз шел, не было ни единого дерева. «Я перееду в другое место, — подумал он, — если Хайди не вернется. Переселюсь куда-нибудь, пусть даже в меньшую квартиру. Главное, чтобы перед окном было дерево».

Он как раз проходил мимо «Футбольной встречи» и подумал, не поговорить ли еще раз с хозяином пивной, но передумал и прошел мимо. Хозяин уже подтвердил слова Петера, что он был здесь почти до двенадцати ночи.

«Скверная история, — думал Карстен, — и очень неправдоподобная. Если сказать

точнее, труднопредставимая. Отец, который якобы пошел искать сына, приземляется в пивной и сидит там почти три часа. Затем он вспоминает, что, собственно, собирался делать. Он в абсолютной темноте идет вдоль канала, продирается через кусты и находит портфель своего без вести пропавшего сына...»

Опыт полицейского и инстинкт главного комиссара полиции говорили ему, что отец в любом случае должен быть как-то связан с исчезновением и смертью своего сына. В том, что Бенни уже нет в живых, Карстен был глубоко убежден. Просто он чувствовал это.

В газетном киоске около своего дома Карстен купил газету «Берлинер Morgenpost», журнал «Штерн» и двойную упаковку «Марса». Он мечтал о горячей ванне, сладкой шоколадке и о постели. Если удастся поспать двенадцать часов, завтра он будет чувствовать себя намного лучше и бодрее.

Как обычно, Швирса напугала тишина, встретившая его, когда он открыл дверь квартиры. Фритци не выскочил из-за угла и не сдвинул с места маленький афганский коврик, на котором он прыгал, пытаясь лизнуть Карстена в руку. Фритци больше не приносил ему поводок и не просился погулять. Фритци не храпел перед телевизором, да так, что приходилось прибавлять громкость. Фритци исчез из его жизни вместе с Хайди, и Швирс часто думал, что собака, наверно, скучает за ним больше, чем Хайди.

Карстен испуганно начал хватать ртом воздух, когда влез в горячую ванну, и сразу же открыл кран с холодной водой. Затем опустил во все еще слишком горячую воду и закрыл глаза. Что мог сотворить нежный одиннадцатилетний мальчик, чтобы родной отец был вынужден устранить его? Кровь пульсировала в висках, и Карстену казалось, что голова у него распухла, тем не менее он напряженно думал. Но ответ на этот вопрос выходил за рамки его воображения.

«Он был милым, приветливым мальчиком. У него было такое доброе сердце», — говорил отец Беньямина. Еще тридцать лет назад, в полицейской школе, Карстен научился следить за формулировками. Петер Вагнер уже сейчас говорил о сыне в прошедшем времени: «он был», «у него было». Значит, в мыслях отца Бенни уже мертв. И кто мог знать об этом лучше, чем он сам?

Тело Карстена отяжелело и обмякло, руки свесились через край ванны, голова склонилась к плечу.

И только пронзительный звонок телефона вернул главного комиссара к действительности и уберег от того, чтобы он заснул в ванне. Карстен, ругаясь, вылез из воды и голый пошлепал в коридор. Вытираться он не хотел, собираясь отшить звонившего и снова улечься в ванну.

— Мы нашли труп ребенка, — без обиняков сообщил ему коллега Ватцки. — В дачном домике в колонии «Зоргенфрай», участок номер девятнадцать. Приезжай, и чем быстрее, тем лучше. Надо, чтобы ты увидел это сам.

Не дожидаясь ответа Карстена, Ватцки положил трубку.

— Вот дерьмо проклятое, — выругался Карстен, осторожно, чтобы не поскользнуться, побежал назад в ванную, кое-как вытерся полотенцем и оделся. Одежда прилипла к телу. Он сунул в карман шоколадку и натянул на мокрые волосы серую вязаную шапочку, с трудом найденную в нижнем ящике одежного шкафа, где ее мирно доедала моль. Последний раз он надевал эту шапочку много лет назад.

Швирс сбежал по лестнице и бросился к своему довольно новому серебристому «гольффу», надеясь, что именно сегодня милые соседи не проткнули ему шины.

Беньямин выпрямившись сидел за столом. Его маленькое тело было зажато между стулом и столом таким образом, чтобы он не мог упасть, а под голову засунута подушка. Голова его касалась стены, а глаза были широко открыты, словно он так и не смог понять, что с ним случилось. Руки лежали на столе. Маленькие кисти были сжаты в кулаки и прикреплены клейкой лентой так, чтобы они не могли сползти со стола. Бенни был полностью одет, волосы тщательно зачесаны на лоб.

Единственной ошибкой в этой мирной картине было то, что Бенни был мертв уже почти восемнадцать часов.

Стол был накрыт на две персоны, но посуда осталась чистой.

Полицейский фотограф делал снимки домика и трупа из каждого угла, из каждой мыслимой перспективы: общие виды, полулюбские виды, затем каждая деталь в непосредственной близости. Ему казалось, что он еще никогда в жизни не фотографировал место преступления — а их было много! — с такими подробностями и с такой точностью, как сейчас. Время от времени он вытирал пот со лба, хотя в домике было очень холодно, и бормотал проклятия, которых никто не понимал и не должен был понимать, но которые давали ему силы не упасть и не разрыдаться.

Коллеги из отдела трассологии ждали, пока главный комиссар Швирс осмотрит место преступления, а фотограф сделает свою работу. До этого они не могли ни забрать посуду, одеяло, одежду мальчика и прочие мелочи в лабораторию, ни проверить отпечатки на месте. На фотографа можно было надеяться. Он был профессионалом, ему оставалось несколько лет до пенсии, и у него уже в крови укоренилось ничего не трогать и не менять на месте преступления. Он был одним из немногих, кто на работе носил такую же защитную одежду, что и служащие из отдела трассологии. «Из уважения к жертве, — объяснял он при случае, — это, пожалуй, самое минимальное неудобство».

Карстен Швирс уже несколько минут стоял перед мальчиком, ожидая, что его тренированный полицейский мозг начнет работать, но там была лишь невыносимая пустота. «Я потрясен, — думал он. — У меня, старого волка, проклятый шок. Я больше не понимаю, что происходит в мире, потому что не могу понять, что хотел убийца».

Ватцки стоял у окна, наблюдал за своим начальником и не торопил его.

— Я отослал водолазов по домам, — тихо сказал он.

— Естественно! — взорвался Карстен. — Конечно, логично! Или тебе нужно было для этого мое благословение?

Ватцки не обиделся на грубый тон, он слишком давно знал Карстена. Если шефа что-то задевало за живое, он становился грубым и несправедливым. И на допросах он тогда выходил из себя, но Ватцки всегда возвращал его в рамки реальности. Ватцки чувствовал себя поводырем этого сердитого старика, у которого когда-то была мечта сделать мир лучше и который сейчас, на исходе пятидесяти лет, был вынужден признать, что у него ничего не получилось. Мир вокруг становился все более жестоким и, что самое главное, более подлым.

— Кто его нашел? — заорал Швирс. — Родной отец на вечерней прогулке?

— Какой-то пенсионер, — ответил Ватцки подчеркнуто спокойно. — Герберт Клатт. У него домик на участке номер двадцать три. Он часто делает обход колонии, чтобы посмотреть, все ли в порядке. Ему бросилось в глаза, что куда-то пропал уродливый ангел,

который был рядом с фонарем. Он лежит снаружи. Им, видимо, выбили окно. Затем Клатт внимательно осмотрел домик и обнаружил разбитое окно. Он подумал, что это обычный взлом, который устроили бродяги, чтобы переночевать в сухом месте, и вызвал полицию. А затем коллеги нашли Беньямина.

Карстен кивнул.

— А кому принадлежит домик?

— Семейной паре по фамилии Бризе. Электрик и его жена. Они пенсионеры. Живут в Штеглице. Мы попытались дозвониться до них, но их нет дома.

Карстен кивнул коллегам из трассологии.

— Можете начинать. С меня достаточно.

Он вышел на улицу. Ватцки следовал за ним на почтительном расстоянии, чтобы не раздражать.

В этот момент в сад зашел патологоанатом. Он опоздал.

— Если бы я полчаса назад знал, когда наступила смерть, когда его убили, то уже мог бы арестовать преступника, — с упреком заявил Карстен.

— Дайте мне две минуты, и я скажу вам имя, которое он прошептал на последнем выдохе, — огрызнулся патологоанатом и исчез в домике.

— Он ненадежная задница, — сказал Карстен, обращаясь к Ватцки. — Но он мне нравится. Едем к родителям.

— Ты так уверен? Я имею в виду, что идентификация...

— Я уверен! — рявкнул Карстен. — Я видел фотографии. Этот мальчик не похож на других. Его лицо я не забуду никогда в жизни. Этот ребенок — Беньямин Вагнер.

Будильник показывал шесть часов двадцать минут утра, когда зазвонил телефон. Марайке Косвиг застонала и еще пару секунд была не в состоянии как-то реагировать или двигаться. Беттина обняла ее и прижала к себе. Беттина даже в полусне могла проявлять силу, на что Марайке была способна лишь после душа и двух чашек кофе.

— Не снимай трубку, — прошептала Беттина. — Не трогай этот идиотский телефон. Тебя просто нет дома. Баста.

— Я должна, — пробормотала Марайке, пытаюсь освободиться от цепких, как у спрута, объятий подруги и дотянуться до телефона, стоявшего возле кровати на полу.

Она двумя пальцами столкнула трубку с аппарата и с полуметрового расстояния буркнула:

— Да?

Беттина подобралась поближе, желая послушать разговор, что ей, однако не удалось, потому что Марайке моментально проснулась и выпрыгнула из постели. Длина телефонного кабеля позволяла ей пройти пару метров по комнате с телефоном в руках. На Марайке была короткая тонкая ночная рубашка, и во время разговора она постоянно отбрасывала со лба длинные волосы.

Беттина, подперев голову левой рукой, смотрела на нее. «Останься со мной, — думала она. — На следующей неделе мы с тобой полетим в Индонезию. Не делай глупостей, забудь о работе, останься со мной, иначе я сойду с ума».

— Если я сяду на поезд в восемь, то буду в Берлине в полицей-президиуме в одиннадцать, — сказала Марайке. Беттина снова упала на постель, взяла подушку Марайке и прижала ее к лицу, чтобы подчеркнуть свое отчаяние и глубоко вдохнуть запах подруги.

— Конечно, — сказала Марайке. — Все, что у меня есть из документов, я привезу.

Она положила трубку и прыгнула в постель. Легла на Беттину, отбросила подушку и принялась покрывать лицо подруги поцелуями.

— Мне очень жаль, *mia cara*^[6], но нужно ехать в Берлин. Обменяться информацией. Совершенно убийство маленького мальчика, причем почти так же, как три года назад убили Даниэля Долля. Может быть, это не затянется надолго. Возможно, я вернусь через два дня.

— Я умру без тебя. — Беттина посмотрела на Марайке и нежно погладила ее по голове.

— Я знаю.

Марайке целовала Беттину долго и страстно, и Беттина обнимала ее так крепко, словно не хотела больше отпускать. Но Марайке уже полностью проснулась, поэтому освободилась из объятий подруги безо всяких проблем.

— Не сердись, сладкая моя. Я бегу под душ. Сделаешь кофе?

Марайке выпрыгнула из постели и побежала в ванную. Беттина поражалась ее подвижности, которая сохранилась даже сейчас, когда подруге уже под сорок. У нее было такое чувство, что если бы потребовалось, то Марайке без труда смогла бы сделать сальто прямо с края кровати.

Гораздо тяжелее, чем подруга, Беттина поднялась с кровати и, накинув домашний халат, отправилась готовить завтрак.

Уже через двадцать минут Марайке пила свой кофе. Черный, без молока и сахара,

обжигаяще горячий. В джинсах, блузе и жакете, слегка подкрашенная, с первой сигаретой в зубах, она намазывала тост «Нутеллой».

— С одной стороны, я надеюсь, что это один и тот же убийца, — сказала Марайке, — потому что тогда у нас будет на сто процентов больше информации о нем и вдвое больше шансов определить, где он допустил ошибку. С другой стороны, в таком случае мы сталкиваемся не с отдельным преступлением, а с серийным убийцей, и поэтому дело становится чрезвычайным.

— Значит, ты останешься в Берлине?

— Не знаю. Без понятия. Сначала я должна посмотреть, как идет расследование и какие данные имеются у моих коллег.

Марайке посмотрела на часы и залпом допила кофе.

— Мне надо бежать. К сожалению.

— Этот проклятый убийца убивает и наши отношения, — с несчастным видом пробормотала Беттина.

— Не болтай глупостей. — Марайке подошла к подруге и обняла ее. — Понимаешь, это может стать делом моей жизни, Беттина. Не забывай этого и береги мои нервы. Я вернусь как можно скорее!

Она сунула руку под халат Беттины и нежно погладила ее левую грудь.

— Я очень, очень верная старая душа, сладкая моя!

Марайке поцеловала ее, и Беттина ответила таким поцелуем, словно он был последним в ее жизни.

— Ciao, bella^[7], — шепнула Марайке, взяла сумку и вышла из кухни. — Я позвоню тебе, как только что-то узнаю! — крикнула она уже из коридора.

Дверь захлопнулась, Марайке исчезла.

— Ciao, bellina^[8], — прошептала Беттина и налила себе еще кофе.

Когда поезд из Геттингена прибыл в Берлин, на вокзал «Зоо», он опаздывал на семнадцать минут. Марайке стояла у выхода из вагона и потерянно смотрела из окна, пока поезд медленно громыхал мимо оживленных улиц, отремонтированных с большими затратами старых зданий, убогих задних дворов и универмагов. Было такое чувство, будто в ней что-то изменилось, и она боялась того, что сразу же придется сконцентрироваться на различных фактах и деталях убийства ребенка. Какая-то бабушка в ее купе всю поездку пыталась научить внука идиотской скороговорке «In Ulm und um Ulm und um Ulm herum wachsen Ulmen»^[9].

Мальчик не понимал смысла фразы. Наверное, он вообще не знал, что такое Ульм, поэтому и не мог запомнить слова. Он только постоянно бормотал какие-то нечленораздельные звуки типа «у», а бабуля, как автомат, все время повторяла эту фразу. Марайке чуть не сошла с ума от этого представления, но предпочла не вмешиваться, не желая ввязываться в бессмысленную дискуссию со старой дамой. Однако эта идиотская скороговорка все время вертелась в голове, и Марайке была не в состоянии еще раз перечитать протоколы расследования убийства Даниэля Долля и вспомнить все подробности. Теперь ее мучила совесть, что она не подготовилась на все сто процентов.

Между тем проход наполнился людьми, желающими выйти на вокзале «Зоо». За три человека позади Марайке стояла бабушка с внуком. Когда поезд подъезжал к вокзалу, Марайке услышала, как старуха сказала внуку: «Как, ты не знаешь, что такое Ульм? Ульм — это большой красивый город, а в Ульме и возле Ульма и вокруг Ульма растут сплошь одни вязы».

«Да, доверять воспитание бабушкам и дедушкам — не всегда самое лучшее решение», — раздраженно подумала Марайке и вышла из вагона. Беттине хотелось иметь детей, и она уже два года донимала Марайке просьбой взять ребенка. Однако Марайке этого не хотела. Ее и так постоянно грызла совесть, что из-за работы не хватает времени даже на Беттину. Откуда же взять время еще и для того, чтобы заботиться о ребенке? Хотя тогда исполнилась бы мечта Беттины и она не была бы зациклена только на ней. Беттина работала на полставки в школе секретаршей, каждый день после обеда, а также в субботу и воскресенье она была свободна и ей нечем было заняться. Марайке вздохнула. Когда-то им все равно придется принимать решение.

На перроне она огляделась в поисках выхода из вокзала. Люди торопливо шли в разные стороны, и по их движению она не могла определить, где выход. Поэтому она не раздумывая направилась к лестнице, и вздрогнула, когда кто-то обратился к ней:

— Фрау Косвиг?

— Да?

Карстен Швирс приветливо улыбнулся и, здороваясь, протянул руку:

— Меня зовут Швирс. Карстен Швирс. Особая комиссия «Беньямин». Хорошо, что вы приехали, прекрасно получилось.

— Я не знала, что меня будут встречать.

— Да я неожиданно надумал. Поискал вашу фотографию в компьютере... и действительно нашел вас! Может, пойдем выпьем кофе?

— С удовольствием.

Марайке расслабилась. Карстен Швирс понравился ей с первого взгляда. Типичный ворчливый медведь, эдакий старый папочка, жесткий, но душевный, может мурлыкать, но и рычать, по натуре лентяй, но если какое-то дело зацепило его за живое, то работает до упаду. «Посмотрим, насколько я права в своих прогнозах, — подумала она. — Надеюсь, что да, потому что это именно тот тип мужчин, с которыми мне легче всего работать в команде».

Карстен нес чемодан и наблюдал за Марайке, когда она пружинящей походкой направилась вниз по лестнице. Он тоже составил представление о ней по первому впечатлению: «Под сорок, спортивная, практичные наклонности, не придает особого значения своей внешности. Она мне нравится. По крайней мере, с ней не надо бояться, что она своими идиотскими высокими каблуками будет застревать в каждой канализационной решетке. Выглядит полной сил, очков не носит. Наверное, умеет хорошо стрелять, довольно бесстрашна и умеет постоять за себя».

Они зашли в маленькое кафе прямо на вокзале. Официантка принесла кофе моментально, но он был еле теплым. Карстен высыпал себе в чашку три чайные ложки с верхом сахару. Марайке решила, что с этим придется смириться, однако воздержалась от комментариев.

— Как поступим? — спросил Карстен. — Поедем в полицейский участок и по фотографиям с места преступления составим точный список совпадений в действиях убийцы?

— Это надо будет сделать в любом случае, — сказала Марайке. — Но, если можно, я бы хотела сначала увидеть дачу. Иногда впечатления не совпадают.

— Конечно, можно, у меня есть ключ. Хозяева все равно хотят продать домик. После того, что случилось с Бенямином, им кажется, что они ни секунды не смогут находиться в своем саду, и особенно в домике.

— Их можно понять. А что это за люди?

— Семейная пара по фамилии Близе. Оба пенсионеры, денет мало. Зимой живут в квартире на первом этаже в Штеглице, а летом сад и дача — для них все. Единственная возможность хоть как-то вырваться из города. Они просто в ужасе.

Карстен Швирс бросил взгляд на стойку.

— Закажу-ка я еще и бутерброд с ветчиной. Вам тоже?

— Нет, спасибо. — Марайке покачала головой. — Я позавтракала.

Пытаясь поймать взгляд официантки, он сказал:

— Расскажите мне о Даниэле Долле. В прессе об этом деле было немного.

— Да, к счастью. Поэтому мы, во-первых, можем быть уверены, что не имеем дело с подражателем, если подтвердится схожесть преступлений. Во-вторых, не стоит привлекать к себе внимание общественности, потому что на сегодняшний день у нас нет ничего. Ни одного подозреваемого.

— Расскажите о мальчике.

— Даниэлю Доллю было десять лет. У него была сестра Сара шести лет и младший брат Макс, которому в то время исполнилось три года. Отец его был начальником небольшого филиала банка «Шпаркассе» в Брауншвейге, мать была домохозяйкой и занималась детьми. В тысяча девятьсот восемьдесят третьем году, на Пасхальное воскресенье, семья выехала на пикник в село Ханенмоор, севернее Мюдена. На обед у них был салат с лапшой и сосисками, фанга и кола для детей, пиво для родителей. После еды отец Эберхард задремал, маленький Макс тоже заснул, а мама играла с Сарой в куклы, Даниэль отправился разведать

местность. И не вернулся.

— А в то воскресенье в Ханенмооре было много отдыхающих?

— Прилично. Правда, можно было найти уединенные места для пикника, но пойти прогуляться и никого не встретить было невозможно.

— Неудобные условия для убийства среди бела дня.

— Это правда. И мы до сих пор не знаем, встретил ли убийца свою жертву случайно или же высмотрел, выследил и в конце концов похитил. А как было с Беньямином?

Карстену наконец удалось привлечь внимание официантки и заказать себе бутерброд с ветчиной. Марайке зажгла сигарету.

— Беньямин, очевидно, пошел за своим убийцей добровольно. Мы не совсем понимаем почему, поскольку родители всегда предупреждали его, чтобы он никуда не ходил с чужими людьми. Он был в «Карштадте», в отделе игрушек. Это мы знаем точно. Затем, вероятно, пошел к каналу. Но как можно было утащить мальчика против его воли в дачный поселок? Это слишком далеко. А на машине в колонию заехать невозможно.

— Может быть, он был знаком с убийцей?

— Может быть.

Официантка принесла бутерброд, и Марайке растерянно смотрела, с какой скоростью Карстен его поглощал.

— Видите, — снова вернулась она к разговору, — здесь есть очень важное отличие. Даниэля усыпили хлороформом и увезли в багажнике машины. Мы нашли следы пластика у него под ногтями. Это пластик, который применяется преимущественно в японских автомобилях. Очевидно, он проснулся и пытался освободиться. Больше мы ничего не знаем.

Бутерброд исчез. Карстен, основательно вытерев пальцы салфеткой, выглядел очень довольным.

— Сорок пять процентов всех серийных убийц на втором преступлении меняют свой *modus operandi*^[10], потому что набираются опыта и развиваются, не теряя индивидуального почерка.

— Вы уже говорите о серийном убийце? — удивилась Марайке.

— По крайней мере, не исключаю такой возможности, — ответил Швирс. — Но, пожалуйста, рассказывайте дальше!

— Затем преступник уехал с Даниэлем в Зеерсхаузен. Это чуть больше четырнадцати километров. Там есть каменоломня, в которой всегда стоит пара жилых вагончиков для рабочих. В Пасхальное воскресенье, естественно, там никого не было. И в понедельник после Пасхи тоже.

Марайке вытащила из сумки несколько фотографий и положила их на стол перед Карстеном.

— Вот это каменный карьер. А вот этот, последний вагончик, который стоит несколько в стороне, и есть тот, в котором мы нашли Даниэля. Мертвый Мальчик сидел за столом, на котором стояли две чашки для кофе, принадлежавшие рабочим, и две тарелки для завтрака. На тарелке Даниэля лежало пасхальное шоколадное яйцо, обернутое в станиолевую бумагу. Он не давал Даниэлю шоколада, когда тот был жив, это была чистой воды инсценировка. Он хотел представить нам гармоничную картину. Или же просто хотел, чтобы мы ломали себе головы, больше ничего.

— Та же картина, что и с Беньямином. — Карстен положил пять марок на стол. — Идемте, мы едем туда.

Все, что объяснял Карстен, Марайке могла представить в деталях. Она видела мертвого Даниэля Долля, сидящего в вагончике, и теперь перед ее мысленным взором в дачном домике в Нойкелльне за столом сидел Беньямин, с мертвым застывшим взглядом и широко раскрытыми глазами, которые словно говорили: «Почему вы не пришли раньше? Злой человек очень долго убивал меня, а вы меня не нашли».

У нее в руке была фотография Беньямина: улыбающийся, счастливый ребенок с мягкими светлыми волнистыми волосами и маленьким вихром над правой стороной лба. Сходство с Даниэлем Доллем было потрясающим. Даниэль, правда, был на год младше, когда его убили, но у Беньямина было такое же хрупкое телосложение, такая же светлая кожа и такие же светлые волосы. Правда, аккуратнее и короче подстриженные, чем у Даниэля.

Марайке внимательно рассматривала все в домике, будто фотографируя все подробности. Выцветшие старые обои с голубыми фиалками, связанная крючком скатерть на кухонном буфете, вышитая старомодным орнаментом подушка в кресле. Многократно крашенная деревянная дверь и окно как раз над кроватью, на которой мучился Беньямин. Она не могла представить себе другую тюрьму, в которой окно к свободе было бы так близко. Дешевый персидский ковер из универмага поверх синтетического напольного покрытия да безвкусная картина с тирольским горно-озерным ландшафтом в примитивной бежевой раме — вот, наверное, и все, что было у Беньямина на протяжении долгих последних часов.

— Предметы, которые исследовали трассологи, я покажу вам в полицей-президиуме, — сказал Карстен. После того как он самым подробным образом объяснил Марайке, где и как сидел мертвый Беньямин и где он до этого лежал, в домике воцарилась гнетущая тишина.

Марайке снова подумала о Беттине, самым большим желанием которой было усыновить ребенка и которая против воли Марайке уже установила контакты с некоторыми агентствами-посредниками. Беттина не могла понять сдержанного отношения к этому со стороны Марайке, но ведь Беттина никогда не была на месте преступления и не смотрела в лицо мертвого ребенка, который до последней секунды надеялся и верил, что каким-то чудом сейчас появятся мама или папа и освободят его из рук убийцы. «Если бы с нашим ребенком случилось такое, — подумала Марайке, — я бы этого не вынесла». Беттина видела лишь положительные аспекты усыновления, а Марайке — только отрицательные. Она и представить не могла, что они могли бы когда-нибудь прийти в этом вопросе к единому мнению.

— Расскажите мне о времени преступления, — сказала она хрипло. Хотя отдел трассологии давно закончил свою работу, Марайке надела перчатку и стала открывать шкафы и ящики. Она и сама не знала, что надеялась найти.

Карстен наблюдал за тем, что делала Марайке, и пытался сосредоточиться.

— Позавчера, во вторник, двенадцатого ноября Беньямин не вернулся домой. Он прогулял школу из-за двух плохих отметок. Петер Вагнер заявил в полицию об исчезновении сына в тот же день после обеда, а потом самостоятельно отправился на поиски. Однако вечером он несколько часов провел в пивной. Около часа ночи он нашел портфель мальчика на откосе Нойкелльнского судоходного канала, всего в нескольких минутах ходьбы от дома

Беньямина. Уже на следующее утро, с рассветом, канал обследовали водолазы, а полицейские прочесали окрестности. Вечером, около восемнадцати часов, труп был случайно обнаружен пенсионером Гербертом Клаттом. Это произошло через двадцать восемь часов после исчезновения Беньямина. Патологоанатом считает, что Беньямин был мертв уже семнадцать часов, когда его нашли. Таким образом, приблизительно двенадцать часов он был во власти убийцы и убит ночью со вторника на среду между полуночью и часом ночи. Почти в то же время, когда его отец нашел его портфель.

— О боже! — простонала Марайке. — Но с Даниэлем Доллем было еще хуже. Бедный мальчик был в руках убийцы тридцать два часа, а рабочие нашли его через тридцать восемь часов после исчезновения. Он был уже шесть часов как мертв.

— Возможно, плохая погода и слишком низкая для ноября температура не позволили убийце растянуть мучения на более длительный срок. Черт, если бы не было так холодно... может, мы бы еще нашли Беньямина живым.

Марайке кивнула:

— Может быть. Когда был убит Даниэль Долль, было тепло, почти как летом.

Когда они наконец вышли из домика, у Марайке стало легче на душе. Они медленно направились к машине. Воздух был туманным, почти молочно-непрозрачным, и лишь изредка между облаками пробивались слабые лучи солнца. Марайке с тоской подумала о каком-нибудь нейтральном бюро, где она могла бы все обдумать. Вид колонии, безлюдной и печальной, в которой произошло такое страшное событие, вынести было трудно.

— А что с отцом? — спросила она. — Как-то странно торчать в пивной, когда пропал сын.

— Согласен. Представьте, несколько часов он пьет в кабаке, потом гуляет вдоль канала, в темноте находит портфель сына и идет домой. Момент смерти Беньямина довольно точно совпадает с приходом отца домой.

— Но какой у него может быть мотив для убийства собственного сына?

— Не представляю. Знаю только, что у него проблем выше головы. Его жена тяжело больна, он чувствует, что его силы на исходе, слишком много пьет и очень часто просто отключается.

— Но все это не причина...

— Правильно, — вздохнул Карстен. «Ведь поэтому вы и здесь, — подумал он. — Может, вместе мы продвинемся вперед. Не забывайте об этом».

— Зачем тогда эта инсценировка в дачном домике? Изнасилование? Ничего не сходится, — продолжала докапываться Марайке. — Отец, у которого поехала крыша, задавил бы сына подушкой. И чаще всего после этого такие отцы кончают жизнь самоубийством.

— Если бы все сходилось, — устало ответил Карстен, — то Петер Вагнер давно уже сидел бы в следственной тюрьме. Но он сидит дома на диване и напивается до бессознательного состояния. В морге патологоанатомического отделения он поклялся мертвому сыну, что убьет человека, который это сделал. И я поверил каждому его слову.

Марайке молча кивнула. И они сели в машину.

В полицейско-президиуме Карстен прежде всего организовал две чашки кофе, а затем разложил перед Марайке фотографии с места преступления. И тут она увидела это. Однозначное доказательство того, что преступник был один и тот же.

— У Бенни вырван правый верхний зуб. — Внезапно острая боль пронзила ее голову, и она потеряла лоб.

— Да. Мы до сих пор не говорили об этом ни родителям, ни прессе, наверное, поэтому я и забыл сказать вам сразу.

— После наступления смерти?

Карстен кивнул:

— Однозначно, да.

— Значит, мы имеем дело не с переутомившимся отцом, а действительно с серийным убийцей, — глухо сказала Марайке. — Потому что у мертвого Даниэля правый верхний зуб был вырван щипцами. Очевидно, убийца любит сувениры. Маленькие, удобные сувениры, которые можно легко и незаметно носить с собой. Мелкие части тела жертвы, которые не разлагаются. Вечная память, так сказать.

Карстен несколько секунд растерянно смотрел на нее. Потом стукнул ладонью по столу.

— Проклятое дерьмо! — сказал он. — Богом проклятое мерзкое дерьмо!

— Ханенмоор под Брауншвейгом... Дачный поселок в Берлине... А он мобильный. Мы даже не можем рассчитать его местонахождение:

Марайке зажгла сигарету, хотя над дверью висела уродливая табличка «Не курить».

— Мы знаем совершенно точно только одно: он опять будет делать это. Если мы его не поймаем, он снова и снова будет делать это.

Тонким карандашом, почти без нажима Альфред рисовал на листе бумаги конструкцию изобретенного им туалета. Он хотел при смыве обходиться почти без воды и был убежден в том, что его изобретение, когда оно будет готово, можно будет продавать по всему миру. Нехватка воды становилась глобальной проблемой, и когда-нибудь никто не сможет позволить себе спускать чистую питьевую воду в унитаз.

Его рука буквально порхала над блокнотом, линии были размытыми и неуверенными, он создавал эскиз своей мечты, и ему было этого вполне достаточно. Проблема заключалась в смыве под давлением. Ему надо было существенно повысить давление воды, но для этого давления обычного домашнего водопровода не хватало. Он начал экспериментировать с чертежами и разработал две помещенные одна в другую гильзы, в форме цилиндров и шаров, пока гудение холодильника окончательно не вывело его из себя.

Он встал и открыл холодильник. Остаток горчицы неделями тихо засыхал в стакане, кусок сыра гауда в древней пластиковой упаковке безнадежно покрылся плесенью. Срок хранения еще не открытого пакета с молоком закончился четыре дня назад. Каперсы, зеленый перец и тубик с томатной пастой занимали свое постоянное место на дверце холодильника с тех пор, как он поселился в этой квартире, отделение для овощей он не открывал вообще — было бы противно смотреть на то, что он там обнаружит. Рядом с маленькой, круглой и твердой как камень колбасой-салями стояли две бутылки светлого пшеничного пива, которое он никогда не пил, так как у него не было подходящего пивного бокала.

Альфред выключил холодильник и оставил дверцу открытой. «На электричестве я могу сэкономить, — подумал он. — Если я что и ем, так только у Милли. Или иногда покупаю у турка за углом овечий сыр, лаваш и зеленые оливки».

Он почувствовал, как заурчало в желудке, и вспомнил, что уже давно не был у Милли. Кроме того было любопытно узнать, что нового выяснилось с тех пор, как нашли Беньямина.

Он взял пальто, ключи и вышел из дома.

Альфред вошел в закусочную и увидел, что Милли занята разговором с мужчиной и женщиной. Он встал рядом с ними.

Милли дружески подмигнула ему и спросила.

— Как всегда?

Альфред кивнул:

— Как всегда.

Милли перевернула сосиски на гриле и снова повернулась к своим собеседникам. Они пили кофе.

— Не-е, — сказала Милли, — во вторник Беньямин не заходил. Это я знаю точно, потому что во вторник была мерзкая погода и здесь почти никого не было. Тем более детей. Да я бы их все равно отправила по домам.

У Альфреда от испуга перехватило дыхание. Великолепно! Он стоит рядом с полицейскими, расследующими убийство!

— Вы во вторник вообще не видели Беньямина? Может, хоть на короткое время, когда он, скажем, шел по улице... один... или в сопровождении мужчины?

Альфред внимательно изучал лицо женщины, задавшей вопрос. У него возникло неприятное ощущение в животе, потому что он был уверен, что уже встречал ее. Но не помнил где. Его мозг лихорадочно работал.

— Нет, — сказала Милли, — совершенно точно, нет. Я его не видела. Я сама себя уже об этом спрашивала, когда услышала, что малыша убили. Боже, он же был таким милым мальчиком! Таким приветливым и хорошо воспитанным. Не хулиган, как все остальные. И вот такое... У меня это в голове не укладывается.

— А когда вы видели Беньямина в последний раз? — спросил мужчина.

— В понедельник. Он тогда зашел после школы и купил себе котлету. Он их страшно любил. Но что — то было у него на душе. Вид у него был очень расстроенный. Я спросила его: «Что случилось? Ты что-то натворил?» Но он ничего не сказал. Ни слова. А потом он поплелся домой.

Женщина вынула из сумки маленький блокнот и что-то записала. И в тот момент, когда она смотрела вниз и на лицо ей упала прядь волос, Альфред вдруг вспомнил, кто это.

Надо было срочно уносить ноги, пока она его не узнала, но Милли как раз подвинула к нему через прилавок тарелку с сосисками.

— Приятного аппетита, Альфред, — сказала она, назвав его по имени, что было уже совсем лишним.

Альфред почувствовал, как его бросило в пот. Он лихорадочно соображал, что бы это могло означать. Все должно иметь какое-то значение, случайностей на свете не бывает. Женщина на него не смотрела, и пока еще можно было скрыться, не будучи узнанным.

Больше всего ему хотелось просто оставить сосиски на столе и сбежать отсюда, но это слишком бросилось бы в глаза.

Итак, Альфред поел и попил за рекордно короткое время, а Милли тем временем проклинала человека, который поступил так с маленьким Беньямином. Она хвалила средневековье, когда убийц забивали камнями, четвертовали, колесовали или сжигали на костре, однако считала, что стоило бы посадить убийцу Беньямина в холодный как лед, мокрый и темный погреб и оставить там медленно подыхать с голоду.

— Если бы у нас существовала смертная казнь, — подвела она итог, — такого бы не случилось. Я права, Альфред?

— Полностью, — ответил Альфред и подал ей деньги через прилавок. — Пока, Милли, я спешу.

Он улыбнулся, поднял воротник пальто и удалился широкими быстрыми шагами.

— Кто это был? — спросила Марайке, которой лицо Альфреда показалось знакомым.

— Альфред Фишер, — сказала Милли. — Приятный человек. Предупредительный и приличный. И такой умный.

Марайке кивнула и отогнала мысль, которая на какое-то мгновение пришла ей в голову. Дело в том, что лицо этого человека напомнило ей лицо юноши, которого звали Альфред Хайнрих. Но ни в коем случае не Альфред Фишер. В этом она была абсолютно уверена, и поэтому сразу же выбросила это воспоминание из головы.

Альфред поспешно направился домой, чтобы собрать вещи. Марайке Косвиг. Теперь он вспомнил, как ее зовут. Марайке была виновата. Во всем, что с ним случилось, в конечном итоге была виновата она. И риск снова встретить ее был слишком высок. Поэтому лучше уехать из города.

Бовенден, июнь 1970 года

Даже сейчас, после двадцати двух часов, вечерний воздух был еще таким душным, что Мартина Бергман ехала на своем новеньком с иголки зеленом «Фольксвагене-жук» с открытым боковым окном. Она была абсолютно счастлива. Сегодня ей исполнился двадцать один год, и она отпраздновала день рождения с родителями, братом Паулем, тетей Тили, с дедушкой и бабушкой. После обеда они сидели на террасе и наслаждались летним днем. Абсолютно счастливый день! Мартина Бергман помнила многие дождливые дни рождения своего детства.

Полгода назад она уехала из дому, получила работу детской медсестры в клинике Геттингена и заработала свои первые самостоятельные деньги. «Жука» ей подарили родители на день рождения, и теперь она горела желанием отвезти домой тётю Тили, которая жила в Нортхайме, а заодно и опробовать новую машину.

Они уже несколько минут ехали по автостраде А7. Машина шла спокойно и легко, и Мартина чувствовала себя уверенно и на удивление свободно.

— Можешь переночевать у меня, если хочешь, — сказала тетя. — Тогда тебе не придется ехать назад в Геттинген.

— Спасибо, Тили, очень мило с твоей стороны, — ответила Мартина, — но я рада, что у меня есть причина прокатиться. Это так здорово! О такой машине я всегда мечтала. Она едет просто чудесно, и теперь у меня вообще не будет проблем с покупками. Никогда не думала, что родители сделают мне такой великолепный подарок!

— А почему бы и нет? — улыбнулась Тили. — Другие получают автомобили к окончанию школы, а ты — в двадцать один год. Так сказать, к старту в жизнь.

У Тили был такой приятный, ласковый голос. Она была на два года старше матери Мартины, но выглядела намного моложе. «Может, из-за прически, — подумала Мартина, — она ей так идет!»

Она повернула голову, чтобы посмотреть на тетю, и не увидела большого камня, который летел прямо на них и в этот миг с грохотом пробил лобовое стекло.

У Мартины вырвало руль из рук, машину начало заносить. Она отчаянно затормозила. Машина ударилась о левое ограждение, от удара ее снова отбросило на правую сторону и вынесло в кювет, где она и остановилась. Голова тети Тили превратилась в кашеобразную кровавую массу, на которой больше невозможно было рассмотреть лицо. Огромный камень лежал на сиденье. Мартина Бергман упала на руль и потеряла сознание.

Все трое как загипнотизированные смотрели с моста вниз.

— Охренеть, — сказал Торстен, — в одну мы попали.

— Давай смываться, — сказал Альфред.

— Чего ради? — Торстен вообще никуда не торопился. — Я хочу сначала посмотреть, что они будут делать. Если мы сразу слиняем, то ничего не увидим.

— Но нас поймают, если мы останемся здесь, наверху! — Альфреда охватил страх.

— Во, сначала ты бросаешь камень, лепишь из себя центрального, а потом сразу поджимаешь хвост? Что за фигня? — Торстен с интересом наблюдал, как на месте аварии остановился еще один автомобиль. — Ага, наконец-то началось. В «жуке» сидят два чувака.

Одному ты вмазал прямо в хлебало. Классно, Фредди!

Альфред не знал, что делать. Он больше не хотел ничего, только бы удрать отсюда подальше.

— Ты что, не соображаешь, Торстен? Надо уносить ноги!

— А с чего? — отмахнулся Торстен. — Пусть сначала докажут, что это были мы. А смотреть никому не запрещается.

Внезапно Берни согнулся, его начало рвать. Когда он наконец поднял голову, лицо у него было зеленое:

— Я в этом сраном дерьме не участвую. Все, я смываюсь.

Он не столько говорил, сколько хрипел. Затем повернулся и собрался было бежать, но Торстен оказался проворнее и схватил его за куртку.

— Ты что несешь, засранец? Мы организовали это представление, значит, мы его и посмотрим. Или ты хочешь на своей шкуре попробовать, как это — лететь с моста?

Возле места аварии остановился еще один автомобиль. Какой-то мужчина пытался вытащить Мартину из машины. Человек из второй машины побежал назад, чтобы поставить на автостраде аварийный знак.

— Пойдем вниз, — предложил Альфред. — Сейчас соберется толпа зевак, и среди них мы не будем бросаться в глаза. И сможем посмотреть, что там делается.

— О'кей, — сказал Торстен, — идем вниз.

Альфред, Торстен и Берни уже подходили к месту аварии, когда почти одновременно с ними подъехали машины полиции и спасательной службы. Останавливались и другие автомобили, зеваки собирались вокруг зеленого «жука». Вызвали спасательный вертолет, полиция перекрыла автобан, и образовалась пробка. Когда стало ясно, что в ближайшие полчаса о дальнейшем движении и речи быть не может, количество зевак, которым пришлось ожидать в своих машинах, увеличилось.

Воцарился невообразимый хаос. Полиция занималась практически тем, что пыталась оттеснить зрителей назад.

Альфреду удалось заглянуть внутрь «жука», и он увидел комок из мяса, крови и обломков костей — кровавое месиво с липкими волосами. То, что когда-то было человеческой головой.

Он пошел в кусты, его стошнило, как Берни, и ему было плохо, как никогда в жизни. Он попытался узнать, что думает по этому поводу Рольф, но *оттуда* ничего не было. Ни голоса, ни даже мысли.

— А что случилось? — нагло поинтересовался Торстен у стоящих вокруг людей, но ему никто не ответил.

Немного погодя подъехала машина-катафалк. Труп Тили уложили в гроб, и машина уехала. Мартину отправили на вертолете в университетскую клинику, камень конфисковала полиция. Зеленого «жука» завтра утром должна была забрать эвакуационная служба. Он превратился в груды металлолома.

Торстен и Берни остались на месте происшествия. Было прикольно, что простой камень мог сотворить такое!

Альфред ушел отсюда. Незаметно. Пешком. Он был не в состоянии снова переключить провода зажигания у угнанного ими «форда», который они оставили на проселочной дороге недалеко от моста, чтобы уехать на нем вместе с остальными. Пусть попытается Торстен. Но

Торстен считал себя полным идиотом в технике, поэтому заниматься подобными вещами предоставлял другим. А Берни определенно не делал такого ни разу. Но какое Альфреду дело до остальных? Они уж как-нибудь доберутся домой. Если приспичит, пусть ловят попутку, хотя это и опасно. Водитель может их запомнить.

Альфред разозлился от таких мыслей. Чего он ломает себе голову по поводу Торстена и Берни, когда у него сейчас возникло достаточно своих проблем?

Одиннадцать километров пешком его не смущали, ведь впереди была целая ночь. Главное успеть домой к завтраку, чтобы мать не задавала идиотских вопросов.

Теплое полуденное солнце ввело его в заблуждение. Сейчас, ночью, заметно похолодало, неприятный порывистый ветер дул над полями. На Альфреде была только футболка и кожаная куртка, которую он не застегнул даже сейчас, хотя дрожал всем телом. Он убил женщину — будь оно все проклято! — совсем того не желая, не думая ни о чем, просто под настроение, чтобы произвести впечатление на приятелей. Ему хотелось повернуть время вспять, хотя бы на сутки назад, этого было бы вполне достаточно, и тогда все было бы как всегда. И вдруг это «как всегда» показалось ему самым желанным на свете.

Ветер гнал облака, и в просвете между ними внезапно показался полумесяц. Альфред не знал, была ли это убывающая луна или молодой месяц, в принципе, это его и не интересовало, но Рольф — тот знал бы. Рольф интересовался всем, поэтому он знал ответы почти на все вопросы. Может, если бы рядом был кто-то, кого он мог любить так, как Рольфа, все сложилось бы иначе.

Но он шел домой к матери и сестрам, которые ничего для него не значили. И ему снова придется врать, чтобы они не узнали, что произошло. Врать, лишь бы не прочесть в их взглядах, кроме обычного равнодушия, еще и презрение.

Он чувствовал, что ему до боли не хватает отца, этого Мистера Неизвестного, который произвел его на свет, а затем совершенно беспричинно умер.

В два часа ночи он добрался домой. Замерзший и усталый. В доме было темно. Похоже, никто не заметил его отсутствия, никто не волновался, что его нет. А чтобы мать ночью посмотрела, дома ли он, — такое просто невозможно было представить. Тихо, как только мог, он прокрался по узкой лестнице наверх, в свою комнатку, которую называл «колбасная кладовка», и не раздеваясь улегся на кровать. Он все на свете отдал бы, чтобы не было того, что случилось.

Марайке Косвиг после окончания учебы третий год служила в полиции. Уже два месяца она была в наружной службе и со своим коллегой Хольгером Майзе патрулировала улицы. Они улаживали семейные ссоры, отвозили пьяных в камеру-вытрезвитель и составляли протоколы о материальном ущербе, причиненном машинам. Марайке приходилось видеть тяжелые дорожно-транспортные происшествия, но такого — еще никогда. Вид разможенного черепа Тили она, наверное, никогда не забудет: он вечно будет стоять у нее перед глазами. Марайке сделала снимки с места происшествия. Пленку проявили той же ночью.

В три часа двадцать минут они остановили водителя, который ехал по автостраде против движения, имея 2,8 промилле алкоголя в крови^[11], и даже не заметил, что движется не по той стороне автобана.

В четыре пятнадцать они вернулись в полицейский участок. Фотографии были уже готовы и лежали на столе. Марайке сделала очень много снимков Тили. Со всех сторон.

Похоже, она снова и снова нажимала на кнопку фотоаппарата, не задумываясь о том, что делает. Она просто видела в этом единственный шанс справиться с ужасом.

На одной из фотографий было видно лицо подростка, который с ужасом смотрел через окно машины на обе жертвы. У него были темные, слегка волнистые волосы и резко очерченные скулы. Марайке фотографировала Тили со стороны, и вспышка полностью осветила лицо подростка.

— Что ты думаешь об этом? — Марайке сунула Хольгеру фотографию прямо под нос.

— Н-да... Ну, смотрит кто-то через окно. Он же был там не единственным зевакой.

— А ты присмотришься к нему внимательнее! Ему же лет четырнадцать, может, пятнадцать, самое большое — шестнадцать!

— Ну и что? — Хальгер не понял, к чему она клонит.

Марайке встала и взяла чашку кофе со столика возле стены, на котором тихонько кипела кофеварка. Это была определенно уже седьмая ее чашка за сегодняшнюю ночь.

— Что делает подросток в половину одиннадцатого ночи на автобане? Ты можешь мне сказать? Все ближайшие города находятся оттуда за несколько километров.

— Господи... — Хольгеру все виделось в не столь драматическом свете. — Может быть, он сидел с родителями в машине, в пробке, и милое семейство захотело узнать, что случилось?

— Родители, которые сидят в машине с малолетними детьми, не станут выходить из нее, чтобы посмотреть на убитых, превратившихся в месиво людей! Никогда! Они будут только рады, если их сын не увидит картины насилия вблизи! Нет, Хольгер, я скажу тебе, что делает пятнадцатилетний пацан ночью на автобане: швыряет камни с пешеходного моста!

У Хольгера был такой вид, словно он только сейчас проснулся. Он задумался.

— Наверное, ты права.

— Мы должны попытаться найти его. Фотография неплохая.

— Хорошо. — Хальгер подошел к карте, висевшей на стене. — Вот здесь произошел несчастный случай. А вот с этого моста полетел камень. — Он обозначил место красной булавкой. — Коллеги из уголовной полиции должны взять эту фотографию и обойти все школы в радиусе тридцати километров. Где-то его опознают.

— Я тоже так думаю. Я пошлю коллегам фотографии и приложу краткий отчет.

Хольгер кивнул, и Марайке уселась за письменный стол. Она была очень довольна собой.

Уже через два дня уголовная полиция идентифицировала лицо на фотографии. Полиции стало известно, что подростка зовут Альфред Хайнрих и что он ходит в девятый класс общеобразовательной школы имени Курта Тухольского.

Двадцать третьего июня в пятнадцать тридцать двое сотрудников уголовной полиции и Марайке Косвиг стояли перед дверью семьи Хайнрих. Марайке, вообще-то, должна была быть дома и спать, потому что всю неделю дежурила по ночам, но этот случай настолько заинтересовал ее, что она решила пойти с коллегами. Она уже подумывала, не стоит ли, не откладывая дело в долгий ящик, перейти на работу в уголовную полицию.

— Уголовная полиция Геттингена, — сказал Вайланд, старший из двух сотрудников. — Ваш сын дома?

Эдит молча кивнула и наморщила лоб. У нее был такой вид, словно она ожидала, что через пять минут ее казнят.

— Это хорошо, — сказал Вайланд. — Нам нужно задать ему пару вопросов, а вы должны присутствовать при этом, поскольку он несовершеннолетний.

Эдит снова кивнула и широко открыла дверь в знак того, что трое полицейских могут войти. Через несколько минут они сидели в кухне напротив друг друга. От волнения у Альфреда горело лицо, и он ничего не мог с этим поделать.

— Где ты был позавчера ночью, приблизительно между десятью и одиннадцатью часами?

— Дома. А где мне еще быть? Я живу здесь. — Альфред пытался говорить нахальным и независимым тоном, что, однако, не очень понравилось полицейским.

— Бывает, что подростки вечерами иногда выходят из дому. К примеру, к друзьям, в пивную или на дискотеку...

Альфред покачал головой:

— Я был здесь.

— И что ты делал весь вечер? — спросил Вайланд.

— Учил слова для этой дерьмовой школы. Английский. У нас вчера была письменная работа.

— Ну и?.. Как написал? — приветливо спросила Марайке.

— Хреново. Завалил на сто процентов.

— Значил, учил не очень старательно, — сухо заметил Вайланд.

— Как же. Просто попалось другое. Не то, что я знал.

Вайланд кивнул с видом, который, казалось, говорил: «Не верю я ни единому твоему слову», и повернулся к матери Альфреда.

— Вы можете подтвердить, что ваш сын вечером двадцать первого июня все время был дома?

Эдит помедлила и потерла лоб, словно ей нужно было хорошо подумать.

— Я не знаю. Может, был, а может, и нет. Он уходит, когда хочет, приходит, когда хочет, и делает, что хочет. Я за этим не слежу. Он достаточно взрослый. Если бы я контролировала его с утра до вечера, то потратила бы на это всю жизнь. А у меня, слава богу, хватает и других дел.

«Мама, — подумал Альфред, — Господи, мама, неужели ты хоть раз в жизни не поможешь мне? Один-единственный раз? Неужели тебе настолько все равно, что они сейчас со мной сделают?»

— Я бы хотел поговорить с вашим мужем, — сказал Вайланд, обращаясь к Эдит.

— Он умер. Как только родился Альфред. — В ее голосе звучала горечь.

Вайланд замолчал. В дело вступил Келлинг и обратился к Альфреду:

— А что ты делал вечером в понедельник в двадцать два тридцать на автобане А7, когда произошло тяжелое дорожно-транспортное происшествие? Ты же видел эту аварию?

Альфред не знал, что говорить и как реагировать, но тут Вайланд положил перед ним фотографию. Раздробленный череп Тили и его лицо сзади.

— Это ведь ты? Или нет?

Альфред молча кивнул. Деваться было некуда.

Келлинг повысил голос:

— И что ты там искал?

Альфред пожал плечами:

— Ничего. Мы просто катались там, пара приятелей и я, увидели аварию и

остановились, чтобы глянуть, что случилось.

— На какой машине вы ездили?

— На машине одного из моих друзей.

Вайланд раскрыл блокнот:

— Фамилия? Адрес? Марка машины? Номер машины?

Голос Альфреда становился все тише и тише:

— Я никого не выдам.

Келлинг ухмыльнулся:

— Если человек ничего не совершил, то ему и выдавать нечего! А вот когда есть что скрывать... Ну?

Альфред понял, что совершил ошибку, и попытался исправить положение:

— О'кей, мы угнали машину. Но только чтобы просто покататься. А потом мы хотели поставить ее назад.

Эдит сделала глубокий выдох, тихо свистнув через передние верхние зубы, между которыми была довольно широкая щель.

— Ну? Вы поставили ее назад?

— Не знаю.

— Почему не знаешь?

— Я пошел домой пешком.

— Что? — вмешалась Марайке, которая хорошо знала эти места. — От места аварии до твоего дома, то есть от Нертен-Харденберга до Бовендена, почти одиннадцать километров! Почему ты пошел пешком?

— Не знаю. Захотелось. Они действовали мне на нервы. — Не с его умом было справиться с допросом, и он уже почувствовал это.

— Сколько вас было? — спросил Келлинг.

— Трое.

— Как зовут остальных?

— Не скажу.

— О'кей. Тогда вся вина ложится на тебя одного. Если тебе так хочется, пожалуйста. Вы что, в тот вечер поссорились?

Альфред покачал головой. Если бы он сказал «да», то пришлось бы объяснять почему, а ничего путного на ум не приходило. В голове было пусто, словно кто-то все там вымел, и было такое чувство, что он сделал неправильно все, что только смог.

— Хорошо. Тогда по тексту, — сказал Вайланд. — Итак, когда вы встретились?

— В семь.

— Где?

— Здесь, на месте. Возле молодежного клуба.

— А что потом делали?

— Ничего. Трепались. Пиво пили.

— Где?

— У фонтана. Погода была хорошая.

— А потом?

— Потом угнали машину.

— Где?

— Со двора у железнодорожного переезда. Люди ничего не заметили. Наверное,

телевизор смотрели.

— Что это была за машина?

— Форд.

— Какого цвета?

— Такого... темно-красного, грязно-красного.

Эдит перебила допрос:

— Мне надо еще кое-что сделать на улице...

— К сожалению, придется подождать, фрау Хайнрих, — сказал Келлинг, а Вайланд продолжал задавать вопросы:

— И что вы потом делали?

— Поехали кататься.

— Куда?

— Просто так, куда глаза глядят. Без понятия.

— Кто был за рулем?

— Я.

Эдит охнула:

— С каких пор ты умеешь водить машину?

— Уже давно.

— А где вы остановились, когда увидели аварию?

— На проселочной дороге. С краю.

— А потом перебежали через мост и спустились с той стороны к месту аварии?

Альфред кивнул.

Марайке перебила своих коллег:

— Я хорошо знаю это место. С проселочной дороги автобан не просматривается. Оттуда они не могли заметить аварию. Увидеть все можно только с моста.

— Это уже интересно... — Вайланд нагнулся и посмотрел Альфреду прямо в глаза. И это было очень неприятно. — Почему вы остановились именно там? Ты можешь объяснить?

Альфред почесал спину, чтобы выиграть время.

— Мы услышали сирену полицейской машины, поэтому и остановились.

Келлинг ухмыльнулся:

— Разве, когда сидишь в угнанной машине, не надо удирать, услышав полицейскую сирену?

Альфред пожал плечами. И эта отговорка тоже не помогла.

Вайланд потер руки:

— Так, история становится все интереснее. Значит, вы тормозите, потому что слышите сирену полицейской машины, и вам становится интересно, что там такое. Потом вы взбегаете на мост, видите аварию, идете вниз на место происшествия, все внимательно рассматриваете, а потом не уезжаете на угнанной машине, которой, слава богу, никто не поинтересовался, домой или в ближайшую пивную, или я не знаю куда. Нет, один из вас, а именно ты, марширует одиннадцать километров до дома. И это притом что вы не ссорились. Это до меня не доходит, Альфред. И можешь не рассказывать, что тебе просто захотелось прогуляться пешком. Я тебе не поверю.

Альфред молчал. Он не знал, что делать дальше.

Вайланд был уже близок к цели:

— Теперь я тебе скажу, как было на самом деле, Вы, как огурцы в банке, катаетесь на

украденной машине, едете лишь бы куда, без определенной цели, и вам довольно скучно. И тут одному из вас приходит в голову идея бросить с моста парочку камней. Об этом вам уже приходилось слышать, и хочется разок попробовать самим. А в темноте вас никто не заметит. Вы не хотите никому ничего плохого, вы просто хотите чуть-чуть попугать водителей, просто посмотреть, что же будет. Классная идея, наконец хоть что-то интересное за эту ночь! Может, ты хотел похвастаться перед другими, может, ты просто не думал, к каким последствиям это может привести, но в любом случае ты бросаешь первый камень... Он попадает в лобовое стекло «жука», и происходит что-то страшное. Машину сносит с дороги в кювет. Вы пугаетесь насмерть и бежите вниз, чтобы посмотреть, что же случилось на самом деле. Ты смотришь через окно и видишь, что наделал. И тут вдруг до тебя доходит, что ты убил женщину. И ты смываешься. Просто убегаешь подальше. У тебя шок, и ты бежишь домой. Черт с ними, с приятелями и с машиной! Так было дело?

В кухне Хайнрихов воцарилась тишина. Никто не говорил ни слова. Эдит наконец не выдержала:

— Так это сделал ты, Альфред? Скажи, ты что, рехнулся? Ты что, вообще ничего не соображаешь?

Альфред понял, что все кончено. Он крепко вляпался, больше не было ни отговорок, ни выхода. И это его взбесило. Он почувствовал, как щеки покраснели от ярости, ощутил дикое, непреодолимое желание разнести все в этой проклятой кухне. Но он ничего не сделал, просто уставился на мать, которая спокойно выдержала его наполненный ненавистью взгляд.

«Почему ты никогда не была на моей стороне? — думал он, сжав зубы, чтобы не крикнуть это ей в лицо. — Надеюсь, тебе никогда не понадобится моя помощь, мама. На меня не надейся, никогда в жизни!»

Трое полицейских встали.

— Мы вынуждены забрать вашего сына с собой, фрау Хайнрих, — объяснила Марайке.

Эдит кивнула. Когда Альфред с полицейскими шел к двери, она сказала Марайке:

— Его околоплодные воды были зелеными. Зелеными и ядовитыми. Я всегда знала, что с ним что-то не так.

Полицейские ничего не ответили и вышли из дома вместе с Альфредом. Альфред ухмыльнулся: «Зеленые и ядовитые околоплодные воды. Только чрево ведьмы могло наполниться ними». Его мать хотела отравить его, а он все же выжил.

Дело в том, что он был особенным. И сейчас это стало ему еще понятнее, чем прежде.

Ханенмоор, ноябрь 1986 года

На вокзале «Зоо» гуляли сквозняки, было холодно. Альфред медленно шел вдоль платформы. Следующий поезд на Брауншвейг должен был прибыть в четырнадцать пятнадцать, а сейчас тринадцать часов тридцать две минуты. У него было еще сорок три минуты времени, однако он не стал покупать билет в окошке информации. Он ненавидел это: стоять, как нищий, в очереди и чтобы человек сзади пялился ему в затылок. Он не хотел чувствовать у себя на затылке чужое дыхание и не хотел, чтобы кто-то, пусть даже нечаянно, прикасался к нему. Неизбежная теснота в очереди выводила его из себя и действовала на нервы.

Все свои пожитки он упаковал в две сумки: в кожаную сумку с ремнем, которая была очень тяжелой и ее ремень глубоко врезался ему в плечо, и в сине-зеленую спортивную сумку из пластика, которая из-за своей неудобной пузатой формы мешала при ходьбе, что доводило его до бешенства. Несколько минут он боролся с желанием просто бросить обе сумки на платформе и уйти или засунуть их в купе какого-нибудь поезда, на котором он не собирался ехать. Тогда, наконец, он стал бы свободен. Его имущество, даже сокращенное до объема двух сумок, казалось балластом. Но потом он отбросил эту мысль. Там, куда он хотел уехать, нужны были некоторые вещи, необходимые для выживания: спички, свечи, нож, карманный фонарик и кое-что другое.

Альфред снова ушел с платформы и потащился с багажом вниз по лестнице, назад, в здание вокзала. У одного из киосков он купил хот-дог с горчицей и чашку кофе. Шум колес поездов даже здесь, в здании вокзала, был очень громким, прямо бил по ушам. Объявления, постоянно раздающиеся из громкоговорителей, невозможно было понять. «Тому, кто вынужден ориентироваться по объявлениям, можно даже не дергаться, — подумал Альфред. — А для иностранца и вообще никаких шансов».

Из мусорного ведра, стоящего прямо перед ним, несло невыносимой вонью протухших остатков пищи, и Альфред перешел к другой стойке, потому что его начало тошнить.

Еще тридцать пять минут.

Брауншвейг. Странно, но он был почти рад, что поедет в Брауншвейг. Там он жил три года с Гретой. Маргарета Фишер, его пока еще жена, мать его сына Джима.

Был прекрасный летний день шесть лет назад, начало июля, когда он впервые встретил Грету на утренней пробежке. По ночам он работал уборщиком в здании, где было множество офисов, и приучил себя утром пробегать пару километров перед тем, как лечь спать. Женщина спортивного телосложения, которая была намного старше его, бегала по той же дорожке и без труда выдерживала его темп. Поэтому они почти поневоле бегали рядом. Он пригласил ее на кофе. Уже при первой встрече он узнал, что ей тридцать шесть лет и что у нее есть одиннадцатилетний сын Том, с которым они живут вдвоем. Отец Тома ушел от них, когда мальчику было два года. Без причины, без объяснений. Просто исчез однажды и с тех пор не объявлялся. У нее не было ни его номера телефона, ни адреса, она даже не знала, жив ли он.

Альфреду понравилось, что мужчина в этом цивилизованном мире просто так растворился в воздухе, но Грете он этого не сказал. Побоялся обидеть ее.

Она рассказала, что работает в книжном магазине и очень довольна своей работой. Поскольку она много читает, то утренний бег нужен ей в порядке компенсации отсутствия физических нагрузок.

Когда она поинтересовалась, чем он занимается, он сказал, что изучает экономику, студент третьего семестра. Денег у него мало, занимает он маленькую квартирку и ночью работает, убирает в бюро, чтобы оплачивать учебу.

Грете это понравилось. Они обменялись номерами телефонов и договорились встретиться на следующее утро.

То, что он начал отношения с Гретой со лжи, его абсолютно не волновало.

На следующей неделе они виделись ежедневно. Они делали пробежку по парку и вместе завтракали, поскольку Грете надо было выходить на работу в книжный магазин только к десяти. Том ходил в пятый класс, обедал чаще у своего друга Штефана, там же делал домашнее задание и возвращался домой только вечером, как и Грета. Все складывалось без проблем. Мать Штефана была рада, что ее сын не остается один, и присматривала за обоими. За это Грета время от времени организовывала по выходным вылазку куда-нибудь и давала матери Штефана пару часов отдохнуть. Порой Штефан по выходным ночевал у Тома.

На второй неделе знакомства, в субботу, Грета пригласила Альфреда на ужин к себе домой. Она любила готовить и хотела кое-что придумать.

Альфред прибыл минута в минуту. Он принес розы и игрушечную машину для Тома, которого увидел в этот вечер в первый раз.

Том был исключительно милым мальчиком. У него были гладкие темные волосы, которые постоянно падали ему на лоб и которые он движением головы убирал с глаз. Пока Грета на кухне готовила еду, они дурачились вдвоем. Грета была счастлива оттого, что они так хорошо понимают друг друга.

Она превзошла себя и приготовила много итальянских блюд, но Альфред слабо разбирался в изысканных кушаньях. Когда Том где-то в половине десятого послушно, хотя и неохотно, исчез в своей комнате и улегся спать, Альфред рассыпался перед Гретой в комплиментах по поводу того, какой у нее чудесный сын.

После еды они начали пить, и пили много. Альфред раззадорился, а Грета стала непринужденнее и проще.

В конце концов она взяла его за руку и потащила в спальню, где обе половины кровати уже были застланы свежим постельным бельем. Грета начала медленно раздеваться.

Альфред испугался. Его лицо горело, он вспотел. Его одолевали мысли о бегстве, но он налил себе еще один полный стакан, выпил большими глотками и вымученно улыбнулся. Как он ни старался, но не мог понять, что делать дальше.

«Ты же знал, — думал он, — ты же догадывался, когда принимал приглашение на ужин, что это будет. Теперь держись, не скисай!» Однако упреки в свой адрес мало помогали — обнаженная Грета уже лежала в постели и призывно улыбалась.

— Иди сюда, — с придыханием сказала она, — чего ты ждешь?

У него было чувство, что сейчас придется прыгать с десятиметровой вышки в ледяную воду. Он еще в детстве, на пляже, никак не мог решиться прыгнуть с вышки, каждый раз разворачивался на самом верху и под издевательский смех спускался назад по лестнице.

Он сел на кровать и принялся медленно раздеваться. Он чувствовал себя незащищенным перед этой женщиной. Она же приняла его медлительность за робость, что только прибавило ему привлекательности.

Когда он разделся, она притянула его к себе, крепко обняла и стала очень медленно и осторожно ласкать.

В какой-то момент он забыл, что с ним происходит. Он закрыл глаза и, когда ему начали нравиться прикосновения, больше не думал о Грете. Он думал о Томе и отдавался своим фантазиям...

Был август, когда все переменилось. В тот теплый день позднего лета они поехали отдохнуть на озеро. Жара стояла просто удушающая, и Альфред играл с Томом и Штефаном в воде. Грете не хотелось купаться, она сидела на берегу на полотенце и выковыривала семечки из арбуза. Сок капал на полотенце и привлекал ос.

Вдруг Грета замерла, прижала руку к животу и скривилась, как будто у нее что-то болело. Затем с трудом выпрямила поджатую ногу и нечаянно задела осу, которая тут же ее ужалила. Грета вскрикнула от боли. Альфред, который как раз крепко обнимал в воде Тома, испугался. Он решил, что возглас Греты относится к ним, и отпустил мальчика. Тот моментально поплыл к Штефану и принялся барахтаться с ним.

Грета звала Альфреда, но у него наступила эрекция, а потому выйти на берег было проблематично.

Наконец он решился выскочить из воды, но сразу же обернул полотенце вокруг бедер и только после этого обнял Грету. Она была настолько занята распухающей ногой, что ничего не заметила.

— Эта проклятая тварь... — Она указала на мертвую осу.

— Ты должна опустить ногу в воду, — сказал он, — это помогает.

— Я не могу ступить на нее. Проклятье, как больно!

Альфред взял Грету на руки и понес к озеру. Он зашел в воду так, чтобы ноги Греты доставали до воды. Холодная вода уменьшила боль.

— Я беременна, Альфред, — прошептала она.

У Альфреда было ощущение, что прибрежный песок затягивает его с головой. Он уставился на Тома и Штефана, которые в нескольких метрах от них пытались окунуть друг друга в воду, и оказался не в состоянии хоть как-то отреагировать на эти слова.

— Что такое? — ошарашенно спросила Грета.

— Да ничего! Прекрасно! Я просто не ожидал... Это так ново и неожиданно для меня. — Он говорил слишком быстро, и Грета насмешливо улыбнулась. — Как это могло случиться?

— Я тебе покажу, когда окажемся дома. Может, уже поедем? Детям становится холодно в воде.

Альфред кивнул, отнес ее на берег и поцеловал.

На полотенце уже собралась куча ос, да и арбуз был полностью оккупирован ими. Грета вздрогнула от отвращения. Она позвала мальчиков и поспешно села в машину. Альфред зашвырнул арбуз в кусты, выполоскал полотенце в озере, оделся, упаковал все вещи и поставил их в автомобиль.

Грета родила здорового мальчика, который весил три килограмма триста граммов и был пятьдесят один сантиметр ростом. Они назвали его Джимом. Это имя выбрал Альфред — в память об отце, который уехал в Америку и которого он никогда не видел. Грета не возражала. У беспрерывно орущего младенца был маленький курносый носик, и вообще он выглядел как «Джим», в этом она была убеждена.

Через месяц состоялась свадьба. Альфред никого из родных на торжество не пригласил, чего Грета вообще-то не могла понять, но ей это было глубоко безразлично. Важно лишь то, что у нее теперь есть прекрасный муж и отец обоих ее сыновей!

Для Альфреда важно было то, что он взял фамилию Греты.

Теперь его звали Альберт Фишер, и ничего больше не напоминало об Альфреде Хайнрихе, которым он был до свадьбы.

Когда Альфред приехал в Брауншвейг, ему хотелось только одного — побыть одному. Люди в поезде, на вокзале, на улицах, да и предрождественское настроение в городе за два дня до первого адвента^[12] основательно действовали ему на нервы.

Первые рождественские звезды мигали в окнах, а перед дверью универмага взад-вперед прохаживались переодетые Санта-Клаусы с бородами, которые держались на резинках за ушами, и раздавали рекламные проспекты. Моросило, машины стояли в пробках.

Альфред сел в автобус рейсом семнадцать тридцать в направлении Целле. Его любимое место в последнем ряду было свободно. Он проверил, не приклеилась ли где-нибудь жевательная резинка, нет ли пятен на пластиковом покрытии сиденья, и лишь потом сел у окна.

В Ваттенбюттеле автобус свернул на федеральную дорогу 214. Хотя в темноте трудно было рассмотреть местность, ему нравилось ехать вот так, через маленькие села, и представлять, как за освещенными окнами сидят дети, делают домашнее задание, смотрят телевизор, играют с друзьями или ужинают с родителями.

В Охофе он вышел из автобуса и тридцать пять минут ждал следующего, на котором доехал до Мюдена. Остаток пути он прошел пешком.

Здесь он ориентировался великолепно. Он избегал больших дорог и с уверенностью лунатика шел через лес и по узким тропинкам через болота. Зимой в это время пешеходов уже не было, как не было ни одной машины на опушке леса, где развлекалась бы парочка.

Не встретив ни одного человека, он через двадцать минут добрался до каменного карьера. Вагончик для рабочих, который он искал, стоял на том же месте. Сердце его забилось так, что даже в ушах загудело, когда он карманным ножом взломал дверь.

На столе стояли консервные банки из-под сардин, которые использовались в качестве пепельниц и были до краев набиты окурками, и множество пустых пивных бутылок. Теперь на двери висел постер с полуубнаженной красоткой, служивший мишенью для дартса и продырявленный главным образом на ее пышной груди.

На маленьком окне все еще висел обрывок гардины с оранжево-бежевыми полосами, тот же, что и три года назад, только краски за это время почти выцвели. Он улыбнулся, вспоминая, как задвинул эту гардину, когда Даниэль лежал перед ним, совершенно голый, с широко раскрытыми от страха глазами и мокрым от пота лбом. Он ни секунды не думал, что их могут обнаружить, нет, он просто не хотел, чтобы кто-то еще увидел этого нежного мальчика, который принадлежал ему, и только ему, и был предназначен только для него, во всей своей невинности.

Альфред сел на койку и легонько погладил покрывало.

Даниэль. Два дня и целую ночь он забавлялся с ним, пока не обессилел настолько, что уже не мог растягивать удовольствие. Это была маленькая вечность, самое интенсивное и прекрасное время, которое когда-либо было в его жизни, вот только для Даниэля оно было далеко не прекрасным. И сейчас, сейчас наконец он возвратился в то место, в которое в

своих мечтах постоянно возвращался все эти три года, что наполняло его глубокой благодарностью. Здесь, в этом рабочем вагончике, в ближайшие дни он не хотел ничего иного, лишь предаваться воспоминаниям. Может, ему удастся еще раз все почувствовать и насладиться тем, что он снова и снова делал с Даниэлем и Беньямином. Так долго, пока смог услышать их мольбу и смилостивиться над ними. Он был милосерден и отпустил их на свободу, подарив смерть, пусть даже и потеряв их. Власть была у него, и он любил ее.

Дождь усиливался. В этот момент ему не хотелось быть одному, хотя воспоминания были чудесными и никто не мог отнять их. У него не было чрезмерных запросов: он считал себя скромным человеком и мечтал лишь о том, чтобы найти детей, которые дрожали бы в его объятиях и надеялись спастись, уйти от своей судьбы. И при этом их единственным предназначением было выполнять его желания.

Он понял, в чем заключался смысл его жизни. Он жил не для того, чтобы приносить счастье женщинам или копить богатство, а чтобы коллекционировать детей, эти игрушки Бога, которых только он мог спасти от разочарований жизни.

Воспоминания о Даниэле Долле становились все реальнее и реальнее, пока ему не показалось, что он и впрямь чувствует аромат кожи Даниэля, пахнувшей солнцем и теплом. Ему представлялась пыльная сельская дорога и звенящая летняя жара. Альфред шел босиком по этой дороге, ощущал маленькие камешки под ногами и чувствовал возбуждение, словно острую, сладкую боль. У синего неба была тысяча глаз, и они благосклонно смотрели на него и Даниэля, который вытянулся перед ним на траве.

Желание обладать этим маленьким теплым телом было столь сильным, что у него закружилась голова. Он встал и уперся руками в стену вагончика, чтобы не упасть.

В то пасхальное утро три года назад он долго сидел перед Даниэлем и гладил мертвое тело, пока оно не стало холодным и бледным. Два или три часа. Сейчас он не мог уже сказать точно. Он даже перестал чувствовать запах пота, выступившего у мальчика от ужаса. Теперь Даниэль был лишь пустой оболочкой, его холодная плоть стала похожей на воск и неэластичной.

Альфред понял, что пора уходить. Он хотел сохранить Даниэля в памяти, как нежное дуновение ветра, а не как куклу с безжизненными глазами в темных глубоких глазницах. Широко раскрытый в агонии рот Даниэля был не в состоянии кричать, но он натолкнул Альфреда на идею, которую следовало реализовать. В рабочем вагончике рядом с прочими инструментами лежали щипцы. Он взял их и выдернул один из передних зубов. На удивление, это получилось легко и быстро. Теперь у него был маленький сувенир, который будет вечно напоминать о Даниэле. Об ангеле с нежным пушком на тонких ручках.

Даниэль смог. Он получил избавление. И Альфред помог ему в этом.

После он бежал через абсолютно темный ночной Ханенмоор к своей машине, которую припарковал очень далеко, и крутил зуб между пальцами, пока запекшаяся кровь Даниэля не стерлась и в конце концов не исчезла...

Было четыре часа утра, и в доме было абсолютно тихо. Но когда он открыл дверь квартиры, то почувствовал, что что-то не так и занервничал. Он вошел, тихо закрыл за собой дверь и не стал включать свет. Он прислушался к темноте. Ничего. Тогда он снял туфли и беззвучно проскользнул по коридору в кухню. Только закрыв за собой дверь кухни, он включил свет.

Он открыл холодильник и взял йогурт. Его не оставляло чувство, что что-то случилось, и он ел йогурт, собственно, для того, чтобы спокойно все обдумать. Что делать дальше.

Может, Греты нет дома, может, Том и Джим не спят в своих кроватках, может, он дома совсем один. И вдруг ему понравилась эта мысль, и одновременно он почувствовал, что ему, собственно, абсолютно все равно, что происходит в квартире. В любом случае это никак не связано с Даниэлем Доллем, который мертв уже несколько часов.

Он поднялся из-за стола и принялся искать в карманах брюк свой сувенир, когда в дверях внезапно появилась Грета. Он не слышал, как она вошла, и вздрогнул от неожиданности.

— Я уже упаковала твои вещи, — сказала она вместо приветствия. — Три чемодана. Они стоят в спальне. Можешь убираться. Лучше прямо сейчас, ночью. Это избавит тебя от церемонии прощания с детьми и не придется притворяться Ты ведь все равно их не любишь.

Альфред никак не мог нащупать свой сувенир в кармане. И именно это в данный момент беспокоило его больше всего. Сердце его бешено билось, он вынужден был присесть.

— Извини, я задумался, — рассеянно произнес он. — Что ты сказала?

Грета глубоко вдохнула, чтобы не заорать и не разбудить детей. Он таки вывел ее из себя.

— Пошел вон! — прошипела она. — Сейчас же, немедленно! И чтобы я тебя больше никогда не видела! Убирайся из моей жизни!

Грета, выгоняя его из дому, даже не подозревала, насколько хорошо это вписывалось в его планы. Альфред должен был исчезнуть. По возможности немедленно. А он, дурак, по дороге домой ломал голову, как сказать обо всем Грете. Какую причину придумать, чтобы объяснить, почему ему нужно внезапно уехать и почему он бросает ее одну с двумя детьми. А она сама выгнала его! Это было просто великолепно.

— Да в чем дело? Что случилось? — спросил он, пытаясь придать своему голосу хотя бы заинтересованный тон.

— Твой друг Герберт был здесь. И пока ждал тебя, рассказал кое-что из твоей жизни.

Герберт. Боже мой! Альфред считал, что тот уже давно сдох от передозировки. Ага, значит, он еще жив. Но откуда он узнал этот проклятый адрес? Скорее всего, от матери. Это была единственная возможность. Альфред сам дал ему когда-то адрес Эдит. Так, на всякий случай. Он же не мог знать, что однажды это выйдет ему боком. Действительно, пора смываться. И чем быстрее, тем лучше. Теперь даже матери необязательно знать, где он живет.

— Интересно. Ну и?.. Что ты узнала?

— Что ты проклятый лжец и настоящий говнюк!

Альфред улыбнулся, чем окончательно достал Грету.

— Ты даже среднюю школу не закончил. И никогда не изучал экономику.

Альфред пожал плечами.

— И у тебя нет отца, который живет в Америке. Твой отец умер.

— Ну и что? Это что, настолько важно? — Он никак не мог понять, почему Грета из-за таких новостей вышла из себя.

— Ты был в тюрьме, потому что убил женщину. Это правда?

Альфред молчал. Раздраженный тон Греты начал действовать ему на нервы.

— Теперь я понимаю, почему ты не спишь со мной. Герберт в тюрьме был твоим любовником. Ты — педераст, и всю жизнь был педерастом, и я тебя ненавижу!

«Ага, значит, вот оттуда ветер дует. Тюрьму она, может, простила бы, но выйти замуж за мужчину, который ее не хочет и никогда не хотел, — это уже слишком».

Он мог это даже где-то понять. И то, что она стояла в кухне в тоненькой застиранной ночной рубашке, даже вызвало у него чувство жалости.

— Где ты был все это время?

— Да так, ездил вокруг. Хотелось побыть одному.

— Два дня и почти две ночи? — Она заговорила громче, и ее голос стал холодным как лед.

Альфред поднялся. Ему хотелось закончить этот разговор. Чем раньше он уберется отсюда, тем лучше.

— Я не верю ни одному твоему слову. Я больше ничему не верю! — Грета была на грани истерики.

— И не надо. Грета, лучше оставим это. Разговор ничего не даст. Мы только будем ссориться. Наверное, будет лучше, если я сейчас уйду. Машину я оставлю себе. О'кей?

Теперь она действительно заплакала. Сидела за столом, положив голову на руки, и всхлипывала. На секунду Альфред даже задумался: может, обнять и успокоить ее? Но потом отбросил эту мысль и вышел из кухни.

В коридоре он остановился и еще раз тщательно обыскал карманы. Ага, вот он! Слава богу! Он не потерял сувенир.

Ему пришлось ходить дважды, чтобы снести чемоданы вниз. Когда он поднялся в последний раз, Грета стояла в коридоре. Поверх ночной рубашки она надела толстую вязаную кофту и придерживала ее обеими руками на груди, словно стояла на холодном ветру, а не в хорошо отапливаемой квартире.

Альфред вертел в руках связку ключей и смотрел вниз, на пол. Он впервые заметил на сером ковролине маленькие синие точки.

— Пока, — сказал он. — Я буду иногда звонить. Прости, Грета. Я не хотел причинять тебе боль.

Он повернулся и ушел, беззвучно закрыв дверь на ключ, словно тысячу раз репетировал свой уход.

Дождь прекратился. В Ханенмооре стало абсолютно тихо. Альфред, полностью расслабившись, испытывал глубокое удовлетворение. И невольно улыбался.

Альфред проснулся из-за того, что его бил озноб. В вагончике было сыро и холодно. Он лежал в пальто на кровати и пытался вспомнить, когда же заснул. Потом он с трудом поднялся и сел. Было темно, хоть глаз выколи. И только постепенно он начал понимать, где находится. Слева от него была стена, справа рядом с кроватью стояла пластиковая сумка. Но это было не то. Ему нужна была сумка с ремнем через плечо, в которой должен лежать карманный фонарик. Он опустился на колени и принялся ощупывать пол.

Он с отвращением прикасался к сантиметровому слою пыли, смешанному с волосами, крошками и паутиной, образовавшей неаппетитные кучки, поцарапал пальцы о ржавые гвозди и в какой-то момент испугался, почувствовав, что на пол капает кровь. Руку пекло, и, продолжая ощупывать пол, он измазал кровью песок и пыль. Но это его не беспокоило. Три года спустя никто не будет еще раз обыскивать вагончик для рабочих и, конечно же, никому в голову не придет устанавливать связь между кровью на полу и убийством Даниэля. И с его убийцей.

Он ощупал грязный пол и в конце концов нашел свою сумку, правда, на стуле. Фонарик лежал почти сверху. Первое, что он сделал, это посмотрел на часы. Половина шестого. Еще три с половиной часа, пока снаружи станет светло.

Он нашел свечи, зажег одну, капнул воском на стол, поставил свечку и выключил фонарик, чтобы сэкономить батарейки. Пришлось вытащить маленькую круглую железную печку в коридор, иначе он не выдержал бы здесь несколько дней. Он не ожидал, что будет так холодно и сыро, — проще говоря, он просто об этом не подумал. Дни, проведенные с Даниэлем Доллем, были потрясающе теплыми.

Однако дым мог выдать, что в вагончике кто-то живет. А этого следовало избегать.

Альфред решил сразу же после рассвета сходить в ближайшее село и купить что-нибудь из продуктов. Только на следующий вечер он мог бы, пожалуй, разжечь печку. Ноябрьскими ночами никто не шастал по Ханенмоору, так что риск был бы незначительным.

В ближайшие двенадцать часов у него не было шансов согреться в вагончике.

Альфред снова улегся на кровать. Он массировал застывшие, онемевшие от холода пальцы, пытался сдержать дрожь и цокот зубов, но это ему не удалось. Через полчаса он встал и вышел из вагончика. Он надеялся, что утренняя прогулка по темному Ханенмоору, по крайней мере, разогреет кровь и хоть чуть-чуть согреет ноги.

В девять часов открылся небольшой магазин «Эдека» в Ханенхорне, и в половине десятого он зашел туда. Он не хотел запомниться как один из первых покупателей, тем не менее задержался в магазине дольше, чем следовало, и почувствовал, как тепло постепенно распространяется по всему телу. Он покинул магазин примерно через час, нагруженный несколькими кольцами «Мюсли», куриными яйцами, упаковкой нарезанного хлеба, пакетиками чая, бутылкой рома, двумя пачками спагетти, томатной пастой двойной концентрации, головкой чеснока и тремя литровыми бутылками минеральной воды.

Перед магазином, торгующим сигаретами, в глаза ему бросился газетный заголовок «Берлин охотится на убийцу». Его это позабавило, и он зашел в магазин за газетой. Ему захотелось почитать за простой, но качественной едой.

Около двенадцати Альфред вернулся в вагончик. У него стало легче на душе, когда он понял, что никто не заметил его присутствия здесь, что его вещи в полной сохранности

лежат на койке и столе точно так, как он их оставил.

На одноконфорочной газовой плитке он вскипятил чай и принялся обдумывать свое положение. Без электричества жить было можно — старого строительного леса, пригодного для отопления, вокруг вагончика валялось сколько угодно, — а вот с водой была проблема. Самое позднее завтра придется отправиться на поиски озера, пруда или ручья, откуда можно будет брать воду и кипятить ее. Он не был абсолютно в этом уверен, но предполагал, что Ханенмоор является природоохранной зоной. В таком случае вода здесь должна быть довольно чистой и пригодной для питья.

Голода он не чувствовал. Спагетти можно будет сварить и вечером. Он пил горячий чай мелкими глотками, вполне довольный собой и окружающим миром. Жизнь прекрасна, и самое лучшее в ней — это чувство, что ты один, что никто тебе не мешает и не надоедает.

Его взгляд упал на заголовок в газете «Брауншвейгские новости», и он бегло просмотрел статью об исчезновении Беньямина и обнаружении его трупа. В ней не было ничего нового, ничего такого, из-за чего следовало бы беспокоиться. Неприятным в статье было только то, что в расследовании принимала участие Марайке Косвиг.

Но потом Альфред напрочь выкинул Марайке из головы и предался любимым фантазиям. Он представлял, как молодые сотрудники и сотрудницы полиции, не имеющие никакого опыта, ни малейшего знания людей и совсем мало профессионального честолюбия, бессмысленно торчат в вагончике, затаптывают следы, наступают друг другу на ноги и спорят о своей компетенции. Наверняка ни один из них не знал, что делает другой... То, что отдельные линии расследования могут координироваться, вестись совместно и даже приводить к конкретным результатам, Альфред и представить себе не мог. Он воображал кучу растерянных полицейских, которые напускали на себя важность, а на самом деле не могли четко сформулировать ни одной мысли.

Картины в его голове становились все четче, и он невольно улыбнулся. Им никогда не поймать его! Никогда! Потому что ни один из них ему и в подметки не годится. Полицейские были честными, порядочными, законопослушными обывателями, ни один из них не обладал интеллектом выше среднего уровня. Таким, какой был у него, Альфреда. Никто из них даже представить себе не мог, что происходило у него в голове, когда он убивал Беньямина Вагнера и Даниэля Долля. А поскольку они не понимают его, то никогда и не найдут.

Альфреда все больше и больше охватывала эйфория. У него не было ни малейшего желания читать эту идиотскую статью про беспомощную полицию. Вместо этого он раскрыл единственную книгу, которая у него была и отрывки из которой он знал практически наизусть. «Преступление и наказание» Достоевского.

Он сидел на койке по-турецки, поджав ноги, и старался держать спину прямо. Раскрытая книга лежала перед ним, руки были свободными, и время от времени он отпивал глоток теплого чая. Каждый раз, отставляя чашку, он скрещивал руки на коленях.

Альфред читал медленно, впитывая каждое слово:

«Ну, а действительно-то гениальные, вот те-то, которым резать-то право дано, те так уж и должны не страдать совсем, даже за кровь пролитую?»

«Нет, нет, — подумал он и на миг закрыл глаза, — нет, я страдаю».

И прочел дальше: «Страдания и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть».

«Так оно и есть, — подумал он, — именно так».

Он любил эту книгу — это были его мысли. Они были настолько близки ему, что часто казалось, будто он сам перенес их на бумагу. Достоевский и он — по мыслям они были братьями и все больше сливались друг с другом.

Он не имел ничего общего с миром там, снаружи вагончика. Этот мир давил на него, потому что постоянно вынуждал к каким-то вещам. Он был вынужден платить, улыбаться, быть вежливым. Предъявлять паспорт и давать ответы. Он вынужден был терпеть, когда ему желали доброго утра, заговаривали с ним и вовлекали в разговор. Он был вынужден соблюдать законы, правила проживания в доме и правила дорожного движения, он был вынужден звонить по телефону и писать письма, уведомлять, отказывать, договариваться. Все это было ему противно. Он хотел лишь одного: жить и полностью отдаваться своим мыслям, которые считал уникальными и которые его восхищали. Когда-нибудь он запишет их и тем самым воздвигнет себе памятник, чтобы его идеи не были преданы забвению.

Даниэль и Бенъямин... Они были его творениями. Он принимал решение об их жизни и смерти, о том, когда и каким образом они будут умирать. Он принадлежал к избранным, которые имели право судить других. И это знание окрыляло его. Его существование имело смысл, было оправданным. Бенъямин и Даниэль были его созданиями — Альфред был их богом.

Альфред подскочил, потому что услышал в каменном карьере голоса. Он осторожно отложил книгу в сторону и схватился за бутылку рома, чтобы в случае необходимости нанести ею удар. Мышцы его напряглись. Он затаил дыхание.

Через щель в дощатой стене он увидел ссорящуюся пару. «Пошли вон! — подумал он. — Убирайтесь!» Он не слышал, что они говорили и о чем спорили. Он затаил дыхание и не спускал с них глаз. Они настолько мешали ему, что у него начала болеть голова и затуманилось в глазах. Если бы у него было ружье, он бы выстрелил в них. Он знал это. «Убирайтесь вон, — снова и снова мысленно приказывал он, — пока я не распахнул дверь этого проклятого вагончика и ничего не сотворил!»

В конце концов, без усталости жестикулируя и перекрикивая друг друга, парочка удалилась. Когда они исчезли из поля зрения Альфреда, он еще несколько минут напряженно прислушивался, а когда уже ничего не было слышно, вышел наружу, чтобы убедиться, что они действительно ушли. После помочился в песок и снова исчез в вагончике.

На кровати лежало шерстяное одеяло, от которого так разлило горечью и затхлостью, словно его не стирали несколько лет. Но Альфреду это не мешало. Это было не то одеяло, на котором лежал Даниэль. В этом он был уверен. То, наверное, забрали на экспертизу. Это его позабавило, и к нему вернулось хорошее настроение.

Он улегся на кровать, завернулся в одеяло и подоткнул его под себя так хорошо, как только смог. И снова ему в голову пришли слова Достоевского: «Обыкновенные должны жить в послушании и не переступать закона, потому что они — обыкновенные люди. А необыкновенные имеют право делать всякие преступления и всячески преступать закон, собственно потому, что они необыкновенные».

«Все, что есть во мне, — необыкновенно», — подумал Альфред и уснул со спокойной совестью.

Берлин, январь 1987 года

Марианна Вагнер знала, что после завтрака в семь утра ей нужно проглотить две белые таблетки, а после обеда в двенадцать часов следует растворить большую розовую пастилку в воде и выпить весь стакан, хотя на вкус вода становилась противной. К кофе в четыре часа пополудни ей давали три золотистые прозрачные капсулы, которые она долго сжимала в кулаке и вертела в руках, настолько они хорошо выглядели и на ощупь были не менее приятными. Каждый раз она с жалостью запивала их глотком теплого чая из шиповника без сахара. Иногда после прозрачных капсул ее приходил проведывать Петер. Около пяти вечера. Если еще мог держаться на ногах и хоть чуть-чуть передвигаться. Петер стал потерянным человеком. Он утверждал, что у него отпуск, но Марианна знала, что он врет. Со времени смерти Беньямина прошло уже почти два месяца, а он все еще сидел дома и пил. Он никогда больше не пойдет на работу. Никогда. В этом она была глубоко убеждена.

Петер почти каждый день приползал в клинику, потому что любил ее. Потому что она была его единственной опорой, последним, что у него осталось. Она это чувствовала и понимала, но ей это уже помочь не могло.

Обессиленный, сгорбленный, он сидел на краю кровати, снова и снова рассказывая ей о Беньямине, потому что она хотела знать все. Страдания переносить легче, если не нести их груз одному, если высказать весь ужас, а не думать о нем снова и снова. Он в тысячный раз рассказывал ей, как и где нашли Бенни, как он лежал на холодных как лед носилках в патологоанатомическом отделении. Петер с трудом узнал сына, потому что безжизненное и бледное маленькое личико показалось ему абсолютно чужим. Кожа Бенни выглядела восковой, напоминающей пластилин, и Петер подумал, что мог бы просто забрать сына домой и уложить на кушетку. И Бенни никогда бы не изменился. Не стал бы разлагаться, исчезать. Может быть, лишь покрылся бы пылью.

Петер поцеловал его в щеку. Кожа сына на ощупь была похожа на сыр, который только что вынули из холодильника. А потом Петер потерял сознание.

Марианна завидовала Петеру, потому что он смог поцеловать сына. В ее памяти осталось только прощание с Бенни в то утро, когда она еще не знала, что это было прощание навсегда. Петер смог осознать, что мальчик мертв, потому что видел его труп. А она — нет.

Две недели она размышляла, что же у нее осталось в жизни. Безработный муж, который вот-вот допьется до того, что умрет, неизлечимая болезнь, квартира, за которую скоро нечем будет платить, и мертвый ребенок. Это было меньше, чем ничего.

Она каждый день послушно глотала таблетки и капсулы, а вечером после ужина вводила себе свечи, которые так приятно усыпляли и предупреждали приступы страха. С тех пор как Марианна попала в клинику, ей еще ни разу ничего не снилось. И она была благодарна уже за это. Несколько дней назад, во время какой-то передачи по телевизору, она даже один раз засмеялась, хотя и не могла потом вспомнить, что же смотрела.

Но она уже давно не выполняла никаких упражнений и не могла заставить себя сделать хотя бы пару шагов. Это было ее ошибкой. И она только сейчас это поняла.

Она даже не представляла, что будет так трудно подняться с инвалидного кресла и ухватиться за оконную ручку. Даже после этого ей пришлось несколько секунд отдыхать. Но это было неважно, потому что в это время в отделении никого из персонала не было. Ночная

дежурная медсестра сидела в сестринской и читала роман Виктора Гюго «Отверженные». Она сама рассказала об этом Марианне, потому что неопишимо гордилась тем, что в состоянии читать столь монументальное произведение. Таким образом, опасность того, что медсестра зайдет в палату, была довольно небольшой.

В отделении царила полная тишина. Никто не плакал, никто не кричал, никто не ходил по коридору, громко разговаривая сам с собою. Она услышала, как где-то вдалеке на машине сработала противоугонная сигнализация, и невольно улыбнулась: «Господи, ну и проблемы у людей! Покупают дорогие устройства, чтобы защититься от такой банальной вещи, как угон машины».

Предвкушение радости охватило ее, заставило дышать глубже и придало сил. Она повернула оконную ручку и медленно открыла окно. И сразу почувствовала ледяное дыхание воздуха, потому что на ней была лишь ночная рубашка. Ничего не поделаешь. Если бы она попросила медсестру помочь одеться, та точно бы насторожилась.

Теперь предстояло самое трудное. Она уцепилась за открытую створку окна, которая раскачивалась из стороны в сторону и опереться на нее было практически невозможно. Но Марианне удалось чуть-чуть подтянуться и даже, опираясь на руки, слегка подпрыгнуть и сесть на подоконник. Слава богу, он был достаточно широк. Она медленно подтянула левую ногу и свесила ее наружу, держась за оконную раму, чтобы не упасть вниз. Пока что. Время еще не настало. То же самое она проделала и с правой ногой. Теперь обе ноги были снаружи, на фасаде дома, и ей, собственно, оставалось лишь оттолкнуться.

Марианна посмотрела вниз. Далеко-далеко виднелась небольшая часть больничного парка с двумя узкими газонами и двумя скамейками. Три фонаря освещали прямую, как шнур, дорожку. «Неподходящее место для того, чтобы предаваться мечтаниям, — подумала она, — и чтобы прощаться с самым дорогим».

Петер был у нее в пять вечера. «Может, у тебя будет еще ребенок, — подумала она тогда, — с женщиной моложе меня и, главное, здоровой. Если тебе удастся не допиться до смерти, то воспоминания о Бенни постепенно поблекнут. И я даже не обижусь на тебя за это».

Она в последний раз погладила его по волосам, провела рукой по щеке и задержала ее на его губах. Он машинально поцеловал кончики ее пальцев. Сказать она ничего не могла. У нее еле хватило сил, чтобы удержаться от слез.

— Я видел в магазине «Альди» клубнику, — сказал он уходя. — Ты представляешь? Это же с ума сойти! Сейчас, зимой! Я принесу тебе клубнику. Завтра после обеда, когда приду.

Он улыбнулся, как улыбался раньше, двенадцать лет назад, когда они познакомились в кафе. И дверь за ним хлопнулась.

Сейчас, сидя на подоконнике, она вспомнила о клубнике, которую он завтра купит для нее, а она уже ее не съест. Она заплакала, потому что ей стало очень жалко Петера.

Она решила еще какой-то миг подождать, чтобы успокоиться. Подолом ночной рубашки она вытерла слезы, и из-за этого чуть не выпала из окна.

В первый момент она испугалась, но страх быстро прошел. Она думала уже не о Петере, а о Бенни, которого увидит через несколько секунд. Где-то там наверху, среди моря звезд. В этом она была твердо убеждена.

И когда ее сердце начало учащенно биться от радости, она оттолкнулась от окна и полетела навстречу сыну.

Геттинген, сентябрь 1989 года

— За тебя, — сказала Марайке и подняла бокал.

Беттина улыбнулась:

— За нас!

Сегодня, шестнадцатого сентября, исполнилось ровно пять лет, как они были вместе. Они сидели в своем любимом итальянском ресторанчике, куда отправились отпраздновать юбилей. Марайке была расслаблена и довольна. В принципе, она была счастливым человеком. У нее была подруга, с которой она жила и которая ее очень любила. У нее была работа, которую она считала важной и которая, за исключением отдельных неудач, доставляла ей удовольствие. У нее не было финансовых проблем, и она была здорова. Больше и желать нечего. И когда она держала бокал в руке и произносила тост в адрес Беттины, то в душе надеялась, что все так и будет продолжаться.

С тех пор как они решили взять ребенка, Беттина стала совсем другой. Она кипела радостью и энергией, демонстрировала негибачаемый бойцовский дух в отношении бюрократических барьеров, которые ставило на их пути управление по молодежным и социальным вопросам. Заявления, которые допускались в адрес пары лесбиянок, не могли ее остановить. Беттина не сдавалась, и Марайке просто поражалась ее упорству.

Марайке и Беттина познакомились в кино. Их места по воле случая оказались рядом. Толстушка, что сидела рядом и непрерывно впихивала в себя поп-корн, показалась Марайке просто невыносимой дурой. Беттина же восприняла свою соседку как сушеную козу без чувства юмора, которая к тому же имела наглость во время сеанса снять туфли. Никто из них сегодня не мог сказать, что же послужило исходным импульсом и из-за чего началась ссора, во время которой они вцепились друг в друга, словно две гиены. Когда закончились взаимные оскорбления, они принялись хохотать и отправились искать место, где бы поболтать, чтобы никто не мешал. Антипатия быстро переросла во взаимную симпатию. Очень скоро они стали неразлучны, но только через полтора года впервые легли вместе в постель.

— Я сунула дома в холодильник бутылку шампанского, — прошептала Беттина. — Как ты насчет небольшой оргии?

— Здорово! — ответила Марайке. — Но тогда давай заправляться вином сейчас, иначе завтра у меня будет гудеть голова, а в крови окажется два промилле остаточного алкоголя.

Беттина улыбнулась. Никто и никогда не разлучит их. Марайке уже сорок один год, ей самой — тридцать пять. Беттина была твердо убеждена, что на протяжении тридцати лет непоколебимо и целеустремленно шла к тому дню, когда уселась в кинотеатре рядом с женщиной, которая с того момента заполнила все ее мысли и чувства.

Официант принес заказ. Овощную лазанью для Беттины и перченый бифштекс под сливочным соусом для Марайке.

— Приятного аппетита, ангел мой, — сказала Марайке, и тут зазвонил ее мобильный телефон.

— Нет, — простонала Беттина, — только не сейчас! Только не в сегодняшней вечер!

Марайке пожалала плечами и выслушала то, что сообщил ей коллега.

— Я должна ехать на остров Силт, — заявила она, закончив разговор. — Наш

детоубийца снова нанес удар. Убит маленький беленький мальчик. Его нашли два часа назад в дюнах.

— А это точно...

— Точно, — оборвала ее Марайке на полуслове. — Это он. Он опять добыл свой трофей. Извини, Беттина, и не злись.

Мальчика звали Флориан Хартвиг, и он сидел посреди построенной из песка крепости на построенном из песка кресле за построенным из песка столом. Стол украшали многочисленные песчаные пирожки в форме улитки, рыбки, черепахи и кошки.

Флориан был мертв всего лишь несколько часов, когда его нашел в песчаной крепости какой-то любитель утреннего бега. Когда специфические особенности и подробности с места преступления и результаты вскрытия были введены в компьютер, то сразу же обнаружилась связь со смертью Даниэля Долля и Беньямина Вагнера, потому что у последней жертвы, такого же маленького, хрупкого и светленького мальчика, как Даниэль и Беньямин, тоже отсутствовал правый верхний зуб. Он был вырван щипцами уже после смерти.

Под руководством Марайке Косвиг и Карстена Швирса снова была сформирована особая следственная комиссия. У Марайке появилось ощущение, что убийца начинает ставить условия, как ей строить свою жизнь, и это приводило ее в бешенство.

В состав комиссии вошли сорок полицейских, и среди них несколько психологов, которые пытались составить так называемый «профиль преступника» и определить, что происходило в голове убийцы и побуждало его к действию.

Пока жертва находилась во власти убийцы, молила о пощаде, пыталась быть послушной и выполняла все его желания, он наслаждался абсолютным контролем над маленьким мальчиком. От него не ускользало ни малейшее движение, ни один звук, ни один жест, ни одно выражение лица, и все моментально поощрялось или же каралось им. Он определял длительность и продолжительность мучений и страха, он диктовал условия игры. И всегда давал чуточку надежды, перспективу возможного выигрыша в этой игре, чтобы ребенок не сдался раньше времени и не отказался в ней участвовать. Он нагнетал ситуацию до предела, пока не доводил свое могущество до переживания в форме изнасилования и убийства. Власть — вот что возбуждало его, а не сам акт изнасилования. Этот момент всемогущества на какое-то время стирал все пережитые им самим унижения и наполнял его чувством глубочайшего удовлетворения. И ему таким образом удавалось, по крайней мере на какое-то время, залатать все прорехи в самосознании.

Затем он начинал манипуляцию с трупом и с обстановкой на месте преступления, с помощью которой хотел поставить на преступлении свою личную, неповторимую печать. Никто не должен был отнять у него триумф, нужно было, чтобы его запомнили. Кроме того, с помощью этой сцены он пытался манипулировать полицией, которая должна была составить о нем совершенно определенное представление. «Смотрите, я не какой-нибудь примитивный убийца, который нападает на ребенка, насилует его и просто бросает труп. Нет, я ставлю перед вами задачу и бросаю вам вызов. Я сделаю все, чтобы довести свои преступления до совершенства. Но сейчас ваша очередь сделать ход. Я буду наблюдать за вами, и если сделал какую-то ошибку, то в будущем ее уже не допущу. Можете быть в этом уверены».

Марайке поняла это послание. Очевидно, он долго выжидал перед очередным преступлением, аккумулятор его чувства самооценки разряжался очень медленно. Он не нуждался в том, чтобы уже через неделю искать очередную жертву, времени у него хватало. Промежуток между убийствами каждый раз составлял три года.

Каждое преступление было его успехом. Он был доволен собой, а будучи доволен собой, он был воплощением спокойствия.

Существовали два варианта: или он убивал где попало и подыскивал места преступления так, чтобы они располагались дальше друг от друга, чтобы затруднить работу полиции и заставить ее работать в разных направлениях, или же совершал убийства в непосредственной близости от своего места проживания, но в таком случае, он, очевидно, часто переселялся с места на место. А для этого должна была быть причина.

Человек, часто переселяющийся с места на место, чаще всего не имеет прочных связей. Скорее всего, у него нет ни жены, ни детей, ни постоянной работы, и он перебивается случайными заработками.

Видимость важнее, чем действительность. Значит, он неудачник. Жалкий тип. Марайке была уверена в этом.

Карстен и Марайке просиживали вместе дни и ночи, тысячи раз просматривали фотографии с мест преступления и строили версии о характере и мотивах преступника.

И еще одно поняла Марайке. Все три мальчика были удушены преступником голыми руками, большие пальцы убийцы очень сильно сдавливали гортань жертвы. Значит, преступник смотрел в лица детям и наблюдал за медленным наступлением смерти, когда убивал их. Это он воспринимал уже не просто как власть, а как пьянящее чувство всемогущества. Он был властителем жизни и смерти, он был сильнее, чем обычный человек, для которого у него не оставалось ничего, кроме презрения.

В судебной науке, кроме того, издавна существовало мнение, что убийцы в момент умерщвления не смотрят в лицо своим жертвам, если были знакомы с ними до совершения преступления.

Следовательно, убийца Даниэля, Беньямина и Флориана, хотя и тщательно планировал преступления, жертвы выбирал случайно. Он не имел к ним никакого отношения, родственники и знакомые детей в качестве подозреваемых исключались полностью.

Как ни старались сотрудники полиции на Силте, но никто ничего не видел. Подозрительный человек... Мужчина с ребенком... Машина в дюнах... Не было ни одного существенного и серьезного свидетельского показания.

И в Берлине, в жилых домах вблизи дачного поселка, никому ничего не бросилось в глаза. Никто не видел мужчину с ребенком, никто не заметил машины на вымерших дачных дорожках.

Теперь особая комиссия начала проверять каждого, кто за последние пять лет переселился из Брауншвейга или его окрестностей в Берлин, а затем в Шлезвиг-Гольштейн. Марайке считала эту работу достаточно бессмысленной, поскольку предполагала, что убийца, как она оценивала его, не пошел в отдел регистрации проживающих и не оформился как положено. Он стоял на краю общества, и его не волновало соблюдение законов.

Марайке была права. И эти поиски не дали никаких результатов.

Имевшие судимости насильники детей и попавшиеся на глаза педофилы были взяты под тщательное наблюдение, равно как и эксгибиционисты, заключенные, имевшие право на отпуск, и лица, только что освобожденные из мест заключения. Все же существовала вероятность, что убийца в годы между преступлениями мог попасть в тюрьму за какие-то другие дела.

Но ни одна проверка не вывела на горячий след. Марайке была на грани отчаяния.

Вместе с Карстеном Швирсом она выступила на пресс-конференции, на которой

пришлось признать, что в расследовании обоих убийств они не продвинулись вперед ни на шаг.

— Где-то в стране преступник сидит перед телевизором, читает газеты, пьет пиво и от души забавляется при мысли о том, что мы не имеем ни малейшего понятия, кто он, — сказал Карстен.

Марайке только кивнула. Она думала то же самое.

Гамбург, осень 1989 года

Осенью 1986 года Альфред больше месяца выдержал в Ханенмооре и еще раз доказал себе, что может обходиться меньшим, чем ничего. Незадолго до Рождества он вдруг почувствовал невыносимую тоску по шуму моря, штормовому ветру и соленому воздуху, и, недолго думая, отправился по направлению к Северному морю.

На Силте он нашел работу в поселке Лист. Директор бассейна, фрау Михаэльсен, предоставила ему за триста марок в месяц служебную квартиру в административном крыле — убогую дыру площадью в восемнадцать квадратных метров с микроскопической кухонной нишей и выходом в сад. Туалет ему приходилось делить со служащими администрации, но они бывали в здании только с понедельника по пятницу, с восьми утра до пяти вечера. Мыться он мог после работы в душевой бассейна.

Это было самое скверное время для Альфреда. Он отвечал за уборку душевых, раздевалок, коридоров, туалетов, а после окончания работы бассейна — за уборку всего помещения. Только к самому плавательному бассейну и качеству воды в нем он не имел никакого отношения.

Он убирал за школьниками, которые оставляли в шкафчиках обертки от бутербродов и забывали на вешалках свои шапочки. Он видел, когда проходил через помещения, как мылись под душем маленькие мальчики, он наблюдал за ними, когда они учились прыгать головой вниз в бассейн или играли «в мертвеца» — лежали, не двигаясь, на спине или лицом вниз в воде.

Он еле выдерживал все это.

Почти каждую неделю у него появлялась мысль бежать отсюда, но снова брало верх очарование того, на что можно было посмотреть в бассейне. И в конце концов он принял вызов: бороться с постоянным искушением. Он тренировался в воздержании. День за днем. На протяжении двух с половиной лет.

До лета 1989 года. Флориан Хартвиг приходил в бассейн два раза в неделю: один раз на обязательные уроки плавания в рамках школьной программы, а второй раз — в четверг вечером на тренировки спортивного общества пловцов. В глазах Альфреда Флориан был самым нежным и красивым среди остальных.

А затем он встретил его на пляже. Там Флориан все лето играл со своим другом Максимилианом, который был на голову выше и в два раза тяжелее его. Флориан доверял Альфреду, он знал его по бассейну и почти каждый день видел на море.

Альфред выселился из служебной квартиры и уволился с работы, чтобы ухаживать за больной матерью, которая жила в Баварии. Так он сказал коллегам. На самом деле он не уезжал с Силта. Он прятался в дюнах и спал в машине, подержанном ржавом «фиате».

И ждал.

В сентябре его час пробил. У Максимилиана была свинка, и Флориан играл один. Он от души обрадовался, увидев Альфреда, когда тот пришел на пляж и подсел к нему в замок из песка. И снова то, что произошло потом, для Альфреда было до ужаса просто.

Квартиру в Гамбурге он нашел после убийства Флориана Хартвига, по объявлению в газете, и сразу же снял ее. Он оставил залог в размере трехмесячной платы, и дело было

решено. Квартира находилась в городском районе Святого Георгия и по размеру, очертаниям и мебелировке была почти идентична с его бывшей квартирой в берлинском районе Нойкелльн, где он жил до ноября 1986 года.

Через две недели он нашел работу на бензоколонке. Три раза в неделю он сидел с пяти часов вечера до двух ночи на кассе и получал деньги за бензин, дизельное топливо, бутерброды, колу, пиво и газеты. Он относился к работе серьезно, был внимателен и не допускал ошибок. Когда через девять часов снимали кассу, там было все точно, до последнего пфеннига, потому что он очень внимательно отсчитывал сдачу и разменивал мелочь. Подписи на кредитных карточках он всегда проверял долго и основательно, потому что предполагал, что его могут обмануть.

Кроме того, он постоянно держал в поле зрения заправочные колонки, старался запомнить водителей и марки машин, чтобы можно было дать точные показания в случае, если кто-то уедет, не расплатившись. Но такой возможности ему не представилось.

Кроме того, поскольку он допускал возможность ограбления, то всегда держал наготове газовый пистолет и, если бы пришлось, не раздумывая пустил бы его в дело. Это он знал точно. Это он уже доказал тогда, у канала.

А затем в четверг в обед на заправку на темно-коричневом «бенце» приехал Дитер Драхайм, что случалось крайне редко. Он зашел в магазин и направился прямо к Альфреду, который как раз раскладывал сигареты на полке.

— Мне очень жаль, господин Фишер, — сказал начальник и улыбнулся, что Альфреду уже потом, задним числом, показалось мерзостью и наглостью. — Мы бы с удовольствием предоставляли вам работу и дальше, но, к сожалению, не получается. Сейчас трудное время, и мы вынуждены сокращать персонал. Я привез с собой деньги, это ваш расчет.

Альфред стоял перед ним, как идиот. А это он ненавидел больше всего.

— За что? — спросил он. — Я в чем-то провинился?

— Нет-нет, совсем наоборот! — Драхайм все еще улыбался. — Это никак не связано лично с вами, просто у нас больше нет необходимости в сотрудниках. Нам нужно расстаться с одним из них, а вы здесь недавно, и выбор, к сожалению, пал на вас.

Драхайм протянул причитающиеся ему деньги через прилавок. Он даже заплатил за весь четверг, хотя прошло всего четыре часа смены.

Альфред не сказал ни слова. Он взял деньги и сунул их в карман брюк. Потом вышел из-за прилавка, не удостоив Драхайма даже взгляда, прошел через магазин и дал витрине с солнечными очками и полке с картами местности и дорожными атласами крепкого пинка, так что они с грохотом свалились на пол. И покинул магазин.

Драхайм не сделал ничего. Он не орал, не ругался, не бросился вслед за Альфредом. Однако мысленно поздравил себя с тем, что избавился от сотрудника, который реагировал таким образом.

Залог за квартплату проглотил почти все сбережения Альфреда, и ему срочно нужны были деньги. И хотя он презирал себя за это, но позвонил Грете.

Грета сняла трубку после второго звонка.

— Алло, дорогая, — сказал он, стараясь говорить бодрым тоном. — Это Альфред. Как дела?

— Хорошо. Спасибо. И не называй меня «дорогая». — Тон Греты был просто ледяным. «Боже, — подумал Альфред, — веселенькое дело!» И спросил:

— А как дела у Джима? У Тома?

— Хорошо, — сказала она. — Еще вопросы есть? Ты же, наверное, звонишь через шесть лет полного молчания не для того, чтобы узнать, нет ли у Джима насморка?

— Я потерял работу, — пробормотал он.

Грета или не поняла ничего, или просто никак не отреагировала.

— Слушай, — сказала она. — Это очень кстати, что ты позвонил. Я уже не знала, что делать, где взять твой телефон или адрес. Я даже не знаю, где живет твоя мать...

Она судорожно вздохнула, и Альфред почувствовал, что она страшно боится: вдруг он бросит трубку.

— Я собираюсь выйти замуж, — тихо сказала она. — Ты до сих пор возражаешь против развода, или мы можем наконец договориться? Скажи, чего ты хочешь, и мы покончим с этим. О'кей?

У Альфреда все смешалось в голове. Предложение Греты было полной неожиданностью, и он даже смущенно закашлялся. Потом его обдало жаром — настолько потрясающей была мысль, которая в этот момент пришла ему в голову.

— Сто тысяч, — сказал он. — И ты получишь развод.

— Сто тысяч? — аж поперхнулась Грета.

— Сто тысяч. Отец из любви к тебе, конечно, с удовольствием заплатит эту сумму, и даже больше, из кассы по мелким денежным операциям. Если хочешь, мы очень быстро закончим это.

— Сто тысяч — это куча денег!

— Если очень хочется замуж и есть обеспеченные родители, как у тебя, то это просто мелочь. Пятьдесят тысяч сразу и пятьдесят потом, после решения суда о разводе.

— Мне нужно будет поговорить с родителями. Как тебе позвонить?

— У меня в Гамбурге есть абонентский почтовый ящик. Номер 10-23-56. Да не волнуйся, через два дня я тебе позвоню.

— Ладно. — Слышно было, как Грета вздохнула.

— Ах да, вот еще что. Я заинтересован в сделке только в том случае, если она состоится быстро. Скажи об этом отцу. Если мне придется ждать денег полгода, можешь забыть о свадьбе. В понедельник я приеду в Гифгорн. Я хочу получить там первую часть денег.

Он повесил трубку и почувствовал себя словно бегун на стометровую дистанцию, только что установивший мировой рекорд. Грета раздобудет денег, это он знал точно.

Неделю спустя Альфред совершал двадцатипятикилометровую пробежку вокруг Альстера. Та же самая дистанция, круг за кругом. Он размышлял.

Отец Греты передал ему пятьдесят тысяч марок, и можно было с уверенностью сказать, что это «грязные» деньги, но такие подробности Альфреда не интересовали. Самое позднее, весной этого года развод состоится, а летом Грета собиралась выйти замуж за заместителя директора полной средней школы из Ганновера. Альфред не мешал им: к Джиму он не испытывал никакого интереса, а к Грете всегда был абсолютно равнодушен.

Дела у него шли хорошо. Все было в порядке. В финансовом отношении он на довольно продолжительное время выбрался из затруднительного положения, но нужно было что-то предпринять, чтобы так продолжалось и в будущем. Нужно было приумножать деньги, чтобы через пару лет снова не оказаться с пустыми руками.

Альфред тщательно спрятал пятьдесят тысяч марок в своей квартире. Впервые он боялся, что кто-то может забраться в его жилище. Вчера вечером он пересчитал деньги под одеялом, чтобы соседи ничего не увидели, ведь гардин на окнах у него не было.

Так много денег! Он еще никогда не видел столько денег сразу. Это было опьяняющее чувство. «Если бы ты мог увидеть это, Рольф, глаза у тебя закосили бы как никогда. Они бы просто закувыркались в орбитах».

Рольф... С ним он мог бы провести всю жизнь и делиться всем, что у него было. С ним это было возможно. Наверное, все было бы по-другому, если бы с Рольфом тогда ничего не случилось...

Альфред все бежал и бежал. Он не слышал своего дыхания, не чувствовал усталости и сбился со счета, сколько кругов уже пробежал. Он уже не думал о деньгах, он думал о Рольфе. На глазах у него выступили слезы — может, от резкого холодного ветра, а может, от воспоминаний.

Альфред был очень одиноким ребенком. Семья жила на маленькую пенсию вдовы, и у матери было достаточно забот со скотиной (так она называла домашних животных), с детворой (так она называла детей) и с домашним хозяйством. Поля она сдавала в аренду. Сестры-близнецы считали маленького брата ужасно скучным существом, а Рольф был вечно занят тем, что помогал матери. Домашние задания он мог делать только после того, как коровы были подоены, свиньи накормлены, а вечно ноющие сестры наконец-то укладывались спать. Оценки у Рольфа становились все хуже, он постоянно был уставшим и время от времени засыпал на уроках. Когда из школы приходило гневное письмо, мать била Рольфа бамбуковой палкой до тех пор, пока его маленькая голая попка не распухла и не становилась красной, как вареный рак.

На Альфреда никто не обращал внимания, и он понял, что лучше прятаться и оставаться невидимым. Он сидел по темным углам, под кухонным стулом, за креслом, дремал рядом с мусорным ведром за грязной пластиковой занавеской или часами тихонько лежал под кроватью. Он видел, как мать избивала брата, и тот не издавал ни звука. Он не знал, почему это происходит, но не спрашивал об этом. Рольф не плакал, он не проронил ни слезинки, и Альфред тоже старался не плакать. Он молча глотал слезы, когда на него наступила корова, потому что он спал в соломе; не плакал, когда упал с яблони; не плакал, когда наступил на

ржавый гвоздь, который пронзил его маленькую ногу насквозь, так что острый конец вылез через ботинок.

Мать лупила Альфреда каждый раз, когда он был в чем-то виноват, и его счастье было только в том, что она редко его замечала. Если он сидел, мечтая о чем-то, под яблоней и не являлся домой вечером, никто не спрашивал, где он. И только Рольф не мог проглотить ни кусочка и сразу же после ужина мчался на поиски маленького брата. И каждый раз находил его. Он брал его на руки, поднимал вверх, крепко прижимал к себе и говорил: «Слава богу, что я тебя нашел!»

Потом, лежа в постели, Альфред засыпал счастливым, ему было тепло и мягко. Значит, все-таки есть на свете человек, который знает, что он существует. И который его хоть чуть-чуть любит.

Никто не разговаривал с ним. Мать не читала ему книжек и не рассказывала историй. Близняшки были заняты только собой. Никто не объяснял ему, что такое хорошо и что такое плохо, что правильно и что неправильно.

Самыми прекрасными моментами в жизни Альфред считал, например, такие, когда Рольф говорил: «Идем со мной. Посмотришь, как надо удить рыбу».

У озера они садились рядышком на берегу, и Альфред не должен был издавать ни звука. Но к этому он давно привык. Рольф держал удилище с леской и ждал. Альфред наблюдал за ним и тоже ждал. Рольф подпирал подбородок рукой, смотрел поперек озера, и его глаза ни капельки не косили. Альфред считал своего толстого брата красавцем и в эти мгновения бесконечно любил его.

Альфред внимательно смотрел, как леска вдруг начинала дрожать и Рольф вытаскивал из воды отчаянно бьющуюся, зацепившуюся за крючок рыбу, которая жадно хватала ртом воздух. Потом Рольф доставал карманный ножик и делал глубокий надрез позади головы рыбы. Альфреду нравилось наблюдать, как темно-красная кровь медленно, по каплям, сочилась из серебристой рыбы. Ему казалось, что с рыбой происходит чудесное превращение.

— А ей больно? — спросил Альфред.

— Нет, — ответил Рольф. — Совсем нет. Когда мать лупит палкой, намного больнее.

— А рыба сейчас мертвая, как папа?

— Да, — сказал Рольф. — Хотя что ты знаешь о папе? Ты же его даже не видел.

У него не было желания говорить об отце, он не хотел вспоминать его, потому что это было слишком больно.

В семье Хайнрихов память об отце, который умер слишком рано и который беззаветно любил своих детей, замалчивалась последовательно и всегда. Наверное, если бы Альфред знал это, это пошло бы ему на пользу.

Альфред узнавал окружающий мир по-своему. Он лазил по саду и лугам поблизости, исследуя каждое живое существо, какое только находил. Он разламывал на части пауков, давил улиток, разрезал лягушек, ящериц и жуков, а маленькой мышке даже перерезал горло, как это делал Рольф с рыбой. Мышь была настигнута внезапно, поэтому умерла беззвучно. Впрочем, как и остальные зверьки. Никто из них не кричал, не жаловался и не просил пощады. И он понял, что есть зверьки, из которых течет кровь, а есть другие, рыхлые, внутри которых было что-то похожее на кашу, а вместо крови у них стеклоподобная или желтоватая слизь. Таких живых существ он считал неинтересными.

Когда его сестрам-близнецам исполнилось двенадцать лет, у них почти одновременно, с разницей всего в пару дней начались месячные. Теперь они чувствовали себя взрослыми и стали еще высокомернее и наглее. Эдит купила им две упаковки тампонов и предоставила девочек самим себе. Луиза и Лена наслаждались тем, что в эти дни можно было не ходить на уроки физкультуры, а в остальном менструация была для них просто чем-то надоедливым. Вроде ежедневной чистки зубов.

Альфреду было пять с половиной лет, когда он однажды утром пошел в ванную после Лены. Лена и Луиза в то утро проспали и страшно торопились, боясь опоздать в школу. Они выскочили из дому, даже не позавтракав. Лена в спешке забыла спустить воду в туалете, и в унитазе осталась кровь. Альфред, ничего не понимая, устоялся в него. Наверное, сестра очень сильно поранилась. Но она не плакала и не кричала. Столько алой крови, а она просто взяла и пошла в школу. Но она же умрет! Уже сегодня до обеда. Может, у нее это просто продлится дольше, чем у рыбы или у мыши. Или у других зверьков, из которых лилась кровь.

Альфред полагал, что больше никогда не увидит сестру. Он целых полдня тихо сидел на кровати и играл с электрической розеткой, втыкая в нее вилку. Воткнул... Вынул... Несколько часов подряд.

Пока Луиза и Лена в обед вернулись домой. Хихикая и болтая, как обычно. Лена не умерла. И глаза ее не остекленели, как у рыбы. И не видно было, чтобы у нее что-то болело.

Альфред перестал понимать, что творится в мире.

Альфред ходил за Рольфом везде и повсюду. Маленькая тень, старающаяся не попадаться на глаза, не делать ничего неправильного, быть невидимой, но все же не быть одинокой. Рольф был его другом и братом, матерью и отцом. Он был воротами в мир, который, не будь Рольфа, заканчивался бы для Альфреда возле яблони. Рольф отвечал на те немногие вопросы, которые он задавал. Получив ответ, он дня три молчал, чтобы не действовать брату на нервы.

Когда большие мальчишки играли в футбол, Альфред подавал им мяч, если он вылетал за пределы футбольного поля и падал в ручей. Он ездил с Рольфом на велосипеде, сидя на багажнике. Он даже ходил с ним в кино. Пока Рольф платил за себя, Альфред незаметно для кассирши проскальзывал под окошком кассы.

Это были фильмы, на которые дети до шестнадцати лет не допускались, где злодеи с капюшонами на голове проходили через замаскированные обоями двери и перерезали горло красивым женщинам. Это были фильмы, в которых монахи в подземельях пытали своих пленников и в которых гроза всегда предвещала преступление. И в них обязательно случалось что-то страшное, когда кто-нибудь ночью бежал через лес или проходил под железнодорожным мостом. Альфред почти сходил с ума от ужаса. Он сидел, дрожа от страха, на полу за сиденьями и боялся смотреть на экран. Рольф слизывал карамельный порошок с ладони, и его, казалось, совсем не трогали страшные события, происходившие на экране.

Страх Альфреда достиг невообразимых пределов. Он правил его жизнью. По вечерам, с наступлением темноты, мальчик боялся выйти в хлев и в подвал. Он спал только при включенном свете и плакал, когда начиналась гроза.

Близняшки смеялись над ним, а Эдит сказала: «Этот ребенок ни на что не годен». Альфред думал лишь о собственной смерти и сходил с ума оттого, что не знал, когда это случится и какие мучения ожидают его при этом.

Рольф научил его плавать и вырезать кораблики из древесной коры, показал, где нужно перерезать дождевых червей, чтобы обе половинки оставались живыми. Вместе с Рольфом он стрелял из игрушечной винтовки, в которой пулями служили ампулы от шариковой ручки, по зверям в учебнике биологии. Они говорили между собой на изобретенном ими же тайном языке и посылали друг другу тайные сообщения, а потом сжигали записки в умывальнике.

Однажды теплым августовским вечером Рольф сказал: «Пойдем спустим». Альфред подумал, что речь идет о том, чтобы нарвать яблок или что-то забрать в комнате Рольфа на втором этаже. Однако Рольф уселся на берегу пруда, на их тайном месте, по-восточному скрестив ноги, а Альфред устроился напротив. Рольф вытащил свой член из штанов, и Альфред подумал, что глупее не бывает, чем ссать сидя. Но затем Рольф сказал, что Альфред должен делать все так, как он. И Альфред повиновался. Рольф взял член в руку и начал водить рукой вверх-вниз, пока он не поднялся, и Альфреду точно так же пришлось тереть свой маленький пенис. Он ощущал щекотание между бедрами и приятное тепло, но не более. Движения Рольфа, наоборот, через некоторое время стали резче, и, что самое страшное, его глаза стали косить так ужасно, как Альфреду еще не приходилось видеть. Потом он издал тонкий крик, словно хотел запеть, и от него в сторону Альфреда брызнула слизистая прозрачная жидкость.

— Не беспокойся, — сказал Рольф и довольно ухмыльнулся. — У тебя так еще будет. Просто нужно время от времени пробовать, а когда получится, тебе будет просто классно.

Каждый вечер Альфред боялся момента, когда его отправляли спать. Он лежал в постели, дрожал и, натянув одеяло по самые глаза, с ужасом смотрел на тени, которые проносились по потолку его комнатухи, когда ветер шевелил листья большого каштана, росшего перед домом.

Мать говорила, что смерть — это косарь ^[13], который однажды приходит и срезает головы старым и больным, и прежде всего — никому не нужным и бесполезным людям. Рано или поздно, но от него никто не укроется. Когда слышишь, как ночью кричит сыч, это значит, что смерть рядом и кто-то умирает.

Ночь за ночью Альфред надеялся, что смерть не найдет его. А утром шел в мастерскую и смотрел, висит ли еще на крючке коса, которую мать забрала с луга после того, как умер отец.

Когда Альфред пошел в школу, началось настоящее мучение. Он был неудачником, бездарью, слабаком, который терпеливо сносил все и над которым каждый мог поиздеваться от души. С первого дня одноклассники вытряхивали все из его школьного ранца на пол, ломали его карандаши, рвали тетрадки и ставили кляксы на чисто написанное домашнее задание. Они держали его за руки и стригли ему волосы, они прятали его стул, и ему, единственному из всего класса, приходилось на уроках стоять. Они отнимали у него бутерброды и тут же съедали их, а на уроках физкультуры проделывали прорехи в его брюках и обзывали его дураком.

Альфред переносил все это, не защищаясь и не жалуясь. Он ждал и надеялся, что когда-нибудь одноклассникам надоест издеваться над ним, как ему через какое-то время надоело отрывать ноги у кузнечиков. Но ждал он напрасно. Они не прекращали мучить его, наоборот, издевательства становились все ужаснее.

Петр был самым сильным в классе. Он с родителями приехал из Белоруссии, где уже ходил в школу, но из-за плохого знания немецкого языка в Германии ему пришлось начинать

учебу с первого класса. Он был на два года старше остальных в классе, на полголовы выше и очень сильным, что объяснялось крепким телосложением. У него были рыжие волосы и бледная, практически белая кожа с большими, почти с булавочную головку, коричневатыми веснушками, образовывавшими на лице какой-то идиотский узор. Петр был ярко выраженным уродом, на уроках почти ничего не понимал, но никто не насмехался над ним и не трогал его, потому что у Петра был такой мощный удар, как ни у кого в классе. И лишь только он понял, что это его единственная сильная сторона, как тут же начал затевать ссоры и драки. А самым первым немецким словом, которое он выучил, было «kaltmachen»^[14].

Петр презирал Альфреда за его терпение. Он ни разу не видел, чтобы этот дохляк заплакал, и это выводило его из себя.

Однажды в пятницу после уроков Альфред задержался в классе, чтобы собрать свои вещи. А это у него всегда было делом более долгим, чем у остальных, потому что он по природе был медлительным и носил с собой множество ненужных предметов. Кроме того, нужно было еще разыскать вещи, которые украли и спрятали его одноклассники.

В этот момент в класс зашел Петр и закрыл за собой дверь. Альфред понял, что оказался в западне. От страха он обмочился и завизжал, как поросенок, который сообразил, что сейчас его зарежут.

Петр ослабился, широкими медленными шагами подошел к Альфреду, который был намного меньше, и изо всех сил ударил его в лицо. Тот проглотил выбитый зуб вместе с кровью и застыл, не в силах придумать что-нибудь, чтобы удрать от Петра.

— Три марка, — на ломаном немецком сказал Петр. — Каждая неделя. Тогда тихо. Иначе я тебя убивать.

— У меня нет, — пролепетал Альфред.

— Есть, есть, — ухмыльнулся Петр и снова ударил его. В этот раз в живот. Альфред начал задыхаться, его затошнило и чуть не вырвало. Но он не заплакал.

Тогда Петр ухватил его за куртку, приподнял и повесил на крючок на вешалке. Альфред чувствовал, что не имеет смысла сопротивляться, и не шевелился. Петр подошел к шкафу, в котором хранились учебные материалы, нашел моток шнура и привязал руки Альфреда к другим крючкам для одежды, так что мальчик висел, словно распятый на кресте, и у него не было никаких шансов освободиться. Перед тем как уйти, Петр еще и ударил Альфреда ногой в пах. Впервые Альфреду не удалось удержать слезы.

Петр ушел из класса очень довольный.

Эдит ругала Альфреда, проклятого бездельника, не явившегося на обед, и обещала задать ему хорошую порку, когда он в конце концов решится здесь появиться. Рольф молчал. Его мучила тревога, и он без аппетита ковырялся в еде. Впрочем, как и близняшки, которые никак не могли определиться, какой же должна быть их диета номер двадцать пять. Думать о маленьком брате было ниже их достоинства.

Хотя Рольф должен был косить луг за домом, но сразу же после обеда он бросился на поиски Альфреда. В саду его не было, на яблоне — тоже, у ручья — нет, на их тайном месте — тоже нет. Он не спрятался ни в хлеву, ни под кроватью. Он впервые исчез по-настоящему.

Рольф нервничал все больше. Он вскочил на велосипед и поехал в школу. Школьный сторож жил рядом со зданием в маленьком домике. Сначала он на всякий случай натравил на Рольфа своих собак, а лишь потом выслушал его и, недовольно ворча, открыл школу.

Рольф не знал точно, где класс брата, но быстро его нашел.

Альфред все еще висел на вешалке. Голова его свесилась на грудь, он был без сознания и походил на мертвеца. Рольф освободил его и отнес домой.

Матери Рольф сказал, что Альфред споткнулся возле ручья, упал, выбил себе зуб и потерял сознание.

— Блажен, кто верует, — сказала Эдит, но по крайней мере не ругалась.

В тот вечер Альфред впервые выплакался и открыл Рольфу то, что было у него на душе. Рольф обнимал его, а он рассказывал обо всем, что с ним до сих пор случилось в школе.

И Рольф понял, что нужно делать.

Три недели Петра не было в школе. У него было тяжелое сотрясение мозга, открытый перелом руки, перелом двух ребер и перелом нижней челюсти.

Когда Петр вернулся в школу, то ни слова не сказал Альфреду, но оставил его в покое. Другие одноклассники тоже перестали донимать Альфреда. Они не любили его, но по крайней мере не трогали. Шутки кончились. Альфред дал сдачи, пусть даже с помощью Рольфа, и указал им пределы допустимого.

Беда подкралась тихо и незаметно. У Рольфа пропал аппетит, его начало часто тошнить. И заметил это только Альфред. Но не решился сказать об этом матери. Он боялся выдать Рольфа, каким-то образом подвести его. Рольф худел и становился все слабее. Ни с того ни с сего ему стало трудно рубить дрова и таскать тяжелые ведра с углем. У него запали щеки, он сильно похудел, но мать лишь обронила, что это все — проклятый переходный возраст. Сестры хихикали и продолжали голодать, но никак не могли избавиться от младенческой пухлости. На теле Рольфа появилось множество синяков, но это стало видно лишь летом, когда он надел шорты. Мать выразилась по этому поводу следующим образом: он, мол, уже в таком возрасте, когда пора бы прекратить затевать драки.

И лишь когда из-за страшной головной боли Рольф не смог встать и пойти в школу, Эдит пошла с ним к врачу.

Альфред лежал под кроватью и ждал их.

Около полуночи Эдит вернулась домой. Альфред стоял в кухне и смотрел на нее глазами, полными страха.

— Он в больнице, — сказала Эдит. — Они оставили его там. Не волнуйся, ничего страшного. Врачи поставят его на ноги. Он просто слишком быстро рос.

Альфред кивнул.

— А что они с ним делают? — тихо спросил он.

— Они промывают ему кровь. Она не совсем в порядке.

«Как можно промывать человеку кровь? — думал про себя Альфред. — Водой? Сейчас они промывают Рольфа... Неужели в него как-то попала грязь?» Он решил завтра же поставить опыт на мыши или на лягушке.

Мать развела руки:

— Иди ко мне, мой маленький зайчик!

Альфред испугался. Такого мать никогда не говорила и никогда еще так его не называла. Он медленно и осторожно приблизился. Он боялся, что мать его побьет, если он не сделает так, как она хочет.

Она усадила его на колени, обхватила руками и прижала к себе.

— Теперь ты мой большой мальчик, — прошептала она. Ее веки были сухими и

воспаленными.

Альфред не мог ответить на нежности матери, но понял, что означают ее слова: Рольф никогда не вернется домой.

Альфреду хотелось к брату, в больницу. Непременно! Но Эдит никогда не брала его с собой. В знак протеста Альфред перестал есть и пить. Все, что Эдит насильно заталкивала ему в рот, он выплевывал на пол кухни. За это Эдит избивала его, но он сносил побои и не прекращал умолять взять его с собой в больницу. В конце концов Эдит сдалась, хотя по-прежнему считала, что детям в больнице делать нечего.

У Рольфа больше не было волос на голове, и он стал еще хуже, чем раньше, но заулыбался, увидев Альфреда. У него были совсем сухие губы — они слиплись, и ему было трудно говорить.

— Не давай себя в обиду, малыш, слышишь? — Альфред храбро кивнул, хотя ему хотелось выть. — Теперь тебе придется пробиваться самому. Но ты справишься. Тебе нужна сила и ясная голова. Вот и все. И не забывай: ты главный. Ты сам определяешь, как тебе жить. Очень важно не терять контроль. Будь бдительным и не позволяй застать себя врасплох. Вот и вся тайна.

— Я никогда не смогу быть таким сильным, как Петр, — прошептал Альфред.

— Значит, ты должен быть умнее. — Рольф замолчал и пару минут глубоко дышал. — Что ты сделаешь, если не сможешь разорвать веревку?

— Возьму нож.

— Вот видишь, — Рольф улыбнулся. — Значит, ты понял, что я имею в виду.

— Что за чушь ты несешь? — спросила Эдит.

Голос Рольфа становился все тише и тише:

— Я говорю о том, как выжить. Мама, я потерпел поражение и не хочу, чтобы Альфред тоже проиграл.

Альфред лег на кровать к Рольфу, и брат обнял его. Впервые в жизни Альфред взмолился, обращаясь к тому, кого не знал. Он просил остановить время и навечно оставить его лежать тут.

Эдит не сказала ничего. Она смотрела на сыновей и размышляла, как же это получилось, что они так любят друг друга. Она их этому не учила.

Когда Рольф уснул, они ушли. Всю дорогу домой Альфред плакал. Выходя из машины перед домом, он сказал: «Спасибо, мама».

Спустя всего лишь две недели состоялись похороны. Для Альфреда все, что происходило, было похоже на кино, в которое он попал, не понимая, где находится. У него в голове не укладывалось, что в этом украшенном цветами гробу лежит Рольф. Рольф, который не двигался, ничего не говорил, не стучал в крышку гроба и позволял, чтобы все это с ним происходило. Нельзя же просто так закопать его в землю! Рольф сказал Альфреду в больнице, что не знает, где будет, когда болезнь убьет его, но где-то он точно будет. Где-то, где нет болезней и всяких петров, которым он вынужден будет ломать ребра. Где-то, откуда он спокойно будет наблюдать за тем, что происходит на земле. И, может быть, он сможет сопровождать Альфреда и не допустить, чтобы с ним случилось что-то плохое. Он этого точно не знает, но постарается сделать все, чтобы быть с ним, с Альфредом. Даже если Альфред этого не почувствует.

А сейчас этот накрепко закрытый гроб будет закопан в землю на метровую глубину и

засыпан? Неужели Рольф этого не знал? Как же тогда он собирался быть рядом с ним, наблюдать за миром и предотвращать плохое?

Гроб оставили в земле. Его еще было видно. Мать стояла у могилы, словно черная ведьма. Она не хотела, чтобы Рольф был с Альфредом, она организовала похороны, она так распорядилась. Она командовала всем, и в этот момент Альфред ненавидел ее. Рядом с ней стояла ее сестра Рита, которая специально приехала из Карлсруэ на похороны. Он не знал свою тетку, он лишь читал ее поздравительные открытки на день рождения и на Рождество, но у нее были такие же твердые морщины вокруг рта, как у матери, поэтому он не доверял ей.

Эдит бросила три лопаты земли на гроб и отвернулась. То же самое сделали Рита и близняшки, которые за время похорон не проронили ни звука, что было очень необычно. Когда пришла очередь Альфреда бросать землю в могилу, он сказал «нет», повернулся и убежал.

— Что это за ребенок? — тихо спросила Рита.

Эдит пожала плечами.

— Он такой же, как его отец. Такой же твердолобый.

Издали Альфред смотрел, как могилу, после того как в нее бросили землю соседи, родные и знакомые Эдит, засыпали лопатами.

Рольф ошибся. Он не сможет быть вместе с ним.

И теперь — он чувствовал это — он был действительно один.

После смерти Рольфа Альфред не говорил ни слова. Никому. Ни в школе, ни дома. Он безучастно сидел на месте, грыз ногти и ковырялся в носу. Днем и ночью он пытался понять, что такое смерть. Он просто не мог постичь, как такое может быть, что в следующую секунду кто-то может навечно исчезнуть с лица земли.

Ему хотелось встречать смерть как можно чаще и как можно ближе, чтобы выследить ее. Поэтому он поймал дрозда, сунул его в миску с водой и наблюдал, как тот медленно и мучительно тонет. В сарае он повесил кошку за заднюю лапу и с еще живой снял шкуру. Кошка кричала, как ребенок. Альфред долго стоял рядом и замороженно наблюдал, как после долгих мучений ее медленно покидала жизнь. Он засунул мышь в пластиковую коробку и, удивляясь ее неустанным, но бессмысленным попыткам вырваться, несколько дней терпеливо ожидал, пока она умрет от голода и жажды. И задушил кролика, у которого в агонии глаза вылезли из орбит. «Он видит не меня, — думал Альфред, — он видит смерть»

И еще одному он научился: в его власти было решать, придет смерть или нет. Он был главным. У него был контроль. Он помнил фразу, которой его напутствовал Рольф: «Ты никогда не должен терять контроль».

Вот только Рольф взял и умер просто так. И ни у кого не было власти сохранить ему жизнь.

Альфред литрами пил молоко, но отказывался есть. На родную мать он производил жутковатое впечатление. Она купила ему игрушечную красную пожарную машину, но он не удостоил ее ни единым взглядом. Даже не взял в руки. Если мать прикасалась к нему, он стряхивал ее руку, словно та была больна чумой, отходил на пару метров и садился снова. Так и сидел — неподвижно и на почтительном расстоянии. С ничего не видящим взглядом, который ни на чем не останавливался, теряясь вдали. Он не хотел больше участвовать в жизни.

Через десять дней Эдит капитулировала. Она ничего не могла поделать с подобным упрямством и пошла к священнику. Попросила его поговорить с мальчиком. О Рольфе. О жизни и смерти. Может, Альфред скорее послушает священника, чем ее. У нее все равно не было таланта находить нужные слова.

Священник пришел и уселся рядом с Альфредом в его комнате. Он не задавал ему вопросов и не ожидал ответов. Он даже не смотрел на него, пока рассказывал все, что знал о смерти и о вечной жизни, — то, что вычитал в книгах и бесчисленное количество раз проповедовал в церкви. Раньше у священника никогда не возникало ощущения, что его слова упали на благодатную почву. Но сейчас Альфред буквально впитывал услышанное, изредка бросая на него взгляд, священник видел это. И впервые для священника его профессия приобрела смысл.

Когда он заговорил о душе, которая освобождается от ненужного, больного или смертельно раненного тела, которое просто больше не может выполнять свою функцию, Альфред вздрогнул и даже задрожал от волнения.

— Душа, — сказал пастор, — это то, что определяет человека. Она может чувствовать, и думать, и любить, и ненавидеть, а после смерти обретает спасение и свободу. Она может наконец улететь и начать вечную жизнь. Души умерших находятся среди нас, но мы их не видим. Лишь иногда мы можем их чувствовать. Душа становится ангелом-хранителем, словно человек в шапке-невидимке, который находится рядом с нами и оберегает нас. Душа не знает никаких преград. Она проходит сквозь стены и железные ворота, через горы и моря. Если это душа доброго человека, то она счастлива, и она в раю. Если человек был плохим, то душа навечно остается несчастной, и это — ад.

— А когда улетает душа? — спросил Альфред, и это были первые слова, которые он сказал после похорон Рольфа.

— Сразу же после смерти, — ответил пастор. — Когда перестает биться сердце и когда перестает думать мозг, душа отлетает и остается только телесная оболочка человека, которая затем разлагается в могиле. Земля к земле, прах к праху. Наше тело смертно, а душа — нет.

С этого дня Альфред опять начал есть и снова стал говорить, правда, лишь самое необходимое. Он настоял на том, чтобы за каждым приемом пищи для Рольфа тоже ставили тарелку, и откладывал туда самые лучшие кусочки, которые сам бы с удовольствием съел, — но они оставались нетронутыми, и потом мать выбрасывала их в мусорное ведро.

Его мать и сестры ничего не понимали. Они по-прежнему верили, что Рольф лежит под землей. У Альфреда не было желания что-то им объяснять, он вообще не хотел иметь с ними ничего общего. Дело в том, что он просто был совершенно другим, не таким, как они.

Гамбург, февраль 1990 года

В последующие дни температура в Гамбурге резко упала. На окнах образовались ледяные узоры, а песок в песочницах стал твердым как камень. Именно тогда ее коллега Марлис впервые обратила на него внимание. На мужчине не было ни пальто, ни куртки, лишь черные вельветовые брюки и серый пуловер с воротником под горло. Он неподвижно стоял на морозе.

— Ты посмотри на этого типа, там, на той стороне улицы, — сказала Марлис. — Я думала, что он ждет автобус, но он пропустил уже три.

Карла ничего не ответила, но тоже не спускала с него взгляда. Мужчина выглядел привлекательно. Чертовски привлекательно! Правда, возраст его определить было затруднительно. Несмотря на резкие черты, лицо казалось молодым, однако волосы были уже седыми. Он смотрел на эту сторону улицы, на детский сад. Не отрываясь. Ее коллега Роза как раз играла на игровой площадке детского сада с четырехлетними детьми, которые, по самые уши закутанные в теплую одежду, качались на качелях или карабкались по спортивным снарядам.

Потом он начал тереть замерзшие пальцы. «Ага, — подумала Карла, — значит, не каменный». Постепенно ее охватило неприятное чувство. Такое она испытывала всегда, когда в горле начинало щекотать. Странное ощущение. Карла подумала, не вызвать ли полицию. Она была начальницей, ответственность лежала на ней, и ей пришлось бы выслушивать упреки в случае ошибки. Мужчина, который уже полчаса смотрит на детский сад... Что это значит? В любом случае, нормальным такое назвать нельзя. Но и ненормальным тоже. Он не заговорил ни с одним ребенком. А просто смотреть никому не запрещается.

Она ненавидела моменты, когда не знала, что делать. Другие задумывались на какое-то время, а потом принимали решение. Некоторые вообще не задумывались, а принимали решение сразу. Она могла думать сколько угодно, но все равно не могла решиться, она была просто не в состоянии принять окончательное решение. В глубине души она четко осознавала, что явно не годится на руководящую должность, но когда эту должность ей предложили, она, конечно же, сказала «да». Не раздумывая. Уже хотя бы потому, что неудобно было отказываться. К тому же ей это очень льстило. Видно, до сих пор никто не заметил, что у нее большие проблемы с принятием решений.

Марлис подошла к ней и встала у окна.

— Он что, еще здесь?

— Странный тип, — пробормотала Карла.

Марлис скорчила гримасу:

— И ничего нельзя сделать. В конце концов, он ничего такого не предпринимает.

Марлис была похожа на ее сестру. Такая же сильная и жизнерадостная особа, которую не так-то легко вывести из равновесия. Она реагировала быстро, интуитивно и почему-то всегда правильно. Когда один ребенок несколько недель назад упал на острую палку и она осталась торчать у него в спине, Марлис заорала на Эльфи, которая хотела вытащить палку, чтобы она ничего не трогала. Потом она взяла ребенка на руки, и говорила с ним все время, и шутила, и держала его за руку, и гладила его, и все время смотрела ему в глаза, пока не

приехала неотложная помощь. Ребенок даже не заметил, что с ним случилось. Он даже не плакал, настолько был заморожен рассказами Марлис. У приехавших сразу стало легче на душе, когда они увидели, что палка по-прежнему в спине, уложили ребенка на живот на носилки и забрали его с собой. А Марлис села с ними в машину, продолжая что-то рассказывать.

Тогда Карла была очень благодарна Марлис. И в душе так и не могла ответить на вопрос, не вытащила ли бы она эту палку из спины ребенка, будь она с ним одна.

Беззаботное отношение Марлис к мужчине на противоположной стороне улицы несколько успокоило Карлу.

— Я накину пальто и пойду поговорю с ним, — сказала она, и Марлис кивнула. Для нее вопрос был решен.

Но когда Карла появилась на улице, мужчина уже исчез. На следующий день он снова появился. На том же месте и приблизительно в то же самое время. Снова без шапки, без шарфа и без перчаток, но сегодня, по крайней мере, на нем было пальто. Шел небольшой снег. В этот раз Карла не стала ждать, а сразу подошла к нему.

— Извините, я работаю в детском саду напротив...

«Что за идиотизм, — подумала она, — за что я извиняюсь?» Но по-другому она не умела. Она так привыкла. Она извинялась даже тогда, когда кто-нибудь толкал ее на улице. Когда два года назад какой-то водитель, нарушив правила, не уступил дорогу и врезался в бок ее машины, даже тогда она вышла из машины и сразу же извинилась. Она, похоже, постоянно извинялась за то, что родилась и имела наглость жить на этом свете.

— Я знаю, — сказал он, улыбнувшись. — Я вас много раз видел.

— Что вы здесь делаете? — спросила Карла. — Почему вы наблюдаете за детским садом?

— Я наблюдаю не за детским садом. — Он все еще улыбался, и его зубы показались ей слишком желтыми. — Я наблюдаю за вами. И вчера вечером я видел, как вы стояли у окна. Вы выглядели так, словно не могли принять решение. А потом мне показалось, что сейчас вы выйдете, и я ушел.

У нее перехватило дыхание. Ее лицо горело.

— Зачем... Я имею в виду, почему вы ушли?

Его улыбка стала еще шире.

— Вам это и вправду интересно?

Она кивнула.

— Я даже не ожидал... Ну да ладно. Вчера вы показались мне раздраженной. А мне не хотелось разговаривать с вами, когда вы рассержены.

— Сейчас я тоже сержусь.

— Нет, вы не сердитесь. — Он просто утверждал это. Возражать не имело смысла. Счет был в его пользу, и он все еще улыбался. Но странным образом его улыбка не была высокомерной. И он был каким-то не таким. А каким — она не знала.

Внутренний голос кричал ей: «Вот и прекрасно, и на этом — конец. Попрощайся, иди назад в детсад и занимайся детьми. Оставь его, и пусть он отмораживает себе ноги. Этот мужчина намного превосходит тебя, ты по сравнению с ним — ничто. Он — один из тех, кто привык повелевать, и этому ничего противопоставить нельзя».

— Когда у вас заканчивается рабочий день?

— В шесть часов. — Собственно, он должен был знать об этом, если действительно

наблюдал за ней. Но это она сообразила уже потом.

— Прекрасно, — сказал он. — Я за вами заеду. И приглашаю вас на ужин.

— Хорошо, — пролепетала Карла, и ее лицо покраснело, словно она искупалась в соусе чили. Затем она отвернулась и побежала через дорогу, даже не заметив, что какая-то машина резко затормозила, чтобы не сбить ее.

Прежде чем зайти в детский сад, она обернулась. Его уже не было. Ей стало стыдно. Ужасно стыдно оттого, что она просто так, ни с того ни с сего, приняла его приглашение. Оттого, что она вроде бы сама бросилась на шею первому встречному. Могла же сказать: «О'кей, в восемь. Но я сначала должна зайти домой, принять душ, накормить кошку». Но она этого не сказала. Потому что никогда не говорила, чего она, собственно, хотела. Теперь придется идти на ужин в джинсах и в пестром полосатом пуловере, который ей связала мать несколько лет назад. С поперечными полосами всех цветов радуги, который немного ее полнил. Но дети любили этот пуловер, потому что для них он был таким красивым и разноцветным.

«Я скажу ему, что передумала, что не пойду с ним на ужин, что мне расхотелось. Кроме того, я только сейчас посмотрела в свой ежедневник и обнаружила, что у меня совсем нет времени...» Но, снимая пальто, она уже знала, что не сделает этого.

Марлис подошла к ней:

— Ну? Что он сказал? Что он педофил, но пока не решил, кого заманит в темный лес на следующей неделе?

— Нет. Он пригласил меня на ужин. Он наблюдал за *мной*, Марлис, а не за детьми!

Марлис обалдела.

— Ну? И ты что, пойдешь?

Карла утвердительно кивнула, и ей снова стало стыдно, но Марлис решила, что все это очень даже интересно.

— Классно! Только сделай одолжение и не заказывай из-за своей дурацкой скромности то, что подешевле. И возьми себе закуску. И не отказывайся от аперитива. Пей шампанское, а не какое-то дурацкое просекко [\[15\]](#). Разреши себе то, что в одиночку не в состоянии позволить. Устрой себе прекрасный вечер, наслаждайся жизнью и, пожалуйста, оставь напоследок размышления о том, интересуется ли тебя этот тип вообще. Если что, отошьешь его, когда он привезет тебя домой.

Карла кивнула и улыбнулась.

— А куда вы пойдете? — Марлис сейчас по-настоящему заинтересовалась.

— Понятия не имею. Он заедет за мной сюда в шесть.

— Что-о-о? Ты пойдешь в ресторан в этом страшном полосатом пуловере а-ля маленькая Лизочка? Ты что, серьезно?

Ну конечно, Марлис тут же обнаружила слабое место. Марлис никогда бы не позволила кому-нибудь поживиться за свой счет и застать себя врасплох. Она тут же интуитивно отреагировала бы правильно.

— Я не собираюсь наряжаться ради какого-то типа, — попыталась защищаться Карла.

— Не-е. Ради такого типа — нет. Ради себя самой. Ты не сможешь наслаждаться ни едой, ни прекрасным вечером, если будешь выглядеть, как клоун Долли, который только и ждет, что ему вот-вот бросят в морду торт с кремом. Практично, округло, хорошо. Без косметики и вдали от родины. С такой внешностью, с которой работают в детском саду. Карла, ну нельзя так идти в ресторан!

— Так что же мне делать? — Марлис была абсолютно права.

— В обеденный перерыв поезжай домой и переоденься. Я За тебя подежурю. Нет проблем.

Карла кивнула:

— Спасибо, Марлис.

Направляясь в кабинет, чтобы составить план на следующую неделю, Карла подумала: «И кто же из нас на самом деле начальник?»

Было всего лишь пол-одиннадцатого, когда этой ночью она добралась домой. Закрывает за собой дверь на ключ, сняла обувь, и моментально к ней пришла кошка, стала тереться об ноги, мурлыча и требуя ласки.

Она взяла кошку с собой на кухню, выдала ей пару «Бреккис» и нашла в холодильнике забытую плитку шоколада. Затем улеглась на кровать, погладила кошку, устроившись на животе, послушала «Музыку сфер» Сада, съела кусочек шоколада и еще раз восстановила в памяти весь вечер.

Его звали Альфред. Альфред... Очень старомодно, хотя ему было не так много лет. Она спрашивала, и он с готовностью отвечал. «Тридцать шесть», — сказал он. Какой-то Альфред, которому тридцать шесть лет. Она думала, что все Альфреды принадлежали к поколению дедушек и все они постепенно вымерли. Альфред Фишер. Так банально.

Он спросил, не хочет ли она аперитив. В другом случае она отрицательно покачала бы головой, но сейчас почему-то утвердительно кивнула.

— Бокал шампанского для дамы, — сказал он официанту, словно прочитав ее мысли. Она вообще-то не сказала ни слова.

На закуску она выбрала карпаччио из лосося и фаршированную пулярку с тортеллини. Она чувствовала себя невероятно наглой, но помнила, что говорила Марлис. Альфред заказал себе всего лишь тарелку макарон с салатом «Penne all'arrabbiata»^[16], и она испытала настоящие угрызения совести.

Когда она ела карпаччио и он смотрел на нее, она чуть не подавилась и почувствовала, как лицо запылало от стыда. Он рассказал, что вегетарианец. Не то чтобы он не любил мяса, просто не хотел быть хотя бы косвенно повинным в смерти животного. Он старался в любой жизненной ситуации, в том числе и здесь, в городе, уважать жизнь каждого существа, каким бы маленьким и незаметным оно ни было, — все равно, муха ли это, комар или муравей.

Все, что он говорил, не способствовало повышению ее аппетита при поедании пулярки, которую подали после карпаччио и вкус которой был великолепен. Он пожелал ей приятного аппетита, но ей все еще было стыдно и она ковырялась в тарелке так неуклюже, словно впервые в жизни пользовалась ножом и вилкой. Каждое движение казалось ей неловким и неуместным, и чем больше она следила за собой и думала об этом, тем больше теряла уверенность в себе.

Альфред ел медленно и степенно. Так осознанно, словно в душе просил прощения у каждой макаронины, которую клал в рот, за то, что сейчас уничтожит ее. А красное вино он лишь пригубил. Зато она пила свое в три раза быстрее, чем он, и хотя сама это замечала, но изменить ничего не могла. Она чувствовала себя увереннее, когда пила.

А теперь, после карпаччио из лосося, пулярки и тирамису на десерт, которое Альфред заказал и для себя тоже, она в одиночестве валялась на кровати и ела один кусочек шоколада за другим. Плитка уже уменьшилась на две трети.

Это был напряженный вечер. Зато она узнала, что он менеджер большой фирмы. Когда она принялась расспрашивать, он перевел разговор на другое, сказав, что готов говорить о чем угодно, только не о своей работе. Он и так целыми днями занят ею и слишком много времени посвящает фирме. Менеджер, который заказал самую простую и дешевую еду в меню... Ей это показалось привлекательным, поскольку было очень необычным.

Менеджер, который стоял на автобусной остановке и следил за воспитательницей детского сада... С ума сойти! Менеджер, который был вегетарианцем... Мало ел, мало пил, не чувствовал холода, а вечерами ходил в ресторан в пуловере и пиджаке, как будто шел в какой-то домик для лыжников. На сердце у нее было радостно. Жизнь была великолепна. И у нее наготове были сюрпризы, которые Карла не могла себе представить даже в самых смелых мечтах. Она познакомилась с менеджером! Кто знает, может, с появлением этого мужчины ее жизнь пойдет совсем в другом направлении?

Он хотел знать о ней все. О ее работе, родителях, сестре, но больше всего его интересовали ее мечты. Чего она ожидает от жизни, чего желает?

— Детей, — сказала Карла. — Двоих или троих. И дом с садом. И много домашних животных. Чтобы было за кем ухаживать и быть кому-то нужной. Это придает жизни куда больший смысл, чем забота о чужих детях.

Карла увидела непонимание в его глазах. Она чувствовала, что он хочет спросить, почему в ее возрасте у нее еще нет детей, но он этого не сделал. В конце концов, они знали друг друга всего лишь несколько часов. Ей было тридцать пять лет, и она выглядела на тридцать пять, Ни на день моложе, ни на день старше. Но время поджимало. Биологические часы неумолимо тикали.

Она улыбнулась и помогла ему:

— Только не спрашивайте, почему у меня еще нет детей! Могу сказать одно: сама не знаю. Как-то все не получалось. То время было неподходящее, потому что я то училась, то повышала квалификацию. То рядом был неподходящий мужчина. То денег не хватало... Как-то все не получалось, а сейчас, может, уже и поздно.

— Ну, для дома с множеством домашних животных поздно не бывает, — сказал он.

— В городе это невозможно. Тем более, если работать и не появляться дома по десять часов в день. Надолго оставлять животных одних нельзя. Им нужна любовь, им нужно время. Очень много времени. Иначе они становятся злобными. В этом они похожи на людей. Кто слишком долго остается один и чувствует себя одиноким, тоже становится злобным.

Альфред наморщил лоб:

— Рискованный тезис.

— Возможно. Но я в этом убеждена. — Карла сделала глубокий глоток красного вина. Альфред улыбнулся, и ей показалось, что он ее понял. Что они испытывают похожие чувства. В конце концов, он тоже любит животных и, наверное, детей.

Только сейчас, лежа в постели, она вспомнила, что совсем забыла спросить, есть ли у него жена. Или дети. Или он, может быть, разведен. Это можно было предположить. Женатый мужчина вряд ли стоял бы на улице и дожидался воспитательницу детского сада. Естественно, вокруг были женщины намного привлекательнее и значительно моложе. А если он выбирал себе любовницу, то существовали намного более перспективные «охотничьи угодья».

Чего же он хотел от нее? На этот вопрос она ответить не могла. За целый вечер она так этого и не поняла. Когда она закончила ужинать, он тут же расплатился. Затем проводил ее домой. Они шли пешком. Он был без машины, когда встречал ее возле детсада. «Я стараюсь не ездить на машине, — сказал он. — По возможности. Ходить пешком намного полезнее для здоровья. И я не понимаю людей, которые из-за одного или двух километров садятся за руль».

До ее квартиры было далеко. Они шли почти сорок пять минут, и она очень старалась

идти уверенно, потому что не хотела, чтобы он заметил, что она туфлями-лодочками на достаточно высоких каблуках, которые надевала очень редко, растерла себе ноги до волдырей. Водянка на правой пятке уже лопнула, тонкая кожа на ней из-за постоянного трения превратилась в клочья, и при каждом шаге открытая рана терлась о жесткую кожу почти новой обуви. На последних пятистах метрах до квартиры она уже не могла больше сдерживаться и сильно хромала. Альфред видел это, но не сказал ни слова. Наверное, не хотел смущать ее.

Когда они дошли до двери дома, он остановился и посмотрел на Карлу.

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо, что приняли мое приглашение. Я был очень рад.

Но мне хотелось бы знать, почему вы это сделали.

— Не знаю, — ответила Карла. — Я даже не задумывалась об этом.

— Это хорошо, — сказал он. — Это мне нравится.

Он улыбнулся, сказал: «Спокойной ночи» — и исчез в темноте.

Карла была в недоумении. Она не могла ничего понять. И снова почувствовала себя неуверенно, что на какое-то время привело ее в ярость.

«Я познакомилась с менеджером, — подумала она, засовывая в рот последний кусочек шоколада и чувствуя, как он медленно тает на языке, — и отдала бы все на свете, чтобы только снова увидеть его».

Она сняла кошку с живота, встала с постели, подтащила стул к полке с книгами, влезла на него и вытащила из самого верхнего ящика телефонный справочник. Из четырех тяжелых книг это была самая нижняя. Естественно. Как всегда. Она поискала его фамилию. В справочнике было тринадцать Альфредов Фишеров. Из них один был электриком, один — адвокатом, у остальных профессия не была указана. Кроме того, в справочнике одиннадцать раз значилось «А. Фишер» и сорок три раза просто «Фишер» без указания имени. Итого шестьдесят пять возможностей. И каждый из них мог быть Альфредом. Далеко она не продвинулась. Факт оставался фактом: у нее не было ни его адреса, ни номера телефона, и она не знала, на какой фирме он работает. Великолепно! Ей придется ждать, пока он снова появится на автобусной остановке. И снова он играл ведущую роль. Он держал все нити в своих руках. Он решал, будет продолжение или нет.

Она вознесла короткую молитву к небу, внутренне надеясь, что снова увидит его. Больше никогда в жизни она не наденет на работу полосатый пуловер. Теперь ей каждый день нужно быть готовой ко всему.

Если бы Карла в тот вечер могла догадываться, насколько глубоко Альфред изменит ее жизнь, она больше ни разу не удостоила бы странного мужчину на автобусной остановке даже взглядом.

Он больше не стоял перед детским садом. Марлис не видела его, о чем очень сожалела. Однако на следующий вечер он позвонил Карле домой и уже по телефону обратился к ней на «ТЫ».

— Это Альфред, — сказал он, и голос его был каким-то деревянным, словно он никогда не произносил своего имени, а если и произносил, то очень редко. — У тебя сегодня вечером найдется время? Я бы хотел тебе кое-что показать.

— Да, конечно, у меня есть время, — сказала Карла, и ее сердце готово было выпрыгнуть из груди.

— Оденься потеплее и надень удобную обувь. В половине восьмого я буду у твоей двери.

Прежде чем она успела хоть что-то сказать, он уже положил трубку.

Вообще-то она собиралась сходить в кино, но сейчас это было уже невозможно. Половина восьмого. Оставалось два часа, а ей еще надо было принять душ, вымыть голову, одеться, чуть-чуть подкраситься и строить догадки, что же он хотел ей показать. Звонка такого рода она никак не ожидала. Она подумала, что он похож на коня, который с неохотой дает вывести себя из стойла, а перед дверью конюшни вдруг ни с того ни с сего срывается в галоп.

Она разделась и пошла в душ. И, стоя под струйками теплой, мягкой воды, раздумывала, готова ли с ним переспать, если до этого дойдет. Она хотела определиться заранее, чтобы не пришлось принимать решение в последнюю секунду. Пойдут ли они к нему, в его квартиру? Подруга когда-то сказала ей:

— Если ты хочешь переспать с мужчиной, которого не знаешь, то сделай это в его, а не в своей квартире. Если он действительно окажется таким, что захочет что-то с тобой сделать, то потом у него в собственной квартире будет проблема — как поступить с твоим трупом. А из твоей квартиры он просто смоется. И это он знает точно. Он, может, захочет убить тебя, но ему не захочется неприятностей, поэтому в его квартире ты будешь в большей безопасности.

Да, она согласна переспать с ним. Его послала судьба, и она чувствовала себя по-настоящему живой, чего давно уже не испытывала. Она тщательно вымылась, натерла тело кремом и побрызгалась нежными, но интенсивными духами, которые ей два года назад подарила сестра со словами: «Неприметным цветочкам, растущим под забором, нужен сильный запах, чтобы привлекать пчел». А потом ей понадобилось четверть часа, чтобы решить, надевать ли трусики и лифчик, или только трусики и футболку, или же просто корсет. Она решила надеть трусики, а вместо комбинации — топик с очень тонкими бретельками. Оба бюстгальтера, которые были у нее и которые она надевала крайне редко, например, на родительские собрания, были ужасно старомодными, а с корсетом всегда была страшная возня с крючками и петлями. Каждый поход в туалет был пыткой, а если нужно было справиться с застежками срочно или если дрожали пальцы, то вообще было невозможно попасть нужным крючком в нужную петлю, особенно согнувшись в тесном туалете какой-нибудь забегаловки и при мерцающем освещении пытаясь вытащить черные кружева вперед, чтобы увидеть то, что невозможно найти на ощупь. Корсет, наверное, был

изобретен удалившейся от мирской жизни и враждебно относящейся к сексу монастырской братией. Снять его можно было только снизу вверх, что, возможно, было практичным для секса «по-быстрому» где-нибудь в лифте, но для первой ночи — довольно абсурдным.

Поверх всего этого она надела бежевый свитер с высоким воротом, брючный костюм цвета морской волны и черные замшевые сапоги с застежками-молниями на наружной и внутренней стороне голенища. Костюм и сапоги не очень-то подходили друг к другу, но изменить что-то она не могла. У нее просто не было ничего другого.

Ее косметика, которой было уже года три, имела прогорклый запах. Она боялась, что от испорченной косметики у нее на лице будут прыщи, и лишь слегка нанесла ее на критические места под глазами, чтобы не выглядеть чахоточной совой. Чуть-чуть теней для век и тушь для ресниц заставили ее глаза лучиться, и она даже нанесла на губы блеск, хотя знала, что через полчаса или после первого бокала вина он исчезнет.

Волосы она оставила распущенными. Когда она бросила на себя пятый контрольный взгляд в зеркало и в десятый раз расчесала щеткой волосы, раздался звонок снизу, от дверей дома.

Она набросила на плечи пушистую коричневую шубу из искусственного меха, которая была далеко не элегантной, но в которой она еще ни разу не мерзла при любой погоде, и помчалась по лестнице вниз.

Он стоял перед дверью рядом с «шевроле» розового цвета. Передние крылья и молдинги были синими. Она не поверила своим глазам.

— Садись, — сказал он и ухмыльнулся.

Она обошла машину и села в нее, чувствуя себя в полной растерянности. Когда она захлопнула дверь, он уже трогался с места.

— Куда мы едем? — спросила она.

— К морю, — ответил он.

Он ехал быстро. Слишком быстро, но она ничего не сказала. Она смотрела на его руку, небрежно и расслабленно лежащую на руле, и ничего не боялась. Это была широкая и грубая, очень сильная рука, знакомая с тяжелой работой. Она совсем не подходила этому тонко чувствующему человеку, как показалось Карле, но она действовала на Карлу успокаивающе. Эта рука может все урегулировать, может устранить любую опасность. Она была очарована косточками его пальцев, которые легко двигались взад и вперед, словно молоточки внутри рояля, когда на нем играют тихую музыку. И ей больше всего на свете захотелось, чтобы эти пальцы прикоснулись к ней.

— Это мой последний день в этой машине, — сказал он.

— Почему? — спросила она.

— Она мне больше не подходит. Этап жизни, на котором я обязательно должен был ездить на такой машине, закончился.

— Менеджер на такой «тачке»... это как-то даже странно... — заметила Карла, и ей это даже показалось смешным.

— Да, — сказал он, искоса взглянув на нее.

— Да, — подтвердила она.

Дальше он вел машину молча. У нее было много времени, чтобы подумать о нем. Фраза «Это мой последний день в этой машине» не насторожила ее. Она даже не подумала о том, что он может направить машину на опору моста и прихватить ее с собой на тот свет. Она

думала лишь о том, что уже давно не чувствовала себя так хорошо, не была настолько расслабленной и беззаботной. Все страхи и сомнения улетучились. Она чувствовала себя так, словно знала этого человека уже много лет, словно он целую вечность держал над ней свою оберегающую руку и нежно вел ее по миру, который был ей совершенно незнаком и который она без него никогда бы не узнала. Она хотела его. Хотела никуда не отпускать его, хотела незаметно быть рядом, везде и повсюду следовать за ним. Она поверила, что наконец-то нашла плечо, к которому можно прислониться, закрыть глаза — и пусть будет что будет.

— Ты хочешь есть? — спросил Альфред.

Карла отрицательно покачала головой. Ей не хотелось ни есть, ни пить, ей ничего не хотелось. И она ничего не боялась. Ей было ни холодно, ни жарко. Она просто сидела на бежевом кожаном сиденье в этой яркой машине, она просто была здесь. И была бесконечно довольна.

Альфред проехал через Гамбург-Айденштедт, где жила Карла, выехал на автобан А23 в направлении Хайде и помчался по федеральным дорогам 5 и 202 дальше до Сакт-Петер — Ординга. В половине десятого они остановили машину и в темноте пошли вдоль бесконечного побережья. Карла не могла понять, что это на нее нашло именно сейчас, сегодня вечером.

— Завтра в девять я должен быть снова в Гамбурге, — сказал Альфред. — Но у нас с тобой целая ночь.

То, что ей завтра в половине восьмого надо быть в детском саду, ему, наверное, даже не пришло в голову, и она тоже ничего не сказала. Но ее сердце забилося от волнения, и она почувствовала, как в висках запульсировала кровь.

— Тогда не надо было ехать так далеко. Гамбург рядом с морем...

— Я люблю это бесконечное побережье, — сказал Альфред так тихо, что ей пришлось напрячься, чтобы разобрать, что он говорит. — Здесь у меня такое чувство, будто я в другой стране, что я больше не в Германии. Мне нужно это время от времени.

Они гуляли еще часа полтора, почти не разговаривая. Потом вернулись к машине, сели в нее и смотрели на море. В туманной дали невозможно было понять, где кончается берег и начинается море.

У Альфреда была с собой бутылка простого красного вина, минеральная вода и соленые крекеры. А к ним большой кусок греческого сыра фета, как ей показалось, граммов этак на восемьсот. Они ели и пили молча, и Карла не решалась нарушить тишину ни единым словом. Все казалось слишком банальным. Она ожидала, что он вот-вот обнимет ее или хотя бы возьмет за руку, но он этого не делал.

И вдруг он начал рассказывать, что дома был младшим из пяти детей. Отец бросил мать незадолго до его рождения и уехал в Техас, где жил на огромной ферме. Пару лет назад его сестры, близнецы Лена и Луиза, переехали к отцу. В Америке они преподавали немецкий язык, да и вообще на ферме было много работы, вдобавок они хотели взять на себя заботу об отце, когда тот постареет. Его брат Генрих был преуспевающим гинекологом во Фрайбурге и специализировался на ранней диагностике рака, а брат Рольф — уважаемым архитектором, с недавних пор работавшим в Берлине, в министерстве строительства и жилищного хозяйства. С Рольфом у них сложились самые теплые отношения, и брат часто заезжал к Альфреду на пару дней. Они прекрасно понимали друг друга. Рольф был образованным человеком, ориентировался практически во всех областях и был младшему брату не только другом, но и советчиком.

С некоторых пор их мать стала чувствовать себя не очень хорошо. Ей сейчас уже семьдесят пять, и Альфред поселил ее в доме престарелых в Гамбурге, где за ней как минимум прекрасно ухаживают.

На Карлу семья Альфреда произвела огромное впечатление. Несмотря на то что мать вырастила детей практически одна, все они получили высшее образование и не утратили связей друг с другом. Эта семейная сага успокоила Карлу, и она почувствовала себя рядом с Альфредом еще лучше.

— У тебя есть дети? Ты женат? — наконец решилась спросить она, и это был главный вопрос.

— У меня два прекрасных сына, — сказал он и улыбнулся. — Старшему сейчас двадцать один год, а младшему — десять. Они пока живут с матерью, с которой я, к сожалению, отношений не поддерживаю. Поэтому я уже целую вечность не видел сыновей. Надеюсь, что все изменится, как только они съедут из дому.

То, что Альфред в тридцать шесть лет вряд ли мог быть биологическим отцом такого взрослого сына, ей даже в голову не пришло. Она смотрела на блестящее в лунном свете море, на звезды, и глаза у нее начали закрываться. Она поуютнее закуталась в шубку из искусственного меха и была очень рада, что надела ее. И как-то незаметно она уснула. Альфред так ни разу и не прикоснулся к ней.

Дыхание Карлы стало ровным и глубоким, и Альфред понял, что она уснула. Для него это было очень кстати: наконец можно перестать выдавать придуманные истории, рассказывать которые получалось у него все легче и легче. Почему он не сказал Карле правду о себе и своей семье, и прежде всего об отце, — он и сам не знал.

* * *

Отец Альфреда, которого тоже звали Альфред, был простым крестьянином, который любил свою семью больше всего на свете. Однажды майским утром тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года, когда он как раз работал в поле, прибежал его девятилетний сын Рольф с криками: «Мама, мама!»

— Что с мамой?

— Она кричит, — заплакал Рольф, — она плачет, и у нее совсем красное лицо.

Глаза Рольфа страшно косили. Такое бывало, когда он чувствовал себя неуверенно, чего-то боялся или сильно нервничал.

— Акушерка пришла?

— Никого нет, — плакал Рольф. — Близняшек тоже нет. Мама послала их позвать фрау Боземанн, но они еще не вернулись.

Альфред поцеловал Рольфа и взял его за руку.

— Идем. Нам надо спешить.

Эдит лежала на полу кухни в луже зеленых, отвратительно пахнущих околоплодных вод. Лицо ее было уже не красным, а белым как мел, и она судорожно дышала, словно рыба, выброшенная на берег. Альфред осторожно поднял ее на руки и удивился, что она не сопротивляется. Обычно она оборонялась. Против любой фразы, любой ласки, и прежде всего — против любой опеки. Просто взять ее на руки — это было все равно что изнасиловать.

— Черт возьми... — пробормотала она, когда Альфред нес ее на кровать.

«Наверное, ей очень плохо», — подумал Альфред и почувствовал, как любит ее. Чувство, которого он уже целую вечность не испытывал. Когда он несколько месяцев назад набросился на жену и вошел в нее, это была не любовь, лишь похоть и желание хоть на пару секунд заглушить ощущение собственной ненужности и одиночества.

Альфред взял Эдит за руку, со страхом прислушался к ее тяжелому дыханию и прошептал: «Что мне делать? Скажи, я все для тебя сделаю...» В этот момент по лестнице уже поднялась фрау Боземанн в сопровождении близняшек, которые были еще бледнее, чем их рожаящая мать.

Альфред испуганно выронил руку Эдит и послушно выполнил команду Генриетты Боземанн, приказавшей ему и близняшкам убираться из комнаты. Альфред еще успел увидеть, как Генриетта отбросила одеяло и засунула Эдит два пальца между ног, во влагалище, чтобы проверить раскрытие матки. Он затрясся от ужаса и выскочил из комнаты.

Генриетта потребовала подать чистые полотенца, свежие простыни, кипяченую воду и горячий чай. Альфред принес все, что она пожелала, и успокоил детей. Он попытался отослать их в постель, но безуспешно. И только когда им наскучило сидеть на корточках перед закрытой дверью, они ушли. Рольф остался. Он сидел рядом с отцом на верхней ступеньке лестницы. Его глаза косили. У Альфреда сложилось впечатление, что мальчик понимает, что происходит за закрытой дверью комнаты. Они сидели рядом, словно заговорщики.

Альфред заплакал, услышав крики жены, и Рольф положил голову ему на плечо. Альфред не видел, плакал ли он тоже.

Под утро оба уснули. Разбудил их пронзительный голос Генриетты, которая держала в руках крохотного младенца, завернутого в полотенце.

— Мальчик, — гордо сказала она, словно это была только ее заслуга.

— Наконец-то, — всхлипнул Рольф, — наконец-то, наконец-то, наконец-то у меня есть брат!

Эдит поспала пару часов, а Альфред пока сварил детям на обед картошку и яйца. Ребенок лежал в колыбельке, которую Альфред сам вырезал из дерева. Каждый, кто проходил возле люльки, толкал ее, так что она все время качалась туда-сюда. Малыш был доволен. Он хрюкал, сосал большой палец и не требовал особого внимания. Если он плакал, близняшки по очереди клали его к себе на колени и качали, напевая «баю-баюшки-баю».

Но очень скоро им это наскучило. Только Рольф брал маленького брата на руки, шептал ласковые слоен и несчетное количество раз целовал его маленькое круглое личико, пока малыш снова не засыпал.

К вечеру Эдит встала с постели, отправилась в сарай, подоила коров и только после этого зашла в кухню, чтобы приготовить ужин. Рольф сидел у окна, держа ребенка на руках. Он улыбнулся матери.

— У меня есть братик, — снова и снова повторял он, — наконец-то, наконец-то, наконец-то у меня есть брат!

Он ласково щекотал ребенка и обцеловывал его маленькие пальчики.

— Да оставь ты его в покое, — сказала Эдит, качая головой, и принялась убирать со стола, где все еще стояли остатки обеда.

— Он смеется! Смотри, мама, он смеется! — Рольф был вне себя от счастья.

— Грудные дети не умеют смеяться, — ответила Эдит, убирая грязные тарелки в

мойку. — Они могут только кричать и плакать.

Она пустила воду в мойку, подошла к Рольфу, взяла у него ребенка, села, расстегнула блузку, приложила ребенка к своей плоской, исхудавшей груди и сунула ему сосок в рот. Рольф смотрел на это как зачарованный, но и со стыдом, потому что никогда прежде не видел грудь матери. Младенец сосал грудь, а Эдит не обращала на старшего сына никакого внимания.

— А ему вкусно? — тихо спросил он.

— Нет, — сказала Эдит, — но грудным детям это неважно.

Ночью она три раза вставала, потому что спеленатый комочек плакал. Он жадно хватал ее грудь и пил молоко с такой силой и жадностью, что у нее даже перехватывало дыхание. При этом она вспоминала ту ночь, когда Альфред после многих месяцев воздержания нащупал ее тело под толстым, слишком теплым одеялом. И она не отбивалась, как обычно, а просто позволила ему делать с собой все, что захочется. В глубине души она даже наслаждалась этим, но одновременно просила у Бога прощения. Однако он не услышал ее молитв, а покарал этим свертком, который высасывал из нее остатки жизненных сил. Она согрешила. Как и с остальными тоже. И наказание будет длиться двадцать лет или больше. Вначале были бессонные ночи и сознание того, что не придется спокойно спать на протяжении долгих месяцев, потом снова детские болезни, страхи и заботы. Которыми Бог наказывал ее каждый день.

Во время беременности она заставляла себя каждый день по три раза читать молитвы, чтобы святая Богородица сжалилась над ней и позволила хотя бы в четвертый раз избежать материнства. Три молитвы — это было долго, и у нее каждый день недоставало на это времени, но она была упрямой и молилась. На протяжении девяти месяцев. Что она обещала Создателю, то и выполняла.

Генриетта Боземанн сразу же после родов взвесила младенца, обмерила его, обмыла и как могла обследовала. Насколько она могла судить, ребенок был здоров и не пострадал от отравления околоплодными водами. Но, считала она, следует подождать. Последствия могут наступить через несколько месяцев или даже годы спустя.

Эдит не хотела этого ребенка, а когда услышала мнение акушерки, то чувств к нему у нее стало еще меньше. Она чувствовала, что этот ребенок принесет семье одни лишь заботы и беды.

В то первое утро с ребенком в доме она лишь часов в пять утра впала в глубокий сон, пробудить от которого ее не мог никакой плач. И из-за этого она не услышала мужа, который тихо звал на помощь, потому что сил громко кричать у него уже не было.

Когда в семь утра зазвонил будильник, Альфред, который в это время обычно был уже в поле, сидел, согнувшись, на краю кровати. Когда она положила ему руку на спину, собираясь спросить, что случилось, он прошептал: «Вызови врача. Быстро».

И потерял сознание.

Эдит восприняла ситуацию как абсурдную и растерялась. Она натянула халат, подровняла концы пояса, на что ушло секунды четыре, тщательно завязала его и только потом побежала по узкой лестнице вверх, в комнатушку под крышей, где спал Рольф, и растолкала его.

— Беги к доктору Шеффлеру! Пусть придет поскорее, папе плохо.

Рольф протер глаза и недоверчиво посмотрел на нее.

— Ребенок?

— Речь не о ребенке, а о твоём отце! Бегом, черт бы тебя побрал, поторопись!

Рольф выпрыгнул из постели, кое-как напялил брюки и пуловер. Больше всего времени заняло надевание ботинок. Но уже через несколько секунд он промчался вниз по лестнице и выскочил из дома.

Эдит вернулась в спальню. Альфред лежал на кровати с закрытыми глазами и широко открытым ртом. Она склонилась над ним, но не заметила и искорки жизни, дыхания тоже не было слышно.

Ее крепкий муж, который мог открутить любой винт, мог валить деревья, строить сараи, ловить взбесившихся быков и поднимать обломки скал, умер вот так, сразу.

Прошло минут двадцать, прежде чем появился доктор Шеффлер. Он быстро обследовал Альфреда и покачал головой.

— Все, уже ничего не сделаешь, — сказал он. — Он умер мгновенно. Против этого нет спасения. Когда сердце вот так останавливается, врач бессилен.

В этот момент Эдин начала кричать. И кричала несколько минут. Так громко и так пронзительно, что никто из присутствующих не мог этого выдержать. Близнецы стояли в дверях, бледные и испуганные, Рольф теребил пальцы и страшно косил, а ребенок плакал в одиночестве в колыбельке на кухне.

Доктор Шеффлер удерживал Эдит, которая порывалась крушить все вокруг, и наконец ему удалось сунуть ей в рот успокоительное. Эдит выплюнула таблетку прямо в зеркало для бритья, висевшее в спальне. Таблетка сначала прилипла к зеркалу, а потом медленно сползла вниз.

Через пятнадцать минут Эдит перестала кричать, и доктор ушел. Она уложила ноги Альфреда на кровать, заботливо укрыла мужа одеялом, убрала с его лба прилипшую прядь волос и сказала, обращаясь к покойнику:

— Я тебе никогда не прощу, что ты оставил меня в беде.

Потом она обернулась к детям, испуганно стоявшим в комнате и с ужасом наблюдавшим за этой сценой.

— Ваш отец мертв, — сказала она. — И уже, наверное, попал на небо. Не волнуйтесь, ему, конечно, там хорошо, и с этого момента он с неба будет смотреть, как вы себя ведете.

— Но как же он может быть на небе, если лежит здесь? — спросила Луиза.

— Да, как такое может быть? — поддержала ее Лена.

— Его душа на небе, — пояснила Эдит. — То, что здесь лежит, хотя и папа, но это уже не папа.

Рольф кивнул и вытер слезы с глаз, которые страшно косили.

— Иди и принеси ребенка, — сказала мать. — Я думаю, мы назовем его Альфредом.

«Они даже не дали мне собственного имени, даже этого не сделали», — с горечью подумал Альфред, перед тем как забыться крепким коротким сном.

Карла проснулась в пять утра, когда он завел двигатель. Шел легкий снег. «На автобане будет скользко», — подумала она. Ей вспомнился вчерашний вечер и ночь, и она чуть не расплакалась. Она во всем виновата. Она все испортила. Она вот так взяла и уснула. Наверное, он обиделся, что она не стала слушать дальше. И, конечно, расстроился из-за того, что она заснула раньше, чем он успел приступить к ласкам. А эта ночь могла быть такой прекрасной!

— Доброе утро, принцесса! — сказал он, увидев, что она проснулась, и улыбнулся. —

Хорошо выпалась?

— Мне очень жаль... — пробормотала она.

— Из-за чего? — Он или в самом деле удивился, или только притворялся.

— Что я заснула. Когда ты рассказывал.

— О чем речь, никаких проблем!

Он говорил серьезно. Она почувствовала это и немного успокоилась.

— Сегодня я продам машину, — сказал он. — У меня уже есть три человека, которые хотят ее купить.

— За сколько? — спросила она.

— Восемь тысяч.

Она наморщила лоб:

— Так мало? Ведь такие машины — настоящая редкость.

— Да, но большего она не стоит. Восемь тысяч. И я буду доволен.

Альфред, чувствуя, что дорога скользкая, ехал медленно и осторожно. Карле по-прежнему хотелось спать, и она закрыла глаза. За этим мужчиной она готова пойти на край света. Она не могла представить себе ситуацию, с которой бы он не справился.

Энрико

Сиена, июнь 2004 года

Медленно и обстоятельно он влез в шорты и вышел на террасу. До Кампо было недалеко, и высокая башня Палаццо Пубблико заметно возвышалась над крышами домов, похожими на коробки. Кай зажег сигарету и сел. Солнце опускалось буквально на глазах и с минуты на минуту приобретало все более интенсивный оранжевый оттенок. Внизу, на Виа деи Росси, солнечного света не было уже часа два.

Небо было раскаленным. Оранжевые, розовые и фиолетовые краски переходили друг в друга. На картине это выглядело бы невыносимой комбинацией в стиле китч, но в реальности было так прекрасно, что даже дух захватывало.

Он любил эти тихие минуты в своей маленькой квартире под крышей дома. Две комнаты, кухня, ванная, терраса — и все это бессовестно дорого. Цены в Сиене были как в Нью-Йорке.

Кай Грегори был рослым, атлетически сложенным мужчиной, которого сейчас, в его сорок пять лет, начинавшее образовываться маленькое брюшко делало лишь человечнее и привлекательнее. Постепенно седеющие волосы приятно контрастировали с загорелым лицом. Последнее имело причины скорее генетического характера, нежели благодаря тому обстоятельству, что он старался поймать каждый солнечный луч. Его близко посаженные глаза придавали лицу характерное выражение, что не позволяло поставить его на одну доску с фотомоделями-мужчинами из каталогов универмагов. Кай ненавидел свои очень большие ноги, поэтому даже в жаркие летние месяцы Тосканы постоянно носил закрытые полуботинки. Сандалий в его шкафу не было.

Кая было видно издалека, когда он заходил в ресторан, его сразу же замечали в любом магазине, и ни одна итальянская мамочка не решалась втиснуться перед ним без очереди. У врачей его обслуживали вежливо, причем независимо от того, как он был одет, с первого взгляда принимали скорее за аристократа, чем за неудачника.

Все это в общей сложности скорее облегчало, чем усложняло его жизнь, и Кай умел ценить это. Особенно то, что ему даже не надо было напрягаться, чтобы пофлиртовать с кем-нибудь, — женщины сами пытались завязать с ним знакомство, что он находил крайне удобным и приятным обстоятельством.

За тридцать лет активной сексуальной жизни он не мог пожаловаться на недостаток возможностей, и если таковые выдавались, то не упускал ни одной, что очень быстро создало ему авторитет мачо. Для него это было скорее комплиментом, чем оскорблением, и он чувствовал себя в этом образе очень комфортно.

Лишь один-единственный раз он позволил себе увлечься и сделал предложение руки и сердца одной нежной брюнетке с родинкой размером с пфенниг на левой щеке. Она умела смотреть таким проникновенным взглядом, что у него отнимался язык и на глаза наворачивались слезы. Она, со своей стороны, краснела как рак, хватала под столом его руку, засовывала ее себе под юбку и страстно шептала: «Ты об этом никогда не пожалеешь».

Он пожалел об этом уже через семнадцать месяцев. Пока она обучалась флористике, он изучал экономику производства, и вскоре ему до тошноты надоело разговаривать за ужином о «футлярах с цветами во мху на сетке из тонкой проволоки». В гостиной с потолка свисали засушенные букеты, которые она периодически опрыскивала цветными автомобильными

лаками, везде стояли горшки с пахучими цветами, на окнах висели цветочные венки, на каждом свободном месте увядали цветы всевозможных размеров и во всевозможных вазах, а в раковине гнили остатки цветов и забивали слив своей вязкой, мутной и вонючей слизью.

Вероника каждый вечер прикладывала к родинке влажные листья шалфея и уже через пять месяцев больше не спала с Каем.

Однажды после обеда он неожиданно пришел с работы раньше и обнаружил ее в супружеской постели с раздвинутыми ногами, а перед ней — стоящего на коленях юнца в клетчатых боксерских шортах и с необыкновенно густыми и безвкусными усами. С уголков его губ капала слюна. Он таращился на нее не отрываясь и с явным интересом, а вид у него был такой, словно он собирался брать из влагалища Вероники мазок на наличие рака.

Кай был настолько ошарашен, что оказался не в состоянии хотя бы раз врезать юнцу по физиономии. Не говоря ни слова, он вышел из спальни, но увиденное отпечаталось в его мозгу, словно горящая сигарета на предплечье пытаемого.

С того дня он больше не мог смотреть Веронике в глаза. Ее лицо казалось ему экраном, на котором шел один и тот же отвратительный фильм. Последовавший за этим развод был тяжелым, поскольку он не соглашался даже говорить с женой.

После этого Кай переехал в Кельн, в трехкомнатную квартиру с отдельной террасой на крыше и личным местом в подземном гараже. В квартире не было ни одного растения, только стекло и хром, приглушенное освещение и элегантный серый ковер на полу, на котором отпечатывался каждый шаг. Самыми важными приборами в квартире были щетка для мойки окон и пылесос. Кай работал в преуспевающей фирме по торговле недвижимостью, вел интенсивную половую жизнь с часто меняющимися партнершами, и в ящике кухонного стола у него не лежало ничего, кроме презервативов и бумажных носовых платков. С некоторых пор ему даже стало лень записывать фамилии и номера телефонов женщин, с которыми он провел выходные.

Он узнал, что Вероника, пребывая в кризисе с очередным любовником, ночью во время шторма упала за борт и утонула. Эта новость заинтересовала его так же, как сводка погоды могла бы заинтересовать приговоренного к смерти за пять минут перед казнью. Однако в своей суперсовременной кухне он в одиночестве отметил это событие несколькими бутылками шампанского, потому что теперь не надо было оплачивать ее содержание^[17].

Головная боль на следующий день была последним напоминанием о Веронике, после чего он никогда больше о ней не думал.

Маклерская фирма расширялась. Пять лет назад он получил предложение возглавить бюро фирмы в Италии, в Сиене. Поскольку ему уже основательно надоел непрактичный ковер на полу его квартиры, он раздумывал недолго и принял предложение.

Кай пошел в дом и взял бутылку граппы, чтобы напиться в темноте на террасе. Как это часто бывало. И каждый раз на следующее утро он не мог вспомнить, как провел вечер и что делал.

Когда на следующее утро Кай Грегори сидел в бюро, ему впервые бросилось в глаза, что его секретарша Моника, очевидно, не была настоящей блондинкой. Корни ее волос уже на палец были черными, как кофе-эспрессо, который она поставила перед ним на стол.

— Прего, синьор, — улыбнулась она, и ее зубы показались ему желтоватыми. Когда она выходила из комнаты, он увидел, что ее коленные суставы почти бьются друг о друга, и представил, как ее ноги трутся друг о друга и оставляют красноватые болезненные потертости. К горлу вдруг подкатила тошнота, и он выплеснул эспрессо в вазу для цветов. Моника всегда казалась Каю прекрасной женщиной, но сейчас ему пришлось несколько раз судорожно сглотнуть, чтобы его не вырвало.

Он потерял виски. Голова болела. Он встал и подошел к окну. На Виа Деи Поррионе, которая вела прямо к Кампо, в это время было немного народу, большинство итальянцев в это время уже отправились по домам обедать. Фасад Сан Мартино показался ему сегодня мрачным и холодным. Огромные обтесанные камни, из которых были сложены мощные стены, всегда нравились ему, а сейчас вдруг возникло ощущение, что они его убивают. Что он ищет в этом городе, состоящем лишь из оттенков серого цвета? На улице моросило. Какой-то ragazzo^[18] промчался на мопеде «Веспа» по улице. Треск мотора, казалось, разрывал Каю череп.

Так дальше продолжаться не могло. Наверное, стоит сходить к Лучиано, съесть парочку tortellini^[19] и выпить кьянти — может, тогда в голове прояснится.

Моника просунула голову в дверь.

— Mi scusi...^[20]

— В чем дело?

— Вчера здесь были Шрадеры из Кельна. Они хотели осмотреть руины возле Мончиони.

— Я был в Умбрии. Хотел немного осмотреться. Там можно купить кучу камней за полцены.

— Я знаю. А разве вы не собирались вернуться вчера утром?

Ему захотелось вышвырнуть ее за дверь.

— Хотел, но не получилось.

— Шрадеры специально приехали из Кельна ради этих двух объектов.

Она казалась ему питбулем, который впился в руку и загонял зубы все глубже и глубже в рану, вместо того чтобы разжать пасть.

Кай подошел к письменному столу, бросил взгляд на раскрытый календарь и выдавил из себя улыбку.

— Как долго они будут здесь?

— Еще две недели.

Он с вызовом посмотрел на нее:

— Так в чем проблема?

Моника ответила очень тихо:

— Если у Шрадеров хватит терпения, то проблем не будет.

Это уже было похоже на упрек и еще больше разозлило Кая. Он вспомнил, как часто раздумывал, не отыметь ли ее прямо в бюро, и сейчас мысленно поздравил себя за

проявленную стойкость. Но Моника, наверное, ни о чем таком не думала.

Он сунул мобильный телефон в карман куртки.

— Мне нужно уйти. Но не позже половины четвертого я вернусь. Влейте в Шрадеро побольше капучино и покажите им каталог. Тогда им будет чем заняться. Вы составили документы по обоим объектам?

Она кивнула:

— Конечно. Но герр Шрадер и фрау Шрадер непременно хотят детальный перечень того, сколько будет стоить реставрация руин в первозданный вид и с применением старых материалов. Плюс-минус двадцать пять тысяч евро.

Он в душе вздохнул. Он знал таких типов. Они не влюблялись в старый дом, прекрасный участок или в потрясающий пейзаж — они делали из этого задачку по арифметике. И вели себя невыносимо, если он не знал, сколько стоит смеситель для холодной и горячей воды в магазине «Ferramele».

С клиентами подобного рода можно было заниматься целыми днями, потому что они хотели видеть каждую руину раз пять, но сами никогда не могли найти туда дорогу. А через неделю, сказав на прощание «Сердечное спасибо, мы вам позвоним», исчезали, чтобы больше не появиться.

Моника переместила свой вес, как футболист, на опорную ногу, а носком другой ноги водила туда-сюда, что действовало ему на нервы. Она улыбнулась.

— Шрадеры производят впечатление заинтересованных людей, но мне кажется, что они себе на уме.

— Спасибо за предупреждение. Если они будут слишком сильно действовать мне на нервы, я брошу их в пампе и поеду домой.

Моника хихикнула:

— Буон appetito, Кай. Съешьте что-нибудь приличное. У вас просто зеленое лицо.

Ему захотелось свернуть ей шею.

— Я встречаюсь с дотторе Манетти, — неуклюже соврал он. — Мы подумываем о том, чтобы самим скупать руины, реставрировать их и выгодно продавать.

— Ах да! — Она заправила свои длинные, крашенные под блондинку волосы за уши. — Совсем забыла сказать. Дотторе Манетти звонил из Рима. Он хотел бы во вторник выпить с вами вина в «Джине».

Кай густо покраснел.

— Арриведерчи, — процедил он сквозь зубы и покинул бюро, не закрыв за собой дверь.

Анна Голомбек поставила машину на стоянку в непосредственной близости от Порты Сан Марко. Она оставила оба своих чемодана в багажнике, накрыла лептоп и косметичку пропыленным бледно-розовым покрывалом и отправилась в путь с одной только сумочкой. Ее гостиница — «Палаццо Торрино» — должна была быть где-то неподалеку, но Анна сначала решила пройти к ней пешком, чтобы узнать, можно ли там поставить машину на стоянку. В бюро путешествий ее убедили, что эта гостиница относится к среднему классу цен, и Анна забронировала себе номер пока что на неделю. А потом будет видно. В конце концов, у нее масса свободного времени. Недели, месяцы, а может быть, и годы. Ее переполняло странное чувство свободы и одновременно потерянности. Не существовало ничего, что бы ей действительно нужно было делать. Завтра у нее будет сорок второй день рождения. В одиночку, в Сиене. Ей было чуть-чуть страшно.

Гостиница представляла собой импозантный дворец семнадцатого века, и обстановка в ней сразу же понравилась Анне. Комната, где стояли стол, кровать и комод из темного дерева, была, однако, тесноватой. Гаральд бы сразу сказал, настоящий это старинный комод или подделка, а вот она не знала. Над кроватью висела картина с ангелами Уильяма Бужуро — дешевая печатная копия в помпезной золотой раме. Фамилия художника стояла в левом углу. Два ангелочка, обнимающие друг друга, маленькие крылышки приклеены к голым лопаткам. Ангелочек-мальчик целовал ангелочка-девочку в щечку, она не возражала и смущенно смотрела вниз, на землю. Анна сняла картину со стены и засунула ее под кровать.

Она открыла окно. Было необычайно тихо, высокая стена и субтропический сад задерживали звуки, доносившиеся из города. Пахло лавандой и розмарином. Телевизора в комнате не было, только громкоговоритель, включавшийся в администрации гостиницы, с одной-единственной программой и ужасным качеством звука. Ведущий и какой-то телефонный кандидат как раз сейчас орали друг на друга и при этом громко смеялись. Она сразу же выключила радио.

Душ не был приспособлен для женщин. Рассеиватель, намертво закрепленный под потолком, не лил, а распылял воду, словно опрыскиватель для цветов. Никаких шансов прилично принять душ и помыться не было. «Тоже, наверное, семнадцатый век», — подумала она, чувствуя себя так, словно вода вообще не попадает на тело. Тем не менее после душа Анна слегка посвежела. Она тщательно накрутилась и вышла из гостиницы.

Когда она шла к машине, ее мобильный телефон издал короткий сигнал. Сообщение. «Дай знать, когда доберешься. Бабушка». Она до сих пор говорила «бабушка». До сих пор. «Как будто ничего не случилось», — раздраженно подумала Анна. Но как бы там ни было, ее мать была одной из немногих, кто в возрасте старше семидесяти лет умел послать сообщение. Но о чем она при этом думала? Хотела, чтобы Анна позвонила ей и выслушала, что у нее будет на обед? Почему мать просто не позвонила, вместо того чтобы слать сообщение? Звонки из Германии были намного дешевле, чем наоборот.

Анна села на парапет городской стены и набрала на своем мобильном: «Доехала хорошо. Привет. Анна». И отослала ответ.

Потом она пошла дальше. Улицы словно вымерли, ставни на окнах сейчас, в полуденный зной, были закрыты. Маленькую, можно сказать, крошечную закусочную она заметила только тогда, когда уже прошла мимо нее. Она купила четвертинку пиццы за два

евро пятьдесят центов и медленно съела ее в тени фигового дерева, растущего за уступом стены.

После еды Анна почувствовала себя сытой и довольной. Она вытянула ноги на теплых камнях и на минуту закрыла глаза. Гаральд даже не обнял ее на прощание. «Тебе лучше знать, что ты делаешь», — сказал он и зашел в дом.

Анна сидела в машине и ждала еще минут пять, но он так и не вышел к ней. В конце концов она уехала. Ей было очень скверно, ее мучила совесть, и было такое чувство, что она опять поступила не так, как надо. И лишь километров через триста у нее зародилось подозрение, что Гаральд специально сделал все, чтобы вселить в нее неуверенность.

Анна открыла глаза и встала. Постепенно она начала чувствовать себя достаточно сильной, чтобы поехать на то место, где десять лет назад случилось непостижимое.

Элеонора Проза была обладательницей фамилии, которую итальянцы по крайней мере могли произнести и написать, за что она была им просто благодарна. Восемь лет назад, после двадцати восьми лет семейной жизни, она оставила мужа и решила вложить свои сбережения где-нибудь на Юге. Она была высокой, упорной, костистой и никогда не потела. Только что она два часа подряд пилила дрова, пока лесопильный станок не начал дымиться, а сейчас, уперев руки в бока, раздумывала, что еще сделать. Она шумно вздохнула, выдохнула и решила, что для начала надо бы выпить стакан воды. С тех пор как четыре года назад она приняла решение хорошо к себе относиться, она «позволяла» себе все, что хотела.

Надо было сменить постельное белье в гостевой квартире, погладить кухонные полотенца, но с этим можно было не спешить. Массманны позвонили и сказали, что не успеют приехать завтра до четырех часов. Как приятно! Значит, она может позволить себе отдохнуть полчаса в шезлонге или посеять свежую руколу^[21]. Было так много возможностей... Жизнь просто прекрасна!

Элеонора шла к дому и думала, что уже целую вечность не занималась йогой, а ведь в свое время именно йога помогла ей встать на ноги после тяжелой операции на позвоночнике, практически воскресила ее из мертвых. Еще ей не хватало регулярных медитаций. У нее было слишком много работы на вилле Ла Пекора, так много, что не оставалось времени следить за собой. Сейчас же надо было напиться воды, так много, чтобы успеть выпить ежедневную пятилитровую норму до восьми вечера, прежде чем можно будет позволить себе бокал красного вина.

Когда она с бутылкой холодной воды вышла из кухни, то увидела стоящую перед террасой женщину. Незнакомка смотрела на дом остановившимся взглядом и, казалось, вот-вот потеряет сознание.

Элеонора сказала «buongiorno»^[22], и это слово далось ей с таким трудом, словно предстояло ребром руки сломать кирпичную стену.

Женщина никак не отреагировала на приветствие. Даже глазом не моргнула. Только медленно повернула голову, глядя сквозь Элеонору. Той показалось, что женщине лет около сорока, хотя фигура у нее была как у тридцатилетней. Только морщины вокруг глаз были глубокими и резкими, словно их нагладили утюгом. Ее волнистые волосы средней длины отливали красным. «"L'Oreal", — подумала Элеонора. — Потому что ты этого достойна. Красно-коричневый цвет, каштан. Каждый месяц волосы нужно подкрашивать, и вообще это редкостная гадость. Туристка. Заблудилась, наверное. Во всяком случае, не итальянка. Итальянки не смотрят так долго, они тут же начинают тараторить».

— Добрый день, — сказала наконец женщина. — Красиво здесь у вас.

— Хм... Спасибо. Я Элеонора Проза. Чем могу вам помочь?

— Разрешите, я немного осмотрюсь... Последний раз я была здесь десять лет назад.

— Хотите воды? — Элеонора поставила бутылку на стол на террасе.

— Это было бы любезно с вашей стороны.

Элеонора ушла в дом за стаканами, а Анна села на стул и попыталась понять, что же вокруг изменилось. На месте довольно большой части дубового леса появились виноградники, оливковые деревья покрывали холмы, а руины, где прежде сохранились лишь стены, теперь превратились в дома, и дорога к озеру, как ей показалось, стала намного шире.

Кипарисы на восточном склоне вытянулись почти в три раза, а кактусы возле дома разрослись настолько, что теперь внушали уважение даже диким свиньям. До той самой пятницы перед Пасхой она любила это место больше всего на свете. Она могла сидеть здесь часами, дремать, мечтать и мысленно бродить среди холмов, пока Гаральд и Феликс путешествовали, наблюдая за лесной живностью, строили пещеры или ловили рыбу в озере.

Вернувшись Элеонора поставила на стол бокалы и откупоренную бутылку вина.

— Это если вам захочется выпить...

Анна с благодарностью улыбнулась. Большой бокал воды и маленький вина — сейчас это было именно то, что нужно.

— Меня зовут Анна Голомбек, — сказала она, — и мне было просто любопытно... Десять лет назад я проводила отпуск в этом доме вместе с мужем и сыном. Мы каждый вечер сидели на этой террасе... для меня это место словно кусочек родины.

«Что за чушь я несу? — подумала она. — Ну да все равно. Главное, я здесь».

И она негромко добавила:

— Это было замечательное путешествие. Я всегда буду помнить о нем. Тогда здесь жили пожилые супруги, Пино и Саманта. Они сдавали комнаты отдыхающим и готовили для них еду. Естественно, если кто-то этого хотел. Позади, с другой стороны дома, была маленькая кухня, где каждый мог готовить для себя.

— Там, за домом, теперь живу я, — сказала Элеонора. — Комната, кухонная ниша, спальный уголок, ванная, да больше мне и не надо. А эти апартаменты я сдаю. На жизнь хватает.

«Вот и я так хочу, — подумала Анна. — Кухонная ниша, спальный уголок, ванная... И чтобы все осталось позади. И призраки прошлого тоже. Сбросить балласт. Не иметь ничего. И чтобы больше не надо было ничего делать. Ни за что отвечать. Чтобы был выбор — делать себе хорошо или разрушать себя. Иметь наконец право плыть по течению».

— Вам можно позавидовать, — сказала она.

— Правда, иногда бывает страшно одиноко, — ответила Элеонора. — Обычно сюда никто не заходит, Я имею в виду, как вы. Летом, когда здесь бывают постояльцы, все о'кей, мне хватает общения, есть чем заняться. Но зимой... Что тогда делать целый день? И обычно я на несколько недель уезжаю назад, в Германию.

— А давно вы здесь?

— Уже восемь лет. Семь лет назад я развелась. И причина вовсе не в моем муже. Бедняга ни в чем не был виноват, это я хотела вырваться на свободу. Хотела еще раз что-то изменить, еще раз что-то себе доказать. А что, я и сама толком не знала. Наверное, выдержу ли я общество себя самой. — Она широко улыбнулась. — И мне пришлось стать сантехником, каменщиком, столяром, причем я великолепно чувствую себя в этой роли. Потому что дом оказался развалюхой.

— В то время мне не показалось, что он нуждается в ремонте...

— Может быть, не знаю... — Элеонора пожала плечами. — В любом случае, Пино и Саманта годами ничего здесь не делали, и когда они продали дом мне, он уже был порядком запущен. Я тогда не знала ни слова по-итальянски, но однажды случайно познакомилась с одним немцем. Он отошел от дел в Германии, жил здесь и оказался искусным ремесленником. По крайней мере, я так считала. И он отремонтировал дом. Но теперь, похоже, все, что он сделал, снова пришло в негодность. И нужно начинать ремонт заново. А это сложно. Когда у меня постояльцы, я не могу сорвать пол террасы, чтобы правильно

проложить канализационные трубы, а значит, приходится ждать до зимы. А зимой здесь чертовски холодно. Чаще всего, невыносимо холодно.

Анна кивнула. Слишком холодно для строительных работ. И слишком холодно, чтобы лежать в земле. Голым под мокрой или замерзшей листвой.

Элеонора долила еще вина. Анна пила уже третий бокал.

— Думаю, то, что вы делаете, достойно восхищения.

— А как вы?

— Я только что приехала. Хочу побыть здесь какое-то время, возможно, подыскать маленький домик и немного отдохнуть.

— Совсем одна?

— Да... — Анна беспомощно улыбнулась. — Наверное, дела у меня обстоят так же, как у вас. Посмотрим, что из меня получится.

— Вы тоже развелись?

— Пока еще нет, но, похоже, к этому идет. Нам нужно пожить вдалеке друг от друга.

— А ваш сын?

Анна одним глотком выпила только что наполненный бокал.

— Он взрослый. Он... Его здесь нет. Я не знаю, где он сейчас.

Анна задрожала, и Элеонора подумала, что на нее так действует алкоголь.

Анна протянула ей бокал:

— Можно мне глоточек?

Элеонора кивнула и налила еще вина.

— А где же ваша машина?

— В Монтебеники. Я пришла сюда пешком, потому что боялась, что дорога плохая. До Сиены совсем недалеко. Там я сняла номер в гостинице. На первое время.

Анна выпила свое вино до дна. Элеонора ничего не сказала, только посмотрела на нее. «Что за странная птица залетела ко мне в дом?» — подумала она, когда Анна встала и неуверенными шагами, медленно направилась вниз, к ручью.

Ла Пекора, Пасха 1994 года

Была Страстная пятница, около шести вечера. Для Анны, Гаральда и Феликса это был последний вечер в Тоскане, и Анна задумалась, ужинать им на открытом воздухе или нет. Она приготовила моцареллу с помидорами и острый чесночный соус, а еще всевозможные мелочи из остатков съестного, потому что к завтрашнему дню надо было опустошить холодильник.

Гаральд любил, когда на столе было всего чуть-чуть: немного бобов, пара огурцов, несколько ломтиков лосося, пара кусочков ветчины и мортаделлы [23], чуть-чуть обжаренной лапши, седано [24], чтобы было чем похрустеть, и полпорции примоло [25], и парочка последних маленьких чиполлини [26]. А к этому всему холодное кьянти [27] и бутылка колы для Феликса.

Какое-то время она еще раздумывала, стоит ли все это тащить на террасу, потому что на юге собирались черные грозовые облака и ей казалось, что поднимается ветер, предвещавший грозу. Гаральд за домом помогал Пино сажать кипарисы, Феликс играл внизу у ручья. Он перегораживал узкое русло деревяшками и камнями, чтобы образовались маленькие озерца, в которых он планировал разводить тритонов.

Анна стояла на террасе, наблюдая, как облака буквально летели по небу, превращаясь в грозовые тучи. Жаль, но, похоже, придется ужинать в кухне. Она подумала о том, что снова несколько месяцев не будет любоваться облаками. Погода в повседневной жизни была лишь поводом к тому, чтобы решить: надеть теплую одежду или легкую, выбрать непромокаемую куртку или захватить зонтик, предпочесть зимнее пальто с шапкой или обойтись без нее, и нужны ли перчатки.

И постоянно надо соскребать лед с лобового стекла машины, включать обдув стекла. А в дождь — обязательно пробки. Или в солнечные дни: открыть крышу, опустить стекла... И тоска по Тоскане. Может быть, катание на пароходе с Феликсом или пикник. И бассейн под открытым небом. «Хорошо, мне все равно, иди с Михаэлем, только если его мама будет с вами. Но чтобы в восемь часов был дома. И не ходи в мокрых плавках. Пока, дорогой. А ты уже написал сочинение? О'кей, но чтобы завтра обязательно... Обещаешь? Честное слово?»

Все это ожидало ее, но у них был еще этот вечер. Этот один-единственный вечер. Втроем.

Послышались первые раскаты грома. Анна накрыла стол в кухне и поставила на него пару свечей. Провести здесь Рождество и Новый год — такое она хорошо себе представляла, но Гаральду и Феликсу всегда хотелось туда, где есть снег. Феликсу было десять лет, но он уже съезжал вслед за отцом с любой горы, в то время как Анна все еще училась тормозить «плугом» на пригорке для непонятливых.

Гаральд разговаривал с Пино и Самантой и громко смеялся. Он почти справился с кипарисами. Заметив Анну, выглядывающую из окна, он сказал, что придет через пять минут. Анна позвала Феликса. До ручья было недалеко. Его, правда, не было видно за густыми зарослями кустарника и деревьями, но сын должен был слышать ее. Обычно, когда его звали, он сразу же появлялся. К тому же он знал, что ужин уже на столе.

Но Феликс не пришел.

Следующие минуты и часы Анна помнила так, словно это случилось вчера и с тех пор

не прошло десять лет... Гаральд появился из-за угла дома с огромным пасхальным яйцом в руках. Он зашел в кухню.

— Взгляни-ка. Это подарок от Саманты и Пино Феликсу на Пасху.

Шоколадное яйцо было огромным, как футбольный мяч. Оно было обернуто в блестящую разноцветную бумагу, золотистую изнутри. Сверху на бумаге были нарисованы маленькие пасхальные зайцы, сидевшие между пошлыми цветочками.

Гаральд улыбался:

— Такого монстра трудно будет спрятать, но это так мило с их стороны. Кстати, у меня для тебя сюрприз.

— Да? — Анна любила сюрпризы.

— Люди, которые должны были появиться завтра, не приедут. У мужа инсульт. Так что мы можем остаться здесь на пасхальную неделю, если хочешь.

О чем разговор! Значит, этот вечер не последний. У Анны от радости стало совсем легко на душе.

— Я все время надеялась на что-то подобное! Фантастика! Конечно, мы остаемся. А как Феликс обрадуется! Он так переживал, что уже пора уезжать.

Гаральд поцеловал ее в лоб.

— Отнесу-ка я это яйцо-монстра в нашу спальню.

Анна вышла на террасу. Небо стало совсем черным. Дождь мог начаться в любую минуту.

— Феликс! Бегом домой! Ужинать!

Она кричала очень громко. Он должен был ее услышать, но ответа не было. Она услышала, как Пино завел свой «Фиат-Пунто» и как машина съехала по дороге вниз. Видно, у Пино и Саманты были какие-то планы на вечер, что случилось довольно редко.

Анна крикнула снова. Еще громче. Гаральд вышел на улицу.

— Пойду посмотрю, где его носит.

Он пробежал по лугу и исчез за кустами у ручья. В этом не было ничего необычного, но Анна почувствовала, как учащенно забилось сердце. Казалось, оно бьется прямо в горле. Ее лицо покраснело. Что-то тут было не так. Чтобы скрыть беспокойство, она зажгла сигарету. Вот упали первые капли дождя. Медленные, тяжелые, огромные капли, громко шлепающие по столу и оставляющие лужицы.

Вернулся Гаральд.

— Где, черт возьми, болтается этот парень? У него что, часов на руке нет?

— Конечно, у него есть часы! И он боится грозы! Не понимаю, почему он не идет домой.

Почему-то Анне не хотелось, чтобы Гаральд заметил, что ее трясет.

Гаральд схватил мобильный телефон:

— Схожу-ка я к озеру. Когда он появится, позвони мне.

До озера идти было приблизительно четверть часа. Гаральд и Анна не разрешали Феликсу играть там, не говоря уже о купании, — в озере были опасные водовороты, способные затянуть пловца в глубину.

Гаральд ушел. Быстрыми, широкими, энергичными шагами. Беспокойство вывело его из себя. Анна зашла в дом и встала у окна. Дождь усилился, вдобавок поднялся холодный ветер. Издалека доносились раскаты грома. Слава богу, пока гроза была далеко. Анну знобило. Она накинула куртку и снова закурила. Как загипнотизированная, она не могла оторвать взгляда

от своего мобильного. «Пожалуйста, позвони и скажи, что нашел его. Пожалуйста, пожалуйста...»

Телефон зазвонил. Анна взглянула на дисплей и увидела, что это не Гаральд. «Подавление номера». Наверное, звонили из Германии.

— Да, алло?

Тон Анны был холодным. Сейчас ей было не до телефонных разговоров. Конечно же, это была ее мать.

— Да, все в порядке, у нас все хорошо, все здоровы. Нет, собственно, ничего нового. Ах да, я чуть не забыла, мы задержимся еще на неделю. Да, потому что не заехали очередные постояльцы. А как дела у вас? Ну, тогда все в лучшем виде. Нет, потому что я просто не знаю, что еще говорить. Мы ведь и завтра можем созвониться. Или на Пасху. Да, давай созвонимся в воскресенье до обеда. Да, и я тебе желаю того же. И передай привет папе. Чао. Да, да, конечно. Всего хорошего. Чао.

Она отключилась.

Почему она не сказала, что у нее разрывается сердце от страха? Что перехватывает дыхание, потому что жизнь остановилась, когда пропал сын? Она боялась, что мать привычным озабоченным тоном тут же начнет задавать тысячу вопросов. Вопросы, которые на самом деле были не вопросами, а скрытыми упреками. Вопросами, ответы на которые она даже и слушать не хотела. Этого она не выносила.

Анна посмотрела на часы. Гаральд ушел семь минут назад. На дорогу туда и обратно ему в любом случае нужно полчаса. Может быть, он даже пошел в обход озера. Значит, еще минут сорок пять. Она чувствовала, что долго так не выдержит, взяла газету, раскрыла ее и снова закрыла. Вытерла мокрой тряпкой стол. Вытерла нож на столе. Поставила моцареллу снова в холодильник. Выглянула в окно. Моросил дождь. Небо было серым. Она с трудом различала очертания кустов возле ручья. Может быть, Феликс просто спрятался, потому что не хотел бежать под дождем? Но где можно спрятаться в лесу? А у ручья или на лугу?

В деревню он точно не пошел. Там не было магазина, не было даже маленького бара. Что ему там делать? Пешком туда не меньше сорока пяти минут. Нет, там его быть не может. Но где же он, черт возьми? Может, побежал за каким-нибудь зверьком? За кошкой? За собакой? Может, он заблудился? Через час станет темно. О боже! А ночи сейчас, в апреле, холодные.

Гаральда не было уже одиннадцать минут.

Она попыталась вспомнить, во что был одет Феликс. Синяя трикотажная рубашка? Нет, он надевал ее вчера. Или на нем была только футболка? Та, белая, с Гуфи? Или коричневая, с Эйфелевой башней, которую они привезли ему осенью из Парижа? Это же с ума можно сойти, она даже не знает, во что он одет!

Так, спокойно. Только без паники. Гаральд его найдет. Гаральд с этим справится. Через пару минут, промокшие до нитки и держась за руки, они появятся на дорожке. Феликс еще такой маленький, с ужасно тоненькими ручонками и такими же тонкими ножками, с младенчески нежной кожей. Мягкие прямые светлые волосы вечно падали ему на глаза, но она уже не могла подстричь их. Он считал, что достиг того возраста, когда можно самостоятельно сходить к парикмахеру. «Ангел мой, — подумала она, — мой ангелочек... Почти прозрачный и такой беззащитный».

Иногда ее приводили в умиление его брошенные на пол брюки и пуловеры, которые он выворачивал наизнанку, когда раздевался, его заскорузлые от грязи носки, его кроссовки,

размер которых странным образом увеличивался быстрее, чем рос он сам. Его расцарапанные лодыжки и загорелые ноги. Он пробивался в жизнь, и эта борьба начиналась с деревьев, кустов и ручьев. В своей комнате, рядом с внушающими ужас фантастическими фигурами и машинками разных моделей, он создал нагромождение из камней и палок и разрешал своему хомячку Хоббиту свободно бегать по этому хаосу, так что того целыми днями не было видно. Анна всегда удивлялась, как при этом зверек оставался в живых.

Гаральд шел по дорожке. Анна затаила дыхание. Он был один. Мокрая рубашка и брюки прилипли к телу, и с них стекала вода. Он шел медленно, как-то враз обессилев. Гроза была уже прямо над домом. Вспышки молний и раскаты грома следовали почти одновременно. Последние метры до дома Гаральд уже не шел, а бежал. Анна открыла дверь. Они не сказали друг другу ни слова, вдруг почувствовав себя самыми одинокими людьми на свете. Такими одинокими и покинутыми, что было даже стыдно смотреть друг на друга.

— Разденься, — сказала Анна, — и надень сухую одежду.

Он никак не отреагировал на ее слова.

— Я обежал вокруг всего этого проклятого озера, — задыхаясь, наконец сказал он. — Ничего. Никого. Я просто не могу представить, где он еще может быть.

Гаральд с такой силой ударил кулаком по столу, что Анна подумала, что он может так сломать себе руку. Она видела, как ему больно.

— Что же нам теперь делать?

Анна не сказала, а прошептала эти слова, потому что она обязательно должна была их произнести, хотя и знала, что ответа на них нет. Наверное, это и вывело его из себя.

— Я не знаю! — закричал он. — Не знаю, не знаю! Если бы я знал, что делать, то сделал бы что угодно, но я не знаю!

Он был на грани того, чтобы разрыдаться. И тогда она почувствовала, как возвращаются силы. Еще не все потеряно. Еще все возможно. Послезавтра будет Пасха. Они еще спрячут пасхальное яйцо, и будут бегать в саду, и есть клубничный пирог, и играть в бочке [\[28\]](#). В солнечное теплое пасхальное воскресенье в Тоскане. Отец, мать, ребенок. Все остальное — абсурд. Это не реально. Такое бывает в кино, но не в жизни. Не в этом милом, уютном месте. И прежде всего, этого не могло случиться с ними. «Надо держать себя в руках, — подумала она, нельзя впадать в истерику».

И все это она сказала вслух. Гаральд посмотрел на нее так, словно она сошла с ума. Он так и не переоделся, даже не взял куртку, только схватил фонарик и снова вышел из дома. Он бросился к горе за домом, пытаясь обогнать наступающую темноту.

Когда стемнело так, что ничего не было видно на расстоянии руки, он вернулся. Только для того, чтобы взять ключи. Он сел в машину и поехал вниз, в долину. В деревню. Без цели, без плана. Повинуясь лишь внутреннему порыву. Он спрашивал людей, не видели ли они маленького мальчика, но, конечно, никто его не видел. И в конце концов он пошел к карабинерам. Они заставили его написать подробное заявление об исчезновении Феликса и заполнили множество формуляров, каждый в четырех экземплярах. И попросили Гаральда, готового взорваться от возмущения, успокоиться. Предпринять что-то сейчас было невозможно, но на рассвете они начнут поиски.

Гроза давно прошла, дождь все еще лил, но уже не так сильно. Гаральд знал, что у него нет шансов найти сына ночью, и вернулся домой.

Феликс был где-то там, в ночи. Он ждал отца. Его не покидала надежда, что папа придет, он плакал и звал его. Просил и умолял, но родители не появлялись. Никто не

появлялся. Гаральд не сказал ничего, но Анна знала, что он чувствует себя ничтожеством.

Он снял мокрую одежду и переделался в сухую, Анна молча смотрела на него. Она не знала, что думать, и решила не трогать мужа. Он подошел к полке, взял бутылку виски, налил себе половину стакана и выпил одним глотком. Затем сел за стол, спиной к ней, положил голову на руки и заплакал.

Это было хуже всего. Значит, все было бесповоротно.

Анна и Гаральд провели ночь в кухне, вслушиваясь в тишину. Не слышно ли шагов по песку, не открылась ли где-то дверь, не зовет ли он их? Они не говорили ни слова, лишь слушали. Это было невыносимо. Им хотелось услышать хотя бы рев машины, шум на улице, гул пролетающего самолета, хоть что-нибудь... хоть что-нибудь, но они сидели словно в изолированной от всех звуков камере, и это было все. Дождь прекратился, ветер стих. Даже сыч не закричал ни разу. Анне показалось, что она оглохла, что эта мертвая тишина существует лишь в ее голове, что она потеряла связь с миром. Гаральд встал, подошел к умывальнику и плеснул холодной как лед водой себе в лицо. Анна услышала, как льется вода, и поняла, что дело не в ней. Просто на улице все было мертво.

Лишь только взошло солнце, Гаральд продолжил поиски. Анна сварила себе капучино. Она не знала, как переживет этот день. Вскоре пришли карабинеры, и страх уступил место убийственной для нервов, но хоть чуть-чуть утешающей деятельности. Карабинеры объезжали лесные дороги, подразделение проводников с собаками прочесывало местность, водолазы вели поиски в озере. Анна уже не знала, чего ей хочется. Надеялась, что они найдут его, и одновременно надеялась, что не найдут. Она хотела знать, что случилось с сыном, но, с другой стороны, не хотела знать, что с ним произошло, чтобы не терять надежды. Она пыталась призвать на помощь интуицию, инстинкт и предчувствие, но в воображении не возникало абсолютно никакой картины, говорящей, что мальчик, целый и невредимый, сидит где-то под оливковым деревом, или что он переночевал под защитой полуразрушенной каменной стены, или что он, может, сломал ногу и поэтому не смог добраться домой. Никакой картинки не появлялось. Не было ничего. И она вынуждена была признаться себе, что ее надежда уже умерла.

Пришел дон Маттео, деревенский пастор. На кем были тяжелые рабочие сапоги, заскорузлые от глины вельветовые брюки, полосатая рубашка, а поверх нее — армейский жилет с множеством карманов, в которых он хранил свои вещички. Видно было, что он пришел прямо с поля. Он сел рядом с Анной и взял ее за руку. Она не понимала, о чем он говорит, но потом он начал молиться, и ей стало легче. Не надо было ему отвечать, не надо было ничего объяснять, он просто сидел рядом с ней.

Анна и Гаральд оставались в доме не только на Пасху, но и следующие две недели. Карабинеры прочесывали местность на протяжении трех дней, после чего прекратили поиски. Гаральд каждый день уходил из дому на рассвете и возвращался уже в темноте. Он не переставал искать Феликса. А Анна сидела в кухне или на террасе и ждала. Она не делала ничего. Она просто была здесь. Она не читала, не слушала радио, никуда не выходила. Ее разум отключился. Она ничего не замечала. Она потеряла ощущение времени и не знала, прошло пять часов или пять минут. Она словно погасла. Все в ней умерло. Ее словно набили ватой. Все чувства притупились. Она не чувствовала ничего. Даже боли. Время от времени ей казалось, что вот-вот распахнется дверь и появится улыбающийся Феликс:

— Эй, мама, а что у тебя есть перекусить?

Анна знала, что нет в ее жизни более желанных слов, чем эти. Но этих слов она уже никогда больше не услышала.

Ла Пекора, июнь 2004 года

Когда Анна вернулась, она была бледна как смерть. Элеонора озабоченно посмотрела на нее.

— Вам плохо?

— Ничего, ничего, просто я слишком быстро выпила вино, да еще и на голодный желудок.

Элеонора улыбнулась и встала.

— Я приготовлю нам поесть.

Она ушла в кухню. Анна осталась на террасе и стала смотреть вдаль. Пара чаек кричала в небе, хотя им, собственно, тут нечего было делать. Море было слишком далеко. «Наверное, ветер дует с моря, — подумала Анна. — Хотя какая разница? Как по мне, так пусть песчаная буря накроет эту страну метровым слоем пыли, пусть все исчезнет: каждое оливковое дерево, каждая виноградная лоза, каждый дом... Мне все равно». С той самой Страстной пятницы десять лет назад земля для нее перестала вращаться.

Элеонора принесла немного хлеба, блюдо с оливками, кусок пармезана и уселась за стол. Анна с благодарностью съела чуть-чуть сыра.

Было уже четверть двенадцатого ночи, когда Анна возвратилась в гостиницу. Она сразу же нашла стоянку для машин, причем рядом с гостиницей. Теплый желтый свет уличных фонарей создавал в городе уютную атмосферу, особенно здесь, где не было ресторанов и магазинов, и в этом уголке все казалось спокойным и сонным. Какая-то старушка спешила домой. Влюбленная парочка брела, обнявшись и воркуя, в направлении площади. Анна постороилась, потому что вверх по улице с трудом поднимался старый «Фиат-чинквеченто», остановившийся возле дома, имевшего такой мрачный вид, словно в нем уже несколько лет никто не жил. Какой-то старик с трудом выбрался из крохотной машины. На нем была шляпа, похожая на ту, которую дед Анны надевал, по утрам выходя с собакой на рынок. Анна подумала о маленьком бумажном кулке с разноцветными желатиновыми чертенятами, которые она так любила и которые ей всегда приносил дедушка. Это воспоминание опечалило ее, потому что все осталось в прошлом. У нее было такое чувство, что прожитое потеряно для нее навсегда. Сейчас, теплой летней ночью, она шла по ночной Сиене и чувствовала себя только что изготовленным чистым жестким диском компьютера, на котором еще не было записано ни единого файла.

Старик отомкнул массивную тяжелую деревянную дверь и исчез в полуразрушенном доме. Ставни остались закрытыми, и снаружи в доме не было видно света. Ни малейшего проблеска.

Анна устала. Устала до смерти. Медленно и тяжело ступая, словно пьяная, она вошла в гостиницу, стараясь не сделать ни единого неверного движения, не оступиться и не привлечь к себе внимания. Синьора за стойкой регистрации, улыбаясь, подала ключи от комнаты еще до того, как Анна успела ее попросить. Анна была благодарна ей за это, как и за каждое слово, которое не нужно было произносить сегодня вечером.

Маленькая комната на втором этаже показалась ей мирным гнездышком, защищенным от любой опасности. Она сняла обувь, подошла к окну и широко его распахнула. Затем

выключила свет, разделась, с трудом забралась под одеяло, края которого были слишком туго заправлены под матрац, и моментально уснула.

Была ночь на 21 июня.

— Минуточку, — сказала Моника Бенедетти, улыбаясь, и указала на мягкий уголок возле окна. — Вы не хотели бы присесть на пару минут? — Она посмотрела на часы на руке. — Господин Грегори вот-вот должен прийти.

Анна села. Ночью она спала крепко и глубоко, и была рада, что ей ничего не снилось. Когда она проснулась, в комнате еще было прохладно, но в саду уже трещали цикады, и от этого она ощутила себя упоительно счастливой.

Стояло лето. Настоящее лето. Сегодня, завтра и послезавтра. И на следующей неделе. Не так, как в Германии, — тепло на два дня, а потом опять холодно и сыро, словно осенью. Нет. У нее сегодня день рождения, а впереди было целое лето. С днем рождения, Анна! Лучшего начала для новой жизни просто быть не могло.

Завтрак был сервирован на тенистой террасе, над которой склонились густые ветви деревьев киви. Со своего места она видела в саду под пинией позеленевшую от времени каменную фигуру женщины в человеческий рост, с обнаженной грудью. Одной рукой женщина поправляла складки юбки, а в другой держала яблоко и задумчиво, с умиротворенной улыбкой смотрела на него. Картинка словно из другого мира, из другого времени...

Капучино был просто сказочным. Анна и не помнила, чтобы когда-то пила такой хороший кофе. К нему полагался бокал холодной воды и наполненная пудингом сахарная улитка. Завтрак по-итальянски.

Анна осмотрелась. Она даже не ожидала, что за обветренным средневековым фасадом дома может скрываться такое суперсовременное бюро. Функциональное, строгое и холодное. Замерзнуть можно, если работать здесь. И всего лишь две картины на стене. На одной было изображено огромное поле подсолнечников, за которым, почти скрытая среди цветов, виднелась маленькая деревенская избушка, окрашенная в красный «тосканский» цвет. На другой были широкие безлесные холмы Крете в рассеянном, с перемежающимися полосами тумана свете раннего утра — ландшафт в нежных пастельных тонах. На одном из холмов дом, четыре кипариса в качестве защиты от ветра с одной стороны — нереальный, чуждый всякой жизни.

Анна сидела в странном кресле в форме чаши, Она не знала, что такое клубные кресла, но именно такими их себе и представляла. Бюро обставлял мужчина, и это трудно было не заметить, а за следующей дверью вполне могло быть что угодно. И зубоврачебное кресло, и шкаф-стенка нотариуса, заставленная книгами по гражданскому праву и занимавшими несколько метров комментариями к нему.

Моника вышла из-за стола и протянула Анне каталог.

— Это наши последние предложения. Может, желаете посмотреть?

Анна кивнула и открыла каталог наобум, где-то посередине. Указанные там названия населенных пунктов ни о чем ей не говорили. Она закрыла каталог.

— Мне это вряд ли поможет. Я ищу что-нибудь в определенной местности, а когда читаю названия «Кастельнуово» или «Кастельфранко», то даже не представляю, где они находятся.

— Понимаю. — Моника взяла каталог и положила его в ящик стола. — Ну хорошо, сейчас придет господин Грегори. Хотите чего-нибудь выпить?

— Стакан воды, если можно.

В этот момент вошел Кай Грегори. Волосы его были еще влажными, лицо раскрасневшимся. Очевидно, он только что принял душ. Он протянул Анне руку.

— Фрау Голомбек?

Анна кивнула.

— Грегори. Должен принести свои извинения за то, что вам пришлось ждать, но меня задержали.

— Ничего, я не тороплюсь.

Он улыбнулся, и Анна улыбнулась в ответ. Кай открыл дверь в свой кабинет:

— Прошу вас, входите. Моника, вы приготовите нам кофе?

Моника вопросительно посмотрела на Анну.

— Кофе или воду?

— Воду.

Анна пошла за Каем в кабинет.

Указатель количества топлива черного «Мерседеса-джипа» стоял на двадцати пяти процентах. Обычно он с клиентами сначала заезжал на бензоколонку и заправлял машину, а в конце осмотра объекта клиенты рассчитывались за израсходованный бензин. Сегодня он этого не сделал и сам себя спрашивал почему. Возможно, подсознание послало сигнал, что это поездка скорее личного, чем делового характера. Возможно, он хотел произвести впечатление человека легкого и непринужденного в общении, а не закоснелого сверхкорректного маклера. А может, он просто хотел побыстрее уехать. Уехать с ней в горы, и без промедления.

Ему казалось, он понял, что она ищет. Правда, он не знал, почему она хочет спрятаться непременно в Италии и именно в этой местности — потому что иначе назвать ее поведение нельзя, — но это он еще успеет разузнать. Он присмотрел для нее совершенно определенный объект, но опыт маклера научил его: никогда не показывай оптимальный вариант ни первым, ни последним. Увиденное в начале осмотра не воспринимается всерьез — только миллиардеры и чокнутые покупают первое, что попадет на глаза, — а после следующих пяти объектов первый забывается и воспринимается, как что-то неудачное. Но и не стоит самое лучшее показывать в конце. К тому моменту клиенты чаще всего уже находятся на грани нервного срыва, поскольку разуверились в том, что удастся найти что-то подходящее, и больше не верят в то, что этот объект обладает нужными качествами. Искусство маклера заключается в том, чтобы угадать, какой дом точно будет куплен клиентом, дабы расставить все по нужным местам. Таким образом, ему придется провести с Анной Голомбек как минимум два дня. Прекрасная перспектива, потому что в этой женщине было нечто, притягивающее его. Возможно, то, что она держала дистанцию, или же тайна, которая, без сомнения, у нее была, но которую она пыталась скрыть. Кроме того, она была очень симпатичной, а ее желание найти дом только для себя одной было просто замечательным. В последние годы ему приходилось иметь дело преимущественно с семейными парами около шестидесяти, которые искали себе дом для отдыха или же резиденцию, по стилю соответствующую их возрасту.

Они как раз свернули с главной дороги Гросетто — Ареццо в направлении Бунине, когда она насмешливо посмотрела на него:

— Вы даже не показали проспект, прежде чем начать катать меня по окрестностям.

Может быть, все это напрасные усилия, и вы только потеряете время и деньги.

— У меня такая манера работать. Недвижимость не покупают за письменным столом. Нравится человеку дом или нет, невозможно решить по фотографии. Нужно узнать местность, почувствовать, как действуют на тебя окрестности, увидеть, как можно подъехать к дому, посмотреть сад, познакомиться с видами. Нужно постоять перед домом и ощутить окружающую его атмосферу. А ее каждый чувствует по-своему. Чаще всего дело даже не в том, отремонтирован ли дом, и обычно все иначе, чем представляется дома, в Германии. Нужно просто встать перед домом и влюбиться в него. Нужно почувствовать, что дом притягивает тебя и что невозможно больше не думать о нем. Он должен пробудить в человеке чувство тоски по нему. Желания. Даже пусть абсолютно нереальные. И тогда человек сделает глубокий вздох и скажет: «Боже, этот дом должен стать моим, или я умру!» И тогда уже неважно, что на крыше не хватает трех черепичин или облицовочная плитка в ванной не того цвета.

Он взглянул в зеркало заднего вида и сбросил скорость пропуская машину.

— Это как в любви. Я слышал от людей, что они только через десять лет, прожитых в браке, замечали, что у супруга или супруги кривой нос. Потому что они увидели это только тогда, когда любовь остыла.

Только теперь он решился взглянуть в ее сторону. Она упорно смотрела вперед, и по выражению ее лица было не возможно ничего понять.

— И по этой причине я вожу клиентов всюду и считаю, что лучше показать им на один объект больше. Благодаря этому складывается общее впечатление и они не думают, что что-то пропустили или чего-то не увидели.

Анна кивнула.

— Звучит довольно идеалистически.

— Если вы будете жить здесь, то или станете идеалисткой, или вернетесь назад, в Германию. Если любишь страну, то хочется, чтобы все другие тоже научились видеть и любить ее. Быть маклером здесь — это не бизнес. Это не работа в городе, где вечером за шампанским можно похвастаться перед друзьями по работе: «Эй, сегодня вышло великолепно, я продал три частные квартиры и целый многоквартирный дом!» Наоборот, работу здесь я воспринимаю, как бы это выразиться... скорее как работу миссионера.

— Мне нравится то, что вы говорите.

Постепенно безлесные холмы уступили место возвышенностям, поросшим густым лесом.

— Эти места я знаю, — сказала Анна. — Когда-то, десять лет назад, я проводила здесь отпуск.

— И вам здесь так понравилось, что вы непременно хотите вернуться назад?

Анна помедлила с ответом.

— Приблизительно так.

Этого он не ожидал, но спрашивать дальше не стал. Когда он снова заговорил, то обращался больше к себе, чем к ней.

— Места эти приятные, но дикие. Здесь пока еще имеет право произрастать все, что только хочет расти. Четкие контуры теряются, но человек чувствует себя здесь как дома. Эти места созданы для того, чтобы чувствовать себя хорошо, и жить, а не существовать под фирменным знаком «Выставка. Демонстрация культуры». Жить в дикой местности по принципу «Живи сам и давай жить другим» и иметь возможность обращаться к

цивилизации. Здесь все удобства, необходимые человеку. Живя в лесу, человек чувствует себя более защищенным и скрытым, хотя и одиночество ощущается сильнее. За исключением отдельных усадеб, ландшафт стал однообразнее. Такой дубовый лес вы найдете и в Германии, но в Крете — нет.

— Это правда. Но я люблю Тоскану, поросшую лесом, а не гладко выбритую.

Он засмеялся. Они въехали в местечко Амбра, расположенное в центре долины, в котором было все, что нужно жителям: почта, банк, пекарня, аптека, три продовольственных магазина, два бара, обувной магазин, цветочный магазин, магазин скобяных изделий, химчистка, мясная лавка, частный врач, школа, три церкви и кино.

Он пересек площадь, которая была, как всегда, безнадежно забита припаркованными автомобилями, и свернул налево, в направлении Ченнины — маленького горного села, добраться к которому можно было только по дороге, хотя и заасфальтированной, но очень узкой и изобилующей крутыми поворотами.

Анна откинулась назад. Ченнина. Точно. Там они ходили на летний концерт, который начался поздно, в девять вечера. Феликс остался дома ухаживать за маленькой птичкой, которую нашел в кустах и у которой было сломано крыло. Он давал ей воду в ложечке для яиц и пытался засунуть ей в клюв дождевых червей, которых сам собирал и порубил на части. Однако птица упорно отказывалась есть. Она даже не открывала клюв. Потом Феликс нашел в холодильнике остатки поленты ^[29], которую они ели на обед и которая, как им показалось, была любимой птичьей едой. Птичка громко пищала, когда Феликс подходил к ней с полентой, и открывала клюв так широко, что ее глотка казалась больше, чем вся голова. И Феликс усиленно кормил ее.

Когда они вернулись из Ченнины после концерта, им показалось, что птичка уснула. Феликс баюкал ее в руке, шептал какие-то успокаивающие слова и был абсолютно счастлив. Им удалось уговорить Феликса уложить птичку в устланную мхом коробку из-под обуви и оставить там на ночь.

На следующее утро птичка умерла. Лопнула. Чересчур большое количество поленты, попавшее в птичий желудочек, разбухло там и просто разорвало его. Гаральд и Феликс похоронили птичку. Гаральд постарался сделать из этого как можно более достойную церемонию и водрузил камень на ее могилку. Даже три дня спустя Феликс неожиданно начал рыдать, вспоминая об этом.

С тех пор они никогда больше не ели поленту.

За Ченниной начиналась усыпанная щебнем извилистая дорога, для которой, впрочем, джип был не так уж и нужен. Однако горный серпантин был настолько узким, что Кай несколько раз вынужден был сдавать назад, чтобы вписаться в поворот.

Наконец они добрались до Солаты. Деревня производила впечатление заброшенной и пришедшей в упадок, хотя, по всем признакам, люди здесь жили. Целая свора псов с диким лаем набросилась на машину, однако Кай поехал дальше, не обращая ни на них внимания, хотя собаки и пытались ухватиться за колеса.

Через десять минут езды через оливковые и каштановые леса они добрались до развалин дома. Это было большое поместье в форме латинской буквы U, стоявшее на холме, откуда открывался прекрасный вид на широкую долину Вальдарно вплоть до Прато Маньо — горной цепи, отделяющей Умбрию от Тосканы.

Анна вышла из машины и с ужасом посмотрела по сторонам.

— Что это значит? — спросила она. — Зачем вы показываете мне огромную развалину, в которой хватило бы места и на шесть апартаментов, а мне понадобилось бы два миллиона евро, чтобы восстановить дом, не говоря уже о потерях времени и нервотрепке со строителями?

— Забудьте о руинах, — сказал Кай. — Мне хотелось бы, чтобы вы обратили внимание на это место. Оно вам нравится? Расположение? Вид? Расстояние до ближайшего населенного пункта?

Анна медленно обошла развалины, что было совсем непросто, из-за разросшихся кустов ежевики.

— Нет, — через некоторое время сказала она. — Вид на долину Вальдарно мне не нравится — слишком далеко. Слишком близко. Проснувшись, я не увижу *моего* леса, *моего* холма, *моей* деревни, *моей* часовни — мест, которые мне знакомы. Собственно, не увижу ничего. Местность без названия. Дома и улицы так далеко, что я их просто не различаю. Я теряюсь в этом пейзаже. Может, ночью долина и сияет огнями, и цивилизация кажется такой близкой, но это только будет усиливать мое одиночество, словно я смотрю на темный лес без единого огонька.

Она крутнулась на месте, раскинула руки и засмеялась.

— Я стою наверху и демонстрирую себя всему миру. Каждый может наблюдать за мной. С дороги будет видно, ем я или лежу в шезлонге, в доме я или работаю в саду — здесь я буду на виду еще больше, чем в городе. Мне пришлось бы посадить деревья и вырастить живую изгородь, чтобы защитить себя. И повесить гардины на окна. А я этого не хочу.

— А деревня?

Она задумалась на минуту.

— Да, думаю, и населенный пункт слишком далеко. Я не хочу, чтобы у меня был сосед, который выходит из себя каждый раз, когда у меня слишком громко играет радио, но и не хочу идти целый час, пока встречу человека.

Кай улыбнулся и открыл дверь машины.

— Вот так значит... Теперь мне намного понятнее, что вы ищете. Садитесь в машину. Не возражаете, если мы сначала пообедаем? Тут неподалеку есть маленькая оsterия с простой, но очень хорошей едой. Она вам понравится. А затем я покажу вам дом вашей мечты.

Анна села в машину.

— Фантастика! Но только я приглашаю вас. Дело в том, что у меня сегодня день рождения.

В этот день они больше не занимались осмотром домов, а сидели в маленькой остерии в Кастельнуово Берарденья, прямо на выезде из городка. Поначалу они были очень вежливы друг с другом, съели парочку кростини^[30] в качестве закуски и поговорили о недвижимости. У Анны было такое чувство, что она повторяется, что она все это уже говорила в бюро и что Грегори с ней ужасно скучно.

Кай заказал пол-литра разливного кьянти и большую бутылку минеральной воды.

Они чокнулись и выпили, Анна закурила, и к тому времени, когда были поданы ее ньюокки^[31] и равиоли для Кая, графинчик кьянти незаметно опустел. Кай заказал еще один.

Тут они снова вспомнили о дне рождения Анны. Кай поздравит ее и спросил, сколько же лет ей исполнилось. Анна ответила, что по ней же видно, что двадцать восемь. Кай улыбнулся, а Анна расхохоталась так, что изо рта на стол упала пара кусочков ньюокки, из-за чего ей стало ужасно стыдно.

Но Кай устранил эту оплошность с помощью салфетки, а потом сунул ее за вазу с цветами. И вообще вел себя, словно ничего не случилось.

— А почему вы ищете дом здесь, в Тоскане, для себя одной? — спросил Кай.

Анна отстраненно посмотрела на него.

— Потому что хочу быть вместе с сыном, наконец-то после стольких лет... И еще потому что мой муж в Германии трахает мою лучшую подругу.

На какое-то мгновение Кай лишился дара речи.

Анна заявила, что ньюокки с соусом песто просто великолепны и что вообще-то жизнь прекрасна. Данное открытие она подтвердила широким жестом, опрокинув при этом свой бокал с красным вином.

— Нет проблем, — пробормотал Кай и налил ей еще.

Когда подали кролика под соусом, они заказали третий графин вина.

— Сегодня у меня день рождения, и сегодня начинается моя новая жизнь, — объявила Анна. — Это может быть началом начала, но может быть и началом конца. Я согласна на все. И считаю, что нам следовало бы перейти на «ты».

Она подняла бокал, и Кай поднял свой. Эта женщина ошеломила его. Он посмотрел ей в глаза и улыбнулся. У нее были необычайно глубокие глаза, но если внимательно всмотреться в них, то можно было потеряться в их абсолютной пустоте. Неважно, какой спектакль она разыгрывала, — по-настоящему скрыть печаль, которая подавляла все, которая стерла все, что когда-то светилось в ее глазах, она так и не сумела.

— Хочешь десерт? — спросил он.

— Эспрессо. Правда, для меня он слишком горький, а с сахаром и вообще отвратительный на вкус, но раз все итальянцы после еды пьют эспрессо, то и я выпью после еды эспрессо. Раз уж я живу здесь, то хочу делать то, что делают все. Буду каждый день покупать газету, читать ее и оставлять где-нибудь. Летом буду закрывать ставни и включать в комнате свет. Буду сидеть перед своим домом и ждать, пока кто-нибудь пройдет мимо и заговорит со мной. И это будет ужасно волнительно.

— Due café! — крикнул он официанту. — E il conto, per favore^[32].

— Я угощаю, — сказала она. — Мы так договорились. А что касается дома, то деньги роли не играют. Если он мне понравится, деньги значения не имеют. Ну что, приятно

слышать? Твое сердце маклера от таких слов бьется быстрее?

Она вдруг стала агрессивной, сама не понимая почему.

Он не рассердился, наоборот, стал очень нежным и ласковым.

— Маленькая сиеста пойдет тебе на пользу.

Она взглянула на него:

— Ты отвезешь меня в гостиницу?

Он кивнул. Официантка принесла кофе-эспрессо и счет. Анна положила деньги и залпом выпила кофе, словно какой-то шнапс, который хочешь не хочешь, а надо выпить.

— Идем.

Большая стоянка для автомобилей, на которой было всего лишь три машины, находилась в нескольких шагах от остерии.

— Прекрасный день рождения, — сказала она. — Ты еще в состоянии вести машину?

— Да. Тут недалеко.

Она буквально повисла у него на руке.

— Это хорошо. Просто я уже не в состоянии ехать.

Во время поездки Анна прислонилась головой к окну и уснула. Кай посмотрел на нее. Она была и веселой, и мрачной одновременно. Непредсказуемой. И ему хотелось понять, что она собирается делать. Завтра он повезет ее в долину. Вообще-то он собирался показать сначала пару других объектов, но сейчас изменил своим принципам. Она была слишком нетерпелива, а он был на сто процентов уверен, что тот дом будет самым оптимальным вариантом для нее.

Она, вздрогнув, проснулась лишь тогда, когда он остановился перед гостиницей.

— Мне подняться с тобой на минутку?

Она ничего не сказала, лишь улыбнулась и вышла из машины. Пробормотала: «До завтра» — и исчезла в дверях. Кай посмотрел ей вслед. Ничего другого он и не ожидал.

Когда она проснулась, было без четверти семь. Голова была ясной, но во рту пересохло и страшно хотелось шоколада. В ванной она напилась воды прямо из-под крана, выбрала ярко-красную, броскую губную помаду и отправилась в путь.

Это было самое приятное время в городе. Все магазины были открыты, жители Сиены покупали продукты в маленьких магазинах «Алиментари», туристы гуляли по улицам, «веспы» и «фиаты» сигналили наперебой, вечернее солнце было ласковым и не обжигало.

Анна подумала, не зайти ли на минуту в церковь, но потом приняла другое решение. Ее почему-то больше тянуло на площадь.

Здесь царило оживление. Парни и девушки сидели и лежали на горячих камнях, играли на гитарах, слушали музыку и обнимались. В ресторанах и кафе вокруг площади не было ни одного свободного места, однако Анне повезло и она нашла местечко около какой-то пары пенсионного возраста. Она заказала чай и кусок фруктового торта с разноцветным слоем желе сантиметровой толщины, похожим на искусственный пудинг, только что вышедший с фабрики пластмасс. Она даже подумала, не принесли ли ей по ошибке муляж с витрины, но торт оказался съедобным, хотя и ужасным на вкус. У нее не было желания завязывать разговор с пенсионерами, да и они, похоже, не проявляли к ней интереса. Они говорили между собой по-немецки и были полностью заняты заправкой новой пленки в фотоаппарат, что никак не получалось, поскольку аппарат не протягивал пленку.

— Раз в жизни попали сюда, и такое...

Женщина говорила шепотом, словно боясь, что сейчас над ее головой разразится гроза, потому что ее муж сидел с побагровевшим лицом. И действительно...

— Я выброшу это дерьмо в ближайшую урну, — злился он. — Я не хотел покушать этот фотоаппарат. Я хотел «Яшику»!

Его жена готова была расплакаться:

— Значит, я еще и виновата...

— Я этого не говорил! — заорал он.

— Но имел это в виду, — нервно ответила она.

Анна глубоко вздохнула, и вздох получился очень громким, хотя она этого и не хотела. Чтобы как-то исправить оплошность, она улыбнулась.

— Не надо вытягивать пленку так далеко, а то аппарат не захватывает ее. У вас еще одна пленка с собой есть?

Женщина кивнула и начала рыться в сумочке. Когда она отдавала пленку, в ее глазах светилась вся надежда мира. Анне даже показалось, что это уж слишком и не к месту.

Она вставила пленку в аппарат:

— Так. Теперь должно сработать. Может, сфотографировать вас?

— О да!

Они как по заказу улыбнулись в камеру с таким выражением счастья на лице, словно только что отпраздновали день свадьбы. Анна нажала на спуск и вернула им фотоаппарат.

— Это было очень любезно с вашей стороны, — сказала женщина, не удержавшись, однако, от того, чтобы не толкнуть мужа в бок. — А ты уже хотел выбросить фотоаппарат!

Муж ничего не ответил, но лицо его снова приобрело нормальный цвет. Он встал и пошел в туалет.

Анна зажгла сигарету, избегая взгляда женщины. «Только ничего не говори, — подумала она. — Пожалуйста, заткнись! Я хочу покоя!»

— Вы здесь в отпуске? — спросила женщина.

«Боже мой, что за ужасный диалект», — подумала Анна. Именно этого дурацкого вопроса она и боялась, когда вставляла пленку в фотоаппарат.

— Да, — ответила она и выпустила дым в сторону пожилой дамы. — С мужем и тремя детьми. Сегодня у мамы свободное время, а папа занимается всем.

— Боже, как мило!

— Да.

Господи! Она бы отдала что угодно за какой-нибудь журнал, но под рукой как раз ничего нет. Даже записной книжки, чтобы можно было изобразить интенсивную работу мысли и необходимость зафиксировать что-то важное.

— Мы тоже в отпуске. Здесь все чудесно! Просто великолепно.

— Да, — сказала Анна.

Муж вернулся из туалета.

— Идем, Ильза, — сказал он. — Ты же собиралась фотографировать.

Женщина встала:

— Ты расплатился?

— Да, только что, возле бара.

Они взяли сумки и кульки и принялись протискиваться между рядами столов.

— До свидания! — крикнула женщина, и Анна кивнула ей.

Примерно минут через десять подошел официант и на английском спросил, где эта пожилая пара. Как выяснилось, они не расплатились.

— Не волнуйтесь, — сказала Анна. — Я заплачу за все.

В конце концов, она тоже немка, и ей не хотелось, чтобы о немцах думали плохо.

«Что я здесь, собственно, делаю, — задумалась она. — Сажу среди тысячи туристов под лучами вечернего солнца, ем невкусный торт и оплачиваю счет совершенно чужих людей, которые оказались еще наглее, чем орда подростков, ворующих банки с кока-колой на бензозаправке. И почему я не пригласила его зайти? Секс по-быстрому? Секс на одну ночь? А почему бы и нет?» Она что, должна отчитываться перед кем-то? Нет. Ни перед кем. Впервые за столько лет. Очевидно, она разучилась делать то, что ей хочется. И даже понимать, чего ей хочется. Кай подумал то же самое. Без любви, без обязательств, без предварительной подготовки и без продолжения. Наверняка без продолжения. Все просто. Чистый секс. О боже, когда же последний раз с ней было такое? Больше двадцати лет назад. И если бы они провели вечер вдвоем, то сейчас ей не пришлось бы сидеть в одиночестве и позволять каким-то старикам делать из себя дуру. Точно, это было бы прекрасно и наверняка вернуло бы ее к жизни. И очень бы подошло к новому началу, к ее новой жизни. «Я просто слишком большая дура, — подумала она. — И я опять все сама испортила».

Когда она заметила, что начала действовать себе на нервы, то кивком подозвала официанта, с раздражением расплатилась и ушла. Она судорожно пыталась сделать невозмутимое лицо, чтобы любой, кто ей встретился, не понял, что она вот-вот взорвется от желания немедленно переспать с мужчиной.

В эту ночь ему не везло, и он проигрывал без конца. Он знал, что удача ему изменила, но выпил слишком много виски и просто не мог остановиться. Он сожалел лишь об упущенной возможности переспать с Анной, а не о евро, которые он безостановочно бросал на стол, не имея ни малейшего шанса увидеть их снова, не говоря уже о том, чтобы увеличить их количество. Джорджио посмотрел на него и выразился в том смысле, что любовь является ядом для счастья в игре. Но Кай спросил: «Какая там еще любовь?» — и после этого никто не проронил ни слова. Пока он вынимал деньги из кармана, не было никаких проблем.

Где-то около двух часов он дошел до той кондиции, что смел со стола все, что на нем было, безбожно смешав карты и деньги, из-за чего вспыхнула ссора. У Джорджио был полный набор карт на руках, и он пообещал набить Каю морду. Альваро попытался навести порядок, но Кай заорал, что Джорджио, Альваро и Серджио — сплошное дерьмо. В ответ на это Серджио вытащил нож, Альваро попытался помирить всех, а Джорджио просто нанес удар.

Кай сразу же упал. Кровь хлынула у него из носа. Его прислонили к стене, и, когда кровотечение прекратилось, Кая основательно вырвало. Но причину этого можно было объяснить лишь неумеренным потреблением алкоголя.

Он проснулся, когда солнечные лучи с трудом продрались сквозь грязное, запыленное окно кабака. Он лежал на холодном поду. Голова гудела и тупо болела так, что у него появилось ощущение, что он уже никогда в жизни не будет в состоянии передвигаться в вертикальном положении, иначе голова просто лопнет. И к тому же он замерз. От застоявшейся вони сигаретного дыма и разлитого, медленно испаряющегося виски его затошнило. Была половина восьмого. На десять часов у него была назначена встреча с Анной. Если бы ему удалось выбраться из этого притона, то времени хватило бы на то, чтобы доехать до дома, принять душ и выпить кофе.

Так больше не может продолжаться. Срывы надо прекращать. Срыв следовал за срывом, и жизнь начинала угрожающе ускользать из-под его контроля.

Они просто бросили его здесь, эти идиоты. Он с трудом поднялся на ноги, стараясь не обращать внимания на головную боль, и попытался найти выключатель. Не нашел. Чертыхаясь, он пробрался в переднюю комнату и нащупал выключатель за баром. Свет создавал впечатление, что сейчас вечер, и хотя Кай точно знал, что ему снова станет плохо, он все же налил себе полбокала пива и выпил его одним духом. Ему и вправду стало плохо, причем настолько, что он с трудом удержался на ногах.

Входная дверь была заперта. Естественно. Не будут же они из-за какого-то напившегося в дым маклера оставлять заведение открытым. Конечно, часов в десять придет уборщица или Поло, хозяин заведения, чтобы навести здесь порядок и пополнить запасы, но в десять для него было слишком поздно. Нельзя показываться Анне в таком виде.

Он вернулся в заднюю комнату, где стоял стол для игры. Карты, липкие после вчерашнего, лежали в мусорной корзине. Серджио вытащил нож... Он еще помнил это. Проклятый нож... Ему снова повезло. Справа, за игровыми автоматами, была лестница, ведущая к туалету. Кай осторожно спустился по ней, ступенька за ступенькой, думая лишь о

том, чтобы не упасть и не сломать ноги.

Он наклонился над умывальником и сунул голову под кран. Подержав голову под холодной струей несколько минут, он почувствовал, что стало легче. Он открыл дверь в женский туалет и увидел, что окно, расположенное почти под потолком, откинуто.

Он сам себе казался последним бродягой, когда стоял на крышке унитаза и изо всех сил старался подтянуться по грязной стене, чтобы протиснуться через окно. Над унитазом красовалась надпись «Vaffanculo» — «Поцелуй меня в задницу».

Протискиваясь через окно, он схватился за что-то мягкое и в ужасе отдернул руку. Это оказалась наполовину разложившаяся мышь, внутренности которой выгрызло какое-то голодное животное. Он двинулся дальше, пока наконец не очутился на заднем дворе и в вертикальном положении. Он находился в верхней части Сиены. Его взору открылся вид на город. Некоторые крыши уже блестели в лучах утреннего солнца, и Кай вздохнул с облегчением.

Через полчаса он уже был дома и мылся под душем так тщательно, словно перед этим полгода ползал на брюхе по пескам пустыни. После двойной порции капучино с лимонным соком, пол-литра минеральной воды и двух таблеток аспирина он почувствовал себя лучше. Жизнь снова приняла его в свои объятия, и он поклялся, что с этого момента будет все делать по-другому и не станет терять ни секунды на бессознательное состояние, вызванное алкоголем.

Они оставили машину на маленькой стоянке — собственно, это скорее было расширение дороги на повороте, чем стоянка. Здесь уже стоял маленький серый «фиат», на котором не ездили, наверное, несколько месяцев, а то и лет, потому что автомобиль почти доверху зарос травой. Но шины были целыми, машина не проржавела, и казалось, что она в полном порядке. Прекрасный автомобиль. Словно специально созданный для маленьких итальянских городков с крошечными извилистыми и узкими переулками.

— Посмотри на машину, это же с ума сойти...

Анна заглянула внутрь. На заднем сиденье лежал молоток, а под лобовым стеклом был прицеплен официальный бланк. Налог уплачен.

— Да, действительно жаль. — Кай пожал плечами. — Она тут стоит, наверное, несколько месяцев. Причем это же настоящий олдтаймер, машина на любителя. Можно продать с фантастической выгодой. Их угоняют постоянно, потому что все сходят с ума по таким машинам.

— Глупо оставлять такую машину ржаветь без толку.

Кай взял ее за руку и потащил за собой.

— Посмотрим сначала на дом. Может, «фиат» входит в его стоимость.

Узкая дорога вела к дому, очертания которого угадывались сквозь густую листву уже со стоянки. Кай и Анна медленно приблизились.

Собственно, это было два дома. Справа от дороги находилось большое продолговатое здание, стоявшее на участке в виде террасы и примыкавшее к горе, на верхние этажи его можно было зайти с двух разных по высоте террас. Второй дом стоял слева от дороги и представлял собой маленькую двухэтажную мельницу, очень высокую и очень узкую. Взаимное расположение обеих строений и гора сзади создавали своего рода внутренний дворик, благодаря чему ансамбль приобретал единство и производил очень романтическое впечатление.

Дом обступали густо поросшие лесом горы, а долина, заканчивающаяся за домом, открывалась только перед ним, в сторону дороги. Рядом с мельницей, извиваясь, протекал ручей, который маленьким водопадом впадал в бассейн, заросший до такой степени, что на первый взгляд его можно было принять за пруд. Ручей вытекал из бассейна в нижней его части и продолжал свой путь по лугам между скалами.

Оба здания со всех сторон заросли плющом и пассифлорой, а рядом с входной дверью буйно разрослись лаванда, розмарин и шалфей.

— Что это такое? — прошептала Анна. — Это рай?

Кай не ответил.

На самой высокой террасе, в этот утренний час уже освещенной ярким солнцем, сидел мужчина. Казалось, что он не обращает ни малейшего внимания на посетителей, поднимавшихся по дороге и находившихся прямо в его поле зрения. Он сидел прямой как палка, не касаясь спинки стула, абсолютно неподвижный и, казалось, полностью сконцентрировавшийся на чем-то. Лишь кисти его рук лежали на краю стола. Он держал перед собой книгу.

«Так читать невозможно, — подумала Анна, — так не читает ни один человек. Это же не удовольствие, не расслабление, это тяжелейшая работа. Инсценировка. Он хочет показать

нам, что читает. Наверное, он услышал звук подъезжавшей машины еще тогда, когда мы были на горе. Почему он не поднимает глаза? Почему не смотрит на нас? Почему не откладывает книгу в сторону?»).

Он производил впечатление монумента, скульптуры, изваянной Микеланджело из камня. Лицо его было загорелым, что указывало на то, что он, очевидно, почти все время проводил под открытым небом, а белые волосы блестели на солнце.

— Привет, Энрико! — крикнул Кай. — Я привез вам покупательницу. Надеюсь, мы не помешали?

Наконец-то мужчина пошевелился и медленно опустил книгу. На его лице мелькнула улыбка.

— Нет, абсолютно нет, — сказал он. — Смотрите, пожалуйста. Все двери открыты, можете заходить, куда хотите.

Поздороваться с ним за руку было невозможно, поскольку Энрико сидел наверху на террасе, а Кай и Анна стояли внизу на дороге. И хозяин не проявлял ни малейшего намерения спуститься вниз.

«Что-то в нем есть, — подумала Анна. — Харизма. Он похож на красивого, гордого римлянина. Для полноты картины не хватает только тоги и высоко завязанных сандалий. Педераст, наверное. Мужчины, которые так выглядят, всегда педерасты».

— Идем, — сказал Кай. — Я все тебе покажу.

Они вошли в главное здание и оказались в кухне. Маленькое помещение со столетними потолочными балками и неровными стенами из природного камня. Перемычки крохотных окон были настолько кривыми, что казались сошедшими со старинной картины. Свет попадал на кухню главным образом через застекленную дверь, которая сейчас была распахнута настежь. Несмотря на то что на улице с каждой минутой становилось все теплее, в кухне было очень холодно. В углу находилась каменная скамья, а перед ней стоял стол из тяжелого струганого каштанового дерева. Анне сразу же бросилась в глаза фотография, висевшая над скамьей. На ней была изображена молодая женщина приблизительно того же возраста, как и Анна, державшая бокал с вином, и вид у нее был задумчивый. Фотография была красивой и необыкновенно яркой, однако на древней стене производила впечатление инородного тела. Рабочая плита тоже была сделана из тяжелого камня, перегородка за плитой — из грубого матtone^[33].

Явно самодельные дверцы шкафа дополняли образ простой деревенской кухни прошлого века. Кухонный шкафчик заменяла узкая полка, подвешенная к потолку на тяжелых цепях. Тарелки и чашки на ней качались при малейшем сквозняке.

Узкая винтовая каменная лестница вела на второй этаж, где в глаза сразу же бросался большой, но очень простой камин. Прекрасный пол из старого кирпича прекрасно сочетался с отреставрированным шкафом и двумя маленькими креслами, стоявшими у окна. Оттуда открывался прекрасный вид на протекавший далеко внизу ручей и маленькую мельницу. В спальне стояли роскошная двуспальная кровать и комод.

Имущества у Энрико, похоже, было немного. Комната была относительно темной, поскольку росший прямо перед окном орех закрывал почти весь свет. Стеклопанельная дверь вела на самую высокую террасу, на которой по-прежнему неподвижно сидел Энрико. Отсюда было видно, что он читает «Мир мудрости», что, впрочем, совсем не удивило Анну. Конечно же, он предавался философствованию. Философ перед старой мельницей, которую сам же отреставрировал. Все прекрасно дополняло друг друга.

Из комнаты с камином можно было попасть в ванную, имевшую два уровня. Наверху находились две раковины, а этажом ниже — открытый двойной душ напротив туалета. Дверь туалета была открыта и сквозь нее видна была причудливая скала, в которой Энрико вырубил небольшую лестницу, и густой лес, образующий границу долины.

Анна, ничего не понимая, взглянула на Кая.

— Не может быть, — сказала она. — Такого на этом свете не бывает.

Кай усмехнулся:

— Не знаю, заметила ли ты, но в доме нет отопления. Тебе следует это знать. Какая бы там ни была романтика, но это проблема.

— А как же здесь принимают душ? Под холодной водой?

Кай вышел и открыл снаружи маленький чуланчик перед ванной.

— Здесь подключается баллон с газом для подогрева воды. Баллоны нужно возить в Амбру на заправку. Все отлажено, вот только возни с этим очень много. В кухне тоже есть газовый баллон под плитой.

Анна кивнула. Почему бы и нет? Если бы она искала удобства, то купила бы квартиру в Ванне-Айкеле.

Когда они вышли во двор, то наткнулись на Энрико, который ожидал их на дороге, скрестив руки на груди, что опять сбило Анну с толку.

— Прекрасный дом, — сказала она. — Даже не верится, что вы недавно отреставрировали его. Такое впечатление, что в нем ничего не менялось уже лет сто.

— Этот дом и жизнь в нем связаны с искусством, тихо сказал Энрико. — А вы осмотрите еще мельницу.

Мельница, как и главное строение, была сделана из старых, бывших в употреблении материалов, кривых балок и обветренных камней. В ней было два помещения, соединенных между собой шаткой лестницей, и маленькая ванная. Перед мельницей простиралась терраса, спускающаяся вниз невысокими уступами и ведущая прямо к бассейну, через который протекал ручей. В темный грот можно было попасть только снаружи, но он все равно, как узнала Анна от Кая, по полгода находился под водой. Все равно он не был ни на что годен. Просто место для тусовок жаб, лягушек, змей и тритонов — и ничего больше.

Анна подошла к бассейну и села на ствол дерева, выполнявший роль скамейки. Множество лягушек в панике попрыгали в воду и спрятались в густых растениях по краям бассейна.

— Я покупаю дом, — сказала она. — Здесь я могу полностью изменить свою жизнь. Не знаю, получится ли это у меня, но, по крайней мере, это шанс.

— Как насчет того чтобы сначала посмотреть еще пять-шесть других объектов, а только потом принимать решение? Я бы не спешил. Или тебе это так срочно?

— Нет. Но я сойду с ума, если не заполучу этот дом. А если завтра приедет кто-то другой и его купит?

— Я никому не буду предлагать его до тех пор, пока ты не примешь решение.

— А откуда ты знаешь, что у черта на уме? Может, Энрико уже дал задание другим маклерам или рассказал в деревне, что хочет продать дом. Нет, нет и нет! — Анна разволновалась даже от одной мысли об этом. — Нет, Кай! Мне не нужно больше ничего смотреть, потому что другого такого дома не будет. Я знаю дома здесь, в Тоскане. Они прекрасно расположены и живописно выглядят на холме, с кипарисами и с элегантным въездом. Нет. Такого я не хочу. Хочу этот дом. Что-то в нем есть. Не спрашивай меня что. Но

я не в состоянии вернуться в Сиену и забыть этот дом.

— Да, конечно. — Кай рассчитывал, что Анна может купить этот дом, но это поспешное решение было ему неприятно. — Давай еще раз пройдемся по всем помещениям?

Анна улыбнулась:

— Я думаю, сначала нужно поговорить с Энрико.

Энрико стоял в кухне и готовил три эспрессо.

— Есть ли желание выпить кофе?

— С удовольствием, — сказал Кай.

— С большим удовольствием, — ответила Анна.

— Отправляйтесь на улицу и садитесь под орехом, а я сейчас приду.

Весь внутренний двор между домами представлял собой сплошную террасу и производил впечатление летней гостиной. Наспех сколоченный временный деревянный забор служил для того, чтобы никто не упал с высокой стены вниз, к ручью. Анна села, не сводя глаз с мельницы.

— Боже мой, как красиво! Я даже не могу описать это словами... Здесь так спокойно, тихо и романтично, все такое дикое и первозданное. Лес темный и угрюмый, но он же, кажется, и защищает дом. Здесь как-то одиноко, но вместе с тем чувствуешь себя в безопасности... Но прежде всего, это место не от мира сего. Здесь человек погружается в прошлое.

— Ты права, — сказал Кай. — Наверное, тебе действительно следует купить этот дом.

Энрико, шагая по щебню, подошел к столу. У него была легкая, пружинистая походка, хотя, как показалось, Анне, ему было уже за пятьдесят. Он поставил на стол эспрессо и холодную воду к нему.

— Если хотите, сходим потом в лес. Тут недалеко, где-то метров сто, я покажу вам родник. Только долина получает воду из этого источника. И никто больше. Я подключил к нему насос, и он подает воду в дом. Вам больше никогда в жизни не надо будет покупать минеральную воду. Лучшей воды не бывает.

— Как в сказке!

— Вода — это самое важное. Все остальное приложится. Угощайтесь.

Энрико выпил свой эспрессо. Крохотная чашка в его костлявых огрубелых пальцах производила странное впечатление.

Кай сразу же перешел к делу:

— Энрико, Анна хочет купить дом.

— Знаю, — усмехнулся Энрико и посмотрел на Анну. — По тому, как вы ходили по комнатам, все сразу стало ясно. Так ходит только человек, который влюбился в дом. И я знал это еще тогда, когда вы ехали по дороге вверх. Я тогда подумал: «Сейчас он будет продан. Значит, вот так быстро это происходит». Поэтому я и не пошел с вами осматривать дом. Зачем? У вас будет достаточно времени, чтобы познакомиться со всем.

Сейчас, в десять минут десятого, все еще не было необходимости включать свет. Свечи были намного приятнее, и он избегал пользоваться электричеством. Сегодня он обойдется одной-единственной свечой. Две недели назад ему приходилось сжигать за вечер две свечи, а зимними вечерами иногда даже четыре. Это случалось тогда, когда он проявлял легкомыслие и, моя посуду, зажигал сразу две. Он поступал так, если на утро обнаруживал, что плохо отмыл томатный соус от тарелки или что потеки от молока засохли в горшке. Иногда он даже пытался мыть посуду днем, однако ему было жаль тратить на такую ерунду светлое время суток. Каждая минута на открытом воздухе была драгоценной, а работы было так много, что, чтобы переделать ее, ему не хватило бы всей жизни. Он знал, что это такое — быть запертым в закрытом помещении и не иметь возможности выйти на солнце или под дождь, поэтому особенно ценил природу в своей скрытой от посторонних глаз уединенной долине.

Он уселся и глубоко вздохнул. Наступил его благословенный час. Только для себя самого. Без Карлы, которая обычно, сидя напротив, укоризненно смотрела на него, потому что он часами мог не говорить ни слова, и от этого с каждой минутой она сама себе казалась все более одинокой и потерянной. Сейчас, в такие моменты, как этот, ему в очередной раз стало совершенно ясно, что ему не нужен никто. Ни друг, ни жена, ни советчик, ни спутник, ни помощник, ни собеседник. Если бы нужно было изменить мир, и тогда он в одиночку нашел бы способ это сделать.

Он осмотрелся. Вечерний ветер утих, в лесу царила тишина. Даже цикады, и те уже умолкли, потому что в долине солнце скрывалось за горами ранним вечером. И в то время как вечернее солнце еще целый вечер согревало холмы и воздух был шелковистым и теплым, влажная вечерняя прохлада уже вползала в долину и даже в августе вечером здесь было довольно зябко.

Энрико ничего этого не чувствовал. На нем все еще была тонкая рубашка и шорты, а на босых ногах — сандалии. Он годами тренировался, чтобы стать нечувствительным к холоду и боли, голоду и жажде. Он медленно и тяжело пытался приучить себя воспринимать все это как совершенно нормальное явление. Это был мучительный процесс, зато он давал чувство определенной свободы.

Еще пару дней, и светлячки будут освещать долину не хуже, чем тысячи зрителей на рок-концерте освещают зал своими зажигалками.

Он не нуждался ни в чем. Ему не нужен был ни телевизор, ни радиоприемник, не нужны были развлечения, а больше всего не нужны были разговоры. Разве что иногда почитать книгу. А в остальном ему хватало своих мыслей. Он был их творцом, он обладал властью над ними и над миром, который создал для себя. Он мог сидеть часами и думать, даже не зажигая свечи.

Двадцать один час тридцать минут. Он ненавидел эти полчаса, которые неумолимо надвигались на него каждый день. Он включил свой мобильный телефон и отправился в путь. Спустился вниз к стоянке, прошел по дороге до маленькой лоцины, перешел ручей вброд и свернул направо к неровной тропинке, круто поднимающейся на гору. Он шел по тропинке легко, без усилий, уверенно ступая в темноте. Месяц в небе еле-еле освещал каменистую неровную дорогу.

Через какое-то время он увидел на дисплее телефона, что вошел в зону приема, и остановился. Положил мобильник на плоский камень и глубоко вздохнул. Светящийся дисплей мешал ему, и он перевернул мобилку. Когда через ручей беззвучно перелетела сова, он почувствовал что-то похожее на грусть. Скоро Анна будет жить здесь, в Валле Коронате. Будет так же, как он, карабкаться на гору, чтобы позвонить по телефону. Он не хотел думать об этом, не хотел даже допускать такой мысли. Чувства разрушают все. Если он не сможет управлять ими, то станет агрессивным. Этого нельзя допускать, потому что его агрессия была сродни взрыву.

В двадцать один час тридцать две минуты позвонила она.

— Карла, — сказал он, стараясь придать голосу радостное звучание, — как твои дела? Все о'кей?

— Энрико, — сказала она, — послушай...

Она была взволнована, и ее голос дрожал, что всегда страшно действовало ему на нервы. Однако он никогда не говорил ей об этом.

— Мой отец умирает. Ему очень плохо. Кто-то из нас должен постоянно быть с ним. Круглосуточно.

— А почему вы не отвезете его в больницу?

Она судорожно вздохнула:

— Потому что мы не можем поступить так. Он прекрасно понимает, что с ним происходит. Я думаю, тебе это объяснять не надо. Или ты хотел бы умереть в больнице?

Нет. Этого он не хотел. И такого с ним не будет. В этом он был абсолютно уверен. Такого он не допустит. На все сто процентов. И Карлу он тоже уберезет от этого.

— Что сказал врач?

— Он сказал, что это может продолжаться еще три часа, три дня, три недели, а то и три месяца. Сейчас он очень слаб... но, может быть, случится чудо, и он выкарабкается.

— Приезжай домой, — сказал Энрико. — Немедленно. Лучше, если ты уже завтра будешь в поезде.

— Но я не могу! Как ты себе это представляешь? Я же не могу бросить мать и сестру! — Она почти кричала. От ее голоса у него заболело в ушах. Ему пришлось сжать зубы, чтобы не потерять контроль над собой, и приложить некоторые усилия, чтобы ответить спокойно.

— Нет, можешь. Или ты собираешься еще три месяца стоять на вахте у постели отца? В принципе, с ним происходит то же самое, что со всеми стариками на свете в этом возрасте. Они могут упасть мертвыми послезавтра или через год. Я хочу, чтобы ты приехала домой, Карла. И увидишь, твой отец переживет еще и Рождество.

Карла помолчала. Затем тихо спросила:

— Откуда тебе знать?

У Энрико качали сдавать нервы:

— У нас будут проблемы, если ты не вернешься домой. Тебя нет уже три недели. Хватит.

Карла сменила тему:

— А вообще есть какие-нибудь новости?

— Нет, ничего.

Карла не знала, что он собрался продать дом. Он скажет ей об этом, когда она вернется. Это будет непросто, потому что Карла считала, что этот дом навсегда стал ее итальянским родным домом. Но ему родной дом не был нужен. Он хотел быть свободным. Не иметь

никакой собственности и никакого балласта. Лишь возможность немедленно сорваться с места.

— Пока, дорогой, — сказала она. — Я приеду так скоро, как только смогу. И пожалуйста, думай обо мне.

— Конечно. Завтра в половине десятого мой телефон будет включен.

— Да. Пока.

В ее голосе звучало разочарование, но он знал, что она сделает то, что он от нее потребует.

Он выключил мобильный телефон. Самая неприятная обязанность этого дня была выполнена. Он ненавидел любые обязанности, ненавидел, когда приходилось делать что-то по чужой воле. Он не воспринимал никакую регламентацию, никакие директивы. Для него существовало лишь пробуждение и желание, чтобы наступил день. И свобода — читать, или копать огород, или зарезать курицу. Вот это была жизнь. Не больше и не меньше.

Он встал и пошел к дому, а от него — вниз к ручью. Луна исчезла за облаком, и стало совершенно темно, но он знал каждый камень, каждый корень дерева, каждую неровность на склоне. Он вслепую мог ориентироваться на своем участке. Это было главным условием его безопасности. Он долго тренировался, чтобы добиться этого. И тем глупее было продавать дом. Все равно где-то придется начинать все сначала, и старые страхи неминуемо всплывут на поверхность. Да, вот оно уже и начинается... А ужас перед этим начался прямо сейчас.

Он присел на корточки у ручья и стал пить холодную воду. Его затошнило, и пришлось лечь на сырой мох. И тогда оно снова вернулось — воспоминание, которое он не имел права подпускать к себе.

Мальчик кричал и звал на помощь мать, когда понял, что придется умереть. Звал мать... Понять это было трудно.

Нет, нельзя продолжать думать.

Он вскочил, побежал к бассейну, прыгнул, не раздеваясь, в черную как ночь ледяную родниковую воду, даже не вспомнив о жабах, лягушках, тритонах и водяных гадюках, живших на дне бассейна, и нырнул поглубже. Он был под водой так долго, как только мог задержать дыхание. До тех пор пока не пришлось вынырнуть и, вдохнув воздух, признать свое поражение.

— Ты совсем сдурела! — Гаральд орал так, что Анне пришлось отвести трубку сантиметров на двадцать от уха. — Ты всего два дня в этой проклятой Италии, где у людей крадут не только кошельки, но и детей, и уже хочешь купить первый попавшийся дом? Ты что, рехнулась?

— Не говори так, ты его не видел!

— Анна, пожалуйста! Бери в аренду что хочешь, но не покупать же сразу!

— Этот дом нельзя арендовать, его можно только купить.

Гаральд успокоился. Наверное, уже сдался.

— Я тебя не понимаю. Я тебя действительно не понимаю! Ты хотела остаться на пару недель, может быть, на пару месяцев, но только в том случае, если найдешь какую-то зацепку, где может быть Феликс... А сейчас... К чему это? Ты хочешь остаться там насовсем? Хочешь навсегда переселиться в Италию? Ты хочешь развестись?

— Боже мой! — Анна громко застонала. — Только не надо сразу делать такие выводы! Это прекрасный дом. Нечто необыкновенное. У него совершенно особая аура. Подобное не встречается на каждом углу. У меня такое чувство, что я умру, если не удастся жить в нем. А если что-то изменится, если я вернусь, то снова его продам. В чем проблема?

— Итальянцы одурачат тебя, Анна! Ты что, этого не понимаешь? Да ты же не имеешь ни малейшего понятия о домах! Что ты понимаешь в том, что такое выгребная яма и правильно ли проложены канализационные трубы, работает ли водопровод, сделан ли дренаж, хорошо ли изолирована крыша... Боже, да нужно обращать внимание на тысячи мелочей! Наверняка этот дом — какая-то развалина. И если ты потом станешь его продавать, то получишь лишь треть цены, за которую купила. Ты почти не говоришь по-итальянски, у тебя там нет ни одного знакомого, тебя просто облапошат!

— Ты жалкий нытик. У тебя всегда все плохо, а мир просто кишит преступниками и идиотами.

— Я всего лишь реалист. И не хочу, чтобы ты сделала огромную ошибку.

— Во-первых, дом продает не итальянец, а немец... А во-вторых, я уже влюбилась в этот дом. И этого достаточно. В дом, сокровище мое! В то месторасположение, в атмосферу, в то, что излучает этот дом. И мне совершенно до лампочки дренаж и выгребная яма. Если я влюбляюсь в человека, то мне все равно, что у него, возможно, кривой палец на ноге или родимое пятно.

Голос Гаральда стал холодным как лед:

— Я всегда считал тебя умным, деловым человеком, но то, что ты сейчас говоришь, — полная чушь.

Анна разозлилась:

— А то, что делаешь ты, — это заносчивость! Ты имеешь наглость рассуждать о том, чего не знаешь, чего никогда не видел и о чем судить не можешь!

Гаральд опять вернулся к старому:

— Я всего лишь прошу тебя не торопиться! Сделай мне одолжение, наведи справки! Привлеки кого-нибудь, кто разбирается в домах! Посмотри все внимательно! Несколько раз и при любой погоде! Осмотри окрестности, сходи в ближайшую деревню! И включи рассудок! Не решай, не подумав!

У Анны не было желания продолжать разговор:

— Еще что-нибудь?

Гаральд постарался придать своему голосу теплоту:

— То, что ты собираешься делать, не имеет смысла. Ты лишь растравишь старые раны и подорвешь свое здоровье.

— Ты уже сто раз говорил мне это.

— И скажу еще сто, если понадобится.

— Мои раны растравлять не надо, потому что они и так никогда не заживали.

— Наверное, лучше, если мы прекратим этот разговор.

— Да. Наверное, лучше. Доброй ночи.

— Приятных снов.

Анна отключила мобильный телефон и положила его на ночной столик. Надо было еще тогда прислушаться к внутреннему голосу и остаться. Тогда, через две недели после того, как исчез Феликс.

Ла Пекора, 1994 год

Был четверг после Пасхи. Гаральд пришел домой в хорошем настроении, почти в состоянии эйфории. Он отсутствовал почти четыре часа и за это время расклеил сотни объявлений на заборах, стенах, деревьях, мусорных контейнерах и в витринах магазинов. В Кастельнуово Беранденье, Монтебеники, Рапале, Амбре, Ченнине, Капанноле и Бучине.

На объявлениях была фотография Феликса. Он улыбался. Ветер сдул его челку в сторону, лоб был открыт, на носу был виден легкий солнечный ожог. Внизу по-немецки и по-итальянски было написано: «Феликс Голомбек, 10 лет, пропал 16 апреля около 18 часов. Рост приблизительно 1 метр 20 см, худощавый, волосы светлые. Был одет в футболку, джинсы и кроссовки. Всех, кто видел его, просим сообщить по телефону 338-67-54-32 или в полицию города Амбры».

Когда Гаральд приклеивал объявление на двери бара в Капанноле, с ним заговорила какая-то пожилая женщина. Она видела такого маленького мальчика. В субботу перед Пасхой. В машине «порше» серебристого цвета, на сиденье рядом с водителем. Пожилая женщина, естественно, не запомнила номера машины, потому что для нее это было неважно. На машину она обратила внимание лишь потому, что она ехала слишком медленно. Так, словно водитель искал место для стоянки, хотя можно было остановиться в любом месте на краю дороги. Но Мария Саччи даже не могла сказать, кто был за рулем — мужчина или женщина. Она просто не обратила на это внимания.

Гаральд тут же сообщил карабинерам в Бучине о том, что видела Мария, и те любезно заверили его, что они займутся этим делом. Естественно, они будут держать его в курсе дел.

Гаральд обычно не курил, но сейчас попросил у Анны сигарету. Наконец-то у него была зацепка, маленькая соломинка, за которую он мог ухватиться. Его трясло от волнения.

— Значит, в любом случае в субботу он еще был жив. И тогда вполне вероятно, что он жив и сейчас. И находится у той скотины в серебристом «порше».

Анна нашла в его предположениях мало утешительного и сказала:

— Мы даже не знаем, действительно ли это был Феликс! На свете столько маленьких беленьких мальчиков, и кто знает, что на самом деле видела эта женщина? Может, у мальчика были даже темные волосы, а она подумала, что маленький мальчик — это и есть маленький мальчик. Может, Феликса за два часа перед этим провезли мимо в «фиате», и никому это не бросилось в глаза, потому что мальчик в такой машине, как «фиат», — нечто совершенно нормальное.

Она знала, что разбивает все его прекрасные надежды, но что сказано, то сказано, и ей не оставалось ничего другого, как продолжать в том же духе. И она добавила:

— Если бы я похитила маленького мальчика, то не повезла бы его кататься на такой чертовски редкой и приметной машине.

Гаральд долго смотрел в окно и курил, держа сигарету как-то странно, словно она была первой в его жизни.

— Если я поймаю этого типа, я его убью.

— Я знаю.

Они некоторое время молчали.

— Если эта женщина права, значит, это точно не был кто-то из округа, — размышляла

Анна. — Здешние крестьяне не раскатывают просто так на «порше». Значит, это был кто-то чужой, какой-то турист, и он, наверное, повезет его за границу. Куда угодно. Хотя бы в Бельгию, не знаю. И продаст его какой-нибудь порнобанде... И если я чего не вынесу, так одной только этой мысли.

Его эйфория исчезла. Его охватила ярость, может, даже отчаяние. И в том и в другом случае у него появлялась одинаковая складка у рта. Анна продолжала:

— Гаральд, подумай сам... Здесь, в лесу, какой-нибудь собиратель грибов, может, и появляется раз в сто лет, но ни один участник организованной банды не будет лежать при этой ужасной погоде в кустах и ждать, что в этой глуши, может быть, один раз за двести лет мимо пройдет какой-нибудь ребенок. Нет, эти банды ловят детей в городах, когда те играют на улицах. И поэтому я не верю, что в том «порше» был Феликс.

— А кто тогда?

— Без понятия, я сама не могу все это объяснить. У меня просто нет никаких мыслей! А как ты думаешь, Феликс мог очутиться в том «порше»?

Гаральд тяжело опустился на стул и пожал плечами.

— Может, ты и права. Глупости все это, с этим «порше». Значит, это мог быть только тот, кто прогуливался там пешком. Или браконьер. Он случайно встретил Феликса, когда тот играл возле ручья, и спросил, как быстрее добраться до деревни. Феликс и пошел с ним, чтобы показать дорогу. А немного дальше стояла машина...

— Феликс никогда бы не пошел с чужим человеком...

Гаральд взял в руки бутылку виски.

— В городе, может быть, и нет, но здесь, в лесу, ситуация совсем иная. Тут даже незнакомец кажется союзником. В этой глуши надо помогать друг другу, здесь все сидят в одной лодке. Он просто ничего не заподозрил. И сел в машину, потому что ливень был ужасный. По принципу: «Только на минутку спрятаться в сухое место, пока не перестанет дождь».

Гаральд замолчал. Остальное было ясно. Феликс просто оказался не в том месте и не в то время, и встретил своего убийцу, хотя тот даже не искал его. Он просто воспользовался случаем, убил Феликса и, вероятно, закопал где-то на своем участке. Никто и никогда его там не найдет, потому что никто его там искать не будет. Никто не смог бы перекопать все частные владения в Тоскане.

Анна уже две недели не выходила из дому, чтобы не пропустить тот момент, когда вернется Феликс. Гаральду приходилось долго уговаривать ее пойти с ним в деревню, чтобы хоть чуть-чуть поесть. В конце концов они очутились в гостинице Амбры. Выкрашенные в какой-то ледяной голубой цвет стены, орущий телевизор и режущее-яркий холодный свет неоновых ламп под потолком подчеркивали их одиночество. Без Феликса они были потеряны. У них не оставалось никакой надежды, и они чувствовали, что еще чуть-чуть — и они потеряют друг друга. Все это Анна и Гаральд знали, просто они не говорили об этом вслух.

— Мне надо возвращаться домой, — сказал Гаральд. — Я не могу больше держать амбулаторию закрытой.

Анна лишь кивнула. Конечно. Гаральд всего лишь три года назад принял частную врачебную практику у старого сельского врача, который вскоре после этого умер. Многие пациенты перешли ко второму врачу-терапевту деревни, поскольку их отношение к Гаральду

поначалу было выжидательным и скептическим. Это была трудная работа — создать себе круг постоянных пациентов. Сейчас, во время отпуска, Гаральда замещал доктор Шпренгер, который взял на себя заботу обо всех. Если Гаральд задержится еще дольше, он потеряет пациентов.

Анна смотрела на него, но не чувствовала больше ни искорки любви. Она искала ее в его лице, копалась в своих воспоминаниях, хотела снова открыть, снова найти это чувство, но ничего не было. Одна лишь пустота. И равнодушие. Гаральд всегда будет напоминать ей о Феликсе. Феликса невозможно было представить без него, но и его она не могла представить без Феликса. Наверное, и он чувствовал то же самое.

— Я останусь, — сказала Анна.

Он непонимающе уставился на нее.

— Зачем? Что ты собираешься делать здесь? Сидеть в доме и ждать звонка, который можешь ожидать и там? Бегать по лесу и искать его? Ты две недели не бегала по лесу, так что же ты хочешь теперь?

— Я сейчас не могу уехать отсюда.

— Анна, ты мне нужна в амбулатории. И это важнее, чем если ты будешь бегать по деревне и демонстрировать всем свое мокрое от слез лицо. И в тысячный раз спрашивать, не видел ли кто-нибудь что-нибудь. А через четыре недели, самое позднее, все равно ни один человек не в состоянии вспомнить, что он делал незадолго перед Пасхой.

— Мы не можем сейчас взять и просто уехать!

— Нет, можем. Даже должны. Потому что оттого, что мы здесь сидим, толку не будет. Потому что карабинеры ничего больше делать не будут, разве что по ошибке наткнутся на Феликса. Мы развесили объявления. Мы опросили всех людей, которых только могли опросить. Мы прочесали каждый проклятый сантиметр в окрестностях в поисках хоть чего-то, что могло бы помочь. Сотни, да куда там, тысячи квадратных метров... Водолазы обыскали все озеро, собаки обнюхали весь лес в округе. Мы больше ничего не можем сделать, Анна. Мы можем лишь сидеть и ждать, пока не сойдем с ума.

Официант прошел мимо, и Гаральд, просто подняв вверх пустой графин, заказал еще пол-литра вина. Вид у него был решительный и твердый. Его исхудавшее лицо казалось высеченным из камня. Казалось, сейчас его можно ударить по лицу молотком и с ним ничего не случится.

Анна почувствовала, как вино ударило ей в голову, а во рту появился противный кислый привкус. Ей стало трудно говорить.

— Значит, важнее, чтобы я брала кровь на анализы, накладывала тугие повязки и говорила: «Доктор сейчас придет, минуточку, фрау Накчински»?

— Да.

— Ты отвратителен!

Гаральд ничего не ответил и вообще в тот вечер не сказал больше ни слова. Они молча выпили заказанное вино, и никогда еще кьянти не казалось ей таким горьким. Затем они расплатились и покинули зал. Когда они выходили, у Анны было такое чувство, будто все смотрят на нее. «Ага, это та, у которой был маленький мальчик, и он пропал...» Но никто ничего не говорил, никто ее не останавливал, никто не шепнул им: «Мы так сожалеем». Никем не замеченные, они вышли на улицу и снова остались одни на целом свете. Они уже не чувствовали ничего. Словно им вырвали сердца.

Поездка в Ла Пекору проходила в полном молчании и казалась бесконечной. Анна

закрыла глаза и из-за бесконечных поворотов на серпантине чувствовала, как поднимается тошнота. Она надеялась, что ее вырвет, но этого не случилось. Машина мчалась сквозь ночь по дороге с щебеночным покрытием, прыгала на выбоинах и неровностях. Анна чувствовала, что Гаральд едет слишком быстро, но ей было все равно. Вдруг ей показалось, что упасть в пропасть было бы совсем не страшно.

В Ла Пекоре она сразу же легла в постель. Едва успев раздеться, она заползла под одеяло, хотя ей сейчас ничего на свете не хотелось больше, чем выплакаться в объятьях Гаральда. Чтобы он наконец утешил ее. Но рядом никого не было.

Гаральд стоял на террасе, смотрел в темноту и проклинал весь этот несправедливый, загаженный мир.

На следующее утро Анна проснулась рано и сразу развернула бешеную деятельность. Она паковала чемоданы, готовила завтраки и совала в сумку-холодильник продукты на дорогу, пока Гаральд загружал машину. В маленькой спальне Феликса она заставила себя упаковать его вещи просто так, как делала это бесчисленное количество раз, безо всяких эмоций, словно вот-вот собиралась крикнуть: «Феликс, иди сюда, оставь жабу в покое, вымой руки и еще раз пописаи, мы сейчас уезжаем...» Она представляла себе, что он отправился на улицу, чтобы напоследок намочить ноги в ручье и вымазать штаны в болоте.

Сколько раз она его за это ругала, какой она была нетерпеливой, раздражительной и, конечно, несправедливой. Топтала маленькую детскую душу, потому что важнее всего для нее было, чтобы в машине сидел чистенький ребенок.

Она жалела об этом, сейчас она бесконечно жалела об этом. Она отдала бы все на свете, лишь бы иметь возможность все исправить и снова его обнять! Она была слишком глупой, чтобы понять, какое это счастье, когда вымазанный в грязи ребенок капризничает у двери, не желая расставаться со своими палками, камнями и лягушками.

А сейчас они бросали его. Их отъезд был знаком того, что они сдались. Они прекратили поиски, потому что признали, что никогда не найдут его. Его больше не существовало. Он никогда больше не будет упрашивать их соорудить ему жилище на ветвях дерева, не будет совершать ночные прогулки с Гаральдом и собирать фигурки из яиц — «Детских сюрпризов». Его место в машине, за их столом и в школе будет пустовать. Он растворился в воздухе, исчез из этого мира. Без предупреждения. И не прощаясь.

Гаральд не верил больше в его возвращение, а у Анны было такое чувство, что она предает Феликса.

Гаральд закрыл дверь и бросил ключ вместе с короткой запиской для Пино и Саманты в предусмотренный для этого цветочный горшок, стоящий рядом с лестницей. Расплатились они заранее.

То, что было, теперь ушло навсегда. И у Анны не было ни малейшего желания жить той жизнью, которая теперь ее ожидала.

И вот наступило время. Гаральд ехал на подъем по усыпанной щебнем дороге необычно медленно, но они не смотрели по сторонам.

Должно было пройти десять лет, прежде чем Анна вернулась в Ла Пекору.

Тоскана, 2004 год

Извилистая дорога на Монтебеники производила захватывающее впечатление. Мягкие возвышения холмов, на которых рос виноград, местами импозантные строения, которые можно было снять на время отпуска, луга, на которых паслись кони, и снова и снова — целые поля подсолнухов, которые в это время цвели всюду. Вид на Монтебеники, который располагался на горном хребте и был похож на колпак, состоявший из связанных между собой средневековых зданий из натурального камня, был настолько красив, что даже дух захватывало.

Был жаркий день, и Кай полностью открыл окно машины, которое он сначала лишь чуть-чуть приспустил. Он ожидал громкого протеста, когда ветер прошелся по шестимесячной завивке госпожи Шрадер, но она не сказала ни слова, только пошарила в сумочке и вытащила оттуда шелковый платок в цветочках, который тут же повязала поверх прически.

«Она именно то, что мне нужно, — думал Кай, — она именно та категория тосканских немцев, которая обеспечивает мои доходы, потому что через два года она продаст этот дом, а потом купит себе бунгало с плоской крышей на солнечном побережье, в Коста дель Соль».

— Что же такое симпатичное вы покажете нам сегодня? — спросила фрау Шрадер сладким как сахар голосом. Она пыталась скрыть свое испортившееся из-за открытого окна настроение, но это ей не удалось.

Вместо ответа Кай спросил:

— Может, я лучше закрою окно?

— Нет, нет, пусть будет. Ветер от движения машины даже приятен при такой жаре, — простонала она.

— Посмотрим развалины или что-то уже готовое?

— И то, и другое.

Каю пришлось выехать на обочину, чтобы на узкой дороге пропустить встречный грузовик.

— Я покажу вам пакет из трех объектов. Готовых и не готовых. Вы можете купить каждый объект в отдельности или все вместе по очень выгодной цене.

— А зачем нам три дома? — Фрау Шрадер нервно поправила узкую юбку, которая постоянно задиралась выше ее толстых коленок.

— Чтобы через несколько лет продать два объекта. Или сначала отреставрировать, а потом продать. Убытков вы точно не понесете, цены в Тоскане постоянно растут.

Господин Шрадер на заднем сиденье проснулся одновременно со своим коммерческим чутьем.

— Это звучит интересно.

Кай добрался до Монтебеники и сейчас медленно ехал по маленькому городку. С самого утра он пытался дозвониться до Анны, но ее мобильный телефон, по всей видимости, был выключен, что постепенно выводило его из себя.

— Ах, боже, как трогательно! — пробормотала фрау Шрадер. Ее муж на заднем сиденье снова погрузился в сон.

Кай свернул на пыльную полевую дорогу и поехал по извилистой, засыпанной щебенкой

дороге вниз, мимо множества поместий, в широкую долину, где петлял ручей, который зимой зачастую превращался в довольно широкую речку. После моста дорога снова поднималась в гору, к Сан Винченти, где Кай остановил машину на площади возле проржавевшей будки давно уже не работающего телефона-автомата.

— Вот мы и на месте, — сказал он, вышел из машины и обошел ее кругом, чтобы помочь фрау Шрадер.

Они стояли прямо перед палаццо, самым большим и импозантным зданием городка.

— Этот дворец семнадцатого века, к примеру, является частью пакета. Вы можете купить его. Его нужно чуть-чуть обновить, но основательной реставрации не требуется. Зайдем в здание?

Кай шел впереди, Шрадеры молча следовали за ним. Кай открыл широкий портал и включил свет в прихожей, из-за чего неприветливые, выбеленные известью стены показались еще холоднее.

Фрау Шрадер со скучающим видом стояла в углу и явно чувствовала себя нехорошо, в то время как герр Шрадер открывал каждое окно, поворачивал каждый ключ в дверях, открывал каждый кран, простукивал стены, и все это молча. Кай не вмешивался и ждал вопросов, но их не последовало.

А затем он увидел ее. Она приехала на «Веспе» бежевого цвета, и, конечно, ей сразу же бросилось в глаза то, что окна палаццо открыты. Она остановилась, слезла с мопеда и улыбнулась. Кай поспешно отступил от окна, но было слишком поздно. Она уже заметила его.

Аллоре было то ли восемнадцать, то ли двадцать восемь, то ли тридцать восемь лет. Никто не знал этого, да никто и не хотел знать. И меньше всего — сама Аллора. Она была загорелой, мускулистой, и у нее были белоснежные волосы, которые она сама подстригала ножницами. Когда короче, когда длиннее, в зависимости от настроения.

Иногда, если присмотреться к ее лицу, она была похожа на старуху, у которой большая часть жизни уже позади, иногда она напоминала юную девушку, которой еще не исполнилось и двадцати лет. Возраст Аллоры было невозможно определить, как и предсказать ее поведение.

Фиамма нашла ее в каком-то приюте во Флоренции, где она сидела в детской кроватке и непрерывно лизала железные прутья решетки. И у Фиаммы возникла идея поселить ее у старой Джульетты, которая жила совершенно одна, безо всякой помощи, в старой маленькой хижине, почти глухая и слепая, и передвигалась больше ползком, чем на ногах. Джульетта уже несколько лет не появлялась в селе — просто для нее дорога была слишком дальней.

Кроме того, нужен был кто-то, кто хотя бы раз в неделю подметал деревенскую улицу и площадь, приносил для церкви цветы с рынка и помогал при сборе урожая оливок. В Сан Винченти было много работы, и Фиамма забрала Аллору с собой. У нее не было паспорта документов и даже имени. Но было любимое слово — «аллора». Когда она произносила его, то имела в виду «да» или «нет», «сейчас приду» или «не буду», «я сделаю это» или «я этого не люблю», «пошел вон» или «останься здесь», а также «я устала» или «я хочу есть». Она выражала почти все с помощью этого единственного слова, причем выражение ее лица и голос были такими четкими и резкими, что каждый понимал ее.

Конечно, Фиамма была не первой, кто начал называть ее так, но уже вскоре каждый стал звать ее Аллора.

У Аллоры в хижине старой Джульетты была своя каморка сразу же за кухней, в которой не помещалось ничего, кроме кровати. Она называла Джульетту «миа нонна», моя бабушка, и варила ей каждый день минестроне^[34], потому что это было единственное, что она умела готовить.

После еды она тщательно облизывала тарелки и ложки и ставила их снова в шкаф. Бабушке, нонне, она повязывала хлопчатобумажные тряпки вокруг колен, чтобы той удобнее было ползать по улице. Нонна похрюкивала от радости, когда Аллора расчесывала ее свалявшиеся волосы. Джульетта была *strega*^[35], старой ведьмой в Сан Винченци, которой боялись дети, а кто-кто поговаривал, что ей уже больше ста лет.

После обеда, сидя на обветренной каменной скамье возле Аллоры, Джульетта впервые за много лет снова подставила лицо солнцу. Аллора напряженно прислушивалась, не затрепчат ли морщины на лице Джульетты, когда нагреются, подобно тому, как трещат волосы, скручиваясь в огне.

Аллора сняла со щиколоток Джульетты повязки с застывшей коркой гноя и скребла заскорузлые бинты под струей воды до тех пор, пока они не потеряли коричневый цвет и снова стали бежевыми. Затем она сказала «аллора», пробормотала что-то непонятное, что могло быть молитвой, приложила листья шалфея к глубоким ранам и снова перевязала щиколотки Джульетты, которые никогда уже не заживут и постоянно будут источать сукровицу. Нонна не видела, что делала Аллора, и не слышала, что она бормотала, но почувствовала, что жжение в щиколотках прошло.

Иногда Аллора бегала в село и воровала для нонны «Альмаро» — водку на травах, которую так любила старуха. Аллора никогда не попадалась на этом. Или Рено, продавец в «Алиментари», делал вид, что не замечает, как Аллора прячет бутылку у себя под юбкой. Вечером нонна и Аллора сидели вместе при свечах. Нонна пила «Альмаро» и рассказывала с войны. Она уцелела лишь потому, что спряталась под деревянным настилом на кухне, когда расстреливали всю ее семью. Тогда они еще жили в деревянной хижине в лесу, выше Мончиони, за полчаса ходьбы от него. Аллора брала руку нонны в свою, гладила ее худые пальцы и плакала.

Время от времени к ним заходила Фиамма, приносила хлеб и овощи, а иногда даже ветчину. А порой кое-что из одежды. Куртку для нонны или штаны и обувь для Аллоры. Аллора ставила обувь на подоконник рядом с изображением Святой Богородицы и берегла ее. Она боялась надевать туфли, боялась каждой пылинки и царапины на них, поэтому продолжала ходить босиком. А зимой — в теплых носках, которые вязала нонна, сидя у камина, совсем рядом с огнем.

Площадь была безукоризненно подметена, на алтаре маленькой церкви всегда стояли свежие цветы, а нонну спустя столько лет снова видели на улице. Медленно ползущей, а иногда даже, на короткое время, снова в вертикальном положении. Аллора привозила ее на тачке, осторожно сгружала рядом со старым каштаном и поддерживала при ходьбе. Дети боялись уже обеих и швыряли в них каштанами, которые Аллора собирала и вечерами жарила на огне.

Было холодное февральское утро, когда Аллора выбралась из своей крошечной каморки и удивилась зловонию, которое исходило из комнаты нонны. Нонна лежала на полу, уставив глаза в потолок, однако с застывшей насмешливой улыбкой в уголках рта, будто не веря, что смерть все же не забыла ее. Руками она обхватила бутылку «Альмаро», защищая ее, словно спящего ребенка. Умирая, она обгадилась, словно пытаясь насрать на смерть, но это ей не

удалось. Смерть победила.

Аллора тщательно вымыла ее и завернула в единственную свежую простыню, которая была у нонны и которую та берегла на случай смерти. Аллора в последний раз расчесала ее свалявшиеся, пыльные, но все еще черные волосы, взяла свою худую, любимую нонну на руки, а потом отвезла ее на тачке в церковь. Там она положила ее перед алтарем, вынула цветы из вазы и рассыпала их по ее телу. Затем в первый, последний и единственный раз в своей жизни поцеловала ее в лоб, сказала «аллора» и покинула церковь.

Вернувшись домой, она взяла туфли с подоконника, перекрестилась перед Богородицей и медленно пошла из комнаты в комнату, поджигая дом.

С тех пор она жила в доме Фиаммы и Бернардо. У нее была своя комната — чистая, с белыми стенами, кроватью, столом и двумя стульями, со шкафом и полкой, на которую она ставила туфли. Это была чудесная комната с инжировым деревом под окном, сквозь которое по утрам солнце несколько часов заливало своим светом всю комнату. Однако Аллора не была счастлива. Ей не хватало ползающей на коленях и что-то бормочущей себе под нос нонны, черные волосы которой окунались в минестроне и которая улыбалась своим беззубым ртом, когда находила в супе морковку. Которая часами терпеливо сидела у окна, ожидая шелудивого кота, который раз в несколько дней залезал через окно, стряхивал с себя блох, а потом засыпал у нее на коленях. Она часами гладила его своими подагрическими пальцами и давала ему поесть минестроне из своей тарелки, а потом доедала суп, и в конце концов Аллора вылизывала тарелку. Иногда кот заявлялся посреди ночи, сворачивался в клубок между ног нонны и согревал ее, словно лохматая грелка.

Фиамма так и не простила Аллоре, что та сожгла дом старой Джульетты. Община могла бы продать его и пустить деньги на что-то нужное. На протяжении многих недель она была грубой, нетерпимой и совсем не такой приветливой, как раньше. Снова и снова она спрашивала Аллору, зачем она это сделала.

— Аллора, — говорила Аллора.

Фиамма, ничего не понимая, качала головой, уже жалея о том, что забрала ее из приюта и вызволила из кровати с решетками.

Аллора, как и раньше, подметала улицу и площадь, приносила букеты в церковь и посадила цветы на безымянной могиле нонны. Она принесла из леса камень, который поставила на могиле. Она написала бы на нем «Миа нонна», но не умела писать.

Время от времени она мыла машину бургомистра и косила траву перед домом, пока Бернардо с важными людьми — землемером, геологом, архитектором и продавцом стройматериалов — распивал граппу. И мужчины смотрели на нее, как она босиком бегала за газонокосилкой, которая сама собой, словно подталкиваемая рукой призрака, ездил по лужайке и которой нужно было лишь управлять.

Бернардо сказал: «Мне кажется, что у нее намного больше талантов, чем можно подумать», и мужчины засмеялись, а Аллора подумала, что это очень любезно, что Бернардо говорит такое.

Были первые теплые дни, и наступило время цветения мака, который покрыл каждый луг, каждую оливковую рощу и каждую каменную террасу светящимися цветами, словно Моке нанес своей кистью море красных точек на холст.

Аллора каталась по слегка пологому лугу. Ей нравился влажный холодок травы,

муравьи, ползающие по ее ногам и карабкающиеся по маленьким волоскам, словно на пути у них лежат стволы деревьев. Она гипнотизировала облака и мурлыкала себе под нос партизанскую песню, которую всегда напевала ее нонна. Это был совершенно тихий и мирный момент, когда вдруг белая собака-маремма, принадлежавшая пастуху, оскалив клыки, подскочила к Аллоре, бросилась на нее и вцепилась ей в руку.

Аллора издала такой душераздирающий вопль, что собака моментально выпустила ее руку из пасти и пустилась наутек так, словно встретила дьявола.

Бернардо нашел Аллору, когда она, белая как мел, стояла, прислонившись к оливковому дереву, и вылизывала место укуса. Это было уже слишком для бургомистра Сан Винченти, который до сих пор проявлял примерную стойкость, хотя каждую ночь ему снилась Аллора, спавшая в его доме всего лишь через несколько комнат, и который каждую ночь боролся с собой — решиться ли забраться к ней под одеяло. Он не решился. Ни единого раза, хотя все его друзья — землемер, геолог, архитектор и продавец стройматериалов — были твердо убеждены в противоположном. Но он много раз пробирался в ванную, в то время как Фиамма храпела, широко разинув рот, и наблюдал за своим лицом в зеркале, доставляя удовольствие самому себе и представляя, что Аллора наблюдает за ним.

Сейчас он уже больше не раздумывал, а просто прижался губами к ее измазанному кровью рту и целовал ее так долго и настойчиво, что Аллора забыла о ране и попыталась понять, что с ней происходит. Такого с ней еще не бывало. Ощущать чужой язык во рту было намного вкуснее, и это возбуждало сильнее, чем облизывание решетки, тарелок, столовых приборов или собственного отражения в зеркале. И она захрюкала от удовольствия, как хрюкала нонна, а Бернардо просто обезумел от желания. И ее ноги раздвинулись сами собой, она не могла и не хотела ничего с этим поделать, да что там — она даже не заметила этого. И все, что делал бургомистр, было так чудесно, это было такое неопишное чувство, и она подумала, что лучшего, чем язык, описывающий круги в ее рту, не бывает. Ее тело зудело и становилось все горячее, словно августовское солнце проникло в каждую косточку, и небо упало на нее. У нее кружилась голова, и она больше не знала, где она. Ей казалось, что она летит, и она лишь смутно понимала, что то, что она чувствует, — это она сама, Аллора, которую она знала столько лет и все же не узнала. «Ага, значит, так умирают, — подумала она, — это так прекрасно!» И ей захотелось никогда больше не избавляться из этого дурмана. Но затем она взглянула на бургомистра, и ей стало его жалко. Его лицо было ярко-красным, он вспотел и стонал, и она подумала, что он умирает. Она хотела спросить, чем ему помочь, но затем ее словно накрыла волна, подняла и унесла на гребне наслаждения, и она снова закричала, словно на этот раз в ее плоть впился зубами сам Бернардо.

Бернардо лежал на ней очень тихо и едва дышал. Она плакала и молилась, чтобы он не умер. Бернардо сел, вытащил из кармана штанов огромный, тысячу раз использованный носовой платок и вытер потное лицо.

— Аллора, — сказала она.

Бернардо улыбнулся и встал.

— Идем со мной, — сказал он. — Мы должны перевязать тебе руку, а потом я покажу тебе кое-что.

Он подарил ей свой старый мопед, «Веспу», который уже много лет стоял в сарае для дров. Ему «Веспа» была уже не нужна, но она еще была на ходу. Аллора так обрадовалась, что поцеловала его в губы, однако Бернардо оттолкнул ее, нервно огляделся по сторонам и вел себя так, что Аллора ничего уже больше не понимала.

Аллора училась быстро. О том, что она так любила делать, нельзя было рассказывать никому, и нельзя было, чтобы их кто-то видел, это была тайна. И при этом нужно было быть только вдвоем, а не втроем или вчетвером. Дело в том, что когда она уселась на колени землемеру, поцеловала его в губы и засунула ему язык в рот, потому что обрадовалась, что он положил ей на тарелку второй кусок пирога, то его жена отреагировала таким припадком бешенства, что Аллора в ужасе сбежала в огород, спряталась там среди помидоров, едкий сок которых жег ей кожу, и все пыталась понять, что же она сделала не так.

Но за это время она уже изучила правила игры, придерживалась их, и все шло хорошо. Ни одна из жен не знала о жадной до любви Аллоре, которая любила раздвигать ноги, чтобы снова и снова вкусить рая.

Она поняла, что обращаться нужно исключительно к мужчинам, при этом ей было все равно к кому. С пастором она, хихикая, ела пирог с вишнями, который принесла ему вдова Браччини, и согревала ему ночью спину, потому что грубая конская попона, которой он укрывался уже двадцать лет, была слишком узкой. Утром она встала раньше него, вскипятила молоко и выстирала его белье. Никто не видел, как она уходила, и никто не видел, как она приходила, а Бернардо не спрашивал, где она провела ночь. Когда она в воскресенье утром принимала причастие из рук дона Маттео, то выглядела как Дева Мария во плоти, и ее взор был настолько обращен внутрь себя, что никто и никогда не мог бы подумать, что она знает мужчину, стоящего перед ними, лучше, чем кто-либо другой в селе.

С геологом она каталась по озеру Лаго Трасименто, наслаждалась мягким покачиванием маленькой лодки, пила крепкое красное вино на августовском солнце и языком играла на теле геолога, как на клавиатуре, пока солнце не исчезло за горами. От геолога она получила масло и маленький радиоприемник. И каждый вечер, перед тем как уснуть, слушала музыку. Она была такой же одинокой, как и раньше, но уже чувствовала себя, как человек, который имеет возможность каждый день кататься на американских горках.

Было жаркое послеобеденное время в мае, когда она на своей «Веспе» проехала через лес к руинам на гребне гор, откуда открывался вид сразу на две долины. Руины заросли вереском и дикой ежевикой, а стены сохранились лишь с подветренной стороны. И только деревянная оконная рама, чудом пережившая десятки лет, билась на ветру. И в этом окне стоял мужчина.

Он выглядел, как привидение. Как призрак, вернувшийся в дом своих предков. Аллора затормозила так резко, что чуть не перелетела через руль, и уставилась на него. Мужчина улыбнулся и исчез. Аллора ждала с бьющимся сердцем. Через несколько минут он вышел на улицу, потер ладоши, чтобы стряхнуть с них пыль, и посбивал колючки с брюк. Он был высок и красив, а взгляд его близко посаженных глаз словно гипнотизировал Аллору.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Аллора, — сказала она.

— Пить хочешь? — спросил Кай. — У меня в машине есть вода.

Он пошел вокруг дома к своему джипу, и Аллора молча последовала за ним. Как марионетка, которую дергают за невидимые нити.

Он дал ей бутылку с водой, и она пила жадно и смущенно, и забрызгала свою футболку, но сухость в горле не проходила. Здесь никого не было. Они были одни в целом свете, и нигде не было жены, которая могла ворваться в комнату и устроить сцену бешенства, а этот мужчина был еще божественнее, чем бургомистр, пастор, землемер, геолог или продавец

стройматериалов.

Она вернула ему бутылку с водой и устала на красных жуков с черными точками, которые ползали везде по лесной почве, но никогда раньше не бросались ей в глаза. Словно жуткое нашествие.

Он отпил глоток, завинтил крышку и бросил бутылку на заднее сиденье.

— Я много раз видел тебя в этих местах, — сказал он и улыбнулся.

— Аллора, — ответила она, повернулась и побежала, словно укушенная тарантулом, назад, к своей «Веспе», прыгнула на нее, запустила двигатель и стремительно умчалась. Ее лицо было ярко-красным, словно после забега на пять тысяч метров.

Он пожал плечами, поскольку это рассмешило его, и сел в машину. «Мышка боится меня, — подумал он, — бедняжка. А может, это и правильно».

У Аллоры не было страха. Она не боялась рая. Однако когда Кай посмотрел на нее, она впервые в жизни осознала, какая она. Она вдруг увидела себя его глазами: свои растрепанные волосы, которые еще никогда не приводил в порядок ни один парикмахер, свою заляпанную футболку и выцветшую юбку, свои расцарапанные лодыжки и огрубевшие, грязные ноги. Она была не уверена, чистый ли у нее рот, а ногти были слишком коротко обрезаны. Ей стало стыдно, и она впервые перестала нравиться себе самой, ей перестало нравиться собственное имя. Она влюбилась.

С тех пор она искала и находила его везде. Она устраивала засады на дороге, которая вела из Монтебеники через Сан Винченци в направлении Кастельнуово Берарденья или Сан Гусме, Мончиони, Монте Луко или Монтеварки. Он почти всегда проезжал здесь, потому что вместе со своими клиентами выбирал засыпанные щебенкой дороги через прекрасные леса и виноградники, предпочитая их главной дороге — более быстрому, но далеко не такому красивому варианту.

Она преследовала его, кралась за ним, наблюдала за ним, появлялась перед ним словно из ниоткуда, улыбалась и так же быстро исчезала. Стоило ей увидеть его, как у нее тут же исчезали все слова. В его присутствии она была беспомощной. Она не могла придумать, чем бы обратить на себя его внимание, не решалась поцеловать его так же смело, как других, и почти умирала от тоски.

И она впала в немилость у бургомистра, потому что перестала впускать его в свою каморку.

Кай снова сосредоточился на Шрадерах и попытался не думать об Аллоре. Она, конечно, и через час будет стоять все там же на дороге.

Шрадеры как раз зашли в кухню, где возвышался огромный камин, занимавший всю поперечную сторону помещения.

— Он такой огромный, чтобы можно было в холодные ночи залезать в середину и сидеть у огня, — пояснил Кай.

— Боже мой! — высказалась фрау Шрадер, на которую камин не произвел никакого впечатления. И обратилась к супругу: — Герберт, идем, мы только напрасно тратим наше время. Палаццо меня не интересуется.

Маленькую квартиру напротив палаццо Шрадеры даже не захотели посмотреть, то есть фрау Шрадер не пожелала ее увидеть. У герра Шрадера в уголке рта появилась скорбная морщина — он пытался смириться с тем, что не может совершать сделки в Тоскане против воли своей супруги.

А потом все пошло крайне неудачно. Они поехали в Коллину, расположенную напротив

Сан Винченти, до которой можно было легко добраться по лесной дороге. Но подъехать прямо к полуразрушенному зданию было невозможно, и герр Шрадер вступил в мышиную норку, вывихнул ногу и с трудом мог передвигаться. Супруга стала упрекать его, что он вечно не смотрит, куда ступает, а герр Шрадер был настолько раздражен, что даже не обратил внимания на красоту оливковой рощи, подступавшей прямо к дому.

Прямо перед зданием фрау Шрадер, которая всегда смотрела, куда идет, вступила в кучу конского навоза, а когда они в конце концов хотели подняться по ступенькам в дом, на их глазах оттуда скользнула гадюка.

Фрау Шрадер была сыта по горло и возжелала немедленно вернуться в гостиницу. Она не хотела больше видеть Коллину, она вообще ничего не хотела видеть и ничего не хотела покупать, Тоскана ей больше не нравилась. Маленькое бунгало в Испании с видом на море, с домоправителем и в закрытом поселке — это было бы лучше. Там, где дома выбелены, а в них чистота и порядок, где перед домом — ухоженный газон безо всяких мышинных нор, без лошадиных яблок и, уж конечно, без гадюк. Где до супермаркета всего сто метров и где все говорят по-немецки. Она здесь больше ничего не хочет. Она хочет уехать. Немедленно.

Герр Шрадер лишь кивал. Верноподданнически и со смиренным видом.

«Что за день! — подумал Кай. — Осталось только засесть в ближайшей забегаловке и основательно напиться. И молиться, чтобы больше никогда не встретить таких людей, как Шрадеры».

Коллина была одним из самых красивых мест здесь. С видом, равных которому еще надо поискать. Однако Шрадеры не обратили на него внимания.

Когда они шли к машине, он обернулся. В окне стояла Аллора и махала ему рукой. Она ждала его.

Он не помахал в ответ. Он скучал по Анне, и уже в двадцатый раз пытался дозвониться ей по мобильному телефону.

Анна пыталась мысленно воспроизвести строения Валле Коронаты, но в голове все смешалось. Было ли там, в главном здании, три или четыре комнаты, была ли ванная комната в маленькой мельнице, был ли свет на нижней террасе возле бассейна? Можно ли выпускать из него воду? И если да, то как?

Она ничего не помнила. Гаральд был прав — ей нужно намного больше информации.

Когда она вышла из гостиницы, было жарко и душно. Она хотела купить бутылку вина для Энрико — в качестве маленькой компенсации за то, что она снова появится у него.

В магазине «Алиментари» всего за две улицы от гостиницы она купила бутылку «Россо ди Монтепульчиано» урожая девяносто восьмого года и сразу же отправилась в путь. Мобильный телефон она выключила.

Оказалось очень трудно найти ту долину, потому что во время поездки с Каем она совсем не обращала внимания, какой дорогой они ехали. Кай... «После обеда позвоню ему, — подумала она. — Может, сегодня вечером поужинаем вместе».

Из Амбры она поехала в Дуддову, но в этот раз она уже более сознательно воспринимала и узкую дорогу, и красоты ландшафта. В Дуддове она проехала мимо маленькой церкви и огромного каштана и повернула направо. Она удивилась, что дорога вела в горы. Что-то было не так. Возле фактории «Иль Падильйоне», расположенной почти на вершине горного хребта, она повернула обратно. В Дуддове она спросила у пожилой женщины с длинными седыми кудрями дорогу, но когда та объяснила, где находится Валле Короната, то не поняла ни слова. Все же она догадалась, в каком это направлении, поблагодарила и выехала на узкую дорогу, проходившую под каким-то балконом, из-за чего складывалось впечатление, что она попала в чьи-то частные владения. Но когда она проехала дальше по дороге, ведущей через поросшие оливами холмы вниз, то снова все вспомнила.

Заросший травой «фиат» все так же стоял на парковке. Надо будет спросить Энрико и о нем. Она медленно шла к дому, держа в руке бутылку с вином. Кроме пения птиц не было слышно ничего. И никого не было видно. Дом, на вид покинутый, стоял в лучах предполуденного солнца и казался еще красивее, чем в первый раз.

Энрико был за домом. Он переходил от кучи камней к источнику, складывая камни в штабель возле водоема. На нем были одни лишь плавки. Его тело было загорелым и очень мускулистым, без единого грамма жира. Увидев ее возле дома, он остановился и улыбнулся.

— Это снова я, — сказала она и передала ему бутылку. — Это за то, что отвлекаю.

Энрико взял бутылку и посмотрел на этикетку.

— О, прекрасно! «Монтепульчиано». Это надо выпить вместе.

Они медленно пошли к дому.

— Я хочу обложить источник природным камнем, — сказал он. — Тогда земля не станет осыпаться и не завалит родник, да к тому же так он выглядит красивее. Может, я еще найду какую-нибудь старую голову из камня, Диониса или что-то похожее, которая может выпускать воду изо рта. Я ее потом замурую в кладку.

«Невероятно», — подумала Анна, слегка смутилась и одновременно обрадовалась.

— Сегодня утром я просто не выдержала в Сиене, — осторожно сказала она. — Мне захотелось увидеть дом еще раз.

— Я так и думал, — ответил он. — Я ждал вас. Как насчет кофе?

— Да. С удовольствием.

Он пошел вперед и надел рабочие брюки, которые раньше повесил на куст шалфея рядом с мельницей. Анна последовала за ним в кухню. Несмотря на то что над печкой и мойкой было очень темно, он не включил свет, а уверенно, как сомнамбула, насыпал кофе, налил воды и поставил турку на самый маленький огонь газовой плиты.

— Не оценивайте дом слишком дорого, — сказала она, улыбаясь.

— Почему? — Он вдруг стал очень серьезным.

— Ну, если вы построите еще что-то... похоже, я не смогу себе позволить эту покупку. Если я заплачу за дом, то разорюсь. И тогда в следующие десять лет дом просто не будет иметь права требовать ремонта.

Энрико остановился и сложил руки на животе.

— Я продам вам дом на двадцать тысяч дешевле. Кай назначил сумму по своему усмотрению, потому что решил, что дом того стоит. Но я всегда считал, что цена слишком высокая. А достраивать я буду все равно. Я так хочу, и я буду это делать. Когда вы поселитесь здесь, он будет в прекрасном состоянии. Я еще раскопаю мельницу и сделаю дренаж. Иначе там будет слишком влажно. Я просто пока что этого не успел. Вы хотите жить здесь и зимой?

Анна растерялась.

— Наверное. Может быть... Да... Все же...

— Тогда вам нужно еще и отопление. Зимой здесь очень холодно.

— Да... — Сердце Анны билось так, что готово было выпрыгнуть из груди.

— Я уже сделал подключение. Не хватает только батарей. Я их смонтирую. Но понадобится цистерна для газа, потому что одними газовыми баллонами не обойтись, их для отопления не хватит.

Анну бросило в пот. Она никак не могла расставить все по местам. Или она разорится, когда Энрико реализует намеченное, или же он сошел с ума.

Она промолчала. Вода в турке забурлила. Энрико разлил кофе в две маленькие чашки для эспрессо и поставил их на стол. Он достал сахар, пару сухих кексов и сел.

— А вы? — спросила Анна. — Вы давно здесь живете?

— Уже тринадцать лет.

— И вам не нужно было отопление зимой?

— Нет. Мне ничего не нужно. Я сделал две ванные комнаты лишь для того, чтобы можно было когда-нибудь продать дом. С меня вполне достаточно раз в день прыгнуть в бассейн. Ванная для меня — это роскошь, а этого я не хочу.

— Вы что, и зимой каждый день купаетесь в бассейне?

Энрико кивнул.

— Я проложил шланг от источника вниз, к бассейну, там можно принимать душ. Карла в прошлом году до ноября купалась в бассейне, а душ принимала на улице. Она все больше привыкает к этому.

— Карла — это ваша жена?

— Да. Мы официально не женаты, но уже много лет живем вместе.

Анна посмотрела на фотографию:

— Это она?

Энрико кивнул.

— Да. Сейчас она у родителей в Германии. Ее отец очень болен. Я надеюсь, что она скоро вернется.

У него был очень нежный, мягкий тембр голоса. Этот тренированный, мускулистый мужчина был, очевидно, очень чутким, но она снова испытывала тревогу. Энрико и женщина? Она думала, почему при всем желании не может себе этого представить, ела кекс и осматривалась.

— Красивая кухня. Лучших я не знаю.

— Вы, наверное, видели не очень много тосканских кухонь, — усмехнулся Энрико.

— А почему вы хотите продать дом?

— Жизнь стала слишком удобной, понимаете... У меня есть все, и этого становится все больше и больше. С тех пор как два года назад нам провели электричество, жизнь в долине потеряла для меня привлекательность. Я хочу жить скромнее. Мне ничего этого не нужно. Ни электричества, ни мебели, ни имущества. В принципе, даже дома. Мне приятнее находиться в пути, с одним чемоданом. Это для меня — свобода. Но Карла так не хочет.

— А куда вы пойдете, когда продадите дом?

— Без понятия. Что-нибудь найду. Пусть даже старый автобус «фольксваген», в который положу матрац. Прекрасное чувство — не знать, что будет.

— О боже! — В Анне зашевелилось чувство, похожее на укоры совести. — А что скажет ваша жена?

— Она еще ничего не знает.

— А если она захочет остаться здесь?

— Конечно, захочет. Но так не будет. И не ломайте голову над этим.

Энрико встал, сразу же вымыл обе чашки и поставил их на полку, подвешенную к потолку, которая качалась взад-вперед от каждого прикосновения, отчего посуда тихо звенела, словно играла небесная кухонная музыка.

— Мне нравится эта полка.

— Я сделал ее специально для этой кухни. К этим кривым стенам невозможно поставить ни один шкаф. Кроме того, я не люблю мебели. Итак, скажите, что вы хотите оставить для себя? Можете оставить все. Никаких проблем, мне ничего не нужно.

Что же это за человек?

— Послушать вас, так можно подумать, что вы собираетесь свести счеты с жизнью.

— Нет! — Наконец-то он снова улыбнулся. — Этого я уж точно не хочу. Наоборот. Я хочу дожить как минимум до девяноста лет, поэтому пытаюсь жить скромнее. Чтобы денег хватило как можно дольше. И вообще, если бы я собирался покончить с собой, то оставил бы дом Карле.

У Анны было такое чувство, что она знает Энрико уже много лет. И вдруг она почувствовала себя как дома. Но, в принципе, то, что говорил Энрико, было нелогичным.

— Значит, продайте дом подороже! Тогда денег хватит надолго. Я этого не понимаю!

— Нет. — Теперь он говорил почти резко. — Нет, я строю дом, я реставрирую его, я отделяю его, я делаю наброски в соответствии с собственными представлениями, я конструирую его. Мои дома — это мои произведения искусства. Это не первый дом, который я купил разрушенным и отстроил. Пока я работаю, в голове складывается цена, по которой я могу продать его. И если я нашел эту цену, то она окончательная, я ничего в ней не меняю. Я не торгуюсь. Я не веду дискуссий. И я не хочу иметь больше, чем ставил для себя целью. Я работаю быстро. И работаю хорошо. Если бы я захотел адекватной оплаты

своей работы, то мои дома были бы недоступны по цене. Но для меня все заключается не в зарабатывании денег. Для меня главное — и дальше уметь жить скромно. Не более и не менее.

— Вы философ.

Этот мужчина все больше и больше втягивал ее в свою орбиту. Он начал ей нравиться. Не как мужчина, а как человек. Его мысли, его манеры произвели на нее сильное впечатление.

— О боже, — ответил он, — философ! Нет, Анна. Я читаю философские книги конечно, но понимаю ли я их? Философия других людей чужда мне. Я не могу принять ее. Я создаю собственную философию... но, к сожалению, у меня еще не было возможности изложить ее на бумаге.

Они помолчали, потом Энрико сказал:

— Я делаю вам предложение. Возьмите свои вещи и поживите пару дней здесь. У этой долины своя атмосфера, и она должна действовать на человека постепенно, чтобы он мог понять, нравится ему она или нет, и может ли он вообще выдержать ее. Быть здесь одному — своего рода опыт по выяснению пределов собственных возможностей, Анна. Тишина сваливается, как удар молота. Никакого отголоска цивилизации, который проникал бы сюда. Ни шума машин, ни голосов, ни хлопанья дверей, ни музыки. Абсолютно ничего. А затем — темнота. Ночь здесь такая черная, какой вы, наверное, никогда в жизни не видели. И ни одной светящейся точки от дома, уличного фонаря или прожектора — ничего не пробивается сюда. Наши глаза привыкли ночью цепляться за какой-либо источник света, это своего рода надежда и уверенность, что ты не один в этом мире. Но этого здесь нет абсолютно. Каждый взгляд теряется в абсолютной черноте. Или в полном отсутствии всего. Как хотите, так и называйте. Все это захватывает и пугает одновременно. И жить здесь можно, только если искал это всю жизнь. Вы должны попробовать это, Анна. Не так важно, капает ли в доме вода из крана или какое-то окно неплотно закрывается. Я все приведу в порядок. Но выдержите ли вы одиночество — вот что имеет решающее значение.

Анна чувствовала, что он прав.

— У вас найдется стакан воды?

Анна вспомнила, что говорил Гаральд вчера по телефону. Что ей нужно обратить внимание на выгребную яму, на канализационные трубы и водопровод. Чтобы она была внимательной, чтобы ее не облапошили. Это был его мир. Это были проблемы, которые занимали Гаральда. Энрико был совершенно другим. Для него ощущения значили больше, чем работающее отопление. И вдруг у нее возникло чувство, что она стала намного ближе к жизни.

Но следует ли ей оставаться здесь? В глуши, одной, с этим чужим мужчиной? Ведь, по сути, она его не знает, она вообще ничего о нем не знает, только имя, да и это могло не соответствовать действительности. Никто не знает, где она. Да и не имело смысла сообщать адрес. Валле Короната. Что это такое, знают лишь пара стариков в Дуддове, а больше никто. Сюда даже не приходит почта. Если она останется здесь, то окажется полностью во власти этого человека. Она не знала дома и не знала леса. У нее не будет ни единого шанса, если он окажется не таким любезным, как кажется. В любом случае он сильнее ее. О бегстве можно было даже и не думать, а мобильный телефон здесь, в долине, не работает.

«Это чистое безумие, оставь это! — кричал рассудок. — Прекрасная Италия имеет свои темные стороны. Не забудь, что здесь пропал твой ребенок. Тоже в лесу, всего лишь в

нескольких километрах отсюда». Но что ей было терять? Мужа, который изменял ей, жизнь во Фрисландии, которая ей надоела, и боль, с которой она не могла справиться? Если бы Энрико что-то сделал с ней, ее никогда бы не нашли. Он мог бы зарыть ее в лесу, и она исчезла бы из этого мира навсегда. Как Феликс. Может, и его закопали где-то здесь, и он истлевает под землей всего лишь в нескольких метрах отсюда. Или в пятистах метрах, или в пяти или в пятидесяти километрах отсюда. Где-то...

Может, это ее судьба, чтобы она пострадала точно так же. Может, она в свои последние секунды узнает, что произошло с Феликсом. А внутренний голос шептал: «Сделай это. Останься, новая жизнь связана с новым опытом. Если ты боишься этого, надо было остаться во Фрисландии».

— Ну? — спросил Энрико.

— Я считаю ваше предложение великолепным, — сказала она, и ее напряжение спало, потому что она приняла решение. — И если вам это не помешает, то я с удовольствием останусь на пару дней. Но только если вам это действительно не в тягость!

— Когда покупают машину, то нужно сделать пробную поездку. Если покупают дом, то нужно пожить в нем для пробы. По-другому нельзя.

— О'кей. — Анна встала. — Тогда я сейчас поеду в Сиену и заберу свои вещи. Может, чтонибудь привезти на ужин?

— Немного овощей было бы неплохо.

— Хорошо. — Анна вышла из кухни. После темноты в кухне солнечный свет просто ослепил ее. Она кивнула: — Тогда пока.

— Пока, — повторил Энрико и исчез в доме.

Анна медленно шла к машине и не верила, что все это происходит с ней.

В Сиене она купила пару артишоков, салат и помидоры, к ним половину пекорино^[36] и сто граммов свежего соуса песто.

Затем пошла в свою комнату в гостинице, чтобы собрать вещи. Когда она закончила сборы, было уже два часа, но девушка за столом регистрации была очень любезна и не засчитала этот день, хотя Анна и выписалась так поздно. Когда она платила за проживание, то вспомнила, что так и не вытащила картинку с ангелочками из-под кровати и не повесила ее обратно на стену. А сейчас уже было слишком поздно. Она не сказала ничего, сдала ключ и вышла из гостиницы. Кто знает, может, она еще вернется сюда. А может быть, и нет.

Сев в машину, она включила мобильник и на дисплее увидела, что Кай уже много раз звонил ей. Она позвонила ему. Он сразу же взял трубку. Ему стало легче, когда он услышал ее, словно она уже месяц как потерялась в джунглях и наконец — живая! — появилась снова. Это обрадовало ее, и она согласилась встретиться с ним на Пьяцца Индипенденца.

Она издали увидела, как он идет к ней легкой походкой, с обаятельной улыбкой, в своем несколько широковатом костюме, в котором было что-то трогательное, и на какой-то момент задумалась: а не лучше ли поехать в долину только завтра? Завтра еще было не поздно, а у нее был бы вечер и целая ночь с Каем, и она наконец смогла бы дать волю чувствам и ощутить то, о чем мечтала с тех пор, как Гаральд закрутил роман с ее бывшей подругой Памелой. Памела... Послушная, милая, всегда готовая помочь, Памела-всегда-в-распоряжении, Памела, говорящая «боже-как-я-хотела-бы-хоть-раз-выглядеть-так-хорошо-как-ты». Незаметная Памела, которую никто не приглашает на танец. Памела, о которой она всегда думала, что если ее высадить с двадцатью оголодавшими заключенными на необитаемый остров, то и тогда ни один из них на нее не позарится. Памела была надежной, как банк. Памелу можно было попросить поливать цветы, выводить собаку погулять и готовить мужу еду. И можно было спокойно ехать в отпуск. Она могла бы оставить Памелу ночевать в одной комнате с Гаральдом, если в этом была необходимость. И вот такое. Какая наглость! Подобное невозможно было даже представить.

Анна была совсем слепой или ослепленной «благовоспитанностью» Памелы, которую, наверное, сама же и придумала. Все началось в то время, когда старый Хауке лежал при смерти. Он сорок лет плывал по морям, был крепким парнем, а теперь уже на протяжении нескольких недель умирал. Гаральд каждый день после обеда ездил в старый пасторат, чтобы перед послеобеденным приемом пациентов успеть осмотреть старика, сделать ему укол и не менее четверти часа выслушивать его несвязные морские байки. Он мыл его, застилал свежие простыни, ставил молоко в холодильник и делал ему бутерброды с ливерной колбасой на ужин. В этом был весь Гаральд: сельский врач и медсестра, духовник и социальная скорая помощь в одном лице. Он думал, что таким образом спасет старого Хауке от того, чтобы он в свои последние дни не попал в приют для престарелых.

То, что дружеская услуга у старого Хауке занимала много времени, Анне было понятно. То, что при этом речь шла не об *одной* и не только *дружеской* услуге, она не знала.

Прямо напротив дома старого Хауке жила ее подруга Памела. Она была саксофонисткой и, наверное, действительно талантливой. Она давала концерты в Хусуме, Хайде и Гамбурге, иногда также в Мюнхене, Кельне и Вене. Она играла везде, где была нужна. В церквях, концертных или спортивных залах. Ее компакт-диски продавались довольно скромно, но всего вместе хватало, чтобы она могла прокормить себя музыкой. Памела выглядела как карикатура на саксофонистку. У нее была длинная коса, которую она укладывала на голове. А если Памела терялась оттого, что нужно было идти на бал или деревенский праздник, коса преображалась в прическу а-ля Моцарт, а распущенные волосы спускались до талии. Оправа очков у нее была такой же, как в детстве: строгой, деловой, неприметной и до смерти скучной. По будням она носила блузки и черные брюки, на праздники надевала блузки и черные юбки. Обычно она носила удобные кроссовки, в которых без труда можно было бы совершать пешеходные прогулки по горному массиву Рен, а на праздники — туфли-лодочки на низком каблуке. Ее лицо не знало косметики, расплывшейся после пьянки всю ночь, мешков под глазами после чрезмерного количества шампанского, прыщей после слишком жирной еды. Для придания цвета своему лицу она

признавала лишь свежий деревенский воздух, чистую воду и «Нивею». Такой была Памела. Душа-человек. Анне было с ней хорошо, она была в определенном смысле опорой. Анне нужна была такая подруга, как Памела, которая всегда рядом, когда жизнь выбивалась из колеи.

Много недель подряд Памела безропотно сносила слезы Анны и слушала одну и ту же историю о пасхальном времени в Тоскане, когда исчез Феликс. Она в сотый раз выслушивала ее, широко открыв удивленные глаза, словно не знала ее печального конца. Она была словно дневник, в который можно писать одни и те же фразы. У Анны никогда не возникало ощущения, что Памеле скучно с ней или что она действует ей на нервы. Памела обнимала ее, баюкала, словно ребенка, и давала ей выплакаться. И Анна верила в ее дружбу. Она думала, что если существует лояльность, то она, собственно, и придумана для таких существ, как Памела.

Когда Гаральд заканчивал мытье и кормление старого Хауке, то чаще всего заходил к Памеле на чашку чая. Однако Анна узнала об этом слишком поздно, когда их любовная связь длилась уже несколько недель. У Памелы не было друга, она проводила много времени в одиночестве, и чаепитие с Гаральдом вносило в ее жизнь желанное разнообразие. Она рассказывала ему о своих последних концертах, о Брамсе, Хиндемите и Бартоке, которых обожала. Гаральд обо всем этом не имел ни малейшего понятия. Музыка в его жизни не встречалась. То, что он однажды под духовую музыку смог расстегнуть нудную блузочку «а-ля маленькая Лизхен», Анна и сегодня не могла себе представить.

Афера неожиданно раскрылась в один октябрьский день, после обеда, когда старый Хауке хотел взять очки и при этом столкнул стакан с молоком с тумбочки. Стакан упал на кафельный пол и разбился. Хауке попытался собрать осколки, потому что боялся наступить на них, когда встанет с постели, но у него закружилась голова и он упал с кровати. К несчастью, лицом прямо в осколки. У него были многочисленные глубокие резаные раны, кровь капала на кровать и на ковер, а когда он поднялся — то и на стол, и на кресло. Это напугало его. Он запаниковал, принялся вытирать кровь руками, после чего стал похож на зомби, который после крестьянского праздника по случаю убоя свиней искупался в крови. Он забыл, где стоит телефон, и потащился к окну, где, стуча в стекло, стал громко звать о помощи.

В это время мимо дома проходила Эльза Серенсен, которая шла к своим внукам. Она нянчила их каждый день после обеда с трех до восьми часов, пока ее дочь в парикмахерской в Хайде делала шестимесячные прически. Ее зять работал вахтовым методом, по две недели, на буровой платформе в Северном море.

Эльза не узнала страшную фигуру в окне. Она помчалась к ближайшему дому, к Мартинсенам, и фрау Мартинсен вызвала полицию. Полицейские, которые через пятнадцать минут приехали к Хауке и взломали дверь, сразу поняли, что все выглядит страшнее, чем есть на самом деле. Они вымыли старику лицо, уложили его снова в кровать и спросили, не хочет ли он в больницу. И тут Хауке от ужаса и отчаяния стал дрыгать ногами так, как не дрыгал ни разу за последние семьдесят восемь лет, и звать своего домашнего врача Гаральда Голombeка. Машина Гаральда стояла перед дверью Хауке, но его самого в машине не было. Этого никто объяснить не мог, и тогда его стали искать повсюду. В амбулатории его не было, дома тоже, и его ассистентка не знала ни о каких плановых посещениях на дому. Его мобильный телефон был выключен, и никто не знал, что делать. До тех пор пока Эльза, которая в деревне, как говорится, слышала, как трава растет, не высказала мысль позвонить в

дверь Памелы: могло ведь быть, что господин доктор...

Памела открыла дверь в утреннем халате в нежно-зеленых цветочках, да и Гаральд был не полностью одет, когда полицейские попросили его позаботиться о старом Хауке.

Все это стало известно и обсуждалось по всей деревне раньше, чем Анна и Гаральд смогли поговорить о том, что случилось. Старый Хауке умер в тот же вечер от инфаркта. Его сердце не выдержало волнения.

На следующий день Анна пошла к Памеле. Памела улыбнулась, когда открыла дверь. Она как раз вытирала руки о кухонное полотенце. Анна тоже улыбнулась, сняла у нее с носа очки в дешевой оправе и изо всей силы ударила по ухоженному «Нивеей» детскому личику. Затем прошла мимо остолбеневшей Памелы в гостиную, где на стене висели саксофоны, сняла тяжелую стеклянную крышку с аквариума с разноцветными неонами, сняла со стены саксофон средних размеров и бросила его в аквариум. Сверкающий саксофон прекрасно смотрелся в аквариуме. Анна была в восторге. Проходя мимо пребывающей в полной прострации Памелы, она прошипела: «Никогда мне больше не звони!» — и исчезла из ее квартиры и ее жизни.

Когда Анна вечером пришла домой, Памела уже успела пожаловаться Гаральду. Гаральд, от злости красный как рак, принялся упрекать жену в том, что она ведет себя, как истеричная коза, и выставляет себя на посмешище перед всей деревней. Если Памела разболтает о ее постыдном поведении, а этого следовало ожидать, то и над ним, врачом, тоже будут смеяться. В конце концов, любовь — это как летняя гроза, которая каждого может застигнуть в открытом поле и за секунду промочить до нитки. Убежать от нее невозможно, и неизвестно, выживет ли человек, если вокруг него сверкают молнии и напряжение зашкаливает. Человек разрывается между страхом и ослеплением и вдруг оказывается один на белом свете. И он чувствует себя так, словно в него уже ударила молния и его частично парализовало. Он неспособен двигать ногами и вернуться домой. Он знает одно: он беззаботно шел по миру, то есть по открытому полю, и упрекать его за это нельзя. То, что гроза накрыла его, — не его вина. В любом случае, это не причина, чтобы так агрессивно реагировать и не только бить беззащитную женщину, но еще и топить в аквариуме ценный инструмент. Поведение Анны пошло и для жены врача абсолютно непростительно.

Анна забыла, что он еще говорил, — его монолог продолжался довольно долго. Она лишь удивлялась этому мужчине, которого, как она думала, хорошо знала, и который вдруг стал говорить, употребляя подобные сравнения, чего до сих пор не делал. И она удивлялась себе, потому что ей удалось недрогнувшей рукой налить себе виски, сесть в кресло, со скучающим видом закинуть ногу за ногу, закурить сигарету и при всем этом с интересом, как бы со стороны, наблюдать за собой. Ей было крайне безразлично, что он говорил. Вокруг нее был ледяной холод, а она даже не дрожала. Все это больше не имело к ней никакого отношения, и она вдруг почувствовала себя такой же сильной, как женщина, которая уже двадцать лет в одиночку пробивается по жизни и которую ничего уже не может так легко выбить из седла. Она смотрела, как Гаральд ходит взад-вперед по комнате, воодушевленный собственной речью и своими аргументами, и вдруг представила его голым. Вся сцена показалась ей настолько идиотской, что она рассмеялась, а Гаральд воспринял это как наглость.

Когда он в своих философских рассуждениях добрался до того пункта, что, мол, жизнь непредсказуема и не сам человек, а лишь его чувства являются воистину свободными, она

все еще представляла себе его голым, но уже с точки зрения Памелы, и тут почувствовала, как возвращается боль. Вдруг до нее дошла вся абсурдность ситуации: Гаральд поставил вопрос о том, кто виноват, с ног на голову и чувствовал себя чертовски уютно в роли судьи. Она была вынуждена выслушивать нотации и упреки, потому что прополоскала в воде саксофон, а то, что произошло перед этим, казалось ему не только не имеющим никакого значения, но уже давно забытым.

Когда он начал объяснять Анне, что никто не смог бы сопротивляться желанию и устоять перед страстным взглядом, она прервала его еретическим вопросом:

— Почему ты спишь с женщиной, которая эротична, как ортопедическая сандалия?

Гаральд возрился на нее так, словно она воткнула ему нож в живот. Волна его психологических научных познаний моментально ушла в песок.

— Ты так считаешь? — спросил он, и это прозвучало как вопрос неуверенного в себе ребенка, которому сказали: «Эта челка тебе не идет».

— Так считает, пожалуй, каждый в деревне, — холодно ответила Анна, — и вопрос заключается в том, кто на самом деле выставляет себя на посмешище.

Гаральд умолк, как достойный сожаления актер, забывший текст монолога и покидающий сцену с видом побитой собаки.

Анна хотела уязвить его, и это ей удалось. Они больше не говорили об этом, они вообще больше ни о чем не говорили. Они больше не здоровались, не прощались и не прикасались друг к другу. Анна спала на кушетке в гостиной, а он время от времени заходил к Памеле. Анна не понимала, что происходит. Она всегда думала, что женщина, которая могла представлять опасность, должна быть как минимум моложе, красивее, изящнее, умнее и веселее, чем она.

Но она была твердо убеждена, что снова завоюет его. Когда ему надоест молчание и секс с покорной «дамой-которую-не-приглашают-на-танец», нудной, как пулемет ноль-восемь-пятнадцать. Она отметала от себя все это как временную фазу в жизни.

И лишь когда случайно нашла в его шкафу первый компакт-диск с записями Хиндемита, то испугалась, что может навсегда потерять его.

Анна подошла к Каю, и он одарил ее воздушным поцелуем возле правой щеки.

— Как хорошо снова видеть тебя! Я знаю рядом, в паре шагов, уютный маленький бар, где можно даже посидеть...

— О'кей, идем. — У Анны бешено забилося сердце, когда она увидела его.

«Он будит во мне ощущение, словно мне двадцать лет, — подумала она, — и это не самое худшее, что может быть».

В баре они заказали кампари и подняли бокалы.

— За что пьем? — спросил Кай. — За Валле Коронату?

— Ну конечно! — улыбнулась Анна. — Я на девяносто девять процентов исполнена решимости купить ее.

— Почему на девяносто девять? Что, какие-то проблемы? С финансированием?

Анна покачала головой.

— Нет, не с финансированием. Я сегодня с утра была у Энрико, и он предложил мне пожить пару дней на Валле Коронате. Я уверена, это будет чудесно, но оставила один процент лишь на тот случай, если лес уже через три дня будет действовать мне на нервы.

Кай наморщил лоб, а глаза его чуть не полезли на лоб.

— Это значит, что ты хочешь... ты хочешь пожить у Энрико пару дней? У этого чокнутого? Черт возьми, ты же его совсем не знаешь!

— Ты думаешь, он съест меня?

Кай попытался отшутиться:

— Нет, наверняка нет, пока ты не расплатишься. Но...

— Что «но»?

— Не знаю. Он очень любезный, но какой-то странный. Я не могу понять его. Он сам по себе, он фантазер... Конечно, голова у него не пустая, но опять же... — Он сделал паузу и уставился куда-то вдаль. — Черт, я не могу это объяснить! Но, наверное, это самый лучший способ изучить дом, тут ты права...

Он посмотрел на нее и взял ее руку в свою. Анна незаметно вздрогнула, потому что не ожидала этого, но руку не отняла.

— Но я рад, что знаю, где ты будешь. Когда ты туда едешь?

— Как только мы допьем кампари.

Кай не смог скрыть свое разочарование.

— Я думал, мы чуть-чуть погуляем по городу, может быть, вскарабкаемся на Торре дель Манжия, полюбуемся чудесным закатом с высоты полета над крышами города, а потом я приглашу тебя на ужин в самый романтичный ресторан Сиены...

Анна вздохнула.

— Звучит соблазнительно, и мне очень хочется этого... но что же делать? Я сказала Энрико, что вернусь вечером. Он будет ждать меня. И я не могу позвонить ему и сказать, что приеду завтра перед обедом! Я бы так и сделала, но не получается!

Кай заказал еще два кампари.

— Что ты собираешься делать в Валле Коронате, когда купишь ее? Это секрет? Ты ищешь тайник? Расскажи мне.

— Спроси меня, что я буду там делать, еще раз, когда я побуду там пару дней. Тогда я буду это знать.

— И ответишь на мой вопрос?

— Да.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Возьми с собой теплую куртку. В долине сыро и холодно. Там как минимум на семь градусов ниже, чем на горе, и градусов на десять — чем в городе.

Анна кивнула и улыбнулась.

— О'кей. Но я пойду, а то ты надаешь мне столько добрых советов, что я куплю себе финский домик на Майорке. — Она встала. — Спасибо за кампари.

Кай тоже встал и обнял ее.

— Увидимся через три дня, не позднее.

Анна кивнула и ушла.

Когда она села в машину на улице Виа Санта Катерина, на душе у нее было довольно скверно, и это чувство не исчезло, даже когда она включила радио и услышала свою любимую песню «Melodramma» в исполнении Андреа Бочелли: «E questo cuore canta un dolce melodramma, и l'inno dell'amor che canterr per te, и un melodramma che, che canto senza te»^[37].

И снова ее душу охватила тоска, а песня лишь усилила ощущение, что она снова

прозевала прекрасный шанс — наконец-то упасть в объятия Кая.

Свет в кухне не горел, но Энрико в порядке исключения поставил две свечи на стол, две — на рабочую плиту и маленькую свечечку — на качающуюся полку. Анну завораживала не только романтическая атмосфера, но и манера Энрико иметь в доме электричество, но не пользоваться им.

— Расскажите мне о себе, — попросила Анна.

На плите кипели артишоки, Энрико сдобрил соус песто сливками и ошипывал листья руколы с ангельским терпением и с такой самоотверженностью, словно лично знал каждый стебелек. Анна смотрела на него, и это ее успокаивало — она наслаждалась тем, что ей не надо ничего делать. Она заставляла себя время от времени брать в руки стакан с водой и лишь пробовать красное вино, чтобы ее не разморило слишком быстро.

— Обо мне рассказывать неинтересно, — уклончиво ответил Энрико.

Анна улыбнулась.

— Не верю. У вас такой необычный стиль жизни... и до тех пор, пока вы не очутились в этой долине, что-то же было. Человек не просто так рождается в Гамбурге, покупает себе ящик с инструментами и приземляется в Валле Коронате, за семью горами у семи гномов!

— Это правильно.

Энрико посмотрел на Анну. Его взгляд был дружеским и теплым, но говорил он как-то нерешительно.

— Я был менеджером большой немецкой фирмы. Я занимался всем: сотрудниками, продукцией... Я внес свежие идеи, по-новому организовал компьютерное обеспечение фирмы. Я зарабатывал хорошо, но недостаточно, поскольку за свои изобретения не получил ни пфеннига. Они были, так сказать, собственностью фирмы, а я — ее служащим. Это было неправильно. Я ненавидел то, что каждый день приходится надевать костюм, но когда появился на работе в пуловере с отложным воротником, то меня ожидали страшные неприятности. В конце концов мне все это осточертело, и я подал заявление об увольнении.

— А что это была за фирма?

— Я не очень люблю говорить об этом...

— Мы же в своем кругу. И потом, я хотя бы смогу представить...

— Нефтяная фирма.

Анна кивнула, хотя на какой-то миг растерялась.

— А потом?

«Она спрашивает слишком много, — подумал Энрико, — но, по крайней мере, верит всему, что ей рассказывают. Она из тех, кто чувствует себя уверенно, когда много знает о человеке». Он с пониманием отнесся к этому, поэтому продолжал:

— Они предложили мне за те же деньги работать только половину времени. Без обязательного присутствия на рабочем месте. То есть у меня были полностью развязаны руки. Я мог делать все, что хочу. Их интересовали только мои идеи.

— Да это просто фантастика! Лучшей работы и быть не может!

Энрико вынул артишоки из горшка. Он говорил медленно и был настороже, чтобы не допустить ни одной ошибки.

— Может быть, и так. Наверное, вы правы. Но я все-таки уволился. Я уже говорил... Я не играю в азартные игры, не блефую и не позволяю торговать собой. Если я называю цену,

то это окончательно. И если я увольняюсь... Словом, я ушел.

Анна притихла. Что за безрассудство! Чистое безумие, если то, что рассказал Энрико, соответствовало действительности, если такое предложение действительно существовало.

Он продолжал:

— У меня было слишком много всего. У меня была квартира, большая машина, подруга, куча мебели и масса барахла в шкафу. У меня был календарь-памятка на столе и кредитные карточки в кармане брюк. У меня были регулярные доходы, постоянный адрес и жизнь, распланированная вплоть до следующего отпуска. Каждое утро в семь тридцать звонил будильник, и каждый вечер было «Тагесшау»^[38]. Когда я приглашал Карлу на ужин в ресторан, это был особый вечер, хотя мы могли позволить себе питаться в ресторане хоть три раза в день. Мой телефон постоянно звонил, я всегда был на связи. Мои перспективы на будущее выглядели так: продолжать в том же духе еще двадцать лет и скучать до смерти, потом уйти на пенсию и начать жить, через два года протянуть ноги по причине инфаркта и все оставить наследникам. На моем могильном камне было бы написано: «Он никогда не знал жизни». А я этого не хотел! Поэтому увольнение пришлось очень кстати.

Энрико положил артишок Анне на тарелку и поставил рядом песто.

— Приятного аппетита!

Анна пришла в недоумение:

— А вы? Вы что, ничего не будете есть?

— Буду, но не сейчас. Я ем очень мало и редко. Я уже говорил, что стараюсь жить экономно и скромно. Когда я что-то покупаю, то беру лишь половину того, что мне нужно. И если я готовлю что-то и радуюсь этому блюду, то, когда все готово, стараюсь отказаться от него.

— Какой ужас! Никакого удовольствия! Вы же отнимаете у себя все радости жизни!

Энрико улыбнулся.

— Вовсе нет. Я доволен. А теперь не позволяйте изысканным артишкам остыть!

Анна начала есть, но она была разочарована. Уютная, мирная и романтическая атмосфера улетучилась. Она чувствовала себя ребенком, который под наблюдением должен съесть свою манную кашу.

В кухне было тихо, поэтому Анна старалась есть бесшумно. У Энрико была какая-то неопределенная легкая улыбка на губах, словно он ожидал, что в любую минуту может уйти в нирвану. «Он разыгрывает передо мной спектакль, — подумала Анна. — Как и при осмотре дома, когда он сидел на террасе с книгой в руке. Он создает декорации вокруг себя. Но почему? Это же совсем не нужно. Это он у себя дома, а не я. И я куплю дом, даже если он не философ».

— А потом? — спросила она. — Что вы делали после того как уволились?

Энрико сидел очень прямо, сложив руки на коленях.

— Я продал все. Квартиру, мебель, почти весь свой гардероб. И машину. Это была очень ценная машина, «мерседес» тысяча девятьсот тридцать пятого года. Настоящий олдтаймер, в великолепном состоянии. Я хотел купить яхту и совершить кругосветное путешествие под парусами. Питаться почти исключительно рыбой и постараться обойтись теми деньгами, что у меня были, до конца дней. Но Карла этого не хотела. Она создавала трудности. Она боялась воды и волн, шторма и ветра, боялась одиночества. Она даже ни разу в жизни не плавала на пароме в Гельголанд, потому что ей было страшно стоять на качающейся палубе. Она боялась, что утонет или умрет от тошноты и постоянной рвоты. Может быть, она была

права. Потому что Карла еще боится смерти, а у меня это давно уже позади.

— Вы умеете ходить под парусами?

— Нет. Или лучше так: я еще не пробовал. Но есть же книги. И если в душе заниматься чем-то, то все обязательно получится. Ветер — это предсказуемая величина. И вода тоже. Сила, ускорение, скорость, масса — все поддается расчетам. И опасность уменьшается.

Анна очень хорошо поняла, почему Карла отказалась плавать с Энрико. Раз он неопытный яхтсмен, то она тоже бы так сделала.

— Кроме того, у Карлы была проблема, как оставить работу, потому что за полгода до этого она приняла на себя руководство детским садом. Работа ей вроде бы нравилась, но я видел, что она безнадежно ею перегружена, что это ей не по силам, и я хотел вырвать ее оттуда. Я составлял для нее служебные планы и расчеты, рассчитывал планы экономии для кухни и нашел мастеров, которые покрасили детсад и за полцены положили новое ковровое покрытие. Я мастерила деревянные игрушки, чтобы не надо было покупать новые, смотрел за детьми на игровой площадке и даже ездил в качестве куратора в путешествие в горы Фихтельгебирге. Бесплатно, разумеется. Я делал для нее все, но напрасно. Она не была создана для столь ответственной работы. Она была слишком мягкой, слишком сочувствующей. Если ребенок разбивал коленку, она плакала больше, чем сам малыш, и в панике забывала номер телефона пожарной команды. Я не мог смотреть на все это. Я пытался уговорить ее. Снова и снова. И в конце концов она тоже уволилась.

Энрико налил себе из оплетенной лозой бутылки бокал вина и залпом выпил его, в то время как Анна стойко лишь пригубила свое вино. Лицо Энрико стало ярко-красного цвета.

— А потом я купил старый автобус и переоборудовал его. Маленькая кухня, откидной столик, два стула, матрац, шкафчик — и все. Для нас и всех наших вещей было вполне достаточно. Я хотел объехать мир. Если не на лодке по морю, то на автобусе по дороге.

Несмотря на то что Энрико выпил вина, его губы пересохли. Липкая слюна собралась в уголках его рта. Анне постоянно хотелось смотреть туда, и это ужасно мешало. Такой красивый мужчина — и такая мерзость. Такая банальная мерзость.

— Невероятно, — сказала она. — Я тоже об этом мечтала. Просто уехать куда-нибудь. Плыть по течению. Не знать, что тебя ждет. Увидеть мир.

— Так сделайте это, — сказал Энрико. — Уезжайте, а не прячьтесь в долине!

— А почему же *вы* в конце концов спрятались в этой долине? — быстро парировала Анна, чтобы избежать вопроса Энрико, что она здесь ищет. Она не хотела говорить о Феликсе. Не сегодня. Может быть, позже.

— Старый, дребезжащий автобус сдох здесь, в Тоскане. Выше Дуддовы, на площадке, где складировают дрова. Мы не смогли ехать дальше. При всем своем желании. Я испробовал все, но автобус не сдвинулся ни на метр. Мы не могли добраться даже до мастерской в Амбре. А потом я, прогуливаясь, наткнулся на Валле Коронату с ее руинами, заросшими травой еще тридцать лет назад, и вдруг почувствовал, что это и есть мое место. Что мое предназначение может заключаться в том, чтобы восстановить мельницу и оживить ее. Жить здесь. У родника. В лесу. У истоков жизни.

— Когда это было? Я имею в виду, как давно вы живете здесь?

— Уже тринадцать лет. Я купил и реставрировал сначала Валле Коронату, а потом и другие развалины.

«Тринадцать лет... — подумала Анна. — Значит, он уже был здесь, когда пропал Феликс. А Ля Пекора находится недалеко. Пешком, наверное, минут сорок пять. Без

проблем. Может, он что-то слышал, что-то видел. Может, люди в деревне ему что-то рассказывали, на базаре ведь много чего говорят...» Может, он знал что-то, что тогда показалось несущественным, а сейчас опять вспомнилось. Может быть, в то время, когда они с Гаральдом уже давно были в Германии. Энрико — это зацепка. Хорошее начало. Но она решила еще немного подождать, прежде чем рассказать о Феликсе.

Энрико поставил на стол руколу, а к ней — уксус и оливковое масло. Его движения были точными, руки не дрожали. Такие руки могли бы без проблем держать скальпель и делать филигранные разрезы. Он поставил две тарелки на стол, видимо, собирался есть салат вместе с ней. Потом сел за стол и привычно улыбнулся.

— Приятного аппетита! — сказал он.

— Приятного аппетита! — пробормотала Анна.

Какое-то время они не проронили ни слова. Анна наблюдала, как ел Энрико. Медленно, задумчиво, словно он обдумывает каждый укус. Когда он смотрел на нее, в его взгляде было что-то выжидающее, изучающее... Пожалуй, слово «высокомерное» было бы неправильным, но что-то в нем беспокоило ее. Она чувствовала себя, словно ребенок, ожидающий, что ему скажут, что делать дальше.

И вдруг она представила, что по лестнице спускается Феликс. Высокий, крепкий светловолосый молодой мужчина, загорелый, сильный и счастливый. В слишком широких штанах и в короткой футболке. Улыбающийся и говорящий: «Эй, мама, я услышал твой голос и подумал: загляну-ка к тебе». Он сейчас крепко обнял бы ее, а потом сказал: «Извини, что я не появлялся все это время. Понятно, это было нехорошо с моей стороны и, конечно, плохо для вас... Но, знаешь, тут было так классно: жизнь с Энрико в лесу, тяжелая работа... Ты знаешь, это правда то, что мне надо. А если бы вы узнали, где я, то забрали бы меня домой и снова отправили в гимназию. А я этого не хотел. Чтоб я сдох, не хотел. Не сердись, мама, о'кей?»

Сейчас ему было бы двадцать лет. Ее красивому, сильному мальчику...

Когда Анна проснулась, было темно, хоть глаза выколи. Она не знала, где находится, не видела даже собственные руки, лишь чувствовала, что лежит на матрасе, на маленькой подушке и под шерстяным одеялом. Она ощупала все вокруг. Матрац лежал на земле, и больше ничего не было. Ни лампы, ни сумки, ничего. Джинсы, блуза и куртка были на ней, но обувь отсутствовала.

Боже мой, она на мельнице или в доме? Она не могла вспомнить, как добралась до постели, помнила лишь, что с какого-то времени уже не пригубляла вино, а пила большими глотками.

Она поглубже забралась под одеяло и подоткнула его под спину, чтобы преградить путь холодному ночному воздуху, но это мало помогло. Ее трясло, как на вибромассажере, а тут еще и зубы начали лязгать друг о друга.

Как долго они сидели в кухне? И о чем говорили? Проклятье, она не могла ничего вспомнить! Ни одной, даже самой маленькой подробности. В памяти была глубокая черная дыра. Просто зверская пустота. Кто отвел ее в постель? Наверное, Энрико. Он, похоже, нес ее на руках, а она спала так крепко, что ничего не заметила. Такого с ней еще не было. Обо всех ночах и вечерах она помнила. Пусть смутно, но помнила.

Она попыталась подавить страх. Ей вдруг показалось совершенно абсурдным, что она находится здесь, в этой богом проклятой долине с ее стенами, и лестницами, и ущельями... и спит в каком-то доме, о котором она мало знала. И где-то здесь был мужчина, которого она совсем не знала. Где-то здесь...

Ее мысли смешались. Придется подождать, пока станет светло. До тех пор сориентироваться невозможно. Она лежала на матрасе в каком-то помещении. Это было не самое худшее. Может, фантазия опять сыграла с ней злую шутку в этой непроницаемой темноте, которая окружала ее со всех сторон, словно душное мольтоновое одеяло, не пропускающее ни капли света и воздуха.

«Завтра, — подумала она. — Завтра все будет хорошо. Завтра все выяснится. Завтра я все пойму».

И она снова уснула и не чувствовала больше ничего. Дрожь утихла, и тело ее отяжелело.

Гамбург, 2004 год

Эдуард Гартманн хрипел. Глаза его были закрыты, он неподвижно лежал на спине, но не спал. Карла как раз сменила ему памперсы, помыла задницу, убрала загаженную простыню и вынесла вонючий пакет с мусором на улицу. Сейчас в спальне приятно пахло свежестью и чистотой. Жалюзи на окнах и на двери балкона были опущены, а люстра еще из пятидесятых годов, висевшая под потолком посреди комнаты, испускала холодный, молочно-белый свет. Карла подняла жалюзи и приоткрыла окно. Потом включила настольную лампу на тумбочке возле отца и выключила люстру.

— Ты не могла бы подождать? — скрипучим голосом сказал отец, не открывая глаз. — Хочешь загнать меня в могилу? Иначе зачем ты распахиваешь окно настежь? Чтобы я, ко всему прочему, подхватил еще и воспаление легких?

Не возражая, Карла встала и закрыла окно.

— Чуть-чуть свежего воздуха пошло бы тебе на пользу.

Отец открыл глаза и прищурился:

— Что это за сумеречный свет? Я что, уже умер? Что, сейчас придут соседи со свечками? Или у нас нет больше денег, чтобы оплатить счет за электричество?

Карла, которая только что села на краешек кровати, вздохнула, поднялась и снова включила люстру.

— Вот так.

Карла глубоко вздохнула.

— Папа, я хотела попроситься, мой поезд уходит через пару часов. Я еду в Италию.

По телу Эдуарда Гартманна прошла судорога, он подвинулся в постели как минимум на десять сантиметров выше и уставился на Карлу:

— Да ты же здесь только три дня!

— Три недели, папа, а не три дня! — Она провела рукой по его щеке. — Не волнуйся, мама и Сузи будут хорошо ухаживать за тобой, а осенью я снова буду здесь!

— Можешь не стараться. Осенью я уже умру. Может, умру на следующей неделе, но тебе ведь все равно. Тебе трудно подождать еще пару дней, пока я наконец сдохну, как скотина. Для тебя важнее уехать в эту дерьмовую обшарпанную Италию, ко всем этим ублюдкам и к этому грязному нищему бродяге... Как его там?

Карла не ответила.

— Ну хорошо, уезжай! Торопись убраться отсюда! Тебе наплевать на меня, тебе на родителей всегда было наплевать! Ты была паршивым ребенком, а сейчас стала паршивой взрослой!

— Я ухаживала за тобой целых три недели, папа. Днем и ночью! Я уже три года приезжаю сюда, чтобы ухаживать за тобой!

На глазах Карлы выступили слезы, и она взяла его за руку, хотя была не уверена, что тем самым не предаст себя и Альфреда.

— Вот так? — пробормотал Эдуард и зевнул: — Я устал, мне надо поспать. Завтра будет трудный день.

Отец начал тихонько похрапывать, чтобы продемонстрировать, что дискуссия закончена. Ни прощания, ни рукопожатия, ни взгляда. Абсолютно ничего.

Карла наклонилась и поцеловала его в лоб.

Отец никак не отреагировал на это.

И она покинула комнату.

За дверью ее ждала сестра Сузи.

— Что он сказал?

— Ничего. Ругался. Как всегда. Ты же знаешь, какой он. А Альфред для него все равно что заноза в пятке.

Сузи кивнула.

— У тебя еще есть время, чтобы выпить глоток шампанского?

Карла посмотрела на часы, но все же пошла за ней в кухню.

Сузи поставила на стол два бокала с шампанским.

— Оставайся здесь, — сказала она. — Ты можешь жить у меня, с Берндом никаких проблем не будет. Каждый день ухаживать за папой не надо, не бойся. Мы будем сменять друг друга, кроме того я приглашу службу по уходу два раза в день, и станет легче.

— Он отпугнет любую службу по уходу, никто не выдержит его болтовни.

— Это мы еще посмотрим.

Карла всегда завидовала Сузи, которая была энергичной и решительной. Она никому и ничему не позволяла запугать себя и за свои убеждения готова была пройти в огонь и в воду. Она была фанатичкой справедливости и этим сильно осложняла себе жизнь, потому что всегда цеплялась за что-то, что считалось трудным, и постоянно у нее были какие-то судебные процессы. Она была чем угодно, только не сторонницей гармонии любой ценой, и из-за своего поведения имела больше врагов, чем друзей. Но Карла завидовала ей, потому что Сузи была сильной, а Карла — полной ее противоположностью.

— Оставайся здесь! — сказала Сузи. — Черт возьми, что ты там потеряла? Сидишь в глуши, в полной изоляции, с мужиком, который тебя не любит...

— Он любит меня!

Если и было в мире то единственное, во что верила Карла, так только в то, что Альфред действительно любит ее.

— Но он же не спит с тобой!

Карла смущенно пожала плечами.

— Да, это так, но... я не знаю, мне кажется, у него много причин...

— Каких? — упорно допрашивала Сузи.

— Не знаю, но я уверена, что ко мне это не имеет отношения.

— Вы что, не говорите об этом? Ты не говоришь ему, чего хочешь, чего тебе не хватает?

Карла покачала головой.

— Я не могу тебе объяснить, но с Альфредом о таком говорить невозможно.

Сузи отвернулась и уставилась в потолок.

— Мышка, все это — огромное сплошное говно! Эти отношения не годятся ни в каком смысле! Ты влачишь жалкое существование в лесу, без телефона, в обстановке болезненной экономии, без удовольствия, без телевизора, без друзей... Да что это такое? Тебе нужны люди, нужны развлечения, нужно заниматься чем-то стоящим. А больше всего тебе нужна подруга, с которой можно поговорить, пока ты не задохнулась в этом болоте!

Карла потеряла ненакрашенные глаза и улыбнулась.

«Боже, — подумала Сузи, — если бы я была на ее месте, то выглядела бы, как шлюха из кица, которая три дня не вылезала из постели. А моя маленькая сестра живет с этим

бесцветным лицом, хотя стоит ей чуть-чуть подкрасить глаза и нанести немного румян... С тех пор как она живет с этим мужиком, она загоняет себя в могилу. Систематически. С уверенностью робота делает то, что плохо для нее и что приносит ей несчастье».

— Да, правда, было бы чудесно, если бы у меня была подруга, — сказала Карла. — У нас царит мертвая тишина, потому что мы мало разговариваем друг с другом. А о чем говорить? Когда я возвращаюсь из Германии, мне тяжело молчать, но потом... Через пару дней я привыкаю. А через какое-то время проходит желание вообще открывать рот.

— О боже! — Сузи была в ужасе. — Одной причиной больше вернуться назад, в Германию! Прошу тебя, Карла!

Карла покачала головой:

— Нельзя. Альфред не может жить без меня, а я — без него.

— Тебе уже ничем не поможешь. — У Сузи к Альфреду не было никаких чувств, кроме презрения.

— Ты его слишком плохо знаешь, — мягко ответила Карла. — Он фантастический человек.

— О небеса! Карла, он обращается с тобой, как с маленьким ребенком! Ты что, не замечаешь этого? Он держит тебя под контролем с утра до вечера! — Сузи опять вышла из себя. — Он хочет знать, с кем ты встречаешься, кому звонишь, что говоришь... Потому что ты можешь заговорить о нем, можешь сболтнуть что-то не то, можешь кому-то рассказать, в какой норе вы живете!

— Перестань, Сузи! — Карла не обиделась на Сузи за то, что она сказала. Она даже улыбнулась. — Он боится за меня Дело в том, что он сразу начинает волноваться. А он не делал бы этого, если бы не любил меня. Только поэтому он всегда хочет знать, где я. Вот и весь секрет.

Сузи вздохнула.

— Тебя действительно невозможно спасти.

Она хотела налить Карле еще шампанского, но та быстро накрыла бокал рукой.

— Мне не надо, я должна уезжать.

В этот момент в кухню вошла их мать. Карла встала и обняла ее. Мать прошептала:

— Не обижайся на папу, что он такой, ладно? Он не умеет открывать свои чувства, и ему проще быть противным, чем ничего не говорить.

Карла кивнула.

— Может, мне еще раз зайти к нему?

— Можешь зайти, но он сейчас спит.

Когда Карла зашла в спальню, отец тихо лежал на спине. Его глубоко запавшие глаза были закрыты. Хрипение прекратилось.

— Пока, папа, — прошептала Карла.

Когда она нагнулась к нему, он прохрипел:

— Я на дороге в пекло, дитя мое.

— Нельзя такое думать. И говорить тоже.

— Нет, моя маленькая, так оно и есть на самом деле. Но, может, эта проклятая карета все же хоть раз застрянет в грязи и я смогу затянуть ее прибытие до тех пор, пока ты вернешься...

Его безгубый рот скривился в слабой улыбке, и Карла поняла, что это было объяснение

в любви. Наверное, самое большое, на какое только был способен отец.

Поезд «Интерсити-экспресс» ICE 241 «Клаус Штертебекер» из Вестерланда опаздывала уже на девятнадцать минут, когда Карла приехала на вокзал за десять минут до отправления по расписанию. Она зажала чемодан между ногами и прижалась спиной к колонне, чтобы никто из подростков, стоявших вокруг с бутылками пива в руках, не воспользовался моментом и не толкнул ее под поезд. Она ненавидела эти скрипучие огромные поезда, которые врвались на вокзалы как природная катастрофа, словно в непосредственной близости от них не находились сотни ранимых людей. В шестнадцать лет ей пришлось увидеть, как нога какого-то старика застряла между платформой и вагоном метро. Там, где обычно был зазор в два-три сантиметра, торчала нога диаметром тридцать-сорок сантиметров. Больше часа пришлось ждать, пока пожарные с помощью газовых резаков вызволили старика и его смогли увезти. У Карлы случился нервный срыв, и она так и не смогла забыть этого старика. Ей потом рассказали, что она плакала и кричала на платформе, что полицейские успокаивали ее и отвезли домой. Сама она ничего этого не помнила.

Просто этот старик — старый, зажатый вагоном человек — был похож на ее отца, который еще несколько лет назад выходил из дому в шляпе и пальто, и чаще всего даже с зонтиком. Она видела в пострадавшем своего отца, который был смят и побежден вагоном метро. Было многое, что сильнее человека. Сильнее даже всемогущего отца маленькой девочки. А сейчас он лежал в доме из желтоватого кирпича с коричневатыми жалюзи и сопротивлялся смерти. И не хотел понять, что этот враг непобедим.

Рядом с ней стоял солдат бундесвера и беспрерывно очень громко сморкался на землю. На платформе были четко видны желтоватые липкие комки слизи, которые, наверно, теперь целыми днями будут тихо высыхать. Карле стало настолько противно, что пришлось беспрерывно глотать слюну, чтобы подавить рвоту. Потом она вспомнила Альфреда, у которого постоянно в уголках рта виднелась засохшая слюна, потому что он пил слишком мало воды, и зубы которого становились все желтее, потому что зубная паста была слишком дорогой для него. Альфред, которого она любила, но которого не целовала уже целую вечность... От одной этой мысли ее снова начало тошнить.

На солдата, который стоял рядом с ней, напал приступ чихания, и он опять и опять чихал в ладонь. Между приступами чихания он с интересом разглядывал слизь между пальцами. Карла пыталась не смотреть на него, старалась игнорировать то, что происходило рядом, и сконцентрировалась на том, чтобы не упасть в обморок от отвращения. Только не здесь, не на этой продуваемой всеми ветрами платформе. Она не хотела — еще чего не хватало! — попасть в больницу в Альтоне и провести два дня в палате, окрашенной в бежевый цвет, с неоновой трубкой над кроватью и с распятием на противоположной стене. Она хотела добраться до спокойного, тихого купе с приятными людьми. Она хотела домой. В Италию. В Валле Коронату. К Альфреду. Вернее, к Энрико. В ее мыслях он всегда оставался Альфредом, но он не любил, когда она его так называла, и ей пришлось снова изменить свои привычки. По какой-то причине, которой она не знала, ему больше нравилось имя Энрике. Она этого не понимала, но считалась с его желанием. В конце концов, каждый может желать, чтобы к нему обращались так, как он хочет.

То, что Альфред до своей женитьбы на Грете носил фамилию Хайнрих, Карла не знала. А «Энрико» — это итальянское соответствие фамилии или имени «Хайнрих».

Солдат бундесвера все еще чихал, когда подъехал поезд. Он затормозил с оглушительным визгом, и Карла как раз хотела взять свой чемодан, когда солдат сделал шаг к ней, взял своими вымазанными соплями, липкими пальцами ее чемодан и сказал:

— Дайте-ка я занесу вам чемодан в вагон, никаких проблем.

Карла остолбенела. Но она ничего не смогла возразить и вымученно улыбнулась. Все равно уже слишком поздно: ручка чемодана была измазана соплями солдата.

Карла тащилась по поезду в поисках своего купе, солдат шел за ней по пятам. Когда она остановилась, чтобы еще раз посмотреть на плацкарту, солдат чуть не сбил ее с ног, потому что не ожидал, что она так внезапно остановится. В конце концов они пришли, и она с облегчением опустилась на свое место у окна. Солдат зашел за ней, забросил чемодан в багажную сетку прямо над ее головой и улыбнулся.

— Спасибо, — сказала Карла. — Очень любезно с вашей стороны.

Солдат снова улыбнулся и сел против Карлы.

— Могу остаться здесь. Места хватит.

Его нос был красным и мокрым, и он вытер его рукавом формы. Карла старалась не показать, насколько ей это противно, и нервно закрыла глаза.

Она была измучена. Утомлена ночными дежурствами у постели отца. Постоянными пробуждениями от сна, когда он стонал, жаловался или кричал. Когда звал ее, потому что наделал в памперсы или ему нужно было болеутоляющее средство.

За последние недели она не спала больше двух часов кряду. А теперь у нее было время. До Мюнхена еще шесть часов. Солдат был омерзителен, но она его не боялась. Он будет чихать, но больше ничего ей не сделает. Она дважды обернула ремешок сумочки вокруг запястья, зажала сумочку между талией и стенкой вагона, прижалась головой к висящей на крючке куртке и уснула.

Когда Карла незадолго до прибытия в Мюнхен проснулась, она была в купе одна. Солдат уже ушел, но он оставил ей привет, написав на запотевшем окне: «Счастливого пути».

Берлин, начало лета 2004 года

Когда Марайке открыла дверь, у нее было ощущение, что она пробежала марафонскую дистанцию. Сразу же за дверью она сняла обувь и повесила сумку в гардероб. Ее вызвали сегодня утром в половине шестого в Груневальд, Яген 17, потому что какой-то любитель утреннего бега нашел там мертвого человека. Она целый день занималась расследованием и только сейчас, после восьми вечера, по результатам вскрытия обнаружилось, что старик умер без посторонней помощи — от инфаркта. Целый день мучительной, изматывающей нервы работы — и все коту под хвост. Сейчас ей хотелось чуть-чуть перекусить, чуть-чуть посмотреть телевизор и забыть человека, который упал так неудачно, что застрял лицом в колючей проволоке.

— Ян! Эдда! Вы где? — крикнула она, снимая тонкий льняной блузон.

Дверь распахнулась, и мальчик лет одиннадцати бросился ей на шею:

— Хай, мама!

Марайке поцеловала его и взъерошила ему волосы.

— А где Эдда?

— У Моны. Но сказала, что в девять будет дома.

— Надеюсь. А Беттина?

— На родительском собрании, ты же знаешь.

— Точно. Совсем забыла.

Марайке пошла на кухню, Ян последовал за ней.

В холодильнике в кастрюле нашлись остатки куриного супа.

— Ты уже поужинал?

Ян кивнул.

— Беттина кое-что приготовила перед тем как уйти. Ах да, там у меня в комнате идет компьютерная игра, можно, я продолжу?

— Ну конечно. А как насчет домашнего задания?

— Все готово.

Ян исчез в своей комнате. Марайке поставила кастрюлю на плиту.

Тринадцать лет назад Беттине и Марайке удалось наконец удочерить трехлетнюю Эдду. Этому предшествовала шестилетняя борьба с официальными учреждениями. Один сотрудник управления по делам молодежи посчитал, что Марайке в свои сорок три года слишком стара, другой принципиально отказался дать возможность лесбийской паре усыновить ребенка. Каждый находил свою муху в варенье из параграфов, но Марайке и Беттине удалось с помощью упрямства, настойчивости и поддержки адвоката устранить все препятствия. В 1991 году они удочерили Эдду, а два года спустя — еще и годовалого Яна, что уже не представляло трудностей.

Беттина была на вершине счастья и в своей стихии. Она любила обоих детей до безумия и без труда совмещала их воспитание со службой в качестве школьной секретарши, в то время как Марайке почти не бывала дома и работала по двенадцать часов в день. Три года назад вся семья переехала в Берлин. Карстен Швирс, возглавлявший комиссию Нойкелльна по расследованию убийств, взял Марайке к себе в команду. Нельзя сказать, чтобы новые коллеги очень уж любили ее, но тем не менее уважали, потому что было ясно, что она

заменит Карстена, который в следующем году собирался на пенсию.

Карстен и Марайке, кроме сугубо коллегиальных отношений, стали друзьями, но им так и не удалось раскрыть свое самое большое дело, когда неизвестный убил в Берлине-Нойкелльне, в Ханенмооре возле Брауншвейга и на острове Силт трех маленьких мальчиков и после смерти удалил у них верхние глазные зубы.

Пятнадцать лет назад серия убийств детей внезапно прекратилась. Карстен и Марайке считали, что преступник либо погиб, либо был арестован за какие-то другие дела, либо сбежал за границу, но тяжким грузом у них на душе лежало то, что они вынуждены были закрыть это дело, так и не найдя убийцу...

На столе валялась потрепанная книжка Яна «Айвенго, Черный рыцарь», которую он как раз читал, справочник по пресноводным рыбам, поскольку он страстно мечтал завести аквариум, части авторучки и безнадежно зачитанный учебник математики, который как минимум три раза за два года подвергался экзекуции в детских руках. Марайке отодвинула все это к хлебной корзинке и села.

Ян был ребенком, который не создавал никаких проблем. В школе он получал очень хорошие оценки, причем ему даже не приходилось прикладывать к этому особых усилий. Он был не особенно аккуратным, зато спортивным, веселым и обожал своих обеих матерей, Беттину и Марайке.

Эдда же, наоборот, пребывала в стадии полового созревания и с грехом пополам продиралась через дебри школьной науки, поскольку ее намного больше интересовал пирсинг в пупке, который она сделала тайком, чем катастрофические оценки по английскому языку. Эдда постоянно чувствовала себя обиженной, была капризной, как королева-мать, принципиально всем недовольной, и ей всё и все действовали на нервы, кроме подружек.

Марайке включила маленький телевизор, стоявший на кухонном шкафу, помешала суп и защелкала по программам. Беттина ненавидела, если кто-то за едой смотрел телевизор, — не хотела быть виноватой в оболванивании детей, как она говорила. Марайке захотелось посмотреть что-нибудь. Просто в кухне было слишком тихо.

На канале RTL шла какая-то слезливая документальная передача о трудновоспитуемых детях, которой Марайке уже через несколько секунд не оставила никаких шансов, на Sat1 — викторина, на VOX показывали дешевую детективную серию, которую Марайке сочла нудной, канал «Pro Sieben» нервировал зрителей музыкальным шоу для подростков, первая программа государственного телевидения передавала какую-то мильную оперу, а по второй шел репортаж. Марайке оставила вторую программу, потому что она была ближе к тому, что ее интересовало, и в пол-уха, пока искала тарелку и ложку, слушала, как ведущий рассказывал о скандальной ситуации на немецких автобанах. Суп уже почти согрелся, когда телеведущий объявил тему следующего репортажа: нераскрытые убийства детей в Италии.

Марайке сняла суп с плиты и добавила громкость.

В репортаже показывали Сардинию, где за последние пять лет были найдены убитыми пять девочек. Все четверо были выброшены волной на разные пляжи, но они не просто утонули. Преступник сначала убил их, а потом выбросил в море, скорее всего с лодки. У полиции не было никаких зацепок. Добровольные анализы ДНК в окрестностях тех мест, где жили девочки, не дали никаких результатов.

«Значит, у моих итальянских коллег дела идут не лучше», — подумала Марайке, и на какой-то момент эта мысль показалась ей утешительной.

Далее репортеры сообщили о маленьких мальчиках, которые необъяснимым образом исчезли в Тоскане. Немецкий мальчик Феликс пропал в 1994 году, во время каникул, когда играл совсем рядом с домом, который его родители снимали на время отпуска. Его родители снимали дом возле Амбры, вблизи Монтебеники, и вернулись домой ни с чем, без ребенка.

Марайке машинально взяла карандаш и записала названия населенных пунктов. Суп уже остыл, а она слушала дальше.

Филиппо жил в маленьком местечке Бадиа а Руоти, тоже недалеко от Амбры. В 1997 году он бесследно исчез по дороге в школу. И наконец Марко, который осенью 2000 года хотел встретиться с друзьями у озера, но так туда и не пришел.

В репортаже показали прекрасные пейзажи местности и места, где трое мальчиков словно бы растворились в воздухе.

Полиция не предполагает, что дети еще живы, но без трупов мало что можно предпринять. Поэтому пришлось прекратить расследование, не давшее никаких результатов.

Когда Марайке увидела фотографии пропавших без вести мальчиков, у нее мороз пошел по коже. Все трое были блондинами, очень худенькими, изящными и маленькими для своего возраста. Им было от десяти до тринадцати лет, и все они имели поразительное и, как показалось Марайке, таинственное сходство с Даниэлем, Бенъямином и Флорианом.

— Я вернулась! — крикнула Эдда из коридора.

— Прекрасно! И даже вовремя! — крикнула Марайке в ответ и попыталась не прозевать ни одной фразы из репортажа.

Эдда рывком распахнула дверь кухни:

— Ты смотришь телевизор? — с нажимом произнесла она. — И к тому же за едой? Ты хочешь отупеть?

— Эдда, тише, пожалуйста, я хочу кое-что послушать...

Эдда сделала обиженное лицо:

— Не успела я прийти домой, как ты тут же начинаешь придирааться. Я могу уйти, если тебе так лучше.

Марайке закатила глаза и вздохнула. Затем снова сконцентрировала внимание на телевизоре, но после короткого заключительного слова начальника карабинеров Альбано Лоренцо репортаж закончился. Полицейский высказал озабоченность тем, что Тоскана может постепенно скатиться к уголовной преступности. Тоскана, где молодые люди уважали родителей, где раньше никогда не было преступлений, где можно было спокойно отпускать детей играть в лесу и где можно было оставлять мешок с деньгами на улице — он и на следующий день будет там же.

Марайке выключила телевизор и зажгла сигарету.

«Я и не знала, что в Италии бывают светловолосые дети, — подумала она. — А если преступник смылся из Германии и переселился в Италию? Это возможно, и этим может объясняться то, почему так внезапно прекратилась серия убийств в Германии. В Италии дети тоже исчезли с интервалом раз в три года. Черт, я уже везде вижу этого проклятого убийцу! Но такое ведь может быть. Масса людей выехала из Германии на юг. Почему бы и не наш убийца?»

Она принесла телефон из коридора и позвонила Карстену Швирсу.

— Карстен, — сказала она, — ты сейчас не смотрел репортаж по второму каналу?

Карстен не смотрел, и она описала ему все случившееся так подробно, как только смогла. Она высказала свое предположение и спросила, не установить ли ей контакт с

коллегами в Тоскане.

— Я тебя прошу... — сказал Швирс. — Я действительно прошу тебя, Марайке.

Она слишком хорошо знала этот тон. Так неуклюже он выражался всегда, когда считал, что она зарывается.

— У нашего убийцы есть причуда. Он всегда выставлял свои жертвы на сцену. Чтобы нам было приятнее на месте преступления. — Теперь в его голосе чувствовался сарказм, но Марайке ничего не сказала. — Это сработало великолепно. Мы, несмотря на столь рискованные шутки, так и не вышли на его след. Зачем же сейчас ему в итальянской пампе прилагать усилия, чтобы спрятать трупы? Ты же знаешь, это самая большая проблема.

— Знаю, — ответила она глухим голосом.

— И как тут в почерке убийцы найти схожесть или даже совпадение, я не совсем понимаю.

— Просто у меня такое чувство, Карстен. Размытое внутреннее чутье.

— Хм... — Карстену не хотелось возражать, потому что интуиция Марайке зачастую давала потрясающие результаты и уже много раз во время расследования ее предположения попадали в точку.

— Я подумала... Давай-ка пошлем карабинерам факс и запросим информацию.

— Марайке, в Южной Африке, Китае и Узбекистане определенно тоже пропадали дети. Мы не можем вести переписку со всем миром и сравнивать все случаи!

— Ну ладно, это была просто идея.

— Не сердись. Завтра увидимся?

— Конечно. — Марайке положила трубку.

Беттина пришла домой в десять. На родительском собрании в классе, где учился Ян, обсуждалась только совместная поездка класса, и Беттина сердилась, что вообще пошла туда. Она разбиралась в таких путешествиях. Информация, которую родители детей, уезжавших в первый раз, впитывали как губка, ей была не нужна.

Марайке как раз читала в журнале «Мериан» о Флоренции, когда Беттина зашла в комнату.

— Да ну? — с улыбкой удивилась она. — С каких это пор ты интересуешься Микеланджело и да Винчи?

— С тех пор как мой коллега Морс сегодня целый день восторгался Тосканой. Я там никогда не была. А ты?

Беттина покачала головой.

— А как ты отнесешься к тому, если мы на осенних каникулах съездим в Тоскану? Меня по-настоящему разобрало любопытство.

Это соответствовало действительности.

— Можно подумать, что Эдда с Яном будут целый день бегать за тобой по церквям и музеям!

— Нет, что ты. Мы снимем на отпуск маленький домик на живописном холме, с великолепным видом, в окружении оливковых рощ, виноградников и кипарисов... Мы можем путешествовать пешком и кататься на велосипедах. Кроме того, в этих местах кьянти льется просто из водопроводного крана.

— Вот это аргумент! Но чтобы совсем без убийств и покушений... Ты выдержишь?

— Конечно! — соврала Марайке, даже не покраснев.

Беттина уселась на ручку кресла Марайке и обняла ее.

— Звучит просто фантастически! Слишком красиво, чтобы быть правдой.

Сиена, июнь 2004 года

Когда Анна ушла, Кай Грегори еще немного в нерешительности постоял на улице Миены, раздумывая, что же ему предпринять вечером. От скуки он рисовал кончиком туфли узоры на стеатитовых бульжниках, которыми была вымощена улица, заметив при этом, что ноги в туфлях, которые он всегда носил без носков, ужасно вспотели. Сейчас неплохо бы в душ, но он знал, что у него вряд ли хватит сил собраться и выйти из дому во второй раз. А еще было слишком рано, чтобы сидеть дома.

Кай решил на минуту зайти в свое бюро. Он быстро пересек кампо и свернул сразу же за Палаццо Пубблико на Виа дель Поррионе. С улицы ему было видно, что ставни офиса закрыты, значит, Моника уже дома. Тем лучше.

Письменный стол Моника была убран так безукоризненно, словно она не хотела оставить на нем даже свои отпечатки пальцев. Зато на его собственном столе постоянно валялись папки, акты, фотографии, проспекты, брошюры и записи, которые Моника каждый вечер тупо складывала в стопку, что каждый раз выводило его из себя. Но это, очевидно, изменить было невозможно. Потому что если Моника хотела что-то сделать и считала это правильным, то она это делала. И тогда ни просьбы, ни приказы, ни угрозы и даже землетрясение не могли изменить ее решение.

Возле экрана его компьютера было наклеено множество сообщений, написанных рукой Моника. Шрадеры пожаловались, что потеряли драгоценный день своего отпуска на бессмысленный осмотр дурацкой недвижимости. К черту Шрадеров! Дотторе Манетти ожидает его звонка завтра утром в десять, нотариус по апартаментам в Кастельнуово Берарденья будет в следующий вторник в пятнадцать тридцать, а продажа Касса дель Муру запланирована на четверг в десять тридцать.

Больше ничего важного. Он выключил настольную лампу и покинул комнату. В кухне заглянул в холодильник. То же, что и всегда. Два пакета молока, кусок пекорино, три йогурта и открытая бутылка просекко, в горлышке которой торчала серебряная ложка, чтобы не выходил углекислый газ. Все это ерунда. Он сделал глоток для пробы. Просекко на вкус уже было никакое. Поэтому он взял бутылку с собой и вышел из бюро.

На Кампо он присел недалеко от фонтана. Камни были приятными, теплыми. Июнь вообще был его любимым месяцем. Дни были длинными, а лето — юным и свежим, и пробуждало желание чего-то большего. Не так, как в августе, когда жара уже надоела, а лето со своей духотой и тяжестью кажется липким на ощупь.

Он медленно пил просекко. В такие моменты, как этот, он не любил оставаться в одиночестве.

Он наблюдал за парочками, туристами, жителями Сиены, которые медленно шли мимо или спешили в переулок. Ему ни до кого не было дела. Если он сейчас упадет и умрет, то это, конечно, привлечет внимание и кто-нибудь вызовет врача, но по-настоящему это никого волновать не будет. Он был человеком, о котором никто печалиться не станет. И хотя он жил в центре города, но, в принципе, в этом проклятом мире был совершенно один, как какой-нибудь Энрико, который постоянно прятался в лесу и был безумно рад, что никто не нарушает его покой. Был ли сам Кай причиной тому, что до сих пор ни одна женщина по-настоящему не захотела остаться с ним? Наверное. Потому что каждая из них после

определенного времени начинала действовать ему на нервы, потому что каждая мешала его привычному укладу жизни и потому что он хотел без комментариев делать то, что приходило в голову. Он не хотел слышать «Ты где был?», или «Ты должен поесть», или «Это уже вторая бутылка». Ему хотелось здесь, на кампо, положить голову на чьи-то колени, ждать темноты, считать звезды, но не уходить одному домой. Потом, может быть, на террасе выпить вместе бутылку красного вина, неожиданно встать и пойти в постель. Оставить бокалы на столе до следующего вечера или до следующей грозы с ураганом, который просто сметет их на улицу. Ради Бога, он не хотел рядом никого, кто отнес бы бокалы в кухню, поставил их в мойку и наполнил водой. Он не хотел видеть яркого света в кухне, когда шел с ночной, залитой лунным светом террасы в темную спальню.

Постепенно стемнело. Высокие дома, окружавшие площадь, погрузились в мягкий желтовато-красный свет фонарей. Кай с трудом поднялся. От сидения на твердых камнях у него все болело. Но после просекко хотелось большего. А до ближайшего бара было всего два шага.

Когда он добрался домой и, подтягиваясь на перилах, с трудом потащился вверх по лестнице, было уже половина второго. Он, как всегда, слишком много выпил. Но был не настолько пьян, чтобы не заметить, что этой ночью на лестничной клетке что-то не так, как всегда. В мозгу моментально включился сигнал тревоги, Кай сконцентрировался и стал крайне бдительным. Действие алкоголя, казалось, улетучилось полностью. Медленно и так тихо, как только мог, он крался ступенька за ступенькой наверх, пытаясь понять, что же вызвало тревогу.

И вдруг он понял. Это был странный, тошнотворный запах. словно смесь гнилой травы, крысиной мочи, кислого молока и перезревшего инжира.

На последней ступеньке лестницы перед дверью его квартиры сидела Аллора и ухмылялась. Ее правый верхний зуб был черным, как смола.

— Чего тебе надо? — грубо, но тихо спросил он. У него не было желания разбудить весь дом.

Аллора не ответила, зато захихикала.

В глубине души он боялся, что когда-то это случится. Уже несколько недель Аллора преследовала его. Ждала в руинах, пряталась за деревьями и кустами, поджидала на дороге. Только бы увидеть его, только бы поймать его мимолетный взгляд. Когда он обнаруживал ее, то по возможности игнорировал, даже делал вид, что не заметил. Когда он был в Сиене, в своем бюро или в своей квартире, то успешно прогонял мысли о ней, хотя чувствовал, что она не ограничится наблюдением: когда-нибудь Аллоре станет недостаточно обожать его только издали. И вот этот момент настал. Она сидела у него под дверью, словно дворняга, которую выгнали из дому.

— Ты не можешь оставаться здесь, — сказал Кай. — И в мою квартиру тебе нельзя.

Странно, но он вдруг почувствовал страх перед этим заброшенным созданием.

Не успел он договорить, как Аллора стала громко скулить, как щенок, с которого живьем снимают шкуру. В панике он открыл дверь и втолкнул Аллору в квартиру. Вой моментально прекратился, и Аллора с облегчением вздохнула. Кай пошел на кухню, а она побежала за ним. Кай вынул из холодильника пакет апельсинового сока, надрезал его и наполнил большой бокал до самых краев.

— На. Попей сначала.

Аллора послушно взяла бокал и выпила сок залпом. Она сияла, чавкала от восторга и все время облизывала губы.

— Ты должна вымыться, — сказал он. — Так ты не можешь оставаться здесь, ты мне все перепачкаешь.

На лице Аллоры промелькнула тень печали, ее радостное настроение как ветром сдуло, но она храбро кивнула.

Кай направился в сопровождении Аллоры в ванную. Три года назад, когда он вселился в эту квартиру, он почти ничего здесь не изменил. Частью оттого, что у него не было ни желания, ни времени, но также и потому, что в ванной было нечто такое, что он находил оригинальным. Над раковиной и в душе сохранились еще остатки старинного венецианского кафеля. Места, из которых кафель выпал, он закрасил водостойкой коричневатой краской, что, против ожидания, выглядело неплохо и оживляло помещение. Краны были из латуни, массивные, украшенные завитушками и довольно пошлые, что придавало всей картине особую ноту. Собственно, ванная была настолько несуразной, что даже казалась красивой. Он дополнил общее впечатление зеркалом в помпезной золотой раме и матовыми настенными светильниками из муранского стекла. Единственным чужаком здесь смотрелась ванна. Она стояла на львиных ногах и выглядела так, словно могла опрокинуться, стоило лишь перегнуться через ее край, чтобы поднять полотенце с пола. Эмаль под воздействием на протяжении многих десятилетий падавших из крана капель приобрела налет ржавчины, а на дне ванны обозначилась желтоватая полоса, которую невозможно было удалить никакими средствами.

Собственно, Кай давно хотел купить себе новую ванну, но все как-то не получалось, а поскольку он никогда ею не пользовался, то в конце концов ему стало все равно.

Сейчас он бегло сполоснул ее из ручного душа, закрыл сток пробкой, и, пока теплая вода, испуская пар, мощной струей лилась в ванну, молился, чтобы она не протекала.

Пена для ванны... Проклятье, такого у него в доме не водилось! В отчаянии он плеснул в ванну средство для стирки шерсти. Что хорошо для мягкой шерсти, не может быть плохо для нежной кожи.

Аллора с замороженным видом наблюдала за тем, как он все это проделывал, и с восторгом вдыхала запах моющего средства.

Не прошло и пяти минут, как ванна наполнилась. «Фантастично, — подумал он. — Совсем неплохо. Может, стоит и самому как-нибудь принять ванну».

Аллора моментально разделась и залезла в воду. Ему не оставалось ничего другого, кроме как смотреть на нее. У нее было красивое тело. Тяжелая, полная лишений жизнь и постоянная работа дали лучший результат, чем фитнес.

Аллора не чувствовала его взглядов. Она погрузилась в горы пены от стирального средства, закрыла глаза и блаженно похрюкивала.

— Не торопись, — сказал он. — Я буду в соседней комнате.

В гостиной он широко распахнул дверь на террасу, и теплый ночной воздух устремился в комнату. Он вышел на террасу и глубоко вздохнул. В его ванной лежала Аллора. Эдакий Каспар Хаузер^[39] женского рода из Сан Винченци.

У Кая было смутное чувство, что на него надвигается огромная проблема. Наверное, он притягивал такие создания. С самого детства. Все бездомные собаки и заброшенные кошки приходили к нему и больше от него не отходили, словно инстинктивно чувствовали, что он единственный, кто может им помочь. Птичка, выпавшая из гнезда, обязательно

приземлялась у его ног. Черепахи приползали умирать к нему. А теперь Аллора. Каю стало стыдно, что ему вспомнились бездомные животные, когда он подумал об Аллоре.

Он вернулся в комнату, к своему бару. Так он называл выступ стены над глубоким окном, где выстроил в ряд бутылки с крепкими напитками. Кай взял бутылку с виски и налил себе полстакана. Первый глоток ударил ему в голову, как стрела, так что он испуганно замер, но потом по телу разлилось приятное тепло, и он успокоился.

Так, погруженный в свои мысли, он просидел почти три четверти часа. Из ванной не было слышно ни звука. Он даже подумал, не случилось ли там чего, но потом отбросил эту мысль. В конце концов, Аллора была достаточно взрослой, чтобы самой быть в ванной.

«Придите ко мне, все страждущие и обремененные...» — подумал. Эта мысль его развеселила, и он отпил большой глоток. Потом ему вспомнилась высокомерная Моника Бенедетти. Почти год назад, в жаркий августовский день она ни с того ни с сего вдруг разрыдалась у него в бюро. Это были не просто слезы. Это было море слез. Он даже начал бояться, что она высохнет изнутри, если он срочно не раздобудет бутылку минеральной воды, чтобы напоить ее... Позже она изливала ему свою душевную тоску, а он подавал ей один бумажный носовой платок «Клинекс» за другим. Она рассказала о своем друге Антонию, который как раз сегодня утром забрал свою зубную щетку и свои компакт-диски из ее квартиры. У него уже три месяца как завязался роман с какой-то Ириной, с которой он познакомился в кафе Джанны Наннини, где она ела мороженое такой величины, какое не мог съесть ни один нормальный человек, без того чтобы его не стошнило. С тех пор они каждый день вместе ели мороженое у Джанны Наннини, пока не упали друг другу в объятия в каморке под крышей, где жила Ирина.

Все это и еще больше рассказала Моника, но услышанное ни капли его не заинтересовало. Он надеялся, что она наконец прекратит проливать слезы и перестанет говорить, он утешал ее, и слушал, и кивал, и соглашался, и в конце концов она сказала, что он очень хороший человек. Настоящий друг, который приходит именно тогда, когда он нужен.

Моника пребывала в трауре целую неделю. Потом она познакомилась с Джеральдо, пришла сияющая в бюро и сказала, что ей жалко каждой слезинки, которую она пролила из-за этого stronzo^[40], из-за этого Антонио.

Кай согласно кивнул в ответ на это, и Моника опять перешла с ним на «Вы», от чего отказалась или о чем забыла в период печали.

Бодо, которого он знал еще по школе и с которым у него был необременительный контакт, выразившийся в том, что раз в полгода они вместе напивались, однажды без предупреждения появился перед дверью его квартиры в Кельне с тремя чемоданами, двумя сумками и волнистым попугайчиком Рэмбо. Бледный как смерть, невыспавшийся и без денег. Его мать умерла, и у него было такое чувство, что он потерял опору в жизни. Кай казался ему подходящей заменой: один, без детей, большая квартира. Просто идеально! Бодо жил у Кая четыре недели. Вечер за вечером телевизор оставался выключенным, Бодо опустошал одну бутылку виски за другой и рассказывал о своей жизни, многократно повторяя некоторые эпизоды. Пока Кай наконец не выставил его за дверь со всеми пожитками и волнистым попугайчиком Рэмбо. Если бы он тогда этого не сделал, Бодо, наверное, и сейчас жил бы у него.

А теперь Аллора. Аллора растрогала его. Она не была ему безразлична, как Моника, и с ней нельзя было поступить, как с Бодо. Аллору на этот свет произвели эльфы, тролли или

какая-то взеземная парочка. Аллора была или подарком, или ударом судьбы. В любом случае она была проблемой.

Почти в три часа она внезапно появилась в комнате и при этом пахла, словно свежевывстиранный пуловер. Она нарядилась в его сине-зеленый полосатый банный халат и улыбалась.

— Что ты сделала со своим зубом? — спросил он.

— Аллора, — сказала она и пожала плечами.

Кай разослал на кушетке простыню, принес подушку и одеяло. В голове у него все кружилось. А виски доконало его окончательно. Ему обязательно нужно было поспать. Аллора наблюдала за тем, что он делал, с абсолютным непониманием, но не проронила ни звука.

Когда постель была готова, она сбросила халат и забралась под одеяло.

— Спокойной ночи, я разбужу тебя к завтраку. — И он вышел из комнаты.

— Аллора, — побормотала Аллора, и это прозвучало, как «спасибо».

Это был словно какой-то водоворот, словно подводное течение, которое тащило его наверх из темной глубины сна, в то время как сновидения беспорядочно кружили в голове. Только через некоторое время он понял, что лежит в своей постели, что слева находится дверь, а справа — окно, и что маленькая худая рука обняла его и другая такая же маленькая худая рука гладит его по животу. Она была теплая и мягкая, она тесно прижалась к нему, и ее дыхание касалось его затылка, словно нежное дуновение летнего ветерка. Когда он совсем проснулся и понял, что это голая Аллора прижалась к нему, то взмолился, чтобы Бог дал ему силы устоять.

— О нет, пожалуйста, не надо! Я не могу, я не хочу... Боже мой, зачем это? Что ты со мной делаешь...

Но это был не Бог, это была Аллора, чья рука гуляла по его телу, пока он не выдержал и не повернулся к ней. Его губы нашли ее губы, а его рука тоже отправилась на поиски. Когда он почувствовал мягкий пушок и его пальцы принялись медленно ласкать, Аллора тихонько запела. Это было похоже на звучание колокольчика. Словно ангельский перезвон в средневековой часовне Сан Винченти.

Анна проснулась, и восходящее солнце своим красно-оранжевым светом в один миг прогнало призраки ночи. Атмосфера в комнате мельницы была столь нереальной и фантастичной, что Анну моментально охватило чувство глубокого счастья. Все хорошо. Все в порядке. Ей было страшно лишь потому, что она не знала, что такое здешнее одиночество, не знала долины и не знала Энрико. Вот и все. Она посмотрела на часы. Половина шестого. Так рано. Энрико, конечно, еще не проснулся.

Она осмотрелась. Совершенно разные вещи — осматривать комнату и просыпаться в ней. Например, раньше она даже не заметила, какой здесь красивый и большой камин. Энрико вмуровал в заднюю стенку металлическую печную картинку, на которой были изображены дети, играющие на лугу. Рядом с камином в рамках висели фотографии руин. Собственно, на них были только остатки стен, заросшие травой камни и трухлявые черные балки. Она даже не могла представить, сколько потребовалось сил, чтобы создать из этого «ничего» такую красоту. Энрико был художником. Не только философом, но и тем, кто может по-настоящему создать нечто прекрасное. Очевидно, эстетика была для него крайне важна. В стены полуметровой толщины из натурального камня он то здесь, то там вмуровал маленькие каменные полки и ниши, кое-где оставил массивный дикий камень, а стену вокруг него покрыл белой штукатуркой. Он оставил в стене маленькие окошечки величиной с половину листа бумаги — в одном лежал камень необыкновенной красоты, в другом стоял крохотный цветок в такой же крохотной вазе. Перед окном на кованой цепи висел полудрагоценный камень и, искрясь, отражал солнечный свет. Перед ним стоял стол с одним-единственным стулом. Сидя за этим столом, можно было любоваться прекрасным видом, открывавшимся из окна на узкую долину и русло ручья до самой стоянки. «Это будет моим местом для работы, — решила Анна, — отсюда можно сразу увидеть, что кто-то приближается к домам».

Мельница была сплошным произведением искусства, композицией, составленной из множества мелочей. И ее создатель был художником, для которого главным являлась не практичность, а красота.

Анна медленно встала и потянулась. Странно, но она чувствовала себя отдохнувшей и свежей. Ее туфли аккуратно стояли около двери. Наверное, Энрико снял их с нее и поставил там. Она обулась и, решив еще раз осмотреть мельницу, медленно пошла по деревянным ступенькам вниз.

Это помещение было намного темнее, чем верхнее, да и вид из окна не настолько впечатлял, поскольку здесь человек оказывался лишь немного выше русла ручья. Зато это была комната, где можно было посидеть в тихий сумрачный день с любимой толстой зачитанной книгой, в удобном кресле, под уютной лампой для чтения. Маленькая ванная, примыкавшая к нижнему помещению мельницы, понравилась Анне. Она была крошечной и по-деревенски простой. Темные потолочные балки и старые маттоны под потолком. Они производили впечатление защищенности, крыши над человеком, который раздевался, заходя в душ, и поэтому был бесконечно ранимым. Энрико покрыл резьбой раму зеркала над умывальником, маленькая лампа в стиле модерн давала мягкий, рассеянный свет. Здесь было совсем иначе, чем в ванной комнате в большом доме, которую освещало солнце и где человек чувствовал себя великим благодаря пространству, окружавшему его.

«Это мой дом, — подумала Анна. — Здесь у меня есть и то, и другое. Здесь у меня есть все. Здесь я могу развернуться и расти, а могу спрятаться и сжаться в комочек...» Валле Короната была крепостью и подвалом, горой и долиной, солнцем и тенью. Это была бесконечная свобода и погребение заживо одновременно.

Анна подошла к стеклянной двери, ведущей на маленькую террасу мельницы. Ключ торчал в двери изнутри. Она открыла дверь и вышла на улицу.

Энрико плавал в бассейне. Спокойно и медленно, словно стараясь не взбалтывать воду и не создавать шума. Увидев ее, он улыбнулся.

Затем медленно вышел из воды. Совершенно голый.

Энрико чувствовал, что она пытается не смотреть на него слишком внимательно, но тем не менее смотрит. Он также заметил, что она старается сделать вид, будто все нормально, все вполне естественно, но у нее это получается плохо. Энрико воспринял ее смущение как нечто трогательное и улыбнулся.

— Хорошо спалось? — спросил он, стоя на краю бассейна и поливая себя водой из садового шланга.

Анна лишь кивнула.

— Примите ванну тоже, — сказал он. — Это освежает невероятно и по-настоящему взбадривает.

— Нет, спасибо. — От одного лишь вида воды Анну пробрал озноб. — Кофе действует точно так же.

Анна уже сварила кофе, поставила на поднос продукты, которые нашла и которые могли быть хоть как-то связаны с завтраком, и вынесла все на улицу. Она как раз накрывала стол под ореховым деревом, когда пришел Энрико. Он был одет в шорты и пуловер и просто сиял.

— О, как хорошо пахнет!

Он сел и налил себе кофе.

— Вы слышите птиц? — спросил он. — Здесь, в долине, их невероятно много. К счастью. Это мои будильники. Как только утром они начинают петь, я просыпаюсь.

— Похоже, вчера вечером я здорово устала, — решила Анна на осторожный шаг, чтобы выяснить, что же было и что Энрико об этом думает.

— Наверное, для вас вчерашних впечатлений оказалось многовато. Оно и понятно.

Энрико был нежным и понимающим. Словно мать, которая говорит получившему ожог ребенку: «Это я виновата, дорогой. Я должна была сказать тебе, что плита горячая».

Он добавил:

— Вы вдруг отключились и заснули. Я попытался разбудить вас, но это было невозможно.

— Я что, потеряла сознание?

— Наверное. Может быть. Как бы там ни было, я отнес вас на мельницу и уложил спать.

— Спасибо.

Энрико намазал на черствый кусок черного хлеба такой толстый слой масла, что от одного его вида Анне стало дурно. Сама она пила только кофе и воду из источника. У нее не было аппетита.

— С вами часто такое бывает? — спросил Энрико.

— Собственно говоря, нет. — Анна задумалась. Хотя в последние годы у меня все чаще

смешиваются сны и реальность. Я уже и не знаю, что мне снилось, а что было на самом деле. Сны часто бывают такими яркими, что я принимаю их за чистую монету, а действительность зачастую кажется настолько нереальной, что я все, что пережила, как бы кладу под сукно и говорю себе: «Не сходи с ума, это всего лишь сон».

— Это мне хорошо знакомо, — улыбнулся Энрико.

Он уже давно не знал, где правда, а где ложь. Его жизнь была мешаниной из разных историй. Настоящих и выдуманных. У него не было прошлого, лишь слабое представление о том, что с ним происходило, да и оно каждый день менялось. Затем он придумывал новую историю, которая ему нравилась и которую он мог запомнить, и он рассказывал ее каждый раз, когда его спрашивали, до тех пор, пока спрашивать переставали и он забывал эту историю. А когда он молчал целыми неделями, его прошлое становилось белым листом бумаги, который хотел, чтобы на нем все было написано заново.

— А что с вами случилось?

Она как раз думала над тем, почему ей не хочется ничего ему рассказывать, когда на стоянке остановилась машина, и Кай медленно направился к дому. Анна посмотрела на часы. Половина восьмого. Она уставилась на него, как на мираж, потому что могла поспорить на все, что у нее было, что Кай не был человеком, который добровольно поднялся бы с постели так рано.

Сначала Кай спокойно выпил кофе, а потом они подготовили компромиссо — предварительный договор, который даже без нотариального заверения имел силу перед судом. Кай знал стандартные формулировки наизусть, поэтому составил договор в произвольной форме, записал его и сделал копию. В договоре Энрико подтверждал, что изъявляет желание продать дом за двести тысяч евро, в то время как Анна, со своей стороны, подтверждала, что хочет купить дом за двести тысяч евро. В качестве задатка она заплатила десять евро. Если бы Анна передумала покупать Валле Коронату, то десять евро были бы для нее потеряны, а если бы Энрико продал дом кому-нибудь другому, то ему пришлось бы не только вернуть Анне десять евро, но еще и заплатить десять евро сверх того. Так регулировал этот вопрос итальянский закон.

— Идиотизм! — высказал свое мнение Кай. — Вы не хотите сделать реальную предоплату, скажем, в размере пятидесяти тысяч евро? Тогда у вас обоих была бы уверенность...

Энрико отрицательно покачал головой.

— Там, где замешаны деньги, ни в чем нельзя быть уверенным. Штрафы за нарушение договора ничего не дают. Если Анна до встречи у нотариуса передумает и не захочет покупать дом, значит, так тому и быть. Я, со своей стороны, не продам его никому другому. Я дал ей слово. А мое слово стоит больше, чем пятьдесят тысяч евро.

Анна молчала. У нее даже озноб пошел по коже. Где на свете есть еще люди с таким кодексом чести? Энрико завораживал ее все больше и больше, и она вдруг почувствовала, что доверяет ему. Целиком и полностью.

Кай лишь удивленно приподнял брови. Для него Энрико был не деловым человеком, а чудачком, который рано или поздно непременно оступится. На каждом углу хватало людей, которые буквально нюхом чуяли, где и кого можно облапошить, а Энрико великолепно подходил для этого. Но он ничего не сказал. Здесь все будет хорошо. Он это чувствовал.

Энрико подписался первым. Необычно медленно, вытянутыми ровными буквами. Он

буквально рисовал свою фамилию, и у Анны сложилось впечатление, что ему в жизни приходилось не так часто подписываться, и это показалось ей странным. Как менеджер нефтяного концерна он, пожалуй, каждый день не меньше десятка раз должен был ставить свою подпись.

Она взглянула на подписанный лист и удивилась.

— Вас зовут Альфред?

— Да, к сожалению, — улыбнулся Энрико. — Но только официально. Только если мне надо что-то подписывать. А вообще-то я Энрико. С этим именем я чувствую себя лучше.

Анна кивнула. Она знала очень мало людей, которые были довольны тем, как их зовут. Феликсу его имя нравилось. Он был в восторге от своего имени с тех пор, как бабушка рассказала ему, что «Феликс» означает «счастливый». А он был счастливым...

Все трое поставили свои подписи и пошли на стоянку. Сумку Анна взяла с собой, а Энрико не только оставил посуду на столе под орехом, но и дверь открытой настежь. Он сказал, что в доме нет ничего важного, из-за чего он должен обязательно запирает дверь. А если кому-то что-то нужно украсть (он сказал «взять с собой»), то пусть себе берет. Значит, тому нужнее, и он надеется, это доставит ему радость.

Кай бросил на Анну взгляд, говорящий «ну-вот-видишь-у-него-не-все-дома», и Анна улыбнулась. Все трое сели в джип Кая и отправились. В направлении Сан Винченти.

Кай показал Энрико Каза Мериа, руину вблизи Сан Винченти. Он объяснил, что два года назад там жила старая Джульетта, которую все в селе звали ведьмой, — Джульетта ла стрега. Она жила там с одной сумасшедшей, которая ухаживала за ней, а после ее смерти подожгла дом. За прошедшее время остатки стен основательно заросли ежевикой, но у Энрико был наметанный взгляд и он сразу видел, что можно сделать из дома, а что нельзя. Потолок большей частью обвалился, обугленные балки лежали на шатких камнях, а частью обломились и торчали вверх. Анне стало любопытно, и она попыталась пробраться в нижние комнаты, но у нее не хватило фантазии увидеть в обугленных развалинах чудесный дом. Кроме того, она расцарапала в зарослях травы ноги и оставила свои попытки. Она уселась на лугу и наблюдала за мужчинами, которые осматривали каждый угол. По лодыжке Энрико текла кровь, но он, казалось, ничего не замечал и это ему нисколько не мешало. Кай проявлял сдержанность и говорил мало, признавая авторитет Энрико как специалиста по руинам.

Анна осмотрелась. Странно, но здесь она чувствовала себя еще в большем одиночестве, чем в долине, поскольку дом стоял на открытом месте и вокруг не было гор, которые защищали бы его. Правда, отсюда был виден Сан Винченти, но до него, как прикинула Анна, пешком было минут сорок-пятьдесят. Нет, здесь ей не нравилось. Валле Короната была ей в тысячу раз милее.

Через три четверти часа они осмотрели все.

— О'кей, — сказал Энрико, — теперь переговоры с Фиаммой. Я куплю это, но заплачу не больше тридцати тысяч.

— А если община захочет тридцать пять? — Кай понятия не имел, сколько могла бы стоить эта руина, это был лишь пробный шар, чтобы оценить Энрико.

— Тогда я не возьму.

Кай вздохнул вслух и выругался про себя. Вечно эта проклятая борьба принципов. Предстояла тяжелая работа — вести переговоры с Фиаммой. С ее мужем, бургомистром,

было проще. Тот был мягким и добродушным, а после двух бутылок кьянти — согласным на все, но Фиамма во всем Вальдарно имела репутацию дамы, об которую можно было сломать все зубы. И она вела переговоры. Во всяком случае, когда речь шла о деньгах.

Анна сказала Каю, что останется на Валле Коронате еще на два-три дня, и он посмотрел на нее с выражением «ну-тебе-лучше-знать», которое у него всегда было наготове, потому что при его профессии приходилось часто его использовать. Он пообещал решить вопрос с Фиаммой как можно быстрее и умчался.

Был теплый день. Лаванда перед дверью ванной пахла так сильно, что Анна чувствовала ее запах даже под ореховым деревом. Лаванда, розмарин, шалфей... Все пышно цвело, трещали цикады, и у Анны появилось ощущение, что она впервые в жизни делает все правильно.

Энрико уже полтора часа был в доме и медитировал, когда Альдо, работник с оливковых рощ в Дуддове, притарахтел на своем велосипеде с моторчиком и остановился прямо перед дверью кухни. Энрико выглянул сверху, из окна своей спальни. Альдо улыбнулся во весь беззубый рот, а Энрико сказал:

— Buonasera, Aldo. Perché sei venuto? Ch'è successo?^[41]

Энрико был вежливым, но не слишком приветливым, потому что терпеть не мог, когда его заставляли врасплох. Того, что он сам, и никто другой, был виноват в том, что к нему нельзя было дозвониться по телефону, он, казалось, просто не понимал.

Альдо не торопился. Со своей вечной, будто застывшей на лице ухмылкой он слез с мопеда и, не сводя испытующего взгляда с Анны, стряхнул пыль со своих рабочих штанов. В отличие от Энрико, который никогда не задумывался о таких вещах, Анна моментально сообразила, о чем подумал Альдо. Жена Энрико была в Германии, а на террасе сидела женщина, в шортах и сандалиях, в шляпе от солнца и с книгой в руках. Она была похожа на кого угодно, только не на гостью, которая заглянула на пару минут. Наверняка застывшая ухмылка Альдо объяснялась тем, что наконец-то появилась хорошенькая история, о которой можно будет трепаться в Дуддове дня два, не меньше.

— Carla mi ha chiamato^[42], — сказал Альдо, но в этот момент голова Энрико исчезла из окна и он спустился вниз по лестнице. Вернее, не спустился — слетел. Когда он хотел, то мог быть таким же быстрым, как двадцатилетний юноша.

«Хорошо, что он не застал нас вдвоем, — подумала Анна. — Если бы мы сейчас сошли по лестнице вдвоем, было бы хуже. Но если один вверху, другая внизу — это еще куда ни шло».

Альдо сказал, что Карла позвонила и попросила передать Энрико, что она сегодня в шесть вечера прибывает на вокзал Монтеварки и просит, чтобы муж ее встретил.

— Certo, — сказал Энрико. — Конечно. Сделаю. Спасибо, Альдо. Спасибо, что ты специально приехал сюда, чтобы сказать мне это.

— На здоровье, — пробормотал Альдо. — А как же по-другому!

Анне показалось, что в его голосе прозвучало непонимание. Эти придурки-немцы живут в такой глуши, и у них даже нет телефона. Тем самым они вредят не только себе, если что вдруг случится, но и создают дополнительные хлопоты соседям.

Энрико исчез в кухне и через пару секунд появился с бутылкой просекко, которую сунул в руку Альдо.

— Передай привет своей жене! И еще раз большое спасибо.

Альдо засиял, взял бутылку, пристроил ее на багажнике, коротко кивнул Анне, сел на велосипед и уехал.

— Ну, тогда я собираюсь, — сказала Анна. — Я поселюсь в той же гостинице в Сиене, где и жила. Она не такая уж страшно дорогая, и там все о'кей. Но я думаю, что мы остаемся на связи. Я скажу, чтобы мне перевели деньги из Германии, и на следующей неделе или через неделю оформим договор. Договорились?

— И речи быть не может. Вы останетесь здесь. У нас же два дома! Этого вполне достаточно для троих человек. И вы сможете сэкономить на гостинице.

У Энрико был такой командный тон, что у Анны стало кисло во рту.

— А Карла... — Анне было чертовски неловко. — Что она подумает, если приедет, а я у вас? Хватит и того, что наплетет Альдо после того, как увидел меня здесь. Карла ведь не знает, что я хочу купить этот дом. Может, стоит осторожно предупредить ее об этом, когда вы будете одни?

— Нет, — сказал Энрико.

— Вам не кажется, что она будет потрясена, когда увидит меня здесь?

— Нет, — снова сказал Энрико, и Анна вздрогнула. Это «нет» прозвучало так, словно кубик льда упал в пустой стакан.

Энрико был спокоен.

— Она не будет возражать. Можете мне поверить.

Анна ошеломленно замолчала. Что ей делать? Остаться? Или все же уехать?

Энрико, казалось, почувствовал ее нерешительность и добавил:

— Кроме того, вам нужно познакомиться. Карла любит этот дом. Но еще больше она любит сад, цветы и траву вокруг дома. Это все — ее творение. Это ее дети. Она должна знать, на кого их оставит. И для нее будет легче, если вы ей понравитесь.

— О боже мой! — Анна смахнула челку с потного лба. У нее появилось непреодолимое желание сбежать отсюда. Она хотела купить дом, но охотно бы обошлась без этого психологического прессинга.

Она повернулась и пошла на мельницу. Черт возьми, это были связи Энрико, и это была его проблема. К ней все это не имело никакого отношения. «Смотри на это спокойно, — сказала она себе. — Ты с этим мужиком не спала, значит, твоя совесть чиста. И если ты не купишь этот дом, его купит кто-то другой. В принципе, тебе должно быть до задницы, как отреагирует Карла».

Все это она говорила себе, но сама же этому не верила. Она взяла мобильный телефон и поднялась на гору, чтобы позвонить Гаральду.

Она застала Гаральда во время обеденного перерыва. Он только что сунул в микроволновку замороженный готовый обед — кенигсбергские тефтели с пятью розочками брюссельской капусты и тремя кусочками картофеля.

— Ужасная еда, — сказал он. — Хуже, чем в больнице. Но что поделаешь...

Он постарался, чтобы это не прозвучало как упрек.

«Наверное, ему не хватает меня в качестве поварихи, — подумала она. — Хотя бы так...»

Она сказала, что дом уже, считай, купила, что предварительный договор подписан. После чего сделала паузу в ожидании упреков, предупреждений или, как минимум, лекции, но их не последовало. Гаральд был очень деликатен и сказал:

— Ты все сделаешь как надо.

Это выбило оружие из ее рук. Она ожидала, что придется произносить длинную речь в свою защиту.

— А как твои дела? — спросила она.

— Все спокойно. Сюда попадают в основном туристы: кто-то на солнце обгорел, кто-то наступил на морского ежа... Собственно, я мог бы на время прикрыть практику и приехать к тебе.

Анна не верила своим ушам. Она ожидала всего, но только не этих слов. Гаральд чуть ли не мурлыкал.

— Подожди, пока я куплю дом. Пока выселятся Энрико и Карла. Потом мы сможем делать здесь все, что захотим, и ты мне определенно будешь нужен.

— Я, вообще-то, хотел приехать не только в качестве грузчика мебели. — Похоже, у него была легкая простуда.

— Я не это имела в виду.

Правда, она хоть чуть-чуть, но все-таки подумала об этом. И Гаральд это знал. Было прекрасно, когда рядом кто-то, кто быстро и без проблем может разместить светильники, заменить газовые баллоны и повесить полки. Но главное, чтобы Гаральд не явился сюда и не попытался отговорить ее от покупки дома. Она хотела, чтобы он приехал, когда все будет решено и ничего уже нельзя будет изменить.

— Тогда скажешь, когда будет пора. Если к тому времени не накатит волна летнего гриппа, я приеду.

— Очень мило с твоей стороны.

Они замолчали. Неловкость с обеих сторон была явной, и Анна закончила разговор. Говорить больше было не о чем.

Анна медленно шла назад к дому, и невольно в ее памяти всплыла история с Памелой, хотя сейчас она считала ее смешной, а свою тогдашнюю реакцию — детской и чрезмерной. Сегодня она, конечно, не стала бы топить саксофон в аквариуме. Сегодня она села бы за свой туалетный столик, уделила бы достаточно времени тому, чтобы тщательно нанести макияж, покрасила бы губы помадой, которая никогда не нравилась Гаральду, и отправилась бы на поиски Как ты со мной, так и я с тобой... Ты даже не представляешь, как это больно...

Тогда, в том проклятом году, десять лет назад, она потеряла все, что ей было дорого. Сына. И постепенно — мужа. У нее больше не было подруги, не было сестры. И дело не в Памеле. Памела была ничем и никем. Памела не была настоящей подругой. Анна просто использовала ее. Вероятно, Памела, знала это, и потому не испытывала угрызений совести. Она была невероятно удобной — безо всяких претензий и всегда под рукой. Памела была похожа на собаку, которая виляет хвостом, когда чужой человек ведет ее выгуливать.

И как-то незаметно история с Памелой сошла на нет. Гаральд и Анна почти не разговаривали. И незадаанными оставались вопросы «Откуда ты пришел в такое время? Уже почти час ночи!», или «Что, так долго затянулось у фрау Ханзен?», или «С каких это пор ты ходишь играть в кегли, ты же раньше этим не интересовался?». Анне было все равно. Она не спрашивала, а он ничего не говорил. Гаральд никогда больше не упоминал имени Памелы, а Анна вообще вычеркнула ее из жизни. Иногда она даже на время забывала о ней. Для Анны ее больше не существовало.

Памела же чувствовала себя уязвленной. Конечно, она злилась из-за саксофона, но хуже

всего было то, что Анна ударила ее. Этого унижения она вынести не могла. Насколько *она сама* унизила подругу — об этом Памела, естественно, не думала.

Но Анна была вне пределов досягаемости, и Памела не имела возможности дать почувствовать ей свою ненависть и презрение. Зато Гаральда она достала. Он валялся у нее в ногах, пытался объяснить поведение жены и купил ей новый саксофон. Но она просто не могла сделать ничего другого, кроме как перенести всю злобу на него. Он потерял свою привлекательность, потому что был женат на Анне. Она злилась, что у него был тот же адрес, что и у нее. Он мог тысячу раз уверять ее, что у него с Анной нет ничего, и даже меньше того, — она не верила ни единому его слову. Герр доктор был мужем сумасшедшей, распускающей руки женщины. Ей не хватило соображения, чтобы понять, что именно сейчас она легко могла бы победить, и она долго убеждала себя, что не может больше встречаться с герром доктором, пока окончательно не потеряла его. Ему надоели ее постоянные колкости и злоба, он был сыт по горло косыми взглядами на рынке. В глазах окружающих он больше не был отцом, потерявшим сына. Он был тем, кто спал с женщиной, которая на балу пожарной команды вечно сидела на скамейке, в то время как другие танцевали.

Он не устраивал Памеле сцен. Он не хотел объяснений. Он просто перестал ходить к ней. И все закончилось так же незаметно, как и началось. Анна поняла перемену значительно позже. Когда из шкафа исчез компакт-диск с музыкой Хиндемита.

Она жила, словно робот. Улыбалась, если кто-нибудь заходил, и улыбалась, если кто-нибудь уходил. Она брала анализы крови, проводила исследование мочи, приводила в порядок картотеку пациентов и говорила приторно-сладким голосом: «Фрау, заходите...» Она десятки раз на день открывала и закрывала кабинки номер один и номер два — «Будьте любезны, разденьтесь, пожалуйста, до пояса...» — и уже через несколько минут забывала, кто в какой кабинке. Она назначала время приема, соединяла пациентов по телефону с Гаральдом, давала добрые советы, выслушивала болтовню и сплетни, а вечером уже не помнила, кто приходил на прием.

Она готовила еду в таком же количестве, как и раньше, но эти горы невозможно было одолеть, потому что Феликса с ними больше не было, а сама она почти ничего не ела. Гаральд никогда не жаловался. Он приходил с работы, разогревал часть еды и ел одно и то же блюдо четыре-пять дней подряд. Безропотно. Наверное, он так же мало, как и она, замечал, что ест. После обеда он укладывался на кушетку, складывал руки на животе, закрывал глаза и лежал неподвижно. По нему не было видно, спал ли он, думал или умер.

В три часа он отправлялся осматривать пациентов на дому, а в четыре тридцать снова был в своем кабинете. Если случалось что-то непредвиденное, то он, бывало, приходил позже. Пациенты относились к этому с пониманием, потому что умели ценить те, что им не приходилось тащиться к нему с температурой под сорок.

Вечером почти всегда Гаральд уходил. Для него невыносимо было оставаться дома. Молчание сводило его с ума. Анна не спрашивала его, куда он уходит и когда вернется, ее это просто не интересовало. К нему всегда можно было дозвониться. Как пациентам, так и Анне. Но она не звонила никогда. Однажды она поймала себя на том, что уже забыла его номер телефона. Ей было стыдно, что пришлось рыться в записной книжке, когда соседка попросила номер Гаральда, потому что у ее мужа разболелся живот.

По воскресеньям они регулярно посещали родителей Анны в Гамбурге, у которых был дом вблизи аэропорта. Анна сходила с ума оттого, что разговор каждые две минуты прерывался ревом двигателей взлетающих или приземляющихся самолетов, а чашки на столе

звенели и плясали на блюдцах, но ее родители не слышали этого гула. Не потому что они оглохли — просто они настолько к нему привыкли, что даже не замечали. Наверное, человек привыкает ко всему. Эта мысль утешала.

Это послеобеденное время по воскресеньям было трудно выносить. Снова и снова разговор неизбежно возвращался к Феликсу, хотя Гаральд и Анна старались избежать этого и умело переводили в другое русло любую тему, которая могла этого коснуться. Но матери Анны всегда удавалось разразиться слезами, и она задавала одни и те же вопросы, на которые никто не мог ответить. В большинстве случаев это продолжалось полчаса. Пока мать всхлипывала, отец брал в руки иллюстрированный журнал и перелистывал его. Его рот превращался в узкую четкую полоску, губы исчезали. Между ними невозможно было бы просунуть почтовую марку. Гаральд не отрываясь смотрел на скатерть и помешивал свой кофе, хотя в нем не было сахара. Он размешивал кофе минут двадцать или больше. Пока мать не переставала плакать.

Мать Анны могла плакать, Анна — нет. Она могла утешиться куском вишневого пирога, Анна — нет.

У нее не было никого, с кем она могла бы поговорить, но ей и не хотелось, чтобы такой человек был. Это было как с землетрясением: на протяжении недели об этом говорят по телевизору, все сочувствуют и соболезнуют, потом катастрофа забывается, хотя потерпевшие еще годами будут мучиться от ее последствий. Так есть и так, наверное, будет всегда, потому что каждое страдание действует на нервы посторонним, если они снова и снова о нем слышат. Этого не выдержит ни один человек. И через время сочувствие превращается в отторжение и агрессию. Ни один друг и ни одна подруга не выдержали бы, если бы она месяцами говорила о Феликсе. Поэтому она даже не пыталась этого делать и оставалась наедине со своими мыслями. Она всегда радовалась минутам перед сном, когда в мыслях была вместе с Феликсом и никто ей не мешал. И каждый раз она молилась, чтобы к ней пришел сон, в котором сын был бы с ней.

Был зимний вечер в конце января. Суббота. Точную дату она забыла. Было ужасно холодно, потому что дул сильный ветер. Буря завывала вокруг дома, старый каштан перед окном кухни подозрительно скрипел, и Анна боялась, что дерево упадет на крышу. Собственно, это ей было все равно, но каштан с почти стопроцентной вероятностью разбил бы окно в детской, а этого она бы не вынесла. Ей было страшно даже представить, что ночью ледяной ветер будет гулять по комнате Феликса и свистеть над его кроватью.

Анна сидела в своей комнате за компьютером, бесцельно блуждала по Интернету, а потом решила пойти вниз и посмотреть телевизор, пока не отключилось электричество.

В кресле сидел Гаральд. В первый момент она испугалась, потому что думала, что он ушел, как почти каждую субботу, в пивную «Штертебеккер» играть в скат. Но он не играл в скат, он сидел в гостиной и смотрел на нее. У него в руках не было ни бокала, ни газеты, ни книги, ни пульта от телевизора — ничего. Он просто сидел тут. Она забеспокоилась, но не спросила, что случилось. Она взяла газету с телевизионной программой, посмотрела в нее к хотела пройти мимо мужа, чтобы включить телевизор. В этот момент он взял Анну за руку и потянул к себе на колени. Впервые за долгое время. Он крепко обнял и удержал ее. Ей было неопишимо хорошо. У нее было такое чувство, словно она уже давно дрейфовала в океане, а теперь появился кто-то, кто вытащил ее из воды в лодку, завернул в одеяло и снова заставил кровь пульсировать в ее жилах. Ей хотелось оставаться так часами и днями. Оба не сказали друг другу ни слова, он просто поднял ее на руки и понес наверх, в спальню.

Нельзя утверждать, что теперь наконец в доме врача поселилось счастье, но они снова стали разговаривать друг с другом, по крайней мере обсуждать важные вопросы. Это пошло им на пользу, и обстановка в семье больше не была такой натянутой, что казалось, будто дом взорвется, если кто-то скажет «доброе утро» или позвонит в дверь. Анна уже не боялась встретить Гаральда утром в кухне или в ванной, она даже постепенно привыкла улыбаться ему в знак приветствия.

Постепенно она снова стала понимать, что, собственно, означает «быть дома», она больше не парила в безвоздушном пространстве, охваченная скорбью. У нее снова было тело, она снова была женщиной. Гаральд сделал ее такой.

Поскольку Анна признала этот дом своим гнездом и своим убежищем, она принялась им заниматься. Она скребла полы, чистила ковры специальной пеной, закрасила царапины на стенках белой краской, оттерла липкие полки для приправ, протерла шкафы и выстирала гардины. И чувствовала себя с каждым днем все лучше.

Иногда она останавливалась во время работы, поскольку что-то тянуло внизу живота. Это было неприятно и необычно. Чего-то подобного она не ощущала уже целую вечность. И каждый раз она ходила в туалет, чтобы посмотреть, не начались ли месячные, но ничего не было. И постепенно в ней зарождалась мысль, которой не было уже годами. Мысль, которая в школьные и студенческие годы постоянно вызывала у нее кошмары. До того времени, когда она познакомилась с Гаральдом и когда впервые у нее возникло ощущение, что наконец-то ей встретился тот, кто ей нужен. Она бросила учебу, вышла замуж за Гаральда, и у нее появился Феликс. Вдруг все стало нормальным и легальным, а не грязным и запрещенным. Она больше не была потаскухой, а стала матерью, получившей благословение от родителей, друзей, знакомых и государства. Успокаивающее чувство. После этого она еще пару лет принимала противозачаточные таблетки, а когда прекратила их принимать, то они в своей практике секса установили иные приоритеты, которые просто делали беременность невозможной. Анна чувствовала себя хорошо, и у нее никогда не возникало чувства, что Гаральду чего-то не хватает.

Эта мысль впервые появилась у нее, когда возникла Памела...

А теперь вдруг эта постоянная тянущая боль и это странное ощущение. И задержка месячных уже на целую неделю. Конечно, они не предохранялись в тот штормовой январский вечер. Они были слишком заняты тем, чтобы по-новому познакомиться друг с другом, завоевать друг друга и снова разжечь слабый жар угасшей любви. Когда начала бушевать страсть, они почти сошли с ума, и потом она лежала в его объятиях. Плача. И снова возвратившись к жизни.

Через восемь дней Анна сделала тест. Палочка теста лежала на столе, а она несколько минут, словно тигрица, металась по комнате, не в силах ни читать, ни делать что-то. И пыталась понять, чего же она хочет. Да или нет? Положительный ответ или отрицательный? Что есть проблема или что нет проблемы? Чего-то нового или пусть все остается по-старому? Она этого не знала. Через пять бесконечных минут она заставила себя зайти в кабинет. Сердце билось так, что, казалось, готово было выскочить из груди, лицо горело, и она еле шла — так подкашивались ноги. Она чувствовала себя подсудимой, ожидающей приговора присяжных: виновна или невиновна.

Короткого взгляда было достаточно. Результат теста был ясен и однозначен. Виновна. Потому что если человек теряет голову, то это никогда не обходится без последствий. Феликс исчез, зато новый ребенок собрался в дорогу. И вдруг не осталось ни единого

чувства. Одно лишь отчаяние.

В следующее воскресенье Анна и Гаральд отправились на прогулку. Герр доктор с супругой вместе прогуливались по деревне, чего не было уже три четверти года. Если раньше темой для деревенских сплетен была Памела, то сейчас, конечно, это явное и выставленное на всеобщее обозрение примирение. Анна в душе надеялась, что именно сейчас не зазвонит телефон и Гаральду не придется уходить, потому что старый Кнут поломал ногу, Иоганн упал с тягача или у маленькой Майки лопнул аппендикс. Она хотела с ним поговорить. Сразу же. На дамбе. С видом на море. Или на береговую полосу, затопляемую во время прилива.

Он обнял ее за плечи, и они медленно пошли по дамбе. Справа зимние луга с пасущимися немногочисленными овцами, а слева коричневато-серый ил береговой полосы, простиравшийся так далеко, настолько хватало взгляда. И тогда она сказала ему это.

Сначала он уставился на нее так, словно она была зеленовато-айвового цвета и только что вышла из неопознанного летающего объекта. Потом закричал и воздел руки к небу, словно хотел стащить оттуда Господа Бога и прижать его к себе. Потом громко рассмеялся, поднял Анну на руки и закружился с ней, так что она летела, как на цепной карусели. Потом заорал: «Так это же здорово!» — и начал кувыркаться на дамбе, пока не потерял равновесие и без сил не свалился с нее на луг, сияя и тяжело дыша.

«Герр доктор вываливается в овечьем навозе», — подумала Анна и оценила это выступление своего солидного мужа, который в этой жизни твердо стоял на обеих ногах, как сногшибательное.

Он совсем обалдел от радости. Он радовался, строил планы, он мечтал, он был бесконечно счастлив. Феликс был забыт. Все начиналось сначала. Новый ребенок — новое счастье. Но на этот раз он будет присматривать за ним. По-настоящему. Круглосуточно. Такого с ним больше не случится. Он будет видеть, как растет этот ребенок, как он женится, как будет учиться в институте. Внуки будут прыгать на его коленях, и этот ребенок умрет после него. Через много-много лет после него. Как и положено.

Анна становилась все тише и тише. Чем больше он говорил, тем больше что-то в ее душе восставало. Когда он начал говорить, как он хочет переоборудовать комнату Феликса, перекрасить ее, поставить новую мебель, у нее созрело окончательное решение. Пусть даже это разобьет сердце Гаральда.

Когда Гаральд в своей крошечной мастерской в подвале начал мастерить колыбельку, Анна сказала, чтобы он прекратил это. Другого ребенка не будет. Гаральд медленно выпустил инструменты из рук, словно именно в этот момент в его голове пронеслись тысячи мыслей и он пытался с ними разобраться. Он все понял и просто был не в состоянии что-то сказать.

И тогда началась новая эра молчания, прерываемая лишь короткими замечаниями, едкими вопросами и краткими приказами.

«Звонил кто-нибудь?»

«Почему не купил хлеб? Я же тебе говорила!»

«Расчисти зимний сад, мне нужно место!»

«Где счет за электричество? Он же лежал на столе!»

«Слушай и поймешь, что я имею в виду!».

Гаральд тосковал по существу, которое даже не знал, Анна — по сыну, которого любила на протяжении десяти лет. Он скорбел о жизни, которую хотел начать сначала, она — о

жизни, которую потеряла навсегда.

Анна не могла избавиться от мысли, что однажды Феликс возвратится. И тогда его место в доме не должно быть занято. Гаральд скорее мог представить, что в их саду упадет метеорит, чем то, что однажды Феликс будет стоять перед их дверью.

Возможно, она уехала в Италию, чтобы доказать Гаральду, что найдет Феликса. Живым или мертвым. Возможно, она тоже хотела провести заключительную черту и тем самым спасти свой брак. Но до этого еще было очень далеко.

Кай раздумывал, не захватить ли ему домой, чтобы побриться и надеть свежую рубашку. В конце концов он нажал на педаль газа и отправился окружным путем через Сиену. На этом он, правда, потеряет часа полтора, но он слышал, что Фиамма придает большое значение внешнему виду. Фиамма была крепким орешком. О ней говорили, что самая ее плохая черта — непредсказуемость. Все зависело от ее настроения. Будет ли гостю оказан любезный прием и Фиамма проникнется его идеей или через пять минут его выставят за дверь — все зависело только от везения.

Кай надеялся, что сегодня, в порядке исключения, Фиамма не встала не с той ноги, поэтому на всякий случай купил неподалеку от своей квартиры на Виа ди Саликотто в маленьком, безбожно дорогом магазине «Алиментари» бутылку граппы для бургомистра, а в цветочном магазине — горшок с маргаритками для Фиаммы.

Полностью исчезнув под целой горой одеял, что, наверное, сейчас, летом, было настоящей пыткой, все еще спала Аллора. Она принялась отбиваться, когда он осторожно потряс ее, чтобы разбудить, и лишь когда узнала его, то просияла и сказала «аллора», что означало не что иное, как: «Доброе утро, что мы будем сегодня делать? Все равно, на всякий случай я останусь у тебя».

Он точно понял ее и сказал:

— Нет, сейчас я отвезу тебя домой. Мне все равно нужно поговорить с Фиаммой. Одевайся и поедem.

Глаза Аллоры заблестели. Гневом и страхом, что он хочет избавиться от нее. Но она ничего не сказала, только натянула платье, пошла в кухню, рывком открыла холодильник, вытащила оттуда бутылку, приложилась к ней и залпом опустошила.

Кай зашел как раз тогда, когда она сделала последний глоток.

— Ты что, рехнулась? — заорал он. — Это же вино!

Аллора пожалала плечами, уронила бутылку, которая разбилась о каменный пол, налетела на стол к, отпрыгнув «аллора», шатаясь выбралась из кухни.

И после этого без единого слова пошла за ним.

Когда они приехали в Сан Винченти, Кай еще успел увидеть, как бургомистр выскочил из своего дома и на маленьком зеленом «фиате» рванул с места так, что завизжали шины. Кай припарковался неподалеку от его дома. Аллора выпрыгнула из машины и моментально исчезла. Это было на руку Каю: он не хотел, чтобы она присутствовала при разговоре, потому что не знал, как она отреагирует, когда узнает, что развалины дома ее любимой нонны должны быть проданы.

Кай держал на лице свою самую очаровательную улыбку, когда стучал дверным молотком в дверь: никогда не знаешь, не наблюдают ли за тобой.

Через несколько секунд дверь распахнулась, и Фиамма рявкнула «буонджорно», которое прозвучало так, словно кто-то уронил молоток в жестяную миску.

Тем ласковее было «буонджорно» Кая, что моментально настроило Фиамму на мирнолюбивый лад.

На ней было слишком узкое цветастое платье, а черные длинные волосы были подколоты вверх и смахивали на разрушенное гнездо. Ярко-красные губы были строго поджаты.

— Что вы хотите? — спросила она чересчур громко.

— Mi scusi, Signora^[43], — сказал он. — Меня зовут Кай Грегори, я маклер из Сиены, и у меня к вам разговор. Речь идет о доме покойной Джульетты, о Каза Мериа.

— Пять минут, — ответила Фиамма. — Больше у меня времени нет. Но заходите же в дом, ради бога! Необязательно, чтобы нас слышала вся улица.

Кай поблагодарил ее улыбкой, сказал: «Permesso?»^[44] — и последовал за Фиаммой в дом.

В коридоре он вручил ей маргаритки и граппу:

— Для вас к вашего мужа.

— Спасибо, — коротко ответила она и поставила то и другое на комод в коридоре. — Идемте со мной.

В гостиной она уселась на кушетку, расцветченную похожим на ее платье узором. Оба цветочных узора сбивали Кая с толку. Она почти полностью утонула в мягких подушках, а когда забросила ногу за ногу, то ее колени оказались даже выше груди.

«Господи, как неудобно!» — подумал Кай и присел на краешек кресла.

— У вас здесь прекрасно, — сказал он, и Фиамма польщенно улыбнулась.

— Выкладываете, — потребовала она и снова сделала сердитое лицо.

— Речь идет о Каза Мериа покойной Джульетты. Настолько я знаю, дом и земельный участок принадлежат общине Сан Винченти. У меня есть заинтересованное лицо, готовое купить эту руину.

— Кто?

— Энрико Пескаторе. Он немец, но много лет живет в Италии и восстановил уже множество руин. И только с помощью старых материалов. Очень мастерски и очень красиво.

Фиамма отрицательно махнула рукой. Для нее вопрос заключался не в красоте.

— Porcarniseria!^[45] Немец. Опять немец. Кругом немцы и американцы. Это ужасно. Хотите чего-нибудь выпить?

— С удовольствием. стакан воды, пожалуйста.

Фиамма попыталась поднять свое тело с кушетки, и для этого ей пришлось расставить ноги. Кай не знал, куда смотреть, ему было ужасно неудобно, и он в душе проклинал себя за то, что захотел воды.

— Немцы, собственно, покупают только руины, расположенные в такой глуши, что они не нужны ни одному итальянцу, — сказал он, чтобы сгладить неловкую ситуацию. — А затем снова отстраивают дома и делают из них настоящих красавцев. Иногда мне кажется, что при этом они стараются даже больше, чем итальянцы, потому что более осознанно воспринимают красоту этих мест. Итальянцы, которые живут тут с рождения, просто не знают ничего иного и намного меньше умеют ценить ее.

Фиамма принесла из кухни, расположенной рядом, графин с водой и два стакана.

— Мадонна, что за глупости вы говорите, — проворчала она.

Кай вздрогнул. Ситуация стала критической. Он не знал, что делать, и перешел в наступление.

— Вы вообще хотите продавать этот дом?

— Конечно. — Фиамма выпила весь стакан одним глотком.

— И сколько он стоит?

— Двадцать пять тысяч, — сказал Фиамма и снова упала на софу. — Но я не буду продавать его немцу.

Кай был в восторге от низкой цены — он ожидал большего, — но Фиамма была чертовски крепким орешком.

Кай сделал глубокий вздох. Надо сейчас же что-то придумать.

— В данном случае все обстоит немного по-другому, — начал он. — Отец Энрико был итальянцем, его звали Альфредо Пескаторе. Жена его была немкой, и их семья жила недалеко от Палермо. Когда Альфредо, который работал каменщиком, упал с лесов и разбился насмерть, его жена с детьми вернулась в Германию. Тоска по Италии не оставляла Энрико, но лишь когда ему было уже далеко за тридцать, он смог осуществить свою мечту и вернуться на родину. Особенно он любил Тоскану, поэтому и начал реставрировать здесь старые дома и развалины.

— Ага. Значит, в принципе, он итальянец. — Фиамма зажгла сверхтонкую сигарету, диаметром всего лишь с соломинку, смотревшуюся в ее грубых пальцах с толстыми кольцами совершенно по-идиотски. — Так-так.

— Он любит Италию, Италия — его родина. И у него есть очаровательная жена, активно занимающаяся социальными вопросами Я уверен, что она и здесь, в Сан Винченци, будет полезна.

Этот аргумент попал в точку. Фиамма, которая была очень чувствительна к социальной активности, призадумалась. Кай почувствовал, что она начинает потихоньку смягчаться.

— Однако в настоящий момент у них возникла проблема: они продали свой дом и остались без крыши над головой.

— Молодой человек, — сказала Фиамма и снова обстоятельно восстала с кушетки, — я сказала «пять минут», и четыре из них уже прошли. Как по мне, то пусть так и будет. Этот Энрико может купить дом. За тридцать тысяч. Ведь я этих двоих совсем не знаю.

— Решено! — обрадовался Кай и широко улыбнулся. Фиамма была пройдохой, но, в конце концов, они оба были в выигрыше.

Фиамма поправила платье, провела рукой по своей невероятной прическе, что на последней никак не сказалось, и улыбнулась:

— Молодой человек, я забыла, как вас зовут.

— Кай. Кай Грегори. Я живу в Сиене, и там же у меня бюро.

— Кай... Porcamadonna!^[46] Это же не имя! Это сокращение. Но от чего?

— Нет, нет, это не сокращение, это имя. Немецкое имя, — тихо добавил он. И ему стало не по себе.

Фиамма все еще улыбалась.

— Ну, хорошо, Кай... Только вы должны знать одно. Если бы вы не были таким ужасно милым и чертовски ловким и если бы у вас не было таких прекрасных голубых глаз... то я бы, наверное, не продала дом этому Энрико.

Кай сидел в кресле, и Фиамма сейчас стояла прямо перед ним. Впервые в жизни у него возникла мысль о бегстве. Кто знает, что еще придет Фиамме в голову, если он не смотается отсюда побыстрее!

Она наклонилась и дышала ему прямо в лицо.

— Как насчет того, чтобы выпить по глоточку? Вы не находите, что нам есть что отпраздновать?

— Конечно, — ответил Кай невозмутимо, как только мог. — Но не рановато ли? Сейчас только одиннадцать. Кроме того, мне еще нужно ехать.

Фиамма громко рассмеялась:

— Сразу видно, что вы не итальянец.

— Разве вы не говорили, что спешите?

Фиамма открыла бутылку «Асти Спуманте»:

— Для сделок у меня всегда есть время.

Она вынула из темно-коричневого полированного стенного шкафа два бокала для шампанского и наполнила их до краев. Затем села на ручку кресла Кая. Ее тугая грудь была прямо перед его глазами, что он воспринял почти как изнасилование.

Фиамма сунула ему в руку бокал:

— Салют!

Они чокнулись и выпили. Кай попытался сконцентрироваться на Монике Бенедетти. Может, ему удастся путем передачи мыслей побудить ее позвонить ему. Ко, как он ни напрягался, его мобильник молчал.

— Вы всегда желанный гость здесь, в Сан Винченти, Кай, — промурлыкала Фиамма, произнося «а» и «й» отдельно, что звучало довольно комично.

— Это очень мило с вашей стороны, синьора... — Кай был крайне осторожен.

— Фиамма. Называйте меня Фиамма.

— Хорошо. Фиамма.

— Знаете, у моего мужа ужасно много работы... и он так много находится в разъездах...

— Я очень скоро снова буду здесь. Самое позднее, к подписанию компромессо... А сейчас мне нужно ехать в бюро... — Он вытащил визитную карточку из кармана пиджака. — Это моя визитка. Можете звонить в любое время.

Фиамма моментально засунула карточку в вырез своего платья.

Кай допил из своего бокала, поставил его на стол из бело-голубого кафеля, стоявший возле кушетки, и встал. Он протянул Фиамме руку, но она подставила ему щеку.

— Я очень рад! — Он расцеловал ее в обе щеки.

— Я тоже, — прошептала она.

Кай направился к двери.

— Мы еще увидимся, — сказал он и добавил: — Чао, Фиамма!

Она была настолько тронута, что долго махала ему вслед. Он быстро прошел через сад, сел в машину, таким же, похожим на бегство, образом рванул с места и уехал, как и бургомистр, который незадолго до него покинул свой дом.

Когда Энрико на платформе в Монтеварки обнял Карлу и поцеловал ее в щеку, то первым, что он сказал, было:

— У меня для тебя есть одна хорошая новость и одна плохая.

Она со страхом и одновременно скептически посмотрела на него:

— Что случилось?

— Я продал Валле Коронату, — сказал он и улыбнулся. — Во всяком случае, почти продал. В ближайшее время пойдем к нотариусу.

Она побледнела как смерть. Не из-за того ли, что он сказал, подумал Энрико.

— А теперь хорошая новость. — Ее тон был обиженным и холодным.

— Женщина, которая покупает долину, очень приятная.

— Как это понимать?

— Так, как я сказал. Я никогда не говорю намеками, не хожу вокруг да около. Ты же знаешь.

Она посмотрела не него, и взглядом выразила одну лишь фразу, которую он понял так четко, словно она была вырезана у нее на лбу: «Ты подлец!»

— Она живет у нас на мельнице, — продолжал он. Ему было уже все равно. Самое худшее он сказал. И сейчас она могла спокойно выслушать все. — Она взяла тайм-аут у своей семьи в Германии и с ходу влюбилась в Валле Коронату. Я думаю, тебе не будет мешать, если она останется на мельнице, пока мы съедем. Иначе ей пришлось бы жить в гостинице, а я думаю, что когда она заплатит за дом, то разорится. — Он засмеялся.

Она его не поддержала.

— А где будем жить мы?

— Я уже нашел чудесную руину. Она тебе понравится. На следующей неделе мы пойдем к нотариусу. Я думаю, четыре недели... и у меня будут готовы одна-две комнаты, в которых мы можем временно пожить. А остальное я буду строить уже не торопясь.

Карла молчала. Энрико притянул ее к себе.

— Сейчас лето, Карла. Мы все равно сейчас постоянно находимся на улице. Если хочешь, то и спать будем под открытым небом. — Он взял ее багаж. — Идем.

Она молча шла рядом, и он знал, о чем она сейчас думает. Почему ты делаешь все, не спросив меня? Не обсудив со мной? Почему ты всегда ставишь меня перед свершившимся фактом? Почему ты не говоришь со мной, когда хочешь повернуть нашу жизнь в иную сторону? Конечно, она так думала, но ничего не говорила. Она была не в состоянии высказывать упреки, просто была настолько разочарована, что любое слово было бы слишком ничтожным и ничего не значащим.

Любая другая женщина взяла бы свой багаж и следующим же поездом вернулась назад в Германию. Но не Карла. Карла уже на протяжении многих лет делала все, что он требовал, и стойчески переносила все, что он взваливал на нее. Иногда ночами, когда он был один и сидел за столом в абсолютной темноте, чтобы было легче думать, он раздумывал, было ли это сильной или слабой стороной Карлы. Этого он не знал. Но для него важно было то, чтобы, по крайней мере, ничего не менялось.

— Как дела у твоего отца?

— Плохо, — сказала она. — Он очень страдает оттого, что я снова уехала в Италию.

«И лучше бы я осталась с ним. Сейчас, когда ты продал мою любимую долину...» — хотелось сказать ей, но она этого не сделала.

Энрико кивнул. Эта фраза и без того звучала у него в ушах. С годами он научился слышать все, о чем она умалчивала, что молча проглатывала или чем мучительно терзала себя.

Они приехали в долину. Анна приготовила ужин и накрыла стол. Энрико решил предоставить поле деятельности женщинам. Он не хотел ни во что вмешиваться.

Карла поздоровалась с Анной любезно и отстраненно, Анна старалась показать себя солидарной с Карлой так часто, насколько это было возможно, и старалась говорить с ней особенно сердечным и теплым тоном. Тем не менее атмосфера была крайне неприятной.

Карла ковырялась в салате с таким видом, словно в нем было полно червей, и давилась куском сыра, как будто он был из резины. Когда она наконец проглотила его, то пробормотала: «Извините» — и убежала в дом.

— Ты не хочешь посмотреть, что с ней? — спросила Анна Энрико.

Он покачал головой.

— Ничего, все в порядке. Такое иногда бывает.

Анна поднялась по лестнице и с террасы через застекленную дверь заглянула в спальню. Карла сидела на кровати и плакала. Анна постучала в дверь:

— Карла, можно я зайду?

Карла зло посмотрела на нее заплаканными глазами, встала и рывком задернула гардину перед дверью на террасу. Все было понятно. Анна снова услышала всхлипывания и медленно пошла вниз.

Энрико было все равно. Просто Карле надо основательно выплакаться, ей это не повредит. Он был всем доволен. То, что Анна покупает Валле Коронату, было хорошо и правильно, а Карла когда-нибудь поймет его и простит. Как до сих пор прощала все.

Кай знал дотторе Бартолини, нотариуса в Монтеварки, очень хорошо, поскольку совершал все свои сделки с недвижимостью через него. Он несколько раз переговорил с Бартолини по телефону, попросил составить договор купли-продажи и обсудил с Анной каждую мелочь. Анна была ему благодарна. Но полях своей копии она делала пометки для себя, хотя была полностью уверена, что все правильно. Она абсолютно доверяла как Каю, так и Энрико.

Энрико отказался от предварительного прочтения договора.

— Недоверие — плохая основа для ведения дел, — сказал он. — Если бы я считал, что меня обманывают, то не жил бы в этой стране.

— Фиамма хитрая, — ответил Кай. — Она приказала изменить пару деталей, и я хотел бы объяснить их вам.

— Я и так все узнаю, когда нотариус будет читать договор, — остановил его Энрико. — У меня есть дела поважнее, чем заниматься этим. Я бы урегулировал все просто с помощью рукопожатия.

«Он действительно не от мира сего, чокнутый», — в очередной раз подумал Кай, потому что точно знал, что Энрико при чтении договора в лучшем случае поймет половину, а учитывая, что Бартолини еще и шепелявит, скорее всего, не поймет ни единого слова.

Оба нотариальных заверения состоялись в тот же день, непосредственно друг за другом. На Анне было легкое летнее платье в бело-розовых цветах, которое соответствовало ее настроению. Так легко и счастливо она не чувствовала себя со времени исчезновения Феликса. В ее сумочке лежал заверенный банком чек на сумму сто восемьдесят тысяч евро. Энрико настоял на том, чтобы снизить цену на двадцать тысяч евро. На Энрико были черные вельветовые брюки и рубашка цвета баклажана. Его вымытые волосы слегка вились на затылке. Говорил он немного, в основном улыбался и молча протягивал руку присутствующим.

«Он похож на итальянца, — подумала Анна, — при случае надо расспросить его о родителях. Не может быть, чтобы в его жилах не текло ни капли римской или неаполитанской крови».

В договоре купли-продажи стояла сумма в шестьдесят тысяч евро, что позволяло сэкономить расходы на нотариуса и оплату налогов.

— В этом нет ничего особенного, в Италии везде так делают, — успокоил Кай Анну. — Причем совершенно открыто, прямо на глазах у нотариуса.

От этого Анне стало и страшно, и весело одновременно.

— Dunque...

Бартолини широко улыбнулся, проницательно посмотрел на присутствующих поверх очков и начал читать. Каждое второе предложение подвергалось его комментарию, каждое замечание начиналось с «dunque», что значило «итак» и явно было его любимым словом. Анна не понимала ничего. Во время чтения и пояснений, что заняло добрых полчаса, она предавалась своим мечтам и ждала момента, когда Валле Короната наконец-то станет принадлежать ей.

— Dunque, — сказал Бартолини. — Altre domande?^[47]

Кай вопросительно посмотрел на Энрико и Анну. Энрико отрицательно покачал

головой, Анна вслед за ним сделала то же самое.

После этого нотариус еще раз спросил, согласны ли обе стороны с ценой в сто восемьдесят тысяч евро, затем взял заверенный банком чек, долго проверял его, потом положил на середину стола и велел Энрико, именуемому Альфредом Фишером, и Анне Голомбек расписаться. После этого оба экземпляра компромессо — предварительного договора, в котором была указана настоящая сумма, — были торжественно порваны на тысячу кусочков. Фотокопии не имели для суда юридической силы.

Энрико сунул чек в карман штанов. Просто так, будто для него это был обычный клочок бумаги. У Анны сердце билось так, словно готово было выскочить из груди. Ее лицо сияло. Валле Короната принадлежала ей, новая жизнь началась!

Энрико сердечно обнял ее. У нее было такое чувство, что наконец-то ей улыбнулось счастье. Счастье, заключавшееся в том, что она встретила этого странного, но такого прекрасного человека...

Анна ждала в кафе, пока закончится подписание договора между Энрико и Фиаммой. Потом Фиамма пригласила всех на бокал просекко. Ее губы были накрашены ярко-красной помадой. Она расцеловала Кая и Энрико, из-за чего мужчины с красными пятнами от губной помады на щеках выглядели довольно дурачки. Затем она дружески-двусмысленно шлепнула Кая по заднице и прошептала, запросто, перейдя на «ты»:

— Твой друг Энрико мне нравится, даже очень. Хотя для наполовину итальянца он очень скверно говорит по-итальянски. И этот ужасный акцент!

Она взъерошила свои искусно уложенные волосы и наконец-то приобрела привычный неухоженный вид.

Кай пожал плечами:

— Спросите его, в чем причина. Я не знаю.

Фиамма, покачивая бедрами и пританцовывая, направилась с бокалом шампанского к Энрико.

— Как дела у вашей жены? — промурлыкала она и заглянула ему в глаза.

— Отлично, — сказал Энрико. — Но сегодня утром она почувствовала себя неважно, поэтому осталась дома.

— Откуда вы так хорошо знаете итальянский язык? — внезапно спросила она и одарила его широкой улыбкой.

Энрико на какой-то момент растерялся. Он знал, что его итальянский оставляет желать лучшего. Неужели Фиамма пытается подловить его или просто хотела сказать любезность? К счастью, Кай рассказал ему о своей вынужденной лжи.

— Мой отец был портовым рабочим в Палермо, — объяснил Энрико без запинки. — У родителей была крохотная квартирка возле моря, но я знаю ее только по фотографиям. Я ничего не помню о том времени. Когда мне было три года, отец завел любовницу, работницу рыбного цеха, и мать вернулась со мной в Германию. Она настолько разозлилась и обиделась, что с тех пор не сказала ни слова по-итальянски.

— Я думала, что ваш отец разбился насмерть, когда упал со строительных лесов, — удивленно сказала Фиамма.

— Нет, нет! — Энрико одарил Фиамму очаровательной улыбкой. — Он удрал с этой женщиной. Но для моей матери он все равно что умер. Ей было стыдно, что ее бросили, поэтому она предпочла выдуманную историю о несчастном случае. И я иногда рассказываю ту же историю, даже не задумываясь.

Тяжкая судьба бедной брошенной женщины и ее вынужденная ложь произвели на Фиамму очень сильное впечатление.

— Бедняга! — страдала она. — Какое ужасное прошлое! Вы поддерживаете отношения со своим отцом?

— Нет, он десять лет назад умер, — сказал Энрико. — Он погиб. В порту на него упал контейнер.

Фиамма умолкла. Значит, красавчик маклер сказал правду. Она, собственно, предполагала, что ее обманули. Но тому, что рассказал Энрико, она поверила сразу же, и все услышанное глубоко ее тронуло.

— Иногда я буду заходить к вам в Каза Мериа, если позволите, — сказала она сладким как сахар голосом и провела пальцем под глазами, чтобы стереть размазавшийся грим.

— Конечно, мы рады видеть вас в любое время, — соврал Энрико.

Это заявление было самой большой угрозой, которую могла высказать Фиамма. Когда он строил дом, внезапные визиты были ему абсолютно не нужны. Анна тоже была фактором неопределенности. Она будет чувствовать себя одиноко на Валле Коронате, будет скучать. И, конечно, время от времени ей в голову будет приходить идея навестить его и Карлу. Был только один выход: теперь ему придется целый день не выключать мобильный телефон, чтобы возможные посетители могли заранее предупредить его. Хотя он ничего не ненавидел больше, чем звонивший телефон. Кроме того, существовала опасность, что Карла начнет сама звонить по телефону, договариваться с кем-то, встречаться и рассказывать всяческие глупости. Этого он не хотел. Это он должен предотвратить. У него еще не было идеи, как это сделать, но он боялся, что уже никогда не сможет жить так спокойно, без постороннего вмешательства, как на Валле Коронате, и это его нервировало. Наверное, продажа дома все же была ошибкой.

Карла накрыла на стол, достала бутылку вина и приготовила панцареллу — крестьянскую еду из остатков блюд, которую особенно любил Энрико: старый белый хлеб, размягченный, размятый и покрошенный кусочками, к нему лук, помидоры, сельдерей, базилик, соль, перец, уксус и масло. Из всего этого получился прекрасный летний салат с хлебом, острый, кисловатый и свежий на вкус, к тому же очень питательный. Правда, главным в панцарелле был тунец, но от него Карле пришлось отказаться, поскольку Энрико тунца не ел. Он с отвращением относился к жестоким методам ловцов тунца и не хотел быть виноватым в смерти и страданиях рыбы.

— Свершилось? — холодно спросила Карла, когда Энрико и Анна вернулись.

— Да, все прошло без проблем. — По Энрико было заметно, что ему стало легче.

— Поздравляю, — с горечью от собственного бессилия сказала Карла.

Анна обняла Карлу, которая не сопротивлялась.

— Я так счастлива! И мне так жаль, что вы из-за этого страдаете.

— Да ладно, — сказала Карла. — Невозможно иметь все.

Она налила в каждый бокал немного вина.

— Давайте выпьем за праздник этого дня. Потому что сейчас мы бездомные.

— Ошибаешься, — сказал Энрико. — Мы владельцы великолепной, выгоревшей до основания руины.

Ему понравилось собственное чувство юмора, Карла же осталась серьезной. Все трое подняли бокалы и выпили по глотку.

— Да, кстати, — сказала Карла Энрико, — на мельнице змея. Я закрыла все двери, чтобы она не выбралась. Может, ты поймаешь ее до того, как мы допьем всю бутылку.

— Но, может быть, было бы лучше, если бы она уползла на улицу? — Анна не совсем понимала логику Карлы. — О боже, мне же придется спать там сегодня!

— М-да, — сказала Карла и впервые улыбнулась. — И это также является неотъемлемой частью жизни на Валле Коронате.

Она ушла в дом и появилась с двумя бутылками воды.

— Все очень просто. Если я закрываю дверь, то знаю, что змея все еще здесь. Если я оставляю ее открытой, то буду сомневаться, там ли она, если Энрико сразу же ее не найдет. Я не могу часами сидеть и наблюдать за дверью!

Анна кивнула. Она сразу же поняла, что это удар в спину. Как поняла и причину поведения Карлы.

— Что за змея? — спросил Энрико. — Уж или гадюка?

Карла пожалала плечами.

— Я точно не знаю. Но довольно длинная. Наверное, уж. Возможно, полоз. — Она обернулась к Анне. — Эти ужи нападают моментально и кусаются ужасно больно. После укуса остаются отвратительные раны, которые долго не заживают. Но, по крайней мере, эти ужи не ядовитые.

Энрико подскочил, достал из сарая большую картонную коробку и палку и бросился на мельницу. Анна пошла за ним.

— Как вы их убиваете? Палкой? Может, лопатой было бы лучше?

— Я вообще их не убиваю, — сказал Энрико. — Я их ловлю и отношу обратно в лес. И

надеюсь, что они вернутся нескоро.

Анна вздохнула. Этой ночью ей будет спаться не так хорошо, как раньше.

Энрико обыскивал мельницу участок за участком, шаг за шагом.

— Стойте на дверях! — крикнул он Анне. — И когда она удерет, скажите мне.

Прошло минут двадцать, пока он нашел змею, свернувшуюся между ящиком с книгами, корзиной для дров и камином. Втащить ее в коробку было невозможно, поэтому он вспугнул ее и подталкивал палкой до тех пор, пока она не развернулась и не попыталась скрыться. Она вползла на полку, обвилась вокруг глиняной статуи льва, а потом попыталась по ковру ускользнуть в направлении лестницы. Энрико с помощью палки перекрывал ей путь до тех пор, пока у змеи не осталось никаких шансов и она не заползла в картонную коробку. Энрико поднял коробку, выскочил с мельницы и помчался на гору в лес.

Анна подошла к Карле и села рядом с ней за стол под ореховым деревом.

— Иногда хорошо иметь мужчину в доме, — тихо сказала Карла, вылавливая кусочки сельдерея из панцанеллы.

— А иногда еще лучше не иметь его в доме, — сказала Анна.

Карла улыбнулась, и Анна тоже. Лед был сломан.

Когда солнце зашло, резко похолодало. Анна и Карла надели теплые куртки и толстые носки, чтобы можно было еще посидеть на воздухе. Энрико остался босым и в короткой рубашке, сказав, что ему не холодно. Дождя не было, однако порывистый вечерний ветер задувал из-за угла дома так, что скатерть пришлось утяжелить камнями. Орех шумел, и это напомнило Анне ветреные дни у моря.

Карла приготовила горячий чай и принесла из кухни кексы с маслом. Энрико сидел, откинувшись назад и закрыв глаза, словно медитировал или спал. Карла налила всем троим чаю и выжидательно сложила руки на груди.

— Почему вы здесь? — спросила она. — Зачем вы купили Валле Коронату? Я пытаюсь как-то смириться с мыслью, что придется снова, уже по-другому, начинать жить, и, если Энрико это доставляет удовольствие, снова строить дом. Ну и хорошо... Но мне хотелось бы знать, почему такая женщина, как вы, хочет прятаться здесь, в темноте и одиночестве. Без мужа, который ловил бы змей в комнате.

— Десять лет назад я потеряла сына, — тихо сказала Анна. — Феликса. Ему было десять лет. Такой маленький, нежный, беленький мальчик. Мы были в отпуске в Ла Пекоре, недалеко отсюда.

— Я знаю Ла Пекору, — быстро вставила Карла. — Энрико ее реставрировал.

Энрико открыл глаза. Анна посмотрела на него, но он не ответил на ее взгляд, а устался в темноту.

— Была Страстная пятница девяносто четвертого года. Феликс играл на улице, возле ручья, приблизительно в ста метрах от дома. Еще до наступления темноты мы позвали его на ужин, но он не пришел. Несколько минут спустя началась ужасная гроза, стало холодно, разыгрался ветер, дождь лил как из ведра, а на Феликсе были только шорты и футболка. Гаральд, мой муж, тут же помчался на поиски. Он искал его всю ночь и еще две недели. Круглые сутки. И днем, и ночью. Но так и не нашел.

— А вы подключили полицию? — спросила Карла. Было видно, что ее очень тронуло то, о чем рассказывала Анна.

— Конечно. На следующее утро полицейские с собаками прочесали весь лес, водолазы

вели поиски в озере... Поисковая операция длилась несколько дней, но они так ничего и не нашли. Ни малейшей зацепки. Ни единого следа. Ничего из его одежды. Вообще ничего. Через две недели нам пришлось снова вернуться в Германию, и с тех пор я больше никогда не видела Феликса.

— И вы не можете этого вынести... — прошептала Карла. — Неизвестности того, что с ним случилось...

Анна кивнула.

— А сейчас вы здесь, потому что надеетесь каким-то образом выйти на след этой тайны?

Анна кивнула, не отрывая взгляда от пола.

Карла положила руку на руку Анны. Несколько секунд, казавшихся бесконечными, никто из них не произнес ни слова. Анна смотрела на свечу в садовом подсвечнике, в пламени которой с треском сгорали комары. А потом рассказала о пасхальных днях десятилетней давности, когда исчез Феликс.

Когда она закончила рассказывать, то побежала в дом, чтобы принести фотографию Феликса.

Энрико точно знал, о ком она говорила. Он никогда не забывал ту Страстную пятницу, о которой шла речь. Тогда гроза буквально загнала мальчика прямо ему в руки...

«Такого не может быть, — думал он в отчаянии, — в это невозможно поверить! Несколько часов назад я продал свой дом матери этого мальчика? Что за идиотство! И теперь она хочет жить здесь... совсем рядом с ним?»

Анна вернулась с фотографией и положила ее на стол.

— Вот так он тогда выглядел. Если бы я только знала, жив ли он... Убили ли его в ту Страстную пятницу и где-то закопали или похитили. Может, его продали торговцы детьми или похитили порнодельцы. Все может быть. Сейчас ему было бы двадцать лет. Я не могу носить по нему траур, не могу его оплакивать... И не найду покоя, пока не узнаю, что с ним случилось!

Карла долго смотрела на фотографию.

— Я никогда не видела этого ребенка. Но мне кажется, что на Пасху в девяносто четвертом году я тоже была в Германии. У моего отца как раз случился инфаркт.

Она протянула фотографию Энрико, и он рассматривал ее, наморщив лоб.

— Я не знаю этого мальчика, — сказал он, отрицательно качая головой, — но я готов помочь искать его, если вы хотите.

Никто не знал этого Феликса лучше, чем он. Несколько дней провел он с ним на мельнице, но уже не помнил сколько. Было ли это два дня? Или три? Или даже четыре?

За неделю до Пасхи он, прогуливаясь, случайно увидел его недалеко от Ла Пекоры, когда тот играл на берегу ручья. С тех пор он целыми днями наблюдал за мальчиком, держа наготове бутылку с эфиром. Он должен был быть готовым в нужный момент. Этот мальчик очаровал его. Он невероятно серьезно и сосредоточенно носил куски дерева и палки, подтаскивал камни и собирал мох, чтобы перегородить ручей и построить на берегу маленького, им же созданного озера пещеру. Он неутомимо работал целыми днями, целыми часами стоял худенькими бледными ножками в ледяной воде ручья, а иногда тихонько пел. Все время одну и ту же песню. Песню, которую Энрико не знал.

В ту пятницу Феликс забрался довольно высоко на гору, чтобы набрать больше сучков дерева. Он так старался и был настолько поглощен своим занятием, что гроза застала его

врасплах и он даже не услышал, как его звала мать.

Энрико появился в тот момент, когда Феликс уже промок до нитки, дрожал от холода и страшно боялся грома и молнии. Он не решился бежать к дому через луг. Энрико был для него спасителем в трудном положении, и он сразу же проникся к нему доверием. Энрико без труда удалось уговорить его на несколько минут сесть в его машину, пока пройдет гроза. Этот мальчик не был таким недоверчивым, как Беньямин. Он даже не думал убегать, Энрико даже не пришлось брать его за руку. Он сам прошел пару метров к машине — даже не прошел, а пробежал — и сам сел в нее.

Гроза была просто счастливым случаем для Энрико. Он долго думал, как отвлечь малыша от его пещеры у воды, но то, что это окажется так легко, он даже не представлял.

— Я подвезу тебя пару метров, — сказал он, запуская двигатель, и мальчик засиял от радости.

Когда старый, купленный из третьих рук джип, который Энрико уже давно сдал на металлолом, поехал в противоположном направлении, было уже слишком поздно.

Через несколько минут, а может, и секунд, Феликс понял, что этот человек никогда не привезет его домой, и на его лице появилось выражение отчаяния и страха.

— Не волнуйся, — успокоил его Энрико, резко затормозил и прижал к лицу Феликса пропитанный эфиром носовой платок. Голова мальчика поникла, и Энрико смог спокойно преодолеть весь долгий путь через лес к Валле Коронате. Карлы не было дома. Никого не было. Они были совершенно одни, и у них была масса времени...

— Чего ты притих? — спросила Карла. — В чем дело?

Звук ее голоса прервал мысли Энрико.

— Быть такого не может... — медленно сказал он. — Так не бывает, чтобы ребенок просто так исчез. Только не в этих местах. Здесь в лесу не сидят торговцы людьми и порнографией и не ждут маленьких мальчиков! Я не могу себе представить, чтобы здесь совершал преступления какой-то таинственный детоубийца. В таком случае он убивал бы чаще. Не только один раз. И тогда нашлись бы трупы.

— Как? — спросила Анна. — Здесь дома находятся далеко друг от друга, а участки при домах занимают много гектаров земли. Если кто-то кого-то закопает, то как можно найти труп?

— И здесь никто никогда не бывает, — добавила Карла. — Можно копать часами, и никто ничего не увидит. В Германии это было бы сложнее.

— Точно, — соврал Энрико. — Я об этом и не подумал.

Дискуссия начала забавлять его. Это была игра с огнем, и она его возбуждала.

— А как вы думаете, что могло случиться с Феликсом? — обратилась Анна к Энрико, возвращая разговор к теме. — Если вы отмечаете все эти возможности и теории... может, у вас есть лучшая идея?

— Скорее всего, это была глупая случайность. Ваш сын просто оказался не в то время и не в том месте. Может быть, это был несчастный случай, в котором был замешан кто-то из работающих на виноградниках или в оливковых садах. Может, кто-то задавил его трактором, или его случайно застрелил браконьер, или загрызла собака пастуха, потому что Феликс испугался ее, стал убегать и, наверное, упал. Все это вещи, из-за которых у человека, живущего здесь, могут возникнуть серьезные неприятности. В таком случае на карту поставлено его существование. И поэтому он просто спрятал тело Феликса. Так, как вы и

сказали, — где-то закопал или бросил в старую цистерну.

— Нет, мне это не поможет. — Анна зажгла сигарету. Первую за этот день. — Все это лишь предположения. И пока я не увижу его труп, я считаю, что он жив.

— То, что вы его ищете, я понимаю, — сказал Энрико. — Но зачем же сразу покупать дом? Может быть, поиски очень быстро уведут вас далеко отсюда?

— Может быть и такое. Но интуиция все прошедшие годы говорила мне, что нужно ехать в Италию. Я тосковала по этой стране, как по родине, потому что чувствовала, что Феликс где-то здесь. Мы бросили его, когда ни с чем уехали назад в Германию, и теперь я наконец хочу быть рядом с ним.

«Как быстро я мог бы раз и навсегда завершить эти поиски! — подумал Энрико. — Но я этого делать не буду. Черта с два!»

— Я вот думаю о слабоумных сыновьях Джакомо, — сказала Карла. — Им сейчас уже за сорок, и они целыми днями разъезжают вокруг на своих «Веспах». Они появляются даже там, где их ждут меньше всего. Время от времени пару дней они помогают на работах в лесу, но когда им это надоедает, то просто бросают работу и сидят где-нибудь с бутылками пива. Они никогда не появляются в деревне — родители запретили им это, потому что стыдятся своих детей. А иногда они исчезают на пару месяцев, потому что находятся в психиатрической лечебнице в Сиене.

Энрико отрицательно махнул рукой.

— Здесь шатается много странных личностей, потому что в Италии их не держат под замком, как в Германии. Если кто-то добровольно не идет в клинику, то его туда и не отправляют. Родители заботятся о таких несчастных. А тех, кто от старости тронулся умом, вообще оставляют в покое. Но я считаю, что сыновья Джакомо не опасны. Я думаю, они и мухи не обидят.

— Я не знаю. Такого заранее никто не знает. Только когда что-то случается, тогда задним числом все становятся умными.

— Что же мне делать? — довольно беспомощно спросила Анна. — Что мне, пойти к этому Джакомо и спросить его сыновей, были ли они на Пасху в девяносто четвертом году в Ла Пекоре и не убили ли они моего сына? Это же чушь!

— Мы можем, по крайней мере, узнать, были ли они в это время в клинике.

— Гаральд тогда развесил на деревьях сотни объявлений и поговорил в окрестных деревнях с каждым, кого встречал. Никто ничего не видел и не заметил. Словно проклятие какое! Только одна старуха пару дней спустя вспомнила, что видела маленького светленького мальчика в сером «порше».

— Хозяин магазина «Алиментари» из Кастельнуово Берарденга ездит на серебристо-сером «порше», — сказал Энрико. — Никто не знает, откуда у него деньги на такую машину. В основном «порше» стоит в гараже за домом, а хозяин сдувает с нее пылинки. Самое большее раз в месяц он ездит на ней во Флоренцию. Притом так медленно, что тормозит все движение. И каждый спрашивает себя, что ему, собственно, нужно во Флоренции...

— Откуда ты все это знаешь? И почему мне никогда ничего такого не рассказываешь?

— Я же не могу пересказывать всю ту чушь, которую можно услышать в магазине стройматериалов. Тогда я был бы только этим и занят.

Энрико и Карла говорили раздраженным тоном.

— Как зовут этого продавца? — Анна не хотела отвлекаться от темы.

— Энцо Мартини. Мне так кажется. Но я не уверен, потому что мы очень редко бываем

в Капельнуово Берарденга.

— Но что же мне делать?

Анна уже поняла, что все было иначе, чем она себе представляла. Она была слишком наивной. Легко сказать: «Я поеду в Италию и буду искать своего ребенка. Начну оттуда, где он исчез десять лет назад. Где-нибудь да найду след, какую-то зацепку и узнаю, что же произошло десять лет назад...»

Так она думала. А сейчас она знала, кому принадлежал серебристо-серый «порше», она узнала о двух слабоумных парнях, которые безо всякого дела раскатывали по местности и запросто могли случайно натолкнуться на ребенка в лесу. И тем не менее она не продвинулась дальше. Такие вещи бывают в кино или в романах, но действительность, к сожалению, выглядит совсем иначе.

Анна уже примирилась с судьбой. Все было бессмысленно! Она вела себя как идиотка. Надо было оставаться дома во Фрисландии. И, наверное, Гаральд был прав. Надо было тогда рожать второго ребенка и начинать новую жизнь. Сейчас ему было бы восемь лет. Может, это был бы мальчик. Мальчик. Такой как Феликс.

— Ничего вы не сможете сделать, — прервал ее мысли Энрико. — Собственно, только полиция может действительно сдвинуть дело с мертвой точки. Но я не могу представить, чтобы десять лет спустя в «порше» можно было найти хоть один след, который можно было бы идентифицировать.

— Я устала. Пойду, наверное, спать. — Анна поднялась. И вдруг почувствовала такое отчаяние, что ей стало трудно даже пошевелиться. — Спокойной ночи. И спасибо за все.

Она зашла на мельницу и заперла дверь изнутри. И вдруг представила себе, как это ужасно — остаться одной в этой долине.

Анна уснула сразу. Во сне она увидела себя привязанной к операционному столу. Яркие лампы слепили ее, так что она лишь с трудом могла различить наклонившиеся к ней фигуры в повязках, закрывающих рот, и медицинских шапочках. Ее охватил страх. Панический страх. Она дергалась, пытаясь освободиться от ремней, и почти сходила с ума от собственной беспомощности. «Что вы со мной делаете?» — пыталась закричать она, но из горла вырывался лишь хрип. Фигуры нагнулись еще ниже. Она была уверена, что они ухмыляются, хотя видеть этого не могла. «Я здорова, зачем это?» Из ее глаз брызнули слезы. Может, они сжалятся?

Внезапно она узнала одного. Это был Энрико. Он стянул повязку со рта, снял очки и поплевал на стекла. Затем растер желтоватую, мутную и очень вязкую слюну в какую-то липкую кашу.

— С вашей матерью произошел несчастный случай, — сказал он и снова надел очки, через которые теперь уже не было видно его глаз. — Сейчас мы пересадим вам ее сердце.

Глаза Анны расширились от отчаяния. Она ослепла от яркого света. Лампы начали вращаться все быстрее, пока не слились в вихрь и не исчезли, превратившись в крохотную красную точку.

Они хотели умертвить ее.

Она жалобно застонала:

— Зачем? Я здорова. Пожалуйста, отдайте ее сердце кому-нибудь другому!

— Вы разве не читали ее завещание?

Этот вопрос привел ее в ужас, и она чувствовала себя так, словно под ней только что разожгли костер.

— Но я же здорова!

Анне казалось, что она вот-вот задохнется. Она хотела пошевелиться, но не смогла. Она могла лишь шептать: «Я еще молодая. Зачем мне сердце старой женщины? Энрико, помогите мне! Не делайте этого!»

— Она так хотела. Вы должны стать такой, как она.

— Нет!

Силы покинули Анну. Шприц все приближался. Глаза Гаральда, которого она теперь тоже узнала, сверкали. Она лихорадочно думала, пытаясь найти какой-нибудь выход.

— Гаральд, если ты мне поможешь, я останусь с тобой. Только с тобой. Я продам дом в Италии. Может, у нас будет еще ребенок. Я постараюсь, обещаю тебе!

Но фигура с закрытым лицом, которая была Гаральдом, лишь отрицательно покачала головой и не сказала ни слова. Повязка на губах тоже не двигалась, словно ему не надо было дышать. Беспощадно и невыносимо медленно Энрико ввел иглу ей в вену.

Он был ее палачом. У нее закружилась голова. Язык вывалился изо рта.

«Я умерла, — подумала она, — значит, вот как это бывает. Так просто».

Анна проснулась в холодном поту. Ее футболка была мокрой и прилипла к телу. Она почувствовала легкий сквозняк, тянувший по полу, поскольку дверь закрывалась неплотно. Между дверью и полом была щель шириной в два-три сантиметра. Анне стало холодно. Она встала и включила свет. На улице испуганно закричала какая-то птица. Анна отыскала в

дорожной сумке свежую футболку и надела ее. Потом открыла тяжелый люк в полу и медленно спустилась по примитивной деревянной лестнице в нижнюю комнату мельницы.

Было темно. Она выругалась, потому что не захватила с собой карманный фонарь. Надо купить маленький фонарик, который можно будет постоянно носить в кармане. Эта долина была черной дырой. Без фонарика здесь можно было пропасть.

Скудный свет со второго этажа освещал лишь первые ступеньки лестницы. Придется поменять в обоих домах все лампочки, потому что Энрико, чтобы экономить электроэнергию, везде повкручивал лампы мощностью в двадцать пять ватт. Свет ему все равно не был нужен.

Внизу она продвигалась медленно, на ощупь, вдоль стены, чтобы найти выключатель. При этом она молила Бога, чтобы случайно не схватить рукой какого-нибудь скорпиона, которые сидели в трещинах, приклеивались к потолкам и искали убежища в обуви, пуловерах и перчатках. Анна поклялась себе, что прямо с утра миллиметр за миллиметром пропылесосит всю мельницу и, дай бог, уничтожит всех скорпионов, пауков и сороконожек, имевших здесь немыслимые размеры. Карла такие акции отклоняла. Она не могла убить ни паука, ни скорпиона, ни ухвертку, ни сороконожку — в этом отношении она была точно такой же, как Энрико. Иногда она выносила скорпионов, которых находила, к примеру, в кастрюле или чашке, в сад, но чаще всего она просто оставляла всю эту живность там, где обнаруживала. По этой причине в последние годы насекомые могли плодиться и множиться беспрепятственно и полностью оккупировали оба помещения мельницы.

Свет из окна мельницы еле-еле пробивался на маленькую естественную террасу перед бассейном. Ночью вода казалась черной, с легкой рябью от ветра. Анна подумала о змеях, лягушках и тритонах, прячущихся в темной воде и в густых водорослях по краям бассейна. «Когда-нибудь на этом месте я построю настоящий бассейн, — подумала она, — который будет выкрашен в белые и голубые тона и вода в нем будет кристально чистой. Чуть-чуть хлора и циркуляционный насос, который будет постоянно очищать воду, позаботятся о том, чтобы жабы и тритоны больше не чувствовали себя здесь как дома. Я буду по утрам, с первыми лучами солнца купаться в полной уверенности, что змея не обовьется вокруг моей ноги, а жаба не прыгнет на плечо».

Эта мысль доставила ей удовольствие, хотя она знала, что для этого потребуются основательная перестройка. Старую купальню придется снести, а вместо нее построить настоящий бассейн. Со всякими техническими мелочами, трубопроводами, запорными вентилями, насосами и песчаными фильтрами. Может, заодно удастся увеличить бассейн на пару метров.

Однако это была «музыка будущего». Все это стоило целое состояние, а она на данный момент была банкротом.

Она пошла в ванную и уселась на унитаз. И лишь потом заметила, что в туалете нет туалетной бумаги. Не было ни бумажных носовых платков, ни чего-то подобного. Она нервно встала и натянула трусики. Такого она терпеть не могла! Сейчас была половина пятого. Не позже чем через два часа она примет душ.

Анна напилась прямо из-под крана. После вина ей хотелось пить. Она подумала: почему здесь, на мельнице, ей постоянно снятся кошмары — чаще, чем обычно? Дома она иногда месяцами не видела ни одного Страшного сна, а тут почти каждую ночь просыпалась в ужасе.

«Наверное, мне действительно нужно сначала привыкнуть к тишине и темноте», —

утешала она себя, но неприятное чувство не исчезало. И снова ее охватил страх: как же она выдержит жизнь в одиночестве? Что-то беспокоило ее. Она чувствовала это, но не знала, что именно.

Напившись воды, она почувствовала себя намного спокойнее. Она еще подумала, не лучше ли не спать, а почитать до рассвета, но когда легла в постель, то почувствовала, как устала.

«В лице Энрико и Карлы я нашла друзей, — подумала она. — Хорошо, что они будут жить в Каза Мериа».

Мысль о том, что есть место, куда можно пойти в любое время и там будет кто-то, кто всегда может помочь, успокоила ее.

«Что за жизнь была бы здесь без Энрико и Карлы...» — подумала она немного патетически, перед тем как погрузиться в беспокойный сон.

Утром Карла уже сварила кофе, когда заспанная Анна в четверть девятого вышла из мельницы.

— Я успею принять душ до завтрака? — спросила она.

Карла кивнула:

— Никаких проблем. Энрико тоже еще не завтракал. Он грузит инструменты в машину, потому что уже сегодня хочет начать строительные работы в Каза Мериа.

Анна зевнула и поплелась снова на мельницу.

Через пятнадцать минут она присоединилась к Карле за завтраком, чувствуя себя свежей и выспавшейся.

— У меня из головы не выходит то, что вы рассказали вчера, — сказала Карла. — До того как уехать с Энрико в Италию, я работала воспитательницей в детском саду. Дети — это что-то прекрасное. Я хорошо понимаю, что вы чувствуете и что вам пришлось пережить.

— Мне стало легче, когда я рассказала об этом, — сказала Анна.

Кофе был крепким, горячим и согревал до кончиков пальцев на ногах.

— Можете рассказывать мне о Феликсе так часто и так много, сколько пожелаете. Как вам будет лучше. Я с удовольствием послушаю вас. И я бы хотела знать о нем больше.

— Минуточку! — Анна встала. — Тот маленький проигрыватель компакт-дисков, что стоит на письменном столе на мельнице... Он работает?

Карла кивнула. Анна бросилась в дом и оставила дверь распахнутой настежь. Вскоре зазвучал высокий голос, звонкое, как колокольчик, мальчишеское сопрано. Феликс пел:

«По берегам реки Мехико тихо катится фургон, ой, какой я счастливый и довольный, потому что я ковбой.

Родился я на Западе, в Техасе, и в лошадях я знаю толк, а взгляните — там на краю леса, стоит моя ферма, мой любимый дом.

Когда вечером загораются огни, мое ковбойское сердце начинает биться чаще, и я мечтаю о прошедшей любви и верности, о тоске и боли.

А если однажды мне придется уехать верхом на тот свет, когда придет мой последний день, то напоследок выройте мне, ковбои, могилу на берегу реки».

Анна боролась со слезами и едва могла говорить.

— Это была его любимая песня. Он все время пел ее. Бесперывно. Так, что нам это уже действовало на нервы. — Она вымученно улыбнулась. — Сейчас я отдала бы что угодно, только бы он спел ее еще раз.

— Включите снова, — попросила Карла. — Я никогда не слышала такой красивый детский голос.

— У нас эта запись была на кассете, а потом я попросила перезаписать ее на компакт-диск, чтобы не потерять.

Анна снова включила плеер.

В первый момент это было нечто вроде ощущения дежавю.

Этот чистый детский голос. Энрико обернулся, и на какую-то долю секунды ему показалось, что он видит Феликса, видит, как он вприпрыжку бежит с горы прямо к нему. Но потом он включил рассудок и сказал себе, что этого не может быть. И, естественно, когда

он снова посмотрел на дорогу, там никого не было.

Энрико прерывисто дышал, ему был жарко. Ему до сих пор чудился детский голос. Он затаил дыхание, чтобы лучше слышать, и узнал песню. Это ее Феликс пел у ручья. Из-за этого, собственно, он и обратил на мальчика внимание.

Энрико присел на сиденье машины, оставив дверь широко открытой, и закрыл глаза. Слова, которые он слушал, пылали в его душе: «...Я мечтаю о прошедшей любви и верности, о тоске и боли. А если однажды мне придется уехать верхом на тот свет, когда придет мой последний день, то напоследок вырвите мне, ковбой, могилу на берегу реки».

Он увидел, как Анна встала и отнесла плеер назад на мельницу.

«Феликс, — подумал он, — проклятье, Феликс, я ведь даже не мог предположить, что эта женщина — твоя мать».

Наконец Энрико взял себя в руки, успокоился и медленно направился к дому.

После завтрака Энрико сразу же уехал. Карла собиралась заняться стиркой и уборкой дома. Анна спросила, может ли она помочь, но Карла отказалась. У Анны было такое чувство, что она просто хотела, чтобы ее оставили в покое.

Тогда Анна отложила программу по уничтожению насекомых на мельнице на более поздний срок и пешком отправилась в Ла Пекору. Она хотела рассказать Элеоноре, что купила дом и что теперь они соседи.

Дорога в Ла Пекору была трудной. Надо было довольно долго подниматься в гору, причем крутую. Анна не привыкла к подобным переходам, и ей пришлось несколько раз останавливаться, чтобы передохнуть. В это время зазвонил ее мобильный телефон. Это был Кай.

— Мы сегодня вечером сможем отпраздновать покупку? — спросил он.

— Можем. Где встретимся?

— В семь в Сиене на Кампо. Я знаю там поблизости маленький ресторанчик. Не для туристов, не слишком дорогой, но чудесный.

— Я рада, — сказала Анна и отключилась. И ее посетила мысль, что сегодня вечером, наверное, надо будет положить в сумочку зубную щетку. Ее сердце забило от волнения, она почувствовала себя, как девушка перед первым свиданием, и подниматься на гору стало намного легче.

Элеонора как раз варила абрикосовое повидло. Она обрадовалась приходу Анны и поздравила ее с покупкой Валле Коронаты. Они сидели на террасе и выковыривали косточки из абрикосов, когда Элеонора задала тот же вопрос, что и Карла накануне вечером:

— Что заставило вас купить этот уединенный дом?

И точно так же, как и накануне вечером, Анна рассказала свою историю и вкратце повторила все догадки, которые они вчера строили по поводу исчезновения Феликса.

А затем Элеонора сказала нечто важное: пропали и другие дети! В 1997 году — одиннадцатилетний итальянец Филиппо, которому надо было минут десять идти через лес до остановки школьного автобуса и который однажды утром не добрался до школы, а в 2000 году — Марко, которому было уже тринадцать лет, но для своего возраста он был довольно маленьким, поэтому казался младше. Он договорился с друзьями встретиться на озере вблизи Ченнины, но мальчики напрасно ждали его у озера. Марко исчез, и никто ничего о нем не знает по сегодняшний день. Как и о Филиппо.

Элеонора любила читать. Она предпочитала исключительно криминальные романы и, когда узнала об исчезновении детей, очень заинтересовалась этими двумя случаями.

Итак, не исключено, что в этой местности бесчинствовал убийца детей, который так надежно спрятал трупы, что до сих пор ни один не был найден. В этот момент у Анны исчезла надежда на то, что Феликс жив. Однако она удивилась, что Энрико и Карла ничего не слышали о двух других пропавших детях.

Когда Анна приехала в Сиену на Пьяцца дель Кампо, то опоздала на целый час и была в расстроенных чувствах. Все в этот день после обеда шло не так, как надо. Она слишком долго болтала с Элеонорой, не вовремя отправилась в обратный путь и добралась до долины слишком поздно, вся в пыли, вспотевшая и уставшая до смерти. Однако времени на горячий душ ей как раз хватило бы. Она хотела быстренько вымыть волосы, высушить их феном, а потом отправиться в Сиену.

Но в долине не было электричества, а значит, и воды, потому что водяной насос не работал. После короткой, но сильной грозы перегорел главный предохранитель, а Карла не знала, где Энрико держит ключи от домика с электрооборудованием. Энрико же еще не вернулся из Каза Мериа. Он всегда работал до захода, а солнце заходило где-то около девяти вечера.

Анна была на грани истерики. Она так радовалась, что проведет вечер с Каем, а сейчас чувствовала себя липкой и грязной. Она подумала, не забраться ли на гору, где мобилка будет работать, чтобы позвонить ему и отменить свидание, но почувствовала, что не в состоянии пройти ни единого метра. А тем более в гору.

Проклиная Карлу за неосведомленность и несамостоятельность, она кое-как помылась водой из заросшего темно-зелеными водорослями бассейна. Но Карла ни в чем не видела проблем. Бывают вещи и похуже, чем отключение электричества. К подобному в Валле Коронате надо привыкать, сказала она.

Анна не позволила втянуть себя в дальнейшую дискуссию. Она переоделась, поспешно нарядилась, бросила в сумочку самые важные косметические принадлежности вместе с зубной щеткой и умчалась.

На каменистой полевой дороге перед Доддовой навстречу ей выехал тягач-лесовоз. Водитель упрямо ехал просто лоб в лоб посередине дороги и, естественно, ожидал, что она сдаст назад, задним ходом по крутой извивистой щебеночной дороге до места, где можно будет разминуться. Анне очень хотелось выйти из машины и доступно объяснить этому тупому лесорубу, что проще ему на тягаче выехать на оливковое поле, чтобы уступить дорогу, но ей не хватало слов. Кроме того, этот абориген явно принял ее за туристку и уперся, как бык. Он еще не знал ее. Еще никто не знал, что она — новая владелица и новая хозяйка Валле Коронаты.

Маневр по разъезду стоил ей еще пяти минут, и было уже без двадцати семь, когда она наконец свернула на асфальтированную дорогу в направлении Сиены.

Для Анны Сиена была самым красивым городом на земле. В этой красоте имелся лишь один изъян: в городе негде было поставить машину. Она уже привыкла оставлять свой автомобиль на улице возле городского стадиона и пешком идти до Кампо, но в этот вечер все улицы, ведущие к стадиону, были забиты. Анна стояла в пробке и нервно посматривала на часы. Пять минут восьмого. Пока она доберется до Кампо, пройдет целая вечность. Хорошо, если у Кая хватит терпения.

Стоянка перед стадионом была закрыта, сотни людей колесили по городу, чтобы купить билеты на завтрашний футбольный матч.

— Наверное, не судьба! — ругалась про себя Анна. — Господь держит надо мной свою руку и оберегает меня от моральных ошибок и плотских грехов, значит, действительно,

этому не суждено быть. Проклятье!

Она от злости ударила кулаком по рулю и, дико сигналив, нагло выскочила на встречную полосу и поехала мимо ожидавших проезда машин.

Зеленый свет светофора, еще один... Она ехала быстро и уже не знала, где находится. Просто чувствовала, что все больше и больше удаляется от центра города.

Когда поток машин вынес ее за пределы городской стены, она решила остановиться и посмотреть на карту, однако пришлось проехать еще три перекрестка, пока она обнаружила хоть одну табличку с названием улицы. Виале Джузеппе Маццини. На ее карте эта улица была на самом верхнем краю. Анна развернулась так, что завизжали шины, чтобы проехать через Порта Оливе в направлении Палаццо Салимбени, но трассировка дорог была так запутана и настолько не соответствовала обозначению на карте, что она выехала аж к Порта Камоллиа. Это были городские ворота, расположенные далеко позади стадиона, откуда она приехала, и самые удаленные от площади Пьяцца дель Кампо. Почти половина восьмого. Анна было близка к тому, чтобы потерять рассудок, и уже думала о том, чтобы развернуться и спокойно поехать назад в долину, где в тишине под ореховым деревом за бутылкой вина завершить этот день, когда зазвонил мобильник. Светофор переключился на зеленый свет, сзади засигналил грузовик. Она нажала на зеленую кнопку приема и заорала в телефон, даже не убедившись, что звонит Кай, и не слушая, что он скажет:

— Я приеду. Когда-нибудь приеду, если в этом дерьмовом городе найду, во-первых, дорогу к Кампо, а во-вторых — где поставить машину!

И она отключила телефон.

Она еще четверть часа колесила по улицам и в конце концов припарковалась на Пьяцца делла Либерта, опять же недалеко от стадиона. Затем прошла пешком еще двадцать минут и наконец в десять минут девятого пришла на площадь. Раздерганная и измученная. Пот ручьями стекал по ее лицу, а тушь для ресниц оставляла узкие сероватые полосы.

Она увидела, что он стоит у фонтана. Воротник рубашки расстегнут, рукава легкой летней куртки высоко закатаны, руки в карманах. Вид у него был такой, словно он тихонько насвистывает какую-то песню. «Черт возьми, парень хорошо выглядит! — подумала она. — А я появляюсь тут, словно ведьма, которая три дня мчалась верхом на метле сквозь ураган».

Он засмеялся, когда увидел, что она идет к нему.

— Я совсем выдохлась, — сказала она вместо приветствия. — Ничего не говори, иначе я вцеплюсь тебе в горло.

Он обнял ее за плечи и заставил присесть на ступеньку возле фонтана.

— Сначала посиди и отдохни. А потом подумаем, что делать дальше.

— Я не могу в таком виде идти в ресторан, я вся липкая от пота! В Валле Коронате не было света, я проделала марш-бросок в Ла Пекора и обратно, но даже не могла принять душ! — Она посмотрела на него, и ей даже удалось улыбнуться. — Сегодня просто все не получалось так, как надо.

— Я приглашаю тебя в душ и на холодный как лед бокал спиртного на моей террасе. Как ты к этому относишься? Отсюда всего лишь пара минут пешком. После этого мы можем сходить поесть.

— Я, правда, уже не в состоянии сделать ни шагу, но предложение прекрасное. — Она медленно поднялась и потянулась. — У тебя наверняка есть стул или кресло, на котором сидеть удобнее, чем здесь, на этих камнях.

Она сказала «кресло», но при этом думала, собственно, лишь о его кровати.

Кай был благодарен Анне, что она мылась под душем, а не в ванне, как Аллора, иначе ему пришлось бы и ей предложить в качестве пены для ванн средство для стирки шерстяных тканей. Когда она вымылась, то вышла на террасу в его сине-зеленом полосатом банном халате и уселась в шезлонг.

— Сейчас мне хорошо, — объявила она, и он не мог припомнить, чтобы какая-то женщина нравилась ему больше, чем эта, в его огромном махровом халате.

Он подал ей кампари и поднял свой бокал с виски.

— Салют! — сказал он. — За то, чтобы ты стала счастливой в Валле Коронате!

Анна кивнула и промолчала. Она пила медленно, маленькими глотками и наслаждалась видом города.

— Фантастически, — прошептала она, — этот вид просто прекрасен! В моей долине есть что-то от гор Фихтельгебирге, но здесь — это же Италия!

— Наверное, нужно было все же посмотреть и другие объекты. Из большинства домов открывается великолепная панорама, и, может быть, тебе однажды будет ее не хватать в твоей долине.

— Может быть, может быть, может быть... — задумчиво ответила она. — Этого никто не знает, однако что-то в этой долине притягивает меня. Это место околдовало меня, там есть что-то особенное, чего я не могу описать. Когда мы с тобой осматривали его, у меня не было чувства, что я там впервые, все было так знакомо... Нет, Кай, все правильно. Зачем-то судьба забросила меня в этот маленький рай, и теперь я с нетерпением жду, что будет.

Она размешала кампари соломинкой.

— Знаешь, — сказала она, — сейчас мы пойдем в постель, а потом я расскажу тебе, зачем на самом деле приехала в Италию.

Она встала и улыбнулась. Потом взяла его за руку и потащила с террасы.

Кай оторопел. Естественно, он учитывал возможность того, что вечер мог закончиться в постели, но такого не ожидал. Он без сопротивления последовал за ней, и его сердце билось как бешеное. Кровь шумела у него в висках, и он был взволнован так, словно это происходило с ним впервые.

Сначала Энрико лишь почувствовал, что был на стройплощадке не один. Он услышал какой-то шорох, несмотря на то что заделывал цементом трещины в стенах и кельма издавала громкий и неприятный скрипящий звук, когда он проводил ею по грубым камням. Сначала он подумал, что это змея, но змеи удирали сразу, как только их покой нарушал шум строительства. Ему на ум не приходило ни одно животное, которое сразу же не сбежало бы, и это обеспокоило его.

Он стал осторожнее, бдительнее и чаще осматривался по сторонам. У него постоянно было ощущение, что за ним наблюдают. Даже когда он стоял у грохочущей бетономешалки и лопатой забрасывал песок в барабан, то чувствовал чей-то взгляд у себя на затылке.

Вокруг не было ни души. Теперь было не время охотничьего сезона, не росли грибы, а просто так, ради удовольствия, итальянцы гулять не ходили. Это было ему на руку. Ему надо было спешить со строительством. Если не имеешь разрешения на застройку, то лучше ставить официальные инстанции перед свершившимся фактом и надеяться на condono^[48].

В этом случае хотя и придется заплатить штраф, но после этого нелегальная стройка легализуется и здание не нужно будет сносить.

Он еще ни разу не брал разрешения на застройку, и ему всегда везло. Он ненавидел, когда рука итальянского закона в лице пузатого землемера предписывала ему, как он обязан строить свой дом. И он глубоко презирал всех этих мелких людишек, самым большим стремлением которых было жить в законопослушании, придерживаться инструкций и собирать дюжины разрешений, чтобы в конце концов построить дом, причем совсем не такой, как они хотели. Но если бы он был иным, на него не выдали бы разрешения.

Он был художником, а искусство связано со спонтанностью. Он хотел утром за завтраком решать, сделать ему окно выше или ниже, уже или шире либо все же лучше вместо окна сделать дверь. В каждом его решении было нечто эстетическое, и он не мог позволить испортить его какому-то землемеру, который никогда его не поймет. За это время он уже два раза привозил сюда Карлу, чтобы она могла познакомиться с Каза Мериа. С первого взгляда она была далека от восторга. Она хотела, чтобы терраса была с южной стороны дома, а он — чтобы с северной. Ей было все равно, что тогда терраса могла бы просматриваться с дороги, для нее самым важным было солнце.

— Наверное, не будет проблем с тем, чтобы установить зонтик от солнца, — сказала она. — Зато мы сможем весной и осенью еще сидеть на улице, когда в тени уже будет холодно.

Энрико считал холодную северную сторону более подходящей, потому что она не была видна с дороги, а вид на глубокое ущелье и темный лес успокаивал его. Постоянный поиск солнца и тепла он считал женским заскоком. Сам он больше любил сидеть в тени, а если надо — то и в теплом пуловере.

Карла могла, в конце концов, говорить что угодно и приводить любые аргументы: в конечном итоге он строил дом и террасу, и строил их именно такими, как хотел. Тут у нее было влияния не больше, чем у землемера или итальянского законодательства.

Лишь один раз, когда он десять лет назад реставрировал Валле Коронату, возникли настоящие трудности. Он только что залил цементом природную купальню, когда заявился мареччиалло ди форестале^[49] и устроил грандиозный концерт, поскольку у Энрико не было

разрешения на это мероприятие.

Энрико до сих пор помнил, что еще никогда не впадал в такую панику, как в тот момент. Он был застигнут врасплох, сбит с толку и напуган. Сквозь стук крови в висках его разум прокручивал одну-единственную мысль: «Выиграть время!» Он моментально выпустил лопату из рук и изобразил на лице свою самую очаровательную улыбку. Затем пригласил лесничего на бокал «Вин Санто» и подарил ему две бутылки траппы «Ди Брунелло», которую сам не пил, но всегда держал в доме на тот случай, если кому-то нужно будет дать взятку.

Он объяснил, что просто хочет укрепить дно водоема, поскольку после каждого дождя вода вымывает камни из плотины и затопляет долину. Кроме того, через плотину вода попадает на мельницу и уже пару раз уничтожила важные документы, необходимые для его научной работы. В помещении мельницы было так сыро, что у него началась астма, а у его подруги — ревматизм.

И вообще, он понятия не имел, что меры, которые должны были бы пойти на пользу долине, дому и природе, требовали наличия разрешения. Поэтому он тяжело трудился и работал быстро, чтобы предотвратить дальнейший ущерб и, кроме того, оказать любезность своей подруге, которая любила этот бассейн и купалась в нем почти круглый год. А еще немного, и этот водоем в сердце долины был бы навсегда разрушен силой воды. Но он, Энрико, клянется, что никогда больше не использует ни одного мешка цемента, не испросив предварительно разрешения. Он уважает итальянские законы, потому что они разумны и справедливы, насколько он как немец может судить об этом, потому что слишком мало разбирается в них, что большей частью обусловлено языковыми трудностями. И поэтому он каждый вечер уделяет два часа времени тому, чтобы увеличивать и совершенствовать свои знания языка.

Потом он показал важному гостю, который в деревнях Италии значил больше, чем бургомистр, и которого все боялись, свой дом, который создал почти из ничего, и фотографии заброшенной руины. На лесничего этот кристально чистый немец, который вложил во все столько труда, имел такой тонкий вкус и, очевидно, хотел, чтобы всем было хорошо, произвел очень благоприятное впечатление.

Через два часа он поблагодарил за граппу, отказался налагать штраф и тем более отдавать приказ о разрушении маленького природного бассейна, а затем сердечно попрощался со своим амиго Энрико, потому что пришел к убеждению, что мир был бы лучше, будь в нем больше людей, которые думали бы как Энрико.

С тех пор Энрико в Валле Коронате жил спокойно, и он мог делать все, что хотел. И он хотел, чтобы точно так же было в Каза Мериа.

А теперь здесь появился кто-то, кто следил за ним.

Это было самое плохое, что можно было себе представить, потому что пока неизвестный не показывался ему на глаза, он не мог привлечь его к ответственности или прогнать.

Лишь через три недели он в первый раз увидел, как между деревьями промелькнула тень. Голова, которая виднелась между ветвями, напоминала светлую точку.

Два дня спустя он рассмотрел ее лучше. Она стояла за кипарисом, сунув в рот прядь своих соломенно-белых волос и не сводя с него темных глаз. Она и не собиралась убежать. Она смотрела на него так, словно хотела прибить его гвоздями к стене из камня, которую он возвел только сегодня утром. Он не был уверен, что было в этом взгляде — страх или

агрессия. Наверное, и то и другое.

— Бонджорно, — сказал он, стараясь сохранять любезный тон, хотя у него было желание убить лопатой это существо, которое уже долгое время наблюдало за ним, мешало ему, а главное — раздражало его.

Она не ответила, лишь пробормотала что-то, и это бормотание было похоже на предостерегающее рычание большой собаки.

— Пошла вон отсюда, — крикнул он, — здесь тебе искать нечего!

Аллора медленно покачала головой и прижала обе руки к сердцу. Затем презрительно плюнула.

— Аллора, — сказала она хриплым голосом, почесала между ногами, уселась на пенек и снова уставилась на Энрико. Неподвижным, пронзительным взглядом. Даже ни разу не мигнула.

В комнате на первом этаже, где вместо пола еще была утрамбованная глина, а потолка вообще не было, Энрико хранил свои инструменты и садовый инвентарь, которыми постоянно пользовался. Сделав пару шагов, он зашел в комнату, схватил вилы и бросился с ними на Аллору.

Она с ловкостью кошки соскользнула с пенька, отпрыгнула в сторону, еле успев увернуться от вил, и, пронзительно крича, словно раненая обезьяна, исчезла в лесу.

Энрико никогда еще не видел этого странного создания и не думал, что прогнал ее навсегда. Он воткнул вилы в землю и подумал, смог ли бы действительно вонзить острые навозные вилы в эту светловолосую и по-своему красивую ведьму.

Аллора бежала. Бежала, как еще никогда в жизни. Этот человек, которого она много лет назад приняла за ангела и не решалась даже притронуться к нему, пытался заколоть ее вилами. У нее болело в груди, она буквально чувствовала железное острие, вонзившееся в ее тело, и мчалась, чтобы убежать от этой боли.

Она бежала целый час, а может, и больше, сколько — точно она не знала, потому что не обращала на это внимания. Боль в груди становилась все сильнее. «Я умираю», — подумала она, ожидая, что в любой момент ее сердце перестанет биться. Но оно неутомимо, причем все сильнее, колотилось у нее в груди, а в голове пульсировала кровь.

Внезапно Аллора остановилась. Она тяжело дышала и пыталась унять учащенное дыхание. Через несколько секунд она немного успокоилась и замерла. Лишь ее нос наморщился, а ноздри раздулись, как у лошади. Она унюхала трюфели.

Аллора упала на колени и понюхала землю. Под узловатым дубом, ветви которого торчали в разные стороны, запах стал настолько сильным, что Аллоре пришлось почесать нос, прежде чем она начала рыть землю.

Великолепный летний трюфель, которого она вырыла, был величиной с кошачью голову и весь усеян грубыми черными бородавками. Аллора прислонилась спиной к дубу, вытянула ноги и довольно фыркнула. У нее больше ничего не болело — так она обрадовалась, что нашла свой любимый гриб.

Сначала она тщательно слизала с гриба всю землю и выплюнула ее, потом пожевала несколько дубовых листьев, чтобы избавиться от горьковато-кислого вкуса лесной почвы. А затем медленно и с наслаждением принялась грызть гриб, размышляя об Энрико, хотя даже не знала, как его зовут.

Наверно, это было лет десять назад, когда она во время своих блужданий по лесу впервые заметила его. И с того времени часто незаметно ходила за ним следом, потому что считала его необыкновенно красивым. Намного красивее тех, к кому она до сих пор ложилась в постель. Она смотрела, как он голый брел по реке до того места, где вода была глубже и собиралась, словно в небольшой ванне. Когда он мылся, она терла у себя между ногами до тех пор, пока не получала удовольствия и не засыпала.

Он был первым человеком, в присутствии которого она почувствовала что-то похожее на стыд. Первым, к которому она не решалась подойти, с которым не заговаривала и которому не показывалась на глаза. Для нее он был особенным. Он обладал силой и красотой, подобно ангелу.

Десять лет назад, когда он превратил развалины Валле Коронаты в фантастический дом, она почти каждый день пробиралась туда и наблюдала за ним, когда он работал. Она ждала того момента, когда он снимет запыленную одежду, чтобы искупаться в ручье. Он всегда был один. Носил камни, мешки с цементом и целые балки на плечах. Чаще всего даже бегом, словно никакая тяжесть в мире для него ничего не значила.

Когда он с наступлением темноты исчезал из долины, она заходила в дом, гладила рукой свежооштукатуренные стены и представляла себе, что это — его кожа. Она гладила грубые камни, выступающие из стен, и представляла, что это — его мускулы, его руки, его зад. Потом она сидела в темноте на лестнице, ведущей из кухни на верхний этаж, и мечтала о том, чтобы он тихонько зашел сюда и сел рядом с ней.

Однако ночью он никогда не приходил сюда. Аллора знала, что он сидит в ржавом автобусе на площадке для дров выше Дуддовы и ужинает вместе со светловолосой женщиной. И за этим она тоже наблюдала.

Когда были готовы две комнаты в доме, женщина приехала в долину. Они поставили стол и два стула перед дверью кухни и с тех пор ужинали во дворе. Когда становилось темно, зажигали свечу. Они мало говорили. Чаще всего молчали. А тех немногих слов, которыми они обменивались, она не могла понять, потому что ее укрытие в лесу было слишком далеко от дома.

Когда на улице становилось слишком холодно или когда свеча догорала до конца, они уходили в дом и укладывались спать на матрасе на полу из старых, тронутых временем матони. Аллора иногда подсматривала в окно, но ни разу не видела, чтобы они прикоснулись друг к другу.

Дело в том, что он был неприкасаемым. Иной причины ей на ум не приходило.

Женщина всегда была здесь. Она редко уходила куда-нибудь. Она сажала цветы и кормила кошек. Сначала их было двое, дальше пять, а потом десять. У Аллоры больше не было возможности ходить по дому и чувствовать себя рядом с ним. Она злилась на женщину и приходила все реже и реже, тем более что мужчина перестал мыться в ручье с тех пор, как построил ванную комнату.

Так прошло несколько месяцев. Автобус исчез, а в доме появлялось все больше мебели и вещей. Один раз, а то и дважды в месяц Аллора прогуливалась до Валле Коронаты, просиживала пару часов в своем укрытии и наблюдала за мужчиной и женщиной. Мужчина часто сидел перед дверью дома и что-то читал, в то время как женщина постоянно была занята своими растениями. Она превратила участок вокруг дома в сад, высадила розмарин, шалфей и лаванду под только что отстроенной стеной, посадила коровяк и дала буйно разрастись маргариткам. На лестнице, ведущей на верхнюю террасу, на каждой ступеньке стоял горшок с разноцветной геранью, на подоконниках цвели фиалки, в терракотовых горшках росли базилик, петрушка и лук-резанец. Перед спуском к ручью она в качестве естественной границы высадила подсолнухи, розы и хризантемы. Валле Короната стала сплошным морем цветов.

На следующую весну, когда Аллора добралась сюда, чтобы посмотреть на цветущие в долине тюльпаны и гиацинты, женщины не было. Аллора подождала. Но она не пришла даже вечером, когда стемнело и стало холодно.

На следующий день и еще через день Аллора снова была здесь, но женщина куда-то исчезла. Аллора ликовала. Когда-нибудь она снова сможет войти в дом и лечь на матрас, на котором спал он.

Она заметила, что мужчина изменил русло ручья. Маленький пруд, в котором собиралась вода после водопада, перед тем как сдерживаемая выступом скалы она могла тихо течь дальше, был осушен. Прекрасный пруд с дикими водяными растениями, с поросшими мхом камнями и болотной травой в периодически затопляемых местах, выглядел мертвым, заброшенным и унылым. Аллора вздрогнула от отвращения. Ее тело покрылось гусиной кожей. Рядом с пустым прудом лежали мешки с цементом, накрытые пластиковой пленкой. Здесь же была насыпана целая гора песка, и бетономешалка только ждала, когда ее включат.

Она вообще не понимала, что все это должно было означать. Ей просто было грустно.

Приближалась Пасха, и у нее было много работы в Сан Винченти. В четверг ей нужн

было убрать в церкви: стереть пыль с фигур святых, поменять покрывало в алтаре, вымыть абажуры на лампах, натереть воском скамейки, пропылесосить исповедальные стулья, подмести и вымыть пол. Цветы, украшающие церковь, она должна была менять каждый день. В Чистый четверг на алтаре стояла лишь трава, в Страстную пятницу из церкви убирали все цветы, и Фиамма лично ездила на базар, чтобы купить огромное количество всевозможных цветов для пасхальной ночи и пасхального воскресенья.

Аллора наводила порядок в ризнице и пересматривала одеяния пастора, выбирая те, которые за зиму проела моль. А когда нашла бутылку церковного вина, то выпила ее. Потом она улеглась на скамью в церкви и проспала два часа, пока ее не обнаружила Фиамма и не наградила пощечиной.

Маленькую пьядцу перед церковью тоже нужно было подмести дочиста и убрать траву, проросшую между камнями на булыжной мостовой.

Не только в церкви, но и в доме бургомистра шла большая уборка. Фиамма, как фельдфебель, гоняла Аллору с утра до вечера, с одной работы на другую. У Аллоры не было ни единого шанса исчезнуть и прогуляться в долину. Ей требовалось два с половиной часа, чтобы пройти от Сан Винченти до Валле Коронаты, даже если она большей частью бежала и передвигалась вприпрыжку, чем шла пешком.

Во время всенощного пасхального богослужения она тихонько стояла в маленькой церкви Сан Винченти за колонной, словно за гипнотизированная светом пасхальной свечи, которую держала в руках.

«Боже милый, — молилась она, — защити пастора и бургомистра, землемера, продавца стройматериалов и ангела в долине. Сделай так, чтобы все они дожили до ста лет, и помоги, чтобы ничего не случилось. Ни в Сан Винченти, ни вокруг. Сделай так, чтобы не случилось ни пожара, ни наводнения, ни землетрясения. И смотри, чтобы ни одна звезда не упала с неба».

Себя и Фиамму она в эти молитвы не включала.

Она закончила молиться и попыталась поймать взгляд пастора, но он на нее не смотрел. Он даже ни разу ей не подмигнул. Аллора немножко расстроилась и решила как можно скорее снова забраться к нему под одеяло и согреть ему спину.

В пасхальный понедельник у Фиаммы не было для нее никаких заданий. Никто не обращал на нее внимания, и Аллора отправилась в путь.

Обстановка в долине была какой-то странной. Все окна и двери обоих домов были закрыты, чего Аллора прежде никогда не видела. Не было видно ни мужчины, ни женщины. Но когда она прислушалась и затаила дыхание, то услышала какой-то тихий плач, похожий на жалобное мяуканье кошки.

Аллора ковыряла в носу и ждала. Плач иногда затихал на несколько минут, но потом начинался опять. Услышав тонкий пронзительный визг, она дернулась всем телом, и ее охватила дрожь. От страха по спине поползли мурашки. Что там случилось? Может, нужно просто пойти туда и постучать в дверь? Но она побоялась. Ангел не был человеком, к которому можно было бы просто прийти и сказать «аллора».

В ангеле было нечто, что пугало ее. Он словно был обвит невидимой колючей проволокой, которая могла поранить человека, разрезать кожу любому, кто решился бы подойти слишком близко.

И тут впервые она подумала, что ангел, наверное, совсем не ангел.

Солнце давно уже скрылось за горизонтом, и наступила ночь. В лесу темнело быстро, намного быстрее, чем в поле. Аллора пока еще не думала о том, как будет идти назад, — она неотрывно смотрела в сторону мельницы. Лампы справа и слева от двери не горели, и в доме тоже было темно.

Когда Аллора уже перестала различать очертания дома, до нее дошло, что она совсем забыла о времени и что теперь ей нет пути назад. Придется заночевать в лесу.

Вдруг она услышала крик. Долгий мучительный крик, которому, казалось, не будет конца. И в этот миг Аллора поняла, что это не кошка, а человек.

Аллора зажала уши руками и сидела так, пока крик не прекратился. Затем наступила мертвая тишина. С мельницы не доносилось ни звука. Она протерла глаза — в них ощущалось жжение, словно она слишком долго просидела у огня, неотрывно глядя на пламя.

Ее словно парализовало. Она сидела, не в силах двинуться с места. Холод медленно охватывал ее босые ноги, поднимаясь все выше и выше. Аллора забилась в яму поглубже, сгребая к себе ветки, листья, мох, — все до чего могла дотянуться, не вылезая. Затем она обхватила ноги руками, оперлась подбородком на колени и принялась ждать. Дыхание ее выровнялось, сердце стало биться медленнее. Она была начеку, сосредоточив все внимание на мельнице. Но там ничего не происходило. Не было слышно ни голоса, ни звука. Окна и двери остались закрытыми, мужчина больше из дома не выходил.

Послышался крик сыча. Точно так же кричал сыч в ту ночь, когда умерла старая Джульетта. Ее любимая бабушка.

На следующее утро Аллора не могла вспомнить, просидела ли она всю ночь, не сомкнув глаз, или все же уснула.

На рассвете она услышала, как заскрипели петли деревянной двери кухни. Первые лучи солнца как раз появились над вершиной горы, когда из дома вышел мужчина. На руках он нес мертвого мальчика — точно так, как она когда-то несла бабушку. Голова мальчика запрокинулась назад через левую руку мужчины, рот был открыт. Его светлые волосы тихо шевелились на ветру. Правой рукой мужчина держал мертвого мальчика под колени, и его ноги безжизненно покачивались из стороны в сторону. Мужчина подошел к высохшему пруду и бережно опустил в него тело мальчика.

Немного погодя с оглушительным грохотом заработала бетономешалка, и Аллора бросилась бежать. Мужчина, которого она с этого момента больше никогда не называла ангелом, ее не заметил.

За ночь руки и ноги Аллоры затекли и окоченели, она задыхалась, и ей пришлось так много думать, что было трудно бежать. Ей понадобилось целых три часа, чтобы добраться до Сан Винченти. Никто не спросил ее, где она была ночью.

Она ушла в свою комнату и забралась в постель, даже не смыв с рук и ног землю. Она укрылась одеялом с головой и попыталась понять то, что увидела. Но ей это так и не удалось...

Она глубоко спрятала все, что увидела, в сердце и ни с кем не говорила об этом. И никогда больше не ходила в Валле Коронату. Целых десять лет.

Запах и вкус трюфеля затуманили чувства Аллоры. Несколько минут она не думала ни о чем другом и была совершенно счастлива. Но потом ей вспомнился мужчина, который восстанавливал дом ее бабушки, и снова в ее душе поднялась ненависть, как обжигающая желудочная кислота, оставляющая после себя горький привкус. Аллора старалась

насладиться последним кусочком прекрасного гриба и пыталась жевать его как можно дольше не проглатывая, но мысль о мужчине время от времени возвращалась к ней, словно надоедливая икота.

Он бросился на нее с вилами и попытался проткнуть ее ими. Точно так выглядел сатана с трезубцем, которого она видела на картинке в одной из молитвенных книг в Сан Винченци. Под картинкой стояла надпись: «Сатана, мир и его отребье не могут сделать ничего, лишь издеваться надо мной. Пусть издеваются, пусть смеются, Бог накажет их».

Дон Маттео пару раз прочитал ей эту фразу, когда она спросила его о картинке, и она запомнила ее.

И вот перед домом бабушки работала бетономешалка. Как тогда в Валле Коронате.

Она задумалась на мгновение и скрипнула зубами. Затем сказала «аллора», и это прозвучало как обещание.

Через несколько дней после того как это случилось, Энрико достроил Каза Мериа до такой степени, что уже хотя бы временно мог переселиться сюда с Карлой. Крыша не протекала, а в двух комнатах он зашпукатурил стены и уложил полы. Стол, два стула и комод, на котором стоял газовый баллон с пропаном для приготовления пищи, тазик для мытья посуды. Во второй комнате лежал матрас, на котором можно было спать, — и это было все. Карла поставила цветы на подоконник, повесила фотографию старой обветренной тосканской деревянной двери и несколько своих ожерелий на окно, чтобы хоть чуть-чуть придать кухне какое-то подобие индивидуальности. Посуду и припасы она расположила по ящикам и разместила их вдоль стены, а на стол поставила свечи.

Энрико привез цистерну на две тысячи литров воды. Длинный шланг спускался от цистерны вниз с горы за стену из дикого камня и выполнял функцию прачечной и душа одновременно. Карла поставила на каменных выступах мыло, шампунь и зубные щетки в стаканчиках, пристроила там же зеркало и повесила на дерево полотенца. Так она продемонстрировала свое согласие обходиться импровизированной ванной, смириться со спартанскими условиями жизни и новой ситуацией.

Энрико сказал, что нынешнего состояния им вполне достаточно для жизни. И что лучше не забирать мебель, которую они пока оставили на Валле Коронате. Он считал, что имущество — это балласт. Возможно, он продал дом еще и потому, чтобы хоть несколько месяцев иметь возможность наслаждаться этим прекрасным состоянием — когда у человека есть лишь самое необходимое.

В ответ на это Карла промолчала, но Энрико знал, что она придерживается противоположного мнения. Она любила маленький письменный столик, за которым писала письма, учила итальянский язык или занималась рукоделием. Она любила полку с теми немногими книгами, которые у них были. И ей нужен был шкаф, в котором она могла содержать в порядке свою одежду, постельное белье и полотенца. Она страдала над каждым ящиком, которым ей приходилось довольствоваться.

Энрико нежно погладил ее по голове, так нежно, что при этом почти не притронулся к ней, и сказал:

— Не волнуйся, я дострою дом. Здесь будет кухня и ванная, спальня и гостиная. Мы заберем из Валле Коронаты все, что ты считаешь важным. А когда ты в следующий раз будешь в Германии, я тебе снова построю бассейн.

Карла улыбнулась. Все это он делал лишь ради нее. Ее сестра никогда не поймет, что это и есть любовь.

После того как Карла и Энрико переселились в свои временные апартаменты в Каза Мериа, Анна в Валле Коронате целую неделю не видела никого и ни с кем не перемолвилась ни словом.

Была половина десятого утра, когда она услышала на улице шум двигателя машины. Она только что приняла душ, волосы ее были еще мокрыми, а одета она была в старые джинсы и легкую цветастую блузку. Анна затаила дыхание и замерла, надеясь, что ей это послышалось.

Но когда шум мотора стал приближаться, у нее горло перехватило от страха. «Кто-то едет, — подумала она. — Только не надо делать глупостей, все нормально. Может, кто-то выехал на прогулку или влюбленная парочка ищет место для пикника. Если у меня при каждом шуме двигателя будет начинаться паника, то нужно возвращаться в Германию или лечиться. А может, кто-то заблудился. Может, кто-то едет ко мне в гости или кто-то что-то хочет мне сказать. В конце концов, сюда же невозможно дозвониться».

И вообще, не было ничего необычного в том, что по лесным дорогам ездят машины. Никого это не смущало. И только здесь, в Валле Коронате, это казалось чем-то угрожающим.

— Привет, Анна! — сказал Кай, выбираясь из черного джипа. — Надеюсь, я приехал не слишком рано и не очень помешал тебе. Ты уже целую вечность сидишь одна в этой богом забытой долине и не даешь о себе знать. Я разволновался. Да и заскучал по тебе.

Он глубоко вздохнул и очаровательно улыбнулся.

— Не вечность, а неделю! Но она действительно показалась мне вечностью. Ты прав.

— Прекрасно выглядишь! Одиночество идет тебе на пользу.

Он расцеловал ее в обе щеки.

— Спасибо за цветы. — Анна не верила ни одному его слову, наоборот, чувствовала себя ужасно некрасивой в застиранных джинсах и с мокрыми волосами. — Если ты сварешь кофе, то я быстро буду готова.

Они вошли в дом, и Анна поднялась по узкой лестнице в спальню.

Кай осмотрелся в кухне. Она была прекрасно обставлена. Анна поменяла лишь кое-какие мелочи, но ему показалось, что здесь стало намного лучше, чем раньше. Наверное, причина была в том, что сейчас в кухне горел свет, а у Энрико всегда было темно.

Там, где над кухонным уголком была фотография Карлы, сейчас висела фотография Феликса. Решительно выпятив нижнюю губу, он стоял в плавках на пляже, радостно улыбался и гордо напрягал мышцы на худеньких руках. Фотография была сделана во время их последнего отпуска в Греции, за девять месяцев до исчезновения мальчика.

Фотография привлекла внимание Кая. Она излучала так много любви к жизни, мужества и решительности, что Кай мог легко себе представить, каким нежным и веселым ребенком был Феликс. Он неоднократно ломал голову над тем, как помочь Анне в ее безнадежных поисках, но ему в голову ничего не приходило. Прошло слишком много времени.

Когда Анна, приодетая и с высушенными феном волосами вернулась в кухню, там уже шипела кофеварка. Кай как раз был занят тем, что снимал пенку с молока в маленьком чайнике, в котором надо было просто поднять и опустить густое ситечко, чтобы придавить пенку.

— Пойдем на террасу, — сказала Анна и поставила на поднос чашки для эспрессо, сахар, бутылку минеральной воды и корзину с фруктами.

Под ореховым деревом в это время еще была густая тень.

— Извини, что я так долго не появлялся, — сказал Кай. — У меня было очень много работы. Я продал дом недалеко от Гревы в Кьянти и еще один — возле моря в Кастильйоне дела Пескайя. Пришлось постоянно ездить туда-сюда. А если из Сиены поехать к морю даже на короткое время, все равно уходит полдня.

— Я знаю.

— А ты? Как ты себя чувствовала здесь одна?

Он не понимал почему, но ему казалось, что Анна как-то изменилась. Стала более спокойной, более сосредоточенной на самой себе. И чуть-чуть бледнее, что, собственно, было странно при такой жаркой летней погоде.

— Все было о'кей. Не так чтобы совсем просто, но о'кей.

— Расскажи.

— Это было непривычно. И невероятно тихо. Когда Карла и Энрико были здесь, можно было время от времени сказать хоть пару слов, мы же не молчали часами. И вдруг никого не стало. Только тишина. Было как-то странно. Но страха не было. Я думала, что ночью запаникую, но ничего не случилось. Я спала как сурок и, слава богу, просыпалась, когда было уже светло.

То, что она постоянно чуть ли не сходила с ума перед чем-то неизвестным, она Каю не сказала. Она целыми днями не знала, что делать с собой. Она пыталась заняться чем-то, чтобы забыть, где она, но это не удавалось. Она шла в кухню, варила эспрессо, но не пила его. Она стирала белье и пересаживала герань из одного горшка в другой, лишь бы что-то делать. Она выдергивала бурьян из песка во дворе, хотя при этом сама себе казалась душой. Она садилась в шезлонг на верхней террасе перед окном спальни и пыталась читать, но уже через пятнадцать минут захлопывала книгу, потому что не могла сосредоточиться. Она шла гулять, и на каждом шагу испытывала страх перед неотвратимо приближающейся ночью.

Как только солнце скрывалось за горами и на долину опускались сумерки, она уходила в дом, садилась в кухне за стол и приходила в отчаяние, когда думала о предстоящем длинном вечере. Долина казалась раем, когда вечерами она сидела с Карлой и Энрико под ореховым деревом, разговаривала с ними, ела, пила и смеялась. Теперь же, в одиночестве, долина стала подобна аду.

Тишина и одиночество казались Анне толстым покрывалом, которое лежало на ней и перекрывало доступ воздуха, необходимого для дыхания. Она не чувствовала этого, когда жила здесь с Энрико.

Ни единого живого существа не было поблизости, не было слышно ни звука, лишь водопад бесстрастно шумел день и ночь.

Да, так поспешно покушать Валле Коронату было ошибкой, огромной ошибкой. И теперь она с болью осознавала это.

— Тогда я рад, — сказал Кай. — Я боялся, что ты жалеешь о своем решении. — Он взял ее за руку. — У меня сегодня целый день свободный, давай придумаем что-нибудь. Тебе ведь тоже надо время от времени выезжать отсюда.

Анна кивнула. Лучшего она себе и представить не могла. И была бесконечно благодарна Каю.

За последние четыре недели она несколько раз встречалась с Каем, пару раз ночевала у

него. Он был опытным любовником и приятным собеседником, и ей было хорошо с ним. В его присутствии ей удавалось хоть на пару часов забыть, зачем она, собственно, сюда приехала. С ним она чувствовала себя уверенно и свободно, ощущала себя намного моложе, чем была, и очень женственной. Достаточно причин, чтобы поддерживать эту связь. Анна часто задумывалась, влюблена ли она в Кая, но точно сказать не могла. Когда она скучала по нему или радовалась встрече с ним, то было похоже, что да. Наверное, теперь, когда она уже не была молоденькой девушкой, состояние влюбленности было иным. Она слишком хорошо знала механизмы любовной связи, и там вряд ли могло быть что-то неожиданное для нее.

Днем она не хотела мешать Каю, а вот по вечерам у нее возникало желание ему позвонить. Но для этого ей пришлось бы в темноте подниматься на гору, а на такое она не решалась. Однако тот факт, что в долине отсутствовал прием на мобильный телефон и он вообще не мог зазвонить, приводил ее в бешенство.

— Думаю, мне нужен телевизор, — вдруг неожиданно для себя самой сказала она. — Просто ужасно, когда не слышишь человеческого голоса! Пусть даже голоса диктора, читающего новости. Кроме того, я вообще больше не знаю, что делается в мире. И если где-то взорвется атомная бомба, то можно гарантировать, что здесь никто об этом не узнает.

— Я могу заняться этим. Я знаю человека, который занимается установкой спутниковых антенн. Ну? — спросил он после паузы. — Ты уже что-нибудь предприняла по поводу Феликса? Я видел его фотографию в кухне. Чудесная!

Анна кивнула:

— Да, я тоже так считаю. Нет, я еще ничего не сделала. Может, нам стоит установить контакт с семьями, где тоже исчезли дети! Не знаю, что из этого получится, но попытаться надо. Ты можешь мне помочь? Моего итальянского не хватит для разговоров такого рода.

— Конечно. Вопрос только в том, где взять их адреса. Можно спросить у пастора или у карабинеров...

— Или в баре. Там обычно можно узнать все.

— Точно, — сказал Кай, откусывая от яблока. — Это классная идея. Но сначала скажи, куда мы сегодня поедем. В Монтальчино? В Пиенцу? В Сан Джиминьяно? Что тебе еще незнакомо?

— Давай поедем в Монтальчино, — сказала Анна и встала. — Я куплю там немного вина. Но у меня одно условие.

— Нет проблем.

— Когда мы вернемся, ты переночуешь у меня в Валле Коронате. Согласен?

— Согласен.

Кай нагнулся и поцеловал ее в губы прежде, чем она с подносом в руках исчезла в доме.

Аллора непременно хотела узнать, кто теперь живет в Валле Коронате, — с тех пор как человек с вилами и со светловолосой женщиной вселился в дом ее бабушки. Кроме того, ей было любопытно, изменилось ли что-нибудь за годы, пока она там не была.

По дороге в Валле Коронату она загнала в ногу занозу. Она сидела на пеньке, терла большой палец на ноге и тихонько ругалась. Потом пошла дальше. И шла так долго, что перестала чувствовать боль.

Долина лежала перед ней, тихая и мирная. Такая же, какой она оставалась в ее воспоминаниях. Все цвело, как и раньше, только кусты розмарина, лаванды и шалфея за это время стали огромными и доставали до окон кухни.

Аллора залезла в свое старое укрытие, которое нашла без труда, и стала ждать: может быть, в доме кто-то спал. Потом поднялась и прошла немного вперед, пока не стала видна стоянка. Там она увидела лишь маленький старый «фиат», колеса которого уже заросли бурьяном. На этой машине давно никто не ездил. Очевидно, в доме действительно никого не было.

Аллора, пригнувшись и не спуская глаз с дома, пробежала через лес, который примыкал к ручью. Время от времени она останавливалась и прислушивалась. Ничего. Ни звука. Ни движения.

Окна и двери были закрыты, как и тогда, только сегодня не было слышно тихого, жалобного плача.

Со стоянки она осторожно проскользнула к дому, поднялась по лестнице и заглянула в спальню. Кровать под огромной сеткой от москитов была аккуратно застелена, сверху на ней лежало льняное покрывало бежевого цвета с тканым узором. На комодe напротив кровати стояло зеркало и аккуратно рядами были расставлены всякие косметические принадлежности.

Аллора пошла дальше. В гостиную она не могла заглянуть, для этого ей понадобилась бы лестница. Комната для гостей тоже была аккуратно убрана, как и спальня, и невозможно было сказать, спал там кто-нибудь в последние дни или нет.

Потом Аллора заглянула через стеклянную дверь в кухню и оцепенела. Она даже облизала слегка запылившееся стекло, чтобы лучше видеть. На фотографии над кухонным уголком она узнала маленького мальчика, которого мужчина, однажды принятый ею за ангела, когда-то нес на руках и забетонировал в высохшем пруду, в котором сейчас была вода. Сердце у нее забило как бешеное. Она попыталась понять, почему здесь, в кухне, она видит фотографию этого мальчика, но она не могла думать — казалось, ее голова набита ватой. От ярости и отчаяния она ударилась лбом о стекло, затем сильнее, еще сильнее, но не почувствовала боли. И лишь когда стекло в двери разбилось и по лицу потекла кровь, к ней вернулись какие-то мысли и она попыталась в них разобраться. Ее звали Аллора. Сияло солнце, и было жарко. Она была в лесу, в долине, а дом был пуст. В нем никого не было, и никто ее не видел. Аллора выломала несколько торчавших острых осколков стекла, которыми могла пораниться, и через образовавшееся отверстие залезла в кухню.

В мойке стояли две грязные чашки для эспрессо. Кто-то сегодня утром пил кофе.

Аллора сделала то, что обычно делала в лесу. Она опустилась на колени и обнюхала весь дом. В воздухе витал легкий аромат, который Аллоре понравился. Но она почувствовала

еще и запах загнивающего салата в мусорном ведре, сыра в холодильнике, пыли на полке с посудой и плесени под мойкой. Она чувствовала запах обгоревшей паутины в розетке, которой незадолго до этого пользовались, запах воска на маттоне, запах сырости в гардине, даже унюхала единственный червивый орех в корзине, а в постели — специфический запах женщины.

Затем она медленно вернулась назад в кухню и осторожно сняла с крючка фотографию Феликса.

Мужчины здесь не было, в этом она была совершенно уверена. Пока она сидела в кустах и наблюдала за домом, светловолосая женщина непрерывно собирала камни в тачку, отвозила их к дороге, высыпала и тщательно подгоняла, чтобы камень как можно плотнее прилегал к камню. Очевидно, она хотела замостить дорогу перед домом. Она вспотела, и Аллоре стало ее жалко, потому что Аллора знала, как длинна дорога от Каза Мериа до Сан Винченти. Чтобы дойти до Сан Винченти, нужно было потратить приблизительно такое же время, как чтобы сварить нонне суп-минестроне. А минестроне варилось долго, потому что у бабушки уже не было зубов и она могла только давить картошку и морковку языком о десна. Аллора представила, что светловолосая женщина закончит мостить дорогу, конечно, лишь тогда, когда станет такой же старой, как и нонна, когда та умерла. И поэтому ей было жалко эту блондинку.

Но постепенно Аллора стала терять терпение, потому что пока женщина выполняла эту глупую работу, она сама не могла забраться в дом. А она хотела положить на стол мужчине эту фотографию. Она так до конца и не поняла, что тогда произошло в Валле Коронате и почему умер ребенок, но она знала, что это его ребенок. Он нес его на руках, он уложил его в пруд, значит, он принадлежал ему. Поэтому фотография тоже должна была быть возвращена ему. Фотография не была собственностью женщины, которая сейчас жила в Валле Коронате. В конце концов, эта женщина была чужой в доме, а фотография принадлежала мужчине с форконе^[50].

Хотя она и злилась на него, и боялась его. Но она представляла себе, что если бы у кого-то была фотография ее бабушки, то она все равно должна была принадлежать ей, Аллоре. Она ухаживала за ионной, она отнесла ее в церковь, когда та умерла. И она любила нонну. Определенно, мужчина тоже любил ребенка.

Она подумала, как было бы чудесно, если бы она всегда могла носить с собой фотографию бабушки, и слезы сами полились из глаз. Тогда нонна была бы не совсем мертвой. Порой Аллоре было тяжело оживлять в сердце образ нонны, вспоминать ее и видеть перед собой живой. Она, например, уже не помнила точно, какой у нонны был нос. Ей казалось, что он был толстым, немного кривым, с большими порами, похожими на маленькие дырочки... Но она не была вполне уверена.

Нет, фотография должна быть у мужчины. Пусть даже он был сатаной. Но она не решалась отдать ее прямо ему в руки. Она боялась, что он может и вправду продырявить ее дьявольскими когтями. Поэтому надо было тайно положить фотографию на стол и исчезнуть.

Женщина все еще укладывала камни. Аллора зевнула. При этом ей в рот залетела муха, и пришлось отплевываться. Но она уже проглотила муху, и ее потянуло на рвоту. Наверное, женщина что-то услышала, потому что прекратила работу и стала озираться вокруг. Аллора перестала даже дышать. Но ей так сильно хотелось кашлять, что она чуть не задохнулась, пытаясь удержаться. Ее обычно бледное лицо стало ярко-красным, почти цвета засохшей у нее на лбу крови.

В этот момент женщина потянулась, медленно согнула и разогнула уставшую спину и пошла в дом.

Аллора откашлялась и наконец смогла выплюнуть мертвую муху в кусты. Затем

нащупала фотографию, которую засунула под рубашку. Она была теплой и слегка влажной. Аллора вытащила ее и спокойно рассмотрела. Провела пальцем по рукам мальчика и улыбнулась.

В этот момент женщина появилась снова. В руке у нее была книга. Женщина пошла вокруг дома. Чуть погодя Аллора услышала, как на ржавых подвесках закрипел гамак.

Наконец-то настал нужный момент! Она встала и беззвучно проскользнула в дом.

Все окна джипа были открыты, и, когда они ехали по Крете, Анна наслаждалась теплым ветерком. Сейчас, в самую жаркую пору лета, холмы и поля стали коричневыми, луга высохли, и в сочетании с серым цветом скал пейзаж являл собой грустное зрелище.

— Ты когда-нибудь видела Крету весной? — спросил Кай. — В это время она прекрасна! Осень ярко зеленеет на холмах и качается под ветром. Как океанские волны. Просто фантастика! Весной я почти всегда продаю в Крете дома.

— Я очень хочу все это увидеть!

Анна закрыла глаза. Она пыталась запомнить эти чудесные мгновения. Все проблемы казались бесконечно далекими, и она наслаждалась поездкой по Тоскане, не думая о Феликсе. Мысль о нем была словно жало, отдающееся болью каждый раз, когда к нему прикасаешься. Но сегодня был день, когда она могла забыть о боли.

— Хочешь посмотреть монастырь бенедиктинцев, Аббатия ди Монте Оливето Маджоре? Мы как раз будем ехать мимо.

— Ну конечно, почему бы и нет!

Кай проезжал узкие, как игольное ушко, повороты быстро и уверенно. Казалось, его машина срослась с дорогой. Анна была довольно скверным пассажиром. Она любила сама водить машину, потому что замечала неуверенность водителя и вообще терпеть не могла, если кто-то ездил на слишком малых или на слишком больших оборотах двигателя. Ей казалось, что она предугадывает опасность и ошибки других быстрее, чем человек, сидящий за рулем, поэтому редко могла расслабиться. С Каем все было по-другому. Она успокоилась, и ей даже захотелось погладить его по затылку, но она отказалась от своего намерения.

Когда они добрались до аббатства, на стоянке уже было пять больших туристических автобусов.

— Пожалуйста, не надо! — простонала Анна. — Пожалуйста, не надо сейчас никаких туристов, таскающихся по монастырю. Давай посмотрим аббатство в другой раз. Может быть, зимой, когда здесь никого не будет.

— О'кей! — У Кая был такой вид, будто Анна высказала его мысль.

Извилистая дорога тянулась до самого Буонконvento — средневекового городка, окруженного впечатляюще высокой и полностью сохранившейся городской стеной. Через несколько сотен метров они свернули с федеральной трассы, ведущей в Рим. Дорога стала еще более извилистой, подъемы растягивались на несколько километров, а высоко на уровне горы виднелся Монтальчино.

Кай поставил машину прямо перед кастелло^[51], и они медленно пошли по узким переулкам, где временами открывался фантастический вид на долину.

Кай обнял Анну за плечи. «Мы выглядим, как пара, которая уже много лет в браке, — с улыбкой подумала Анна. — При этом я замужем за другим мужчиной, который, наверное, как раз сейчас смотрит на часы, бросает взгляд в приемную и говорит: «Еще три пациента, а потом — перерыв на обед. Надеюсь, фрау Беме не будет снова так много говорить...»

Анна была в восторге от городка. Не такой маленький, как Амбра, не такой большой, как Сиена, уютный, но не вымерший.

— Если бы мне пришлось жить в городе, я бы выбрала этот, — подумала она вслух. — Сиену я тоже очень люблю, но понадобится лет десять, пока я смогу ориентироваться в ней.

В маленькой остерии они нашли крохотный столик на балконе, под которым метров на пятьдесят почти отвесно вниз уходил обрыв и перила которого подозрительно качались. Зато отсюда открывался такой вид на долину и Сан Квирико, что даже дух захватывало.

— На обратном пути непременно заедем хоть ненадолго в Сант Антимо, — сказал Кай, с наслаждением пробуя намазанный печеночным паштетом кростино^[52]. — Это одна из самых красивых церквей. Легенда гласит, что ангелы построили ее за одну ночь. Колонны они переносили на головах, а камни — в руках.

— Похоже, ты безнадежный романтик, хотя и не выглядишь таким.

— Я стал им в Италии. Раньше я был совершенно другим человеком. Я был тщеславным уирриэ^[53], который дважды в месяц ходил к парикмахеру, тратил целое состояние на лосьоны после бритья, периодически разогревал в микроволновке в блестящей от хрома кухне багеты из бистро, за едой смотрел биржевые новости по NTV и звонил в банк, чтобы потом в баре для деятелей искусства, освещенном неоновыми лампами, выпить столько порций джина с тоником, что уже трудно было держаться на ногах. Мое общение продолжалось в среднем с десяти вечера до трех ночи, о моем белье раз в неделю заботились прачечная и химчистка, моя ванная была выложена черным кафелем, а моими единственными домашними животными были вирусы гриппа, которые я раз в году приносил домой из бюро. — Он криво улыбнулся. — Мне кажется, романтика — это нечто иное.

Анна засмеялась:

— Невероятно! А я была верной и заботливой супругой и матерью, которая каждый день, словно фокусник из шляпы, по три раза доставала обеды на всю семью, кормила собаку, кошку и морскую свинку, подыскивала мужу подходящий галстук и застегивала запонки на манжетах, когда мы ходили в театр. В клинике я была медсестрой, санитаркой, ассистенткой на приеме и бухгалтером, а дома еще и учительницей по дополнительным занятиям по любым предметам. Я была той, которая мыла полы в кухне, подметала пешеходную дорожку и собирала урожай яблок. Той, которая должна была придумывать рождественские подарки для всей семьи и которая ни разу не позволила себе завести любовника. Потому что слишком сильно боялась, что однажды это может открыться. Моя романтика выглядела так: летом путешествие на Канары, зимой неделя катания на лыжах в Саас Фе. И прогулки по пляжу. Но это, собственно, только тогда, когда нужно было обсудить какие-то проблемы.

Сейчас уже засмеялся Кай.

— Прекрасно! Одного я не пойму: откуда у тебя деньги на Валле Коронату? И на то, чтобы оставаться здесь просто так, ничего не делая, неделями, месяцами... я не знаю, годами...

Официантка принесла папарделле с чинхале — лапшу с мясным соусом из дикой свиньи.

— Тетя оставила мне кое-что в наследство. Год назад она умерла от костного рака. Кроме меня, у нее не было никого, и мы очень хорошо понимали друг друга. Когда она заболела, я ухаживала за ней до самой смерти. Но того, что у нее было так много денег, я не знала.

— А как же частная практика твоего мужа? Как это заведение обходится без тебя?

Анна пожала плечами.

— Не знаю. Как-то да обходится. Если я останусь здесь надолго, Гаральд, наверное, примет еще кого-нибудь. А я просто взяла тайм-аут от брака. И Гаральд в этом не так уж

неповинен.

— Другая женщина?

— И это тоже. Но главная причина — Феликс. С того времени как он пропал, наша семейная жизнь покатила под откос. Мы по-разному переносили горе, и нам не удалось терпимо относиться к этому. Я хотела знать, что случилось, а Гаральда через какое-то время это уже не интересовало. В самом начале его боль была такой острой, что он постоянно рвался что-то делать. Он двадцать часов в сутки мотался по округе, искал, задействовал все, что только было можно, тогда как я сидела дома, словно парализованная, ждала и ничего не могла делать. Я просто не могла двигаться. Он этого не понимал. Через пару месяцев в моем состоянии мало что изменилось, хотя я постоянно прокручивала в голове, что бы еще предпринять. Прежде всего — в Италии. А у Гаральда запал закончился. Однажды он смирился и стал жить по принципу «не стоит сходить с ума от вещей, которые ты не в состоянии изменить».

— Жесткая формулировка.

— Конечно, это сказано утрированно. Но мы просто не могли найти общий язык. Это было невозможно.

— Понимаю.

Какое-то время они молчали. Потом Кай спросил:

— Может, хочешь еще мяса? Или рыбы?

Анна отрицательно покачала головой:

— Нет, спасибо. Я сыта. А вот кофе было бы неплохо.

Кай кивком подозвал официантку.

— Не здесь. Кофе попьем в фиаскетерии^[54]. Если уж ты попала в Монтальчино, то обязательно должна побывать в этом кафе.

Карле скоро стало жарко в гамаке. Она захлопнула книгу, которую дал ей Энрико и которая наводила на нее ужасную скуку. «Преступление и наказание» Достоевского. Она не могла справиться даже со сложными именами в этой книге, а слащавый язык считала трудным и ужасным. Она была всего лишь на тридцать пятой странице и только что прочитала письмо длиною в тринадцать страниц, состоявшее из одного-единственного абзаца. Она мало что поняла из прочитанного. Это просто мучение, считала Карла, но что ей оставалось делать? Через несколько дней Энрико начнет обсуждать с ней книгу, задавать вопросы и устало улыбаться, если она не сможет ответить на них. Она это ненавидела. В такие моменты она считала его невыносимо высокомерным. И она точно знала, что он, если хотел, был в состоянии ставить только такие вопросы, на которые она не могла ответить. В этой отвратительной книге было семьсот тридцать страниц. Она ее никогда не прочтет!

«Для этого мне понадобятся годы, — подумала она, — потому что я каждый день читаю по три страницы, потому что книга такая нудная и потому что я постоянно засыпаю». Она знала, что Энрико прочитал «Преступление и наказание» бесчисленное количество раз. И читал его снова и снова, словно на целом свете была лишь одна эта книга. Некоторые места он знал наизусть и долгими зимними вечерами часто цитировал их по памяти. То, что Карла при этом однажды нечаянно задремала, он заметил лишь тогда, когда она начала тихонько похрапывать. Тогда он бережно, словно какое-то сокровище, взял книгу под мышку и не говоря ни слова отправился спать. Много дней после этого он не разговаривал с Карлой. Она была больше не в состоянии это переносить и пообещала, что при ближайшей возможности прочтет роман. И теперь настала пора выполнить свое обещание. Она проклинала тот вечер, когда заснула. Если бы этого не случилось, она обошлась бы без этих невыносимых семисот тридцати страниц.

Словно оглушенная, она пошла в дом. Жара давила, как тяжелое зимнее пальто в слишком сильно натопленном помещении. Она зажмурилась, когда зашла с яркого солнечного света в темную прохладу комнаты, и вынуждена была какое-то время подождать, пока глаза привыкнут к смене освещения.

Пару секунд спустя она заметила ее. Фотография Феликса лежала на грубо сколоченном деревянном столе и буквально светилась на темно-коричневом фоне. Фотография, которая еще недавно висела в Валле Коронате. Она часто смотрела на нее и каждый раз понимала, как чувствовала себя Анна и что ощущала, когда Феликс не вернулся домой.

Карла оторопело посмотрела на фотографию и села. Она смахнула со лба мокрые от пота волосы и заметила, что руки еле заметно дрожат. Что здесь произошло? Как фотография попала на этот стол? Незадолго до того как улеглась в гамак почитать, она заходила в кухню и выпила стакан воды. Фотографии на столе не было, это она знала точно. Кто же положил ее на стол? И зачем?

Анна? Нет, это было невозможно. Она бы увидела и услышала, если бы та приходила сюда. Из гамака было хорошо видно дорогу к дому. Кроме того, Анна зашла бы к ней. Она позвала бы ее и, конечно, осталась ненадолго, чтобы выпить глоток вина. И зачем бы ей понадобилось приносить сюда фотографию? Конечно, не для того, чтобы показать, потому что Анна знала, что и Энрико, а Карла уже видели ее. Значит, никакой причины не было. Анна была так счастлива, что у нее есть это фото. Она повесила его в Валле Коронате

прежде всего потому, что уже могла выносить это — снова и снова смотреть на сына. Нет. Это была не Анна. Но кто же тогда?

Энрико? Нет. У него тоже не было на это причин. Энрико всегда давал один короткий сигнал, когда подъезжал на машине к дому, чтобы она знала о его приезде. Кроме того, зачем ему забирать фотографию из Валле Коронате и тайно класть здесь на стол? Нет, все это не имело смысла.

Однако кроме Анны, Энрико и ее самой никто не знал ни о Валле Коронате, ни о Каза Мериа. Может быть, Кай? Этот маклер? Но он не имел к ним никакого отношения. Ей не приходила в голову ни одна причина, по которой Кай мог бы играть роль тайного курьера фотографий.

Снимок был без рамки. Карла помнила, что фотография висела на стене в рамке под стеклом. Наверное, рамка сломалась. Такое могло быть. Тем не менее фотография не могла пролететь сама собой несколько километров из одной долины в другую. Карла почувствовала, как внезапно сильно заболела голова. Она встала и напилась воды, которая всегда стояла наготове в графине. Вода была теплой, но Карла не обращала на это внимания. Она пила много, чтобы избавиться от головной боли и чтобы снова прояснилось в голове.

Что-то здесь было не так. Что-то происходило. Что-то связанное с Анной и ее сыном. С тех пор как эта женщина появилась здесь, что-то изменилось, Карла чувствовала это, но не знала, что именно.

Энрико не было дома. Его никогда не было, когда он был нужен. Она хотела, чтобы он занялся этой загадкой, хотела услышать, какое у него найдется объяснение. У него, который вечно знал все, все мог разложить по полочкам и никогда не попадал в затруднительное положение. У него, который не верил ни в мистику, ни в случайности, ни в экстрасенсорные возможности, ни в парапсихологию. Не верил в волшебство, колдовство и телепатию. Он верил только в себя, в то, что видел и слышал, в то, что мог пощупать руками и понять. Она почти обрадовалась таинственному появлению фотографии, потому что ей хотелось хотя бы раз увидеть, как у него отнимется речь от удивления, как он оторопееет и как у него не будет ни ответа, ни одной-единственной разумной мысли, которая могла бы объяснить этот феномен.

Она злилась, что его не было, и не знала, как убить время, пока он наконец появится.

Карла взяла фотографию, прошла в соседнюю комнату и засунула ее между двумя фотоальбомами Тосканы. Потом на минуту остановилась у окна. Вдалеке на холме виднелся залитый солнцем Монтебеники. «Фотография Феликса... — подумала она. — Проклятье, здесь, на моем столе, лежит фотография Феликса! Это какой-то знак, но я не могу его понять»

На обратном пути за сиденьями водителя и пассажира стояли два бутылка в плетеных корзинах, в каждом по семнадцать литров вина «Монтальчино», которое в Валле Коронате нужно было разлить по бутылкам, а бутылки заткнуть пробками. Анна спала почти всю дорогу и проснулась только тогда, когда джип начал прыгать на засыпанной щебенкой дороге, ведущей через оливковые рощи.

— А, мы уже приехали, — сонно пробормотала она. — Как хорошо! Я проспала всю дорогу и наверстала послеобеденный сон.

— Значит, сегодня вечером и ночью ты будешь очень бодрой! — засмеялся Кай, и Анна улыбнулась ему в ответ. Она чувствовала легкий зуд внизу живота, который доставлял ей наслаждение. Это был явный признак того, как она была рада, что проведет эту ночь с Каем.

В то время как в Дуддове еще светило солнце и старики сидели на улице, лениво переговариваясь, в Валле Коронате солнце уже исчезло за горами. Хотя день был необыкновенно жарким, здесь, в долине, сырая прохлада обволакивала, словно влажное полотенце.

— Валле Короната — это не Тоскана, — сказала Анна. — Итальянского лета здесь не бывает.

— А что же это?

— Белое пятно на карте страны, — улыбаясь, сказала Анна. — Рай, который я открыла.

Кай подогнал джип прямо к кухне, чтобы не нужно было далеко таскать тяжелые бутылки с вином.

Анна сразу же обнаружила разбитое стекло. «Первый взлом, — подумала она, — и так скоро!» Она была бесконечно рада, что этой ночью будет не одна, и решила попросить Кая остаться здесь, пока не будет отремонтирована дверь.

Анна вышла из машины и подошла к двери кухни. Она невольно взглянула вниз и заметила засохшие капли крови на кирпичном полу. Затем подняла голову и посмотрела в кухню. Две секунды она стояла неподвижно, затем испустила пронзительный крик.

У продавца стройматериалов было так много народу, что Энрико уже подумывал, не лучше ли заехать сюда завтра с утра. Однако тогда пришлось бы потратить на закупки всю первую половину завтрашнего дня, а это было еще хуже. Поэтому он остался в магазине и постарался сохранять спокойствие. Сейчас, после окончания рабочего дня, мастера со всей округи приехали сюда, чтобы закупить на завтра материалы и недостающие инструменты, а заодно использовали встречу в negozio ferramente^[55] для того, чтобы немного поболтать.

Многие пытались заговорить с ним. Энрико был любезен, но держался отстраненно и отвечал по возможности кратко.

— Вы купили Каза Мериа, дом старой ведьмы? — спросил Марио-лесоруб.

Энрико кивнул.

— Старухи, которая сгорела? — хотел знать Пьеро.

— Она не сгорела. Она уже была мертвой, а потом эта сумасшедшая подожгла дом.

Энрико уже слышал об «этой сумасшедшей», но еще никогда ее не видел. Да его все это и не интересовало. Он хотел лишь одного: чтобы его наконец обслужили.

— Опять будете строить дом?

Энрико снова кивнул.

— А у вас уже есть разрешение? — Голос Марио сорвался на высокую ноту.

— Еще нет.

Это были разговоры, которые Энрико так ненавидел, потому что все, что люди узнавали в магазине, в тот же вечер разносилось по деревне.

— Ну и?.. Вы уже начали строительство?

— Еще нет.

Энрико улыбнулся и отвернулся. У него было еще два с половиной месяца. Потом начнется сезон охоты, и тогда время от времени к нему будут заходить охотники, которые увидят, что дом уже построен. Обычно он был очень любезен с ними, приглашал к себе и угощал вином. И они не злились и не доносили на него леснику.

Итальянцы подумали, что немец молчит, потому что плохо знает язык, и потеряли к нему интерес. Энрико терпеливо подождал еще полчаса. Наконец подошла его очередь, и он получил бóльшую часть винтов и шурупов, которые нужны были для того, чтобы сделать окна.

На обратном пути в Каза Мериа он увидел, что следом за ним едет черный джип. Когда он обернулся, то увидел, что джип помигал фарами, и узнал Анну и Кая. Он помахал им рукой и прибавил скорость. Джип не отставал.

Энрико застонал. Что нужно этим двоим? Этот внезапный визит был ему абсолютно не нужен. Он работал сегодня с семи утра, а потом еще стойчески перенес напрасную трату времени у продавца стройматериалов, что стоило больше нервов, чем пятичасовое таскание камней. Он думал только о том, с каким удовольствием снял бы сейчас рабочие брюки и смыл с себя цементную пыль. У него не было настроения ни на короткий разговор, ни на утонченные беседы.

Да, времени, как в Валле Коронате, когда его никто не знал и никто не приходил к нему в гости, потому что даже такого адреса официально не существовало, пожалуй, больше уже никогда не будет.

Карла уже стояла перед домом, когда обе машины друг за другом съехали по дороге. Она улыбнулась и обняла Анну.

— Прекрасно, что вы заехали, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал бодро, но про себя лихорадочно соображала, не связан ли этот внезапный визит с фотографией на ее кухонном столе.

— Вы чем-то расстроены? — тихо спросил Энрико Анну, и она кивнула.

Приветствуя Карлу, он легонько погладил ее по плечу.

— Устраивайтесь поудобнее, — сказал он, — а я пока быстренько приму душ. Пять минут, и потом я хочу знать, что случилось.

Анна и Кай уселись под узловатым фикусом. Карле это дерево особенно нравилось, и она устроила под ним маленький кухонный уголок. Она пошла в дом, чтобы принести вина.

Кай и Анна огляделись по сторонам.

— Невероятно, как много успел сделать Энрико за такое короткое время, — сказала Анна. — Он работает как зверь. А ты когда-нибудь наблюдал за ним? Он почти все делает бегом.

— Анна... — Кай взял ее за руку и очень тихо сказал: — Зачем мы здесь? Энрико и Карла вряд ли бы влезли в Валле Коронату.

— Нет, конечно. Но откуда-то же надо начинать? Возможно, у них возникнет какая-то идея, какое-то подозрение. Мы не можем просто сидеть в Валле Коронате и делать вид, что ничего не случилось!

Анна проявляла несдержанность больше, чем ей самой хотелось бы, но ее очень нервировало то, что со своего стула она очень хорошо видела место, где стоял под душем Энрико. Его же, похоже, абсолютно не смущало то, что кто-то мог его увидеть. В этот момент пришла Карла, которая принесла воду, вино, оливки и немного хлеба.

— Больше, к сожалению, в доме ничего нет, — сказала она, ставя поднос на стол.

— И прекрасно! — ответила Анна. — Мы не голодные.

Кай скривился. Ему ужасно хотелось есть.

Энрико надел шорты и футболку, подошел к столу, на ходу вытирая голову полотенцем, и сел.

— Что случилось? — спросил он. — Что произошло?

У Карлы так дрожали руки, что она пролила минеральную воду, которую наливала в бокалы.

— Сначала один вопрос, Энрико, — сказала Анна. — Почему вы сказали, что в этой местности не случались убийства детей? Здесь, совсем рядом, кроме моего Феликса исчезли еще двое детей. Филиппо и Марко. Филиппо было одиннадцать лет, Марко — тринадцать. Если такое случается, люди неделями говорят об этом. В барах, в магазинах, на рынке, на площади — везде. Да я это знаю по собственному опыту. А вы ничего такого не слышали?

— Я действительно ничего не знала, — на одном дыхании сказала Карла. От волнения на щеках у нее появились красные пятна.

— Я знал, — сказал Энрико, глядя в пол. — Может быть, Карла не слышала. Мне кажется, так совпало, что оба раза она в это время была в Германии.

— И об исчезновении Феликса вы тоже знали?

Энрико кивнул.

— И когда пропал Феликс, Карла тоже была в Германии?

— Да, — сказала Карла, — я же рассказывала. У отца был инфаркт.

Анна сделала легкий жест, означавший не что иное, как «точно, я забыла». Она посмотрела на Энрико. Ее взгляд был злым, а голос — пронзительным.

— А почему вы мне ничего не сказали о двух других пропавших детях?

— Я не хотел вас пугать, Анна. — Голос Энрико был теплым и сердечным. — У вас и без того уже было достаточно проблем. И прежде всего я не хотел лишать вас надежды однажды увидеть Феликса живым. Наверное, это было ошибкой. Может быть, я не знаю... Но если я сделал что-то не так, то очень об этом сожалею. Простите, Анна.

В одно мгновение Анна растеряла всю свою ярость. Ей даже стало стыдно, и она тихо спросила:

— Значит, вы не верите, что он жив?

Энрико отрицательно покачал головой. Карла прижала руку к губам, потому что чувствовала, что вот-вот заплачет Анна продолжала:

— Значит, где-то здесь бродит убийца детей, который каждую пару лет совершает преступления и прячет трупы так хорошо, что их, скорее всего, никогда не удастся найти?

— Вполне может быть. Да, — сказал Энрико, избегая смотреть на нее.

Некоторое время никто не произносил ни слова.

Анна глубоко вздохнула.

— Мне кажется, этот убийца сегодня залез в Валле Коронату.

— Что? — Энрико почувствовал легкое головокружение и сконцентрировался на дыхании.

Поскольку Анна в этот момент лихорадочно искала в сумке сигареты, в разговор вмешался Кай:

— Сегодня мы ездили в Монтальчино. Когда уезжали, в Валле Коронате было все о'кей, но когда вернулись, стекло в кухонной двери было разбито. На полу была кровь. Преступник, наверное, порезался о разбитое стекло. Мы перевернули весь дом. Все на месте. Ничего не пропало, никто нигде не рылся.

— Даже ничего не пропало из денег в кухонном столе, — вставила Анна.

— Не хватает только фотографии! Фотографии Феликса, которая висела над столом в кухне. Украли только ее. Только эту единственную фотографию! — Кай с вызовом посмотрел на Энрико и Карлу. — Что это может значить? Мы просто ничего не понимаем.

Карла вскочила, пробормотала извинения и побежала в дом.

— Что с ней такое?

— Не знаю.

Энрико не хотел сейчас думать о Карле. Он был в смятении, в большом смятении. А он терпеть не мог, когда его загоняли в ситуацию, которой он не владел и которую не понимал.

— Это же не имеет смысла! — сказал он, качая головой. — Кто же будет вламываться в Валле Коронату, чтобы украсть фотографию?

— Я не знаю! — Анна курила, глубоко затягиваясь. — Но могу себе представить, что это был убийца. Убийца Феликса. Наверное, он случайно проходил возле Валле Коронаты, его разобрало любопытство, он заглянул в кухню и увидел там фотографию мальчика, которого убил десять лет назад. Конечно, он захотел заполучить ее. Обязательно. На память. Или в качестве трофея. Да какая разница! В его памяти убийство уже почти стерлось, но вдруг появилось снова. Вдруг он снова увидел все так, как было тогда, еще раз пережил убийство и получил от этого удовольствие. И он будет снова и снова получать наслаждение, потому что теперь у него есть фотография. И только так можно объяснить то, что его не

заинтересовали ни мои деньги, ни мой лэптоп.

Карла снова вернулась к ним. Она улыблась холодной водой, но все равно ее лицо было ярко-красным.

— Как вы сказали?

Кай вкратце повторил, что имела в виду Анна. Карла кивнула и села.

— Тебе плохо? — спросила ее Анна.

— Ничего, ничего. — Карла вымученно улыбнулась.

Энрико почувствовал, как его сердце на какое-то короткое время остановилось, а потом забилось снова, но уже не так ритмично. Что здесь происходит? Неужели существует кто-то, кто слишком много знает?

— Вы вызывали полицию? — спросила Карла.

— Из-за фотографии, которая стоит двадцать евро? Они подумают, что мы сошли с ума! — Кай отрицательно покачал головой.

— Что-то происходит в Валле Коронате. Что-то связанное с Феликсом. Но что, я не понимаю! — Анна закурила следующую сигарету.

— Если это был убийца, — размышлял вслух Энрико, — то это настолько невероятная случайность, что я даже не могу себе представить. Я вообще не верю в случайности. И не верю в судьбу, которая таинственным образом управляет нашим жизненным путем, а мы ничего не можем сделать против этого. Нет. Это выдумка. Всегда, когда мы, люди, не в состоянии объяснить себе что-то, то пускаем в дело случай и снимаем с себя всякую ответственность. Должно быть какое-то объяснение тому, что фотография Феликса пропала. И наверняка очень простое, только мы не можем его найти.

— Но что может скрываться за этим взломом? Скажите мне! Какое может быть простое объяснение? Я была бы рада, если бы оно было! Я не хочу сейчас слушать какие-то философствования, я хочу знать, что произошло в Валле Коронате и как это связано с моим сыном!

Энрико молчал. Карла и Кай тоже. Целую бесконечно долгую минуту.

— А раньше в Валле Коронату кто-нибудь забирался? Может, вам уже приходилось сталкиваться с чем-то подобным?

Карла покачала головой:

— Нет. Слава богу, никогда! Но я знаю, что были ограблены несколько домов, расположенных далеко друг от друга. И всегда это были junkies^[56]. Они искали деньги, а потом прихватили еще пару бутылок вина и смылись. К счастью, нас такое не коснулось. Энрико всегда говорил, что Валле Коронату никто не найдет, что она расположена в укромном месте. Но он, похоже, ошибся.

«Я не ошибаюсь, — подумал Энрико, — я никогда не ошибаюсь».

Котенок прыгнул к Энрико на колени. Он нежно погладил его и ссадил на землю. Котенок сразу же опять прыгнул к нему на колени, и Энрико оставил его там, продолжая гладить.

— Если хотите, Анна, Карла и я можем ночевать в Валле Коронате. До тех пор, пока вы не перестанете бояться. Или пока не узнаете, что там произошло.

— Не нужно. Я сегодня ночью останусь у Анны. А если она захочет, то и в следующие дни. — Каю было все равно, что подумают Энрико и Карла.

— Вообще-то многие дети выглядят так же, как Феликс. Может быть, его с кем-то перепутали?

— Может быть, может быть, может быть...

Анна встала. Ее лицо все еще горело. Она взяла бокал с вином и выпила его одним махом.

— Может быть, кто-то по ошибке убил моего Феликса. Может быть, это должен был быть кто-то другой, но погиб Феликс. Пожалуйста, Кай, отвези меня домой. У меня так болит голова, что, кажется, она скоро лопнет.

Кай встал и крепко обнял Анну, чтобы поддержать ее.

— Спасибо за все, — сказал он Энрико и Карле. — Мы еще заедем к вам.

И они медленно пошли к машине.

— Она слишком придирчива, — негромко сказал Энрико Карле, когда Кая и Анны уже не было видно. — Но это и понятно. Она должна сначала привыкнуть к тишине, одиночеству, темноте, к этой совершенно иной жизни на природе. В такой ситуации люди иногда видят вещи, которых не существует, и придумывают то, чего нет в действительности.

— Но фотография-то точно исчезла! Это-то она не выдумала! — Карла не понимала, почему Энрико говорит такое.

— Ты откуда знаешь? Ты была при этом? Анна сейчас находится в чрезвычайных обстоятельствах. Валле Короната — это что-то вроде граничного опыта. А матери иногда творят странные вещи, если им пришлось пережить такую болезненную потерю. Может, она сама сняла со стены фотографию и уничтожила ее, потому что хотела покончить с этой историей. Потому что не хотела больше ежедневно помнить о Феликсе. Потому что она здесь, чтобы начать новую жизнь. Ты это знаешь?

— А разбитое стекло? А кровь на земле? Если бы она захотела избавиться от фотографии, она бы ее выбросила. И все. Для этого ей не пришлось бы ломать собственный дом. Эта теория не годится. Подожди!

Карла помчалась в дом.

«Да, она права, — подумал Энрико. — Анна, у которой такая большая потребность в безопасности, не стала бы ломать дверь, лишь бы избавиться от фотографии. Такое творят только сумасшедшие, а Анна не сумасшедшая». Энрико лихорадочно думал, но у него по-прежнему не было никакой идеи относительно того, что могло произойти.

Карла вернулась и молча положила фотографию на стол.

Энрико ошеломленно уставился на нее.

— Ты? — бесцветным голосом спросил он. — Ты была в Валле Коронате и взломала дверь, чтобы забрать фотографию? Карла, ты что, с ума сошла?

Карла устало улыбнулась.

— Я сегодня мостила дорогу бульжником. Когда стало очень жарко, я пошла в дом, чтобы попить воды. Я пила из графина, который стоит на кухонном столе. Потом я снова пошла на улицу и легла в гамак, чтобы немного почитать. На четверть часа, наверное. Потом и в гамаке стало жарко, и я вернулась в дом. А на кухонном столе уже лежала эта фотография.

Энрико верил каждому слову Карлы. Он почувствовал, что ему стало холодно. Холодно, как во льду. Еще никогда он не чувствовал себя таким бессильным, таким беспомощным.

— Почему ты сразу не сказала, что фотография у тебя?

— Чтобы Кай и Анна подумали то, что перед этим подумал ты? Нет-нет. У кого фотография, тот ее и украл. Все очень просто. И это единственное возможное объяснение.

Нет, я никогда не скажу, что фотография у меня. И ты не говори. Хорошо, Энрико?

Энрико лишь кивнул.

— Я иду спать, — сказала Карла. — Я устала до смерти, и, похоже, сегодня вечером мы уже никуда не продвинемся. Пойдем спать. Завтра, может быть, нам придет в голову что-то, на что мы не обратили внимания сегодня.

Сейчас она чувствовала себя намного лучше. Передав Энрико фотографию, она передала ему и ответственность. Ее нервозность улетучилась. В этот момент ей было все равно, как фотография попала на их стол. Ей не хотелось ничего, только спать. Спать, а не ломать себе над этим голову.

— Да-да, я сейчас приду, — сказал он и не глядя поцеловал ее в щеку. — Спокойной ночи.

Карла ушла в дом.

Энрико задул свечу и неподвижно сидел в темноте.

Ему необходимо было подумать. Что-то случилось. События ускользали у него из рук, он потерял над ними контроль. Кто-то знал правду и начал с ним игру. И в настоящий момент неизвестный опережал его, как минимум, на один ход.

Ночь была холодной, но он не уходил в дом, чтобы надеть пуловер. Его разум бешено работал.

Постепенно цикады стали стрекотать меньше. И тише. Их пение продолжалось еще почти час, затем все стихло. И в этот момент он понял, кто затеял с ним эту игру.

Анна... Конечно! Все же не было случайностью, что она купила именно *этот* дом, в котором он умертвил ее маленького сына. Случайностей не бывает. Он мог бы намного раньше догадаться. Почему ему не бросилось в глаза то, что она слишком быстро приняла решение купить Валле Коронату? Так поспешно дом не покупают. Обычно смотрят несколько объектов, прежде чем принять решение. Анна же осмотрела один-единственный. Она хотела только этот. Она приехала в Италию, чтобы купить Валле Коронату. Маклер был лишь средством для достижения цели. Он был нужен только для маскировки, чтобы незаметно подобраться к нему и выглядеть обычной покупательницей. Он оказался слишком доверчивым, а должен был сразу насторожиться.

Анна знала все. Она знала, что ее сын мертв, а он — убийца. Ее дружба была лишь игрой, ее любезность — лишь фасадом, чтобы скрыть ненависть. Почему она так долго выжидала, прежде чем сказать, что ищет сына? Потому что боялась, что он не продаст ей дом, если узнает истинную причину. Конечно, он бы ей его и не продал. В этом она была совершенно права.

Она была хитрой. Она хотела найти доказательства. Ей нужно было запугать его, чтобы он начал нервничать. Она наслаждалась тем, что имеет власть над ним. Она хотела продемонстрировать ему, что он утратил контроль над происходящим. Она хотела видеть его страх, а однажды она вскроет бассейн и разоблачит его.

Ход с фотографией был великолепным. Она искусно все проделала, и ей действительно удалось заставить его потерять самообладание.

Он еще помнил то утро, когда загружал в машину инструменты и со стоянки вдруг услышал тонкий детский голосок Феликса, его песню. Ту самую песню, которую мальчик пел у ручья. Он тогда страшно перепугался, на какой-то момент ему стало по-настоящему жутко. Значит, она уже тогда начала психический террор. И это тоже не бросилось ему в глаза.

Оставался один вопрос: откуда Анна узнала все это? Как она его нашла? Если бы она видела, что тогда, на Пасху, Феликс во время грозы сел в его машину, она сразу же пошла бы в полицию. И если бы она видела или слышала, что Феликс в Валле Коронате, она тоже пошла бы в полицию и спасла его. Значит, это исключалось.

Это было десять лет назад. На протяжении десяти лет не возникало больше никаких вопросов, не велось дополнительных расследований и поисков. Ничего. Он остался безнаказанным. Что касается Филиппо и Марко, то и тут никто не напал на его след. Он никогда не попадал под подозрение. У него никогда не было даже беседы ни с одним полицейским. И вдруг внезапно из небытия вынырнула мать одного из мальчиков и разгадала загадку? Почему же она не пошла в полицию, не заставила полицейских арестовать его, а специалистов — вскрыть дно бассейна? Чтобы помучить его? Чтобы насладиться мстостью?

На этот вопрос он должен найти ответ, если хочет вернуть себе покой. Конечно, она не ожидала, что он раскусит ее. В этом и состояло его преимущество. Теперь ход должен следовать за ходом, и не этой женщине суждено поставить ему мат. Этого он не допустит. Он еще никогда не проигрывал, не проиграет и на этот раз.

— Погода меняется, — сказал Кай, когда они уже были на обратном пути. — Сейчас чертовски ветрено, а завтра будет дождь.

Кай выбрал длинный путь из Каза Мериа до Валле Коронаты, который проходил исключительно через лес. Ему только не хватало сегодня вечером попасть под проверку машины карабинерами или проходить тест на алкоголь. Он ехал через Сан Винченци и внимательно смотрел по сторонам, не сидит ли Аллора где-нибудь на краю дороги, но нигде ее не увидел. Затем он выехал на извилистую дорогу на Монтебеники, в деревне повернул перед остерией на неровную полевую дорогу, которая становилась тем хуже, чем дальше они продвигались. Приблизительно через два километра они проехали поворот на Ла Пекору. Кай посмотрел на Анну, но в выражении ее лица ничего не изменилось.

Вдруг Анна вскрикнула. Кай резко нажал на тормоз, и в этот момент прямо перед ними дорогу перебежал целый выводок диких свиней.

Потом они медленно проехали через густой еловый лес до Иль Падильоне, потом по серпентину вниз к Дуддове, откуда свернули на узкую дорогу, ведущую к Валле Коронате.

— Валле Короната больше не святая, — задумчиво произнесла Анна. — Она осквернена. Кто-то был в моем доме, ходил, наверное, по всем комнатам, рылся в моей одежде, трогал мое одеяло, пользовался моей щеткой для волос и смотрелся в мое зеркало. Допустим, он ничего не сломал, но все в доме уже не так, как было раньше. Чертовски противное чувство! Ты понимаешь?

— Конечно. Если у тебя есть доски, я сегодня же забью кухонную дверь.

У Анны в шкафу нашлась бутылка красного вина, которую она открыла, пока Кай подметал осколки стекла и забивал дыру в двери двумя досками.

— Не особенно красиво, — сказал он, — зато так чувствуешь себя лучше.

— Я спрашиваю себя, действительно ли случайно убийца обнаружил фотографию... — вслух раздумывала Анна. — Потому что если это было именно так, то у него тоже был шок. Он, ничего не подозревая, заглядывает в кухню и видит там фото своей жертвы! Представь себе! Я не знаю, было ли это случайностью. В конце концов, Феликс пропал в Ла Пекоре. Валле Короната — это замкнутая долина, сюда люди не ходят просто так, прогуляться. Какое отношение имеет Валле Короната к Ла Пекоре?

Кай лишь пожал плечами.

— В любом случае убийца сейчас знает, кто я и почему здесь. И это, черт бы его побрал, тоже нехорошее ощущение! Или же он все время знал, кто я и зачем приехала, и целенаправленно пришел в Валле Коронату. Может быть, чтобы разведать обстановку, посмотреть, узнала ли я уже что-нибудь. А при виде фотографии он просто не мог удержаться. Он должен был заполучить ее! И от этого ощущение намного хуже. — Лицо Анны покраснелось. — Мне страшно, Кай. Я испытываю настоящий дерьмовый страх. Потому что знаю, что подобралась к разгадке вплотную. Потому что знаю, что убийца действительно существует, что он где-то рядом и все еще на свободе. А когда думаю о том, что придется переночевать хотя бы еще раз в этом проклятом доме, от одной только этой мысли становится плохо.

Кай сел рядом с Анной и положил руку на ее плечо.

— Не спеши. Твоя версия, что убийца украл фотографию, вполне может быть

правильной. Мне тоже не пришло в голову ничего более логичного. Однако это только версия! Это мог быть и не убийца! Не углубляйся в эту мысль! И ты обратила внимание, что все время говоришь об убийце? Сегодня утром у тебя даже не было уверенности в том, что Феликс мертв. Ты потеряла всякую надежду? И лишь потому, что кто-то украл его фотографию?

— Я думаю, что он мертв. Мне кажется, я это знаю. Я потеряла надежду, что он однажды появится передо мной уже взрослым молодым человеком. Да, я потеряла надежду.

— Из-за этой таинственной истории?

Анна кивнула:

— Да. Это был знак.

Через полчаса они отправились спать. Анна лежала на руке Кая и благодарила небо, что она не одна, — пусть даже она представляла себе вечер и ночь совершенно по-другому...

В шесть утра Анна проснулась. Она прислушалась к равномерному дыханию Кая и тихому шелесту ореха под окном. Птицы начали петь, и чем больше светлело, тем громче становилось их щебетание. «Несколько дней назад здесь еще был рай для меня, — с тоской подумала она, — я чувствовала себя здесь в полной безопасности, а сейчас скучаю по Фрисландии».

И все время у нее в голове вертелся один и тот же вопрос: какое отношение имеет Ла Пекора к Валле Коронате? Какая связь между ними? Почему убийца из Ла Пекоры пришел сюда? «Я поговорю с Элеонорой, — подумала она, — Элеонора там много знает. Может, у нее найдется какое-то объяснение».

В семь часов она растолкала Кая. Он открыл глаза, от всей души зевнул и притянул Анну к себе.

— Знаешь, что я сейчас сделаю? Я прыгну в бассейн ко всем лягушкам, тритонам и змеям и возьму тебя с собой!

— Нет! — Анна выскользнула из его рук и убежала к двери. — Делай то, без чего не можешь обойтись, а я лучше приму душ!

Когда Кай вылез из пруда, он стучал зубами и ругался.

— Отвратительная лужа! Холодная как лед, потому что через нее течет родниковая вода, к тому же меня постоянно что-то трогало за ноги. Наверное, водоросли и болотные растения, но я по-настоящему запаниковал. Не могу понять, как Энрико мог каждый день купаться здесь. Надо будет обязательно снести этот бассейн и построить настоящий. Безо всякой живности, без ила и без водорослей. А это просто отвратительно!

Кай зашел к Анне под душ и провел пальцем по ее телу:

— Представь себе, что ты под водой, и ты не знаешь, что это...

Анна обхватила руками его шею:

— Нет, Кай, не пугай меня...

Кай обнял ее и прижал к себе. Анна закрыла глаза, наслаждаясь теплой водой, стекающей по лицу, и прикосновениями его рук, казалось, старающихся подстроиться под струйки воды. А потом она упала в его объятия и уплыла на волне, которая заставила ее забыть все страхи и даже то, что она жила в доме, который с каждым часом внушал ей все больше ужаса.

После завтрака Кай уехал в бюро. Анна знала, что у него огромное количество встреч, и не просила вернуться вечером. Несмотря на страх, она все же не хотела вести себя, словно четырнадцатилетняя девчонка, и оказывать на него давление.

Но когда его машина исчезла за горной грядой, она пожалела, что не договорилась о следующей встрече.

Анна видела перед собой гору времени и страха, которую вряд ли удастся покорить. Она не могла заставить себя остаться в Валле Коронате. Она поспешно поставила оставшуюся на столе после завтрака посуду в мойку, сунула наличные в кошелек, тщательно закрыла двери и окна, прошлась по всем комнатам, чтобы еще раз все проверить, и покинула дом. С того момента как уехал Кай, не прошло и четверти часа.

— Ах ты, боже мой, — сказала Элеонора. Я почти ничего не помню обо всех тех делах, я же так быстро все забываю...

Элеонора тяжело дышала, седые волосы прилипли ко лбу, но глубокие ямочки на щеках придавали ее лицу веселое выражение.

— Наверное, все-таки я перестаралась с прополкой бурьяна в такую жару, но когда у меня случается подобный приступ рвения к работе, я обязательно должна им воспользоваться! — Она улыбнулась и провела запыленным рукавом куртки по лицу. — Сейчас мы выпьем по стаканчику холодной воды с лимоном, а потом я буду ломать голову ради вас.

Через две минуты она появилась с двумя большими стаканами ледяной родниковой воды, в которые выжала сок из половины лимона.

— Ла Пекора и Валле Короната... М-да... Что у них общего? Мне кажется, вообще ничего. Одно к другому не имеет никакого отношения, и, кроме того, их разделяет огромная гора.

Элеонора села, а Анна с благодарностью выпила холодную освежающую воду с лимоном.

— Когда вы купили Ла Пекору?

— В девяносто шестом. Пино и Саманта через маклера дали объявление в газету, я прочла его и сразу же влюбилась в этот дом. Наверное, со мною случилось то же самое, что и с вами, я тоже женщина быстрых решений. — Лицо у нее было красное как рак, но в общем она производила впечатление на зависть здорового человека.

— А до этого вы видели Валле Коронату?

— Нет. Я познакомилась с ней только тогда, когда Энрико начал перестраивать мой дом здесь, чтобы я могла сдавать жильцам часть комнат. Энрико как-то приглашал меня в Валле Коронату на обед.

— Значит, Энрико — единственное связующее звено, — пробормотала Анна. — Он восстанавливал Валле Коронату и перестраивал Ла Пекору. Но нам это вообще ничего не дает.

— Я тоже так думаю.

— И вы остались им недовольны? Это меня удивляет. Я считаю: то, что он делает — просто прекрасно!

— Да, на вид неплохо. Но для меня на этом все и заканчивается. Он эстет. Для него главное — внешний вид, эффект. А как ремесленник он дилетант. Да вы и сами это заметите, когда подольше поживете в доме. Когда придет зима и целыми месяцами будут идти дожди. Когда изо всех окон будет дуть, потому что они плохо закрываются. Когда вода льется в комнату, когда перестает поступать горячая вода и отопление выходит из строя, потому что он ни разу в жизни не видел, как работают сантехники, и купил самые дешевые трубы. Он свинтил все как-нибудь, скорее плохо, чем хорошо. И выгребная яма переполняется, потому что он проложил сточные трубы не под гору, а на гору. Однажды вы заметите, что дренаж в доме ни к черту, а крыша плохо заизолирована, поэтому стены покрываются плесенью. Вас начнет раздражать злость, когда вы не сможете пользоваться камином, потому что он коптит. Для Энрико камин — это каменный цоколь и дырка в

потолке, но этого недостаточно. Ах, я могу рассказывать такое часами...

— Вы злитесь на него?

— Конечно, я на него сердита. Он перестраивал тут все как сумасшедший. Все время — бегом. Все время — шмыг-шмыг! Он не особенно старался, но тогда я этого не замечала. Каждую строительную ошибку он замазывал цементом и ставил перед ней красивый камень. И все эти строительные недочеты он преподнес мне как свое «искусство». Я была в восторге. Я полностью ему доверяла. До тех пор пока не начала жить в доме, где все ломалось одно за другим. И до меня наконец дошло, что он, в принципе, очковтиратель.

Поэтому он всегда работал один, у него никогда не было помощников. Я уверена, что он делает learning by doing^[57], потому что, как мне кажется, никогда ничему по-настоящему не учился. Но в этом, естественно, он ни за что не признается. Как бы там ни было, но после него мне пришлось нанять целую армию мастеров, пока все не начало более-менее хорошо работать.

— Это было в девяносто шестом году?

Элеонора кивнула.

— Наверное, он так страшно торопился с Ла Пекорой, потому что в ноябре начал восстанавливать еще одну руину — Каза Ласконе, что выше Бадиа а Руоти. Вы знаете тот дом?

Анна отрицательно покачала головой.

— Я была там пару раз. На первый взгляд кажется, что при строительстве Каза Ласконе он старался чуть больше. Но никогда не знаешь, что от него можно ожидать. Снаружи все и всегда выглядит великолепно.

— Вы первый человек, которого я встречаю, кто не самого лучшего мнения об Энрико. Это меня очень удивляет.

Элеонора пожала плечами.

— Хотите бокал вина?

— Нет, спасибо. Слишком жарко. И кроме того, я еще хочу поехать в Сиену. А вы знаете дальнейшую судьбу Каза Ласконе?

— Ее купил какой-то бельгиец. Энрико, как всегда, продал дом по дешевке. Наверное, потому что испытывал угрызения совести. — Она хихикнула. — И представьте себе, я слышала, что бельгиец тоже в бешенстве, потому что в его бассейне постоянная утечка воды. Ему, наверное, придется вскрывать бассейн.

Она приветливо посмотрела на Анну:

— Я, конечно, не желаю вам плохого, но мне думается, что у вас на Валле Коронате еще будут большие проблемы.

Анна не выдержала и засмеялась:

— Просто здорово, как вы умеете ругаться. А что было потом?

— А потом здесь, в Тоскане, стало все труднее найти дешевые руины, которые можно было бы перестроить в дома. Цены рванули вверх. Это я знаю от Карлы, с которой разговаривала пару раз, когда встречала ее на почте или на рынке. Энрико искал даже в Умбрии, хотя и хотел продолжать строительство в этих местах. Потому что Карла ни за что не соглашалась покидать Валле Коронату. Тем более удивительно, что он продал этот дом.

— После того, что вы рассказали, меня это тоже удивляет.

— Но Энрико опять повезло. Он собирал все деревенские слухи и узнал, что вблизи Солаты есть одна руина. Ла Роччия. Эту развалину он купил очень дешево и сделал из нее

дом. Правда, не знаю какой, я там никогда не была. Никто там не был. Я не знаю ни одного человека, который побывал бы там во время строительства. Очень мало кто знает, где вообще тот дом находится. Я бы сама его не нашла. Но мне кажется, что он когда-то во Флоренции случайно познакомился с человеком, который сразу же купил у него дом. Было это всего два года назад. Ну вот, а теперь он что-то строит вблизи Сан Винченти, как я слышала.

— Да. И теперь он уже живет там. Ему понадобилось всего четыре недели, чтобы вселиться в одну комнату.

— Вот видите! — Элеонора презрительно скривила губы. — Ничего хорошего из этого не выйдет. Там, где у солидных строительных фирм пять человек работают шесть месяцев, Энрико в одиночку строит дом за три месяца! Пусть мне кто-то объяснит, как такое возможно.

— Он мало рассказывал о своем прошлом, — сказала Анна. — Он просто не любит говорить о себе. А что вы знаете о нем?

— Тоже немного. Я знаю лишь, что он везде рассказывал. Что раньше был в Германии менеджером. Но интуиция говорит мне, что это не так. Если этот человек был менеджером, тогда я — королева Англии.

— Почему?

— Вы когда-нибудь видели, как он ставит свою подпись? Он не пишет, он рисует буквы. Как человек, который за всю свою жизнь расписывался раза три, а не как тот, кто каждый день по тридцать раз вынужден подписывать документы. Свою бухгалтерию он ведет на бумаге в клеточку, а его папки с документами выглядят как скоросшиватели во втором классе начальной школы. Он не имеет ни малейшего понятия о компьютерах, Интернете и подобных вещах, современные средства связи прошли мимо него. Такой человек может, наверное, выжить в лесу, но не руководить предприятием. Его послушать, так он может все, знает все и все уже когда-то делал. Но если чуть-чуть заглянуть за кулисы и, как говорится, попробовать его на зуб, то понимаешь, что все это блеф, все ложь. Или, скажем так, мания величия. Он страдает манией величия, Анна! Он никогда не скажет: «Я не имею об этом понятия, я этого не могу...». Нет, он скажет: «Высотный дом я сконструирую за неделю, заодно с расчетом моста через Тихий океан».

Анна онемела от удивления.

— Я даже не знаю, говорите ли вы так, потому что злитесь на него или потому что хорошо его знаете.

— Вы не обязаны верить мне, и я не собираюсь убеждать вас, но у меня уже сложилось собственное мнение о нем. Он приятный парень. Всегда любезный и обходительный. Когда сталкиваешься с ним лицом к лицу, то сразу оказываешься втянутой в его орбиту и веришь всему, что он говорит. Доверяешь ему и отдашь свою последнюю рубашку. А едва только снова останешься одна, как замечаешь, что он обвел тебя вокруг пальца. Я просто решила, что больше не позволю ему дурачить и обманывать себя.

Анна молчала. То, что рассказала Элеонора, обескуражило ее. И правда, она доверяла ему и готова была отдать свою последнюю рубашку. Неужели она так ошибалась? Или же у Элеоноры была злобная натура, которую та искусно скрывала за приятельски любезными манерами?

— Похоже, сейчас мне все же не помешал бы бокал вина, — сказала Анна.

Элеонора засмеялась, встала и исчезла в кухне. Когда она вернулась с вином, то сказала:

— Чудесный день, прекрасная погода, мы здоровы и бодры, у нас нет никаких забот, давайте наслаждаться жизнью, а от вина при этом вреда не будет!

И тогда Анна рассказала ей о том, что кто-то влез в Валле Коронату, и о загадочном исчезновении фотографии.

Анна чувствовала легкое головокружение, когда около двух часов выехала из Ла Пекоры обратно в Валле Коронату. От вина она стала неповоротливой и сонной. Она успела только заметить, что в доме ничего не изменилось, легла в постель и моментально уснула.

От глубокого сна ее пробудил шум мотора, раздававшийся так близко и так громко, как она еще никогда не слышала. Она вскочила с постели. В голове у нее все кружилось, когда она бросилась к окну. Прямо перед кухонной дверью, которую она не заперла, стоял джип. Он стоял так близко, что с подножки со стороны пассажира можно было шагнуть прямо в кухню, минуя землю.

По двору расхаживал, широко расставляя ноги, какой-то мужчина в армейских сапогах, военных брюках и в летной куртке. Он нагло ухмыльнулся, когда она распахнула окно и на ломаном итальянском, который от волнения не стал лучше, спросила, в чем дело и что ему нужно на ее участке. «*Che cosa vuole?*»^[58]

Это было не просто вторжение на участок. Дворик между кухней и мельницей был ее летней гостиной, а наглый заезд джипа туда — незаконным проникновением в чужое жилище.

Он почувствовал ее неуверенность, и его ухмылка стала еще наглее. Он расставил ноги пошире и с видом победителя уперся руками в бока.

Анна видела только его голубые колючие глаза. «Боже, что за злые глаза! — подумала она. — О боже, что же делать?» Энрико был абсолютно прав. Ночью она была в большей безопасности. Ночью она могла бы скрыться в темноте, сейчас же у нее не было никаких шансов: незнакомец будет преследовать ее, а он, конечно, бегает быстрее и физически намного сильнее, чем она.

— *Vattene! E mia casa*^[59] *Vattene!* — пронзительно закричала она, сопровождая крик жестом недовольства и показывая вытянутым пальцем в направлении леса.

Но мужчина лишь покачал головой, залез в карман куртки, вытащил пачку сигарет, губами достал сигарету из пачки и зажег ее с таким видом, словно у него была масса времени.

Анна отошла от окна, сбежала по лестнице и с трудом протиснулась мимо джипа на улицу. Теперь она стояла перед ухмыляющимся непрошеным гостем, которому, очевидно, сложившаяся ситуация чрезвычайно нравилась.

А затем заговорил он. Говорил быстро, резко и агрессивно. Каждое слово казалось ей пощечиной, но она не понимала ни слова.

— *Non ho capito niente*^[60], — сказала она, и мужчина повторил свою тираду. Но Анна все равно не поумнела ни на грамм.

— Я все равно ничего не поняла, — повторила она. — А сейчас убирайтесь отсюда, иначе я вызову полицию!

Анна надеялась, что этот тип не знает, что у нее нет стационарного телефона и что мобильник здесь тоже находится вне зоны приема, а значит, она не может позвонить в полицию.

— Если у вас какая-то проблема, напишите мне письмо!

Она рассерженно скрестила руки на груди, и в этот момент ей ничего не хотелось больше, чем чтобы у нее в руках был газовый баллончик.

Мужчина набрал побольше воздуха и начал орать. Он ударил ладонью по капоту своего джипа, а затем, продолжая орать, подскочил к Анне, угрожая ей кулаком и размахивая им у нее перед лицом. Анна отступала назад, пока в буквальном смысле слова не оказалась прижатой к стене мельницы. Она чувствовала его дыхание и запах перегара. «Что за мужлан, — подумала она, — что за неотесанная задница, что за мерзкая свинья!» И в очередной раз тщетно попыталась избавиться от этого кошмара.

Мужчина ругался, это Анна поняла. А потом внезапно подошел к своей машине, распахнул дверь и вскочил туда. Из открытого окна он проорал ей, что еще вернется. И если надо, будет приезжать каждый день. До тех пор, пока она поймет, что он имеет право находиться здесь. У него есть право проезда, и он может проезжать через этот внутренний двор так часто, как хочет, чтобы добраться к своему участку.

Наконец он уехал. Он буквально прополз через двор, затормозил, оглянулся на Анну, словно хотел вернуться, потом проехал по ручью прямо у бассейна и исчез в лесу.

Она еще долго слышала шум мотора, пока разравнивала борозды, оставленные колесами джипа на песке двора. Последние слова она поняла. Что он имел в виду под «правом проезда»? Что-то не так было в договоре? Неужели Кай что-то недосмотрел? Может, в договоре был пассаж, который он не перевел или неправильно объяснил? Или ее вообще одурачили?

Анна побежала в дом и достала из маленького секретера в комнате с камином договор о покупке дома. Затем тщательно закрыла каждое окно и каждую дверь, заперла все, что можно было запереть, и пошла к своей машине.

Снова появился кто-то, кто внушал ей страх. Но прежде всего она хотела знать, в чем дело. Сейчас и немедленно. Когда он появится в следующий раз, она хотела либо дать ему отпор, либо устранить недоразумение.

Только по дороге в Сиену ей пришло в голову, что она даже не спросила, как зовут этого мужчину и почему он вообще здесь появился.

В этот раз Анна заехала в Сиену через Порто Романо и сразу же нашла место на стоянке перед Оспадале Психиатрико Сан-Николо — огромным и внушающим уважением зданием. Было без десяти пять, и она радовалась, что сделает Каю сюрприз, втайне надеясь, что он уже дома.

Анна пошла вниз по улице Виа Рома. Она не торопилась. Движение в городе оживлялось, некоторые магазины после долгой сиесты открывались только сейчас.

Она купила в маленьком магазине бутылку красного вина, фаршированные тортеллини, салат-руколу и сто граммов просциутто, копченой ветчины, которая хорошо подходила к руколе. Если уж она наносит Каю внезапный визит, то должна хотя бы что-то прихватить с собой на ужин. Она знала, что в его холостяцком холодильнике чаще всего царит пустота. Кай, когда хотел поесть, предпочитал зайти в маленькую трагторию на углу, чем самому готовить. Если там питаться, то со временем это станет дорогим удовольствием, потому что даже в простой трагтории скромное блюдо из макарон стоило уже больше двенадцати евро.

Анна дошла до Пьяцца дель Кампо и подумала, не посидеть ли какое-то время на солнце, но потом отказалась от этого. Это она успеет сделать, если Кая не окажется дома. Она почувствовала, что невольно ускоряет шаг. Хотя они расстались в Валле Коронате всего лишь пару часов назад, она не могла дождаться, когда снова увидит его.

С тех пор как она познакомилась с Каем, Гаральд все реже и реже появлялся в ее воспоминаниях. И ей хотелось все больше времени проводить с Каем. Мысль о том, что он вдруг снова может исчезнуть из ее жизни, пугала. Дни в Валле Коронате казались без Кая бесконечно долгими, а Италия — пустой и холодной. Ей не хватало его, и в этом она вынуждена была себе признаться. Ей не хватало его каждый день, который она проводила одна. И еще больше ей не хватало его ночью.

Чувство счастья наполнило ее, когда она подумала о предстоящем вечере, и она почти забыла странного водителя джипа в Валле Коронате и, собственно, причину своего визита к Каю.

На Виа деи Росси она на минуту остановилась и посмотрела на его окна. Дом сейчас, после обеда, был в тени, и окна были открыты. Сердце Анны бешено забилося. Она знала, что если он уходил из квартиры, то всегда закрывал окна.

Дверь дома была не заперта. В подъезде стоял затхлый запах. В первый раз, когда она приходила к нему, она даже не обратила на это внимания, но тогда она думала лишь о постели и ей не было дела ни до чего другого.

Она нажала кнопку звонка, и ее сердце билось так, словно готово было выпрыгнуть из груди. И она чувствовала, как горят ее щеки. Прошла пара секунд, а потом она услышала, как хлопнула дверь и послышался какой-то шум, словно кто-то рылся в ящике, где лежало множество ключей и всякого барахла. Анна с нетерпением ждала. Через двадцать секунд она позвонила снова, и почти одновременно со звонком дверь открылась.

У Анны от страха перехватило дыхание. Перед нею стояла женщина неопределенного возраста. Ее густые светлые волосы дико торчали на голове, из-за чего худое лицо казалось еще худее и было почти прозрачным. Она была босиком, и на ней был тот самый халат Кая, который она сама одевала во время своего первого визита к Каю.

«Львица, — подумала Анна, — белая львица, которой я ни за что не уступлю поле боя».

— Buonasera, — сказала Анна с преувеличенной вежливостью. — Kai с'е?^[61]

Она не стала ждать ответа, а просто проскользнула мимо женщины в коридор.

— Аллора, — сказала Аллора и закрыла за Анной дверь.

Анна пару раз крикнула «Кай!», открыла ванную, спальню и гостиную, но нигде никого не было. Ни малейших следов Кая. Потом она зашла в кухню.

На столе стояла большая миска с мюсли. Очевидно, Аллора как раз завтракала. Варенье, молоко, графин с водой, стаканы, куча невымытых вилок и ножей, кулек с сухими бобами и жевательная резинка в беспорядке стояли и лежали вокруг.

— Что здесь происходит, черт возьми? — резко спросила Анна. — Где Кай и кто вы такая?

— Аллора, — ответила Аллора и осклабилась. Анна заметила, что у нее рана на лбу. Аллора стояла, небрежно опираясь на раковину, и с наслаждением отдирала свежий струп от раны, пока оттуда не появилась кровь, медленно растекающаяся по лицу.

Анну затошнило — настолько противен ей был вид Аллоры.

Чтобы убрать продукты подальше от мойки, Анна непроизвольно сделала шаг в направлении Аллоры, и та истолковала это как нападение. Она прыгнула вперед и быстро, так, что Анна не успела ничего понять, укусила ее в руку.

Анна застонала, а Аллора начала визжать и запрыгнула на стол, опрокинув миску с мюсли и молоком и переступая босыми ногами в варенье. Не переставая визжать, она злобно смотрела на Анну, готовая в любой момент прыгнуть на нее со стола.

Анна, защищаясь, подняла руки.

— Прекрати! — закричала она. — Прекрати это, я всего лишь хочу поговорить с тобой!

Но Аллора не прекращала орать и бушевала дальше.

Анна выскочила из квартиры. Даже на улице она слышала, как кричала эта идиотка, и ее крики были похожи на рев раненого зверя.

Анна ехала очень медленно, потому что была не в состоянии сосредоточиться на движении. Она поймала себя на том, что раздумывает, где находится педаль сцепления — справа или слева, педаль газа — посередине, а тормоз — справа или наоборот. Когда на скоростной трассе перед стройкой резко затормозил ехавший впереди грузовик, она впала в панику, нажала на газ вместо сцепления и не могла найти педаль тормоза. Когда наконец машина остановилась, пот стекал у Анны со лба и попадал в глаза.

«Я готова, — думала она, — я конченный человек, мне срочно нужно домой. Моя жизнь все быстрее и быстрее катится по наклонной. Я должна попытаться понять, что у меня еще в порядке. Я должна найти хоть что-нибудь, за что можно уцепиться».

Ее уверенность улетучивалась с каждой секундой. В Кая она влюбилась, она доверяла ему, он сделал ее счастливой и спас от одиночества. Сейчас все это закончилось. Похоже, она восприняла безобидный роман гораздо серьезнее, чем следовало. Значит, для Кая связь с ней никогда не была чем-то глубоким. У него одновременно с Анной были и другие женщины. Он спал с озверевшей львицей так же, как и с ней. Он впускал это чудовище в свою квартиру. Пока его не было дома, она носила его вещи и спала в той же постели, где лежала она, Анна. А еще у этой дуры настолько серьезно повреждена крыша, что она даже не в состоянии сказать ни единой связной фразы. Вот такой он неразборчивый. Он тащил в постель что попало, ему было все равно, он нимфоман, настоящий мачо, а она наивно попала на его удочку.

Она проскочила мимо поворота на Бучине. Пришлось сделать крюк в двадцать километров, и у нее появилось ощущение, что она уже никогда не найдет дорогу домой.

Когда она наконец добралась до Валле Коронаты, то снова медленно прошла по всем комнатам и все детально проверила, чтобы убедиться, что за время ее отсутствия никто не побывал в доме. Это уже стало почти ритуалом.

Затем она легла в гамак под ореховым деревом и стала слушать плеск воды, стекающей по каменной ступеньке в бассейн. У нее вдруг возникла настоятельная потребность позвонить Гаральду. Конечно, было бы неплохо, если бы он приехал на пару дней. Гаральд был реалистом до мозга костей. Он бы увидел долину совсем иными, прагматичными глазами. Она бы рассказала ему все, что здесь произошло, и, может быть, Гаральду удалось бы ее образумить. В этой уединенной долине было два дома. Ничего больше. Никакой тайны и никого, кто бы посягал на ее жизнь. И очаровательный маклер, с которым она чудесно проводила время и который, однако, не клялся ей в верности и не имел перед нею никаких обязательств. Она не хотела утаивать от Гаральда свои отношения с Каем, потому что Гаральд всегда видел вещи именно такими, какими они были на самом деле, и никак иначе. Именно это было ей сейчас нужно.

Анна решила полежать еще минутку, а потом подняться на гору и позвонить по мобильнику. Спустя пять минут она уже крепко спала.

— Анна, проснись! — сказал чей-то голос, и Анна подскочила от испуга. Было темно, хоть глаз выколи. Перед нею стоял какой-то мужчина, светивший ей в лицо карманным фонарем. Она различала лишь очертания его фигуры; но голос показался ей знакомым.

— Это я, Кай! Какого черта ты спишь на улице?

Анна медленно вспоминала, что произошло. Она заснула в гамаке и не включила наружные фонари.

— Который час? — прошептала она.

— Почти одиннадцать. Подожди, я зайду в дом и включу свет.

Анна с трудом села. От непривычного лежания в гамаке болели все кости, ее знобило. На ней была лишь футболка, а ночи в долине были холодными. В этот момент загорелись наружные фонари и осветили маленький внутренний двор и часть сада почти до бассейна внизу.

Она встала, потянулась и только хотела пойти в дом, чтобы взять куртку, как вдруг увидела женщину, стоящую в полутьме за лестницей. Она пригнулась за кустом олеандра и выглядела крайне испуганной.

Моментально в Анне вскипела ярость.

— Что это значит? — прошипела она Каю, который как раз вышел на лестницу. — Зачем ты приволок это асоциальное привидение сюда? В какую дерьмовую игру ты играешь со мной, Кай Грегори?

— Вот это я как раз и хочу тебе объяснить.

— Тогда можешь посадить ее к себе в машину. Я, если вообще захочу, буду говорить только с тобой. Что ты делаешь в своей квартире, меня не касается, но я не считаю, что обязана принимать твоих баб у себя в доме!

Ее тон был резким, и она обхватила себя руками, потому что начала дрожать от холода.

Кай улыбнулся:

— Неужели ты ревнуешь, и все из-за того, что это бедное создание помылось и чуть-чуть поело в моей квартире? Мне известен кое-кто, кому недавно тоже надо было принять душ!

— Да. И именно поэтому я знаю, к чему это приводит.

Анна исчезла в доме. Кай медленно пошел за ней. Он, сложив руки на груди, облокотился на мойку и ждал, пока Анна снова спустится вниз.

— Я понимаю, что ты разозлилась. Или приревновала. Но я не понимаю, зачем понадобилось ее так избивать, — сердито сказал Кай. — Когда я пришел домой, она была похожа на зомби. У нее все лицо было залито кровью!

— Ну и что? Это уже не моя проблема! Я ее и пальцем не тронула. Не бойся, я не собираюсь лишать жизни твоих любовниц!

— Кухня превратилась в поле боя, Анна. Мюсли, варенье, молоко — все на полу! Аллора ранена и испугана до смерти. И в качестве маленького привета — пакет с твоими продуктами. Ты хочешь сказать, что Аллора сама себя поранила и разгромила кухню?

— Просто невероятно, что ты считаешь меня способной на такое! — закричала Анна. — Да, она прыгала на столе и швыряла все подряд просто потому, что она сумасшедшая! Я ничего ей не сделала, зато она меня укусила, твоя прекрасная подружка!

— Я не верю ни одному твоему слову! Она не могла сорваться просто так, без причины! И если даже так, то она, видимо, ужасно испугалась тебя!

— Я что, обвиняемая здесь? Почему ты ей веришь больше, чем мне? Я не имею ни малейшего желания выслушивать твои дурацкие упреки. Зачем ты сюда приехал? Приударить за мной? Или орать на меня? Мог бы приберечь это для себя. Пошел вон! Да побыстрее, и забери с собой это чудовище! Я и сама прекрасно обойдусь!

Анна была на грани истерики.

В этот момент хриплый голос сказал:

— Аллора!

Аллора стояла в дверях кухни и без остановки качала головой. Она разводила руками и непрерывно бормотала «аллора», что звучало как «прекратите, перестаньте ссориться».

Кай и Анна уставились на нее, а Аллора снова и снова билась лбом в воображаемую дверь кухни и показывала на свой лоб, пока Кай наконец не сообразил:

— Так это была ты? Ты разбила лбом стекло в двери?

Аллора энергично закивала головой.

— Но зачем? Что тебе было нужно в этом доме?

Аллора показала на место на стене, где раньше висела фотография.

— Ты украла фотографию?

Аллора снова закивала головой.

— Но зачем?

Аллора сложила ладони, будто собираясь помолиться, и вздохнула.

— У тебя есть еще одна фотография Феликса? — повернулся Кай к Анне, и она кивнула. — Тогда принеси ее скорее.

Анна сбегала по лестнице в спальню и вернулась с маленькой фотографией, на которой Феликс был снят за письменным столом, когда делал домашнее задание и грыз карандаш.

Кай показал Аллоре фотографию:

— Ты знаешь этого мальчика?

Аллора кивнула. Анна прислонилась к стенке. Ее колени обмякли, и она еле удержалась на ногах.

— Ты его уже когда-то видела?

Аллора кивнула.

— Еще раз, Аллора. Зачем ты забрала фотографию из дома?

Аллора скорчила гримасу, означавшую «сама не знаю»

— Потому что ты знала его и хотела вспомнить?

Аллора снова кивнула и вымученно улыбнулась.

— Где ты раньше видела этого мальчика?

Аллора не ответила, потому что отвлеклась, изо всех сил стараясь выудить моль из стакана с водой, который, наполовину наполненный, стоял на столе. При этом она визжала, потому что боялась, что моль может утонуть.

— Тихо, тихо... С Аллорой можно говорить, но это непросто.

Анна вела себя очень тихо. Напряжение было почти невыносимым. Здесь был кто-то, кто что-то знал. Анна не могла поверить в это.

Наконец моль была спасена. Но зато из-за куста лаванды появилась жирная жаба, которая медленно и тяжело потащилась по песку, издавая такой шум, будто шел человек. Аллора прыгнула к жабе, взяла ее в руки и погладила.

— Какой ужас! — прошептала Анна.

— Аллора любит животных. Она любит каждое живое существо. Она и мухи не обидит. Она не делает различия между собой и другими живыми существами.

Аллора присела на корточки, продолжая гладить жабу. Она полностью погрузилась в это занятие и больше не обращала внимания на Кая и Анну.

— Ее зовут Аллора, — прошептал Кай, — потому что это единственное слово, которое она умеет произносить. Она живет в Сан Винченци у Фиаммы. Фиамма много лет назад

забрала ее из приюта для сирот. Сначала она жила у старой Джульетты и помогала старухе, пока та ни умерла. А знаешь, где жили Джульетта и Аллора?

Анна покачала головой.

— В Каза Мериа, в доме Энрико.

Аллора посадила жабу на цветочную клумбу и довольно улыбнулась.

— Аллора, это было давно, когда ты видела мальчика? — снова обратился Кай к Аллоре.

Аллора кивнула.

— Но все же ты хорошо помнишь его?

Аллора кивнула.

— Что делал мальчик? Он играл?

Аллора секунду удивленно смотрела на него. Потом энергично покачала головой.

— Что он делал?

Аллора все еще качала головой.

— Мальчик был один?

Аллора снова покачала головой.

— Кто был с ним? Мужчина?

Аллора снова покачала головой.

— Кто же тогда? Какое-то животное?

Сейчас Аллора мотала головой особенно быстро и энергично.

— Женщина?

И на этот вопрос, все так же мотая головой, Аллора ответила отрицательно.

Кай посмотрел на Анну:

— Кто же тогда? Ты что-то понимаешь?

— Минуточку! — Анна бросилась в дом и вскоре появилась с блокнотом и карандашом, которые отдала Аллоре.

— Аллора, — сказал Кай, — ты можешь нарисовать, кто был с маленьким мальчиком. Можешь?

Аллора кивнула. Все трое пошли в кухню и сели за стол. Аллора судорожно держала карандаш и рисовала чрезвычайно медленно. Она очень старалась, но была все время недовольна. Анна и Кай ничего не могла разобрать, потому что уже после нескольких штрихов Аллора каждый раз рвала бумагу.

— Рисуй дальше, Аллора, — попытался подбодрить ее Кай. — Не обязательно, чтобы было красиво. Лишь бы хоть что-то можно было понять.

— Аллора, — сказала Аллора и громко вздохнула. Потом продолжила и уже не рвала рисунок.

Когда Аллора закончила, то оказалось, что она нарисовала лицо с рогами на голове. К лицу было словно приклеено туловище без шеи. На фигуре были брюки, а в руке она держала вилы.

Кай ошарашенно смотрел на рисунок.

— Дьявол, — сказал он. — Она нарисовала нам дьявола.

Аллора кивнула и улыбнулась.

— Аллора! — сказала она гордо.

— Так мы далеко не продвинемся, — простонала Анна.

— Нет-нет. Нужно лишь чуточку терпения...

Аллора с любовью посмотрела на Кая, потом села к нему на колени и крепко поцеловала в губы.

— Ты можешь объяснить и это? — нервно спросила Анна.

— Да, — сказал Кай, — позже. — И как только Аллора отпустила его и снова вернулась на свой стул, вытер рот рукавом куртки. — Перестань, Аллора, мы хотим узнать побольше о маленьком мальчике. Знаешь, это очень важно... Анна — мать мальчика, и она очень беспокоится о нем. Дело в том, что она не знает, где мальчик. А ты знаешь, где он?

Аллора кивнула.

У Анны на миг остановилось сердце.

— Где? Аллора, где?

Аллора встала и выбежала их кухни. Она ловко и легко, словно серна, пробежала босыми ногами через двор, мимо мельницы. На какой-то момент она исчезла за домом. Но потом появилась снова. Она стояла на краю бассейна, словно серая фантастическая фигура. Ее белые волосы светились в лунном сиянии, а пальцем она указывала на иссиня-черную воду.

Тоскана, 2004 год

И тут они чуть не влипли. На выезде «Валдаро» Беттина слишком быстро въехала в поворот, так что еле удержала машину. Завизжали шины, и красный «пассат» начало слегка заносить, прежде чем Беттина смогла сбросить скорость.

— Ты что, с ума сошла? — испуганно спросила Марайке.

— Я больше не могу, — пробормотала Беттина. — Я сыта по горло этой ездой.

— Так давай поменяемся!

— Не на последних же метрах. Лучше смотри в карту, чтобы мы, чего доброго, еще и не заблудились.

Беттина заплатила кассиру дорожный налог, устало пробормотала «грация, буонасера», свернула направо и поехала через промышленный район Монтеварки.

Они выехали из Берлина в пятницу утром и уже два дня находились в дороге. В баварском Гольцкирхене, недалеко от австрийской границы, они переночевали в гостинице «У старой почты». Эдда и Ян с восторгом съели на ужин жаркое из говядины, предварительно вымоченной в уксусе, и клецки, в остальном же оценили вечер как «прикольный», поскольку в маленьком городке нечего было смотреть, нечем было заняться и уж совсем не происходило никаких событий. После полуторачасовой игры в карты Эдда и Ян с облегчением исчезли в своей комнате, чтобы посмотреть телевизор, пока Марайке и Беттина сидели и пили пиво в гостиничном кафе.

Получив постельное белье, они пошли в свою комнату, расположенную рядом с комнатой Яна и Эдды. Марайке на минуту остановилась у их двери, но все было тихо, и она успокоилась.

Марайке лежала в постели, скрестив на груди руки, и смотрела в потолок. Очевидно, ее мысли все еще были в бюро. Беттина прильнула к ней и начала нежно покусывать мочку уха.

— Не пытайся угадать, что сейчас будет. Тебе не надо вести расследование, я скажу все сама: я тебе сейчас продемонстрирую «тип преступника Б». Нежное сексуальное соприкосновение беспомощной и незащищенной жертвы.

Она задрала ночную рубашку Марайке и медленно провела языком по телу подруги. Марайке засмеялась и глубоко вздохнула. Потом повернулась к Беттине и обняла ее.

Короткий топик Эдды заканчивался чуть выше пирсинга в пупке и жировых складочек на талии. Она по привычке втянула живот и со скучающим видом сняла наушники проигрывателя дисков.

— И в этих занюханых местах вы хотите провести отпуск? У вас точно не все дома!

— Погоди, — ответила Беттина. — Мы еще не приехали. Кроме того, мы будем жить не в городе, а на горе, окруженной лесом.

— Прикольно, — отозвался двенадцатилетний Ян, усердно нажимая на кнопки своего гейм-боя. Эдда снова надела наушники и закатила глаза.

— Держись левее, — сказала Марайке... — Нам не прямо в Монтеварки, а налево, в направлении Леване. Так будет ближе.

«Ей идут очки, — подумала Марайке, взглянув на подругу. — Она выглядит, как маленькая взбалмошная библиотечарша. Мне нравится».

За Бунине местность стала больше похожа на сельскую, а проехав Амбру, они с ходу нашли поворот на Монтебеники.

И вдруг они очутились в Тоскане. Мягкие холмы со средневековыми деревнями расстилались перед ними, оливковые рощи и виноградники заполнили пейзаж. Время от времени попадались импозантные, окруженные кипарисами дома из природного камня, с табличками на краю дороги, указывающими, что они предназначены для сельского туризма.

— Ну, пора уже, — проворчала Беттина.

Маленькое местечко Монтебеники в точности соответствовало их представлениям и мечтам.

На указателе уже было «Ла Пекора», и Беттина свернула возле остерии «L'Orciaia»^[62] направо на посыпанную щебенкой дорогу, с одной стороны которой была каменная стена, а с другой головокружительный обрыв.

— Что мне делать, если навстречу будет ехать машина?

— Поедешь задним ходом назад, к городку, — сказала Марайке, которую позабавило расстроенное лицо подруги.

Ответвление дороги, ведущее в Ла Пекору, найти было несложно. Беттина ехала чрезвычайно медленно, поскольку дорога была, собственно, не настоящей дорогой, а скорее простым грунтовым полевым проселком с глубокими выбоинами и широкими промоинами, оставшимися после дождей.

Элеонора уже стояла перед домом, когда они все вчетвером вышли из машины.

— Добро пожаловать в Ла Пекору! — сказала она. — Как хорошо, что вы добрались в добром здравии и бодром настроении!

Марайке и Беттина пришли в восторг от снятой квартиры, похожей на лабиринт, с кривыми стенами, обветренными балками и старыми маттонами, а большая терраса с захватывающим дух видом на горы и долины в точности соответствовала представлению Марайке об Италии.

— Ну, молодой человек, — сказала Элеонора, обращаясь к Яну, — тебе здесь нравится?

Ян кивнул, но не совсем уверенно.

— Вот увидишь, здесь можно гулять пешком, кататься на велосипеде, бродить по лесу, играть возле ручья и купаться в озере. Рай для такого парня, как ты.

Ян засиял от радости. Это приятно было слышать. Это было именно то, чего он хотел. Он был уверен, что каникулы будут классными, и решил сегодня же вечером пойти к ручью, чтобы обследовать местность.

Кай остался на все выходные в Валле Коронате. В субботу в баре Амбры они узнали адрес Филиппо Торелли, который пропал в 1997 году. Он жил в Ла Скатола со своими родителями и с младшими братом и сестрой.

У Рафаэллы Торелли были пышные седые волосы, скрепленные на затылке огромной черепаховой заколкой. Ростом она была не выше метра пятидесяти, и у нее были маленькие детские ручки, на которых обручальное кольцо смотрелось, как игрушечное, которое автомат для продажи жевательной резинки выдает в качестве приза. Она была одета в длинное черное платье, и единственным цветным пятном были яркие лиловые тени, которыми она подкрасила глаза.

Она вела себя с немцами, которые хотели что-то узнать о Филиппо и обстоятельствах его исчезновения, довольно сдержанно. И только когда услышала, что немка сама оплакивает ребенка, который исчез, прониклась к ней доверием.

Однажды теплым летним утром ровно за неделю до больших каникул Филиппо, как всегда, выбежал из дома ровно в семь часов. До остановки школьного автобуса в Бадиа а Руоти идти ему было минут двадцать. Оттуда он всегда ездил в начальную школу в Амбре. Филиппо был в хорошем настроении, потому что его собака Элизабет ощенилась и ее щенкам было уже четыре недели, а он собирался в такую чудную погоду после обеда поиграть с ними на лугу.

Филиппо, как и каждое утро, шел по засыпанной щебенкой дороге мимо полей и лугов, на которых чабан Роберто пас своих овец. И как обычно обе собаки чабана приветствовали его громким радостным лаем. Филиппо погладил их и пошел дальше. Хозяйка пансионата для туристов «Касса Эмануэла» Лиза, которая всегда просыпалась в это время, вспомнила, что и в то утро слышала лай собак. Но она не посмотрела в окно, а сразу пошла в ванную. Она не видела Филиппо, но полагала, что он, как и каждый день, в это время проходил мимо ее дома.

Лиза не помнила, проезжала ли здесь какая-нибудь машина сразу же после семи. В то лето Энрико перестраивал руину Каза Ласконе выше Каза Эмануэла и несколько раз проезжал туда-сюда на своем обшарпанном микроавтобусе, на котором возил стройматериалы. Лиза не обратила на это внимания, у нее были другие заботы.

Дальше по дороге в школу Филиппо должен был пройти мимо дома продавца стройматериалов, но по утрам в это время там никого не было, потому что вся семья работала в магазине. Лишь блохастая собака со свалывшейся шерстью постоянно бегала вдоль забора и лаяла каждый раз, когда Филиппо шел мимо. Но в этот раз лая собаки не слышал никто. Ни один прохожий, ни один водитель — никто с этого момента больше не видел Филиппо.

Мальчик должен был еще пройти мимо загона для свиней и еще одной руины, а потом пересечь рошу, чтобы попасть на остановку автобуса на окраине Бадиа а Руоти.

Он так и не добрался до остановки, и с тех пор не было обнаружено никаких следов и ни малейших признаков Филиппо. Это было семь лет назад.

Рафаэлла трижды перекрестилась, прежде чем сказать, что не верит, что ее сын жив.

Потом она неожиданно доверительно обняла Анну и повела ее в гостиную. На камине стояла фотография в черной рамке. Портрет Филиппо. Маленький мальчик, запрокинув

голову, смеялся от души, так что были видны неровные зубки. Глазные зубы были чуть-чуть длиннее. Его волосы были коротко подстрижены, и он походил на шустрого отпрыска знаменитой семьи Симпсонов.

— Bello?^[63] — спросила Рафаэлла со слезами на глазах и погладила фотографию.

— Molto bello^[64], — прошептала Анна. Потом посмотрела на Кая взглядом, говорящим: «Идем, я больше этого не выдержу, здесь мы все равно ничего не найдем».

Рафаэлла поставила фотографию на место и вышла из комнаты с гордо поднятой головой.

Было бы невежливо отказываться от кофе, который предложила Рафаэлла, и им пришлось сесть за стол в кухне.

— Брат и сестра Филиппо были еще маленькими, когда он пропал, — сказала Рафаэлла. — Они его забыли. Моему сыну Мануэлю сейчас одиннадцать лет. Ровно столько, сколько было Филиппо. И каждое утро, когда он отправляется в школу, я переживаю все еще раз и боюсь, что он не вернется. Это настоящий ад, скажу я вам. Я ничего не могу делать. Я молюсь и аду, пока не услышу, как он идет через двор и пинает нашу старую эмалированную поливалку так, что она грохочет по щебенке. Я кладу ее каждый день на одно и то же место, чтобы он мог ее пнуть. И только когда я слышу этот шум, моя жизнь продолжается.

Карабинеры искали целый месяц. Как и в случае с Феликсом, они прочесали поля и леса, водолазы обыскали все озера, были опрошены друзья, родственники, знакомые, соседи, школьные друзья и учителя Филиппо. Были допрошены почти все жители Бадиа а Руоти, но все безрезультатно. Филиппо словно сквозь землю провалился. Не нашелся ни его школьный ранец, ни хоть какая-то одежда. Не было ни малейших следов.

Рафаэлла рассказала, что через три года исчез еще один ребенок. Маленький Марко. Его искали, пожалуй, дольше и настойчивее остальных, потому что это был уже третий ребенок, который исчез в этих местах за последние шесть лет. Но и в случае с Марко никто ничего не видел и не слышал, полиция оказалась беспомощной.

С тех пор как пропал Марко, его мать перестала разговаривать. Она не сказала больше ни слова. Никому. Ни мужу, ни друзьям, ни родственникам, не говоря уже о полиции. Поэтому Рафаэлла не думала, что мать Марко сможет чем-то помочь им.

Кай и Анна сердечно поблагодарили и попрощались.

— Ничего это не даст, — сказала Анна, когда они оказались за дверью дома Торелли. — Похоже, мы только теряем время. Дети исчезают, а никто ничего не видел, никто ничего не знает. С ума можно сойти!

— Идем, — сказал Кай. — Давай немного прогуляемся. Я покажу тебе Каза Ласконе, дом, который тоже построил Энрико. Он получился очень красивым.

Анна показала на свои босоножки:

— Я не готова к марш-броску!

— Никаких проблем! Дорога здесь неплохая, да и идти всего минут десять. Это недалеко.

Дом выглядел очень впечатляюще. Величественный и импозантный, как монумент, он возвышался прямо на склоне среди оливковых рощ. Со стороны фасада перед домом была свободная терраса, опирающаяся на колонны, с которой открывался вид на Амбру. Вторую террасу Энрико соорудил с тыльной части дома, и она была скрыта фруктовыми и оливковыми деревьями. С нее открывался гораздо более романтичный вид на лес и глубокое ущелье аж до горы напротив с маленьким селением Рапале. Под террасой виднелся

сложенный из природного камня бассейн, в котором сейчас не было воды.

— А это что? — Анна подошла к краю бассейна и посмотрела через край. На дне красным кирпичом было выложено слово «КАРЛА».

— Он хотел увековечить имя Карлы или объяснить ей в любви, откуда я знаю...

— Ну что за глупости! — сказала Анна. — Зачем писать имя своей подруги на дне бассейна дома, в котором не собираешься жить и который заранее предназначен для продажи? Что за идиотизм! Я бы не стала покупать дом, где в бассейне красуется имя женщины, к которой я не имею никакого отношения!

Кай пожал плечами.

— Энрико иногда творит странные вещи, которых не понимает ни один человек. Для меня он был и остается чокнутым. Но он очень любезен. Просто то, что он говорит, не стоит воспринимать всерьез. Кроме того, он страдает завышенной самооценкой. Но такие люди обычно очень интересные. Видимо, Карла как раз была в Германии, а Энрико строил бассейн. И выложил на дне ее имя, чтобы сделать ей сюрприз. Я думаю, просто так, под настроение. Сумасбродная мысль... Наверное, выпил лишнюю бутылку вина.

— А почему сейчас там нет воды?

— Бассейн протекает. Бельгиец, который купил дом, сейчас уехал. Осенью, вернувшись, он собирался искать место утечки воды. Нужно его чем-то заткнуть или положить сверху еще слой бетона. Но тогда бассейн станет еще мельче, а он и без того не особенно глубокий.

— Действительно, Элеонора рассказывала о протекающем бассейне.

Они медленно обошли вокруг дома.

— С этим домом он действительно постарался. Больше, чем в Валле Коронате. Может быть, за это время он просто набрался опыта в строительстве.

— Я испытываю безотчетный страх, — рассказывала Анна, когда они ехали обратно. — Боюсь сама не знаю чего. И это касается не только Валле Коронаты. Тебе знакомо ощущение, что ты идешь по цветущему лугу, вокруг ни души, тепло, в воздухе порхают мотыльки, стрекочут цикады, — в принципе, ты можешь быть совершенно счастлив, но у тебя плохое предчувствие, что вот-вот что-то случится? Кажется, что луг таит в себе угрозу. Ты отчаянно ищешь возможность убежать или какое-то место, где можно спрятаться, но вокруг ничего нет. Ни дерева, ни куста, ни хижина... Ничего. И мимолетно возникает глубокое убеждение, что луг с цветочками — это смертельная западня, которая опаснее, чем пустая лестничная площадка ночью. У тебя такие мысли бывали?

— Нет, — сказал Кай и озабоченно посмотрел на Анну. — Действительно, нет. Тебе нельзя впадать в истерику, Анна. Никто не хочет тебе ничего плохого. Никто не угрожает тебе. Ты купила прекрасный дом, так начни наконец наслаждаться им!

— Как же я могу им наслаждаться, если чувствую, что все, что я делаю, все, буквально все, что происходит в этом доме, каждое дуновение ветра, бьющего мне в лицо в этой долине, связано с Феликсом?

Кай больше ничего не сказал. Анна тихо плакала. Они миновали стоянку, где по-прежнему находился маленький «фиат», полностью заросший за это время бурьяном и сорной травой.

И Анна, и Кай прекрасно понимали, что Кай не может вечно жить в Валле Коронате, чтобы бороться со страхами Анны. Кай разузнал, что страшным человеком на джипе был не кто иной, как Карло, бригадир Филотти, которому принадлежала земля выше долины. Зарегистрированное право на проезд существовало с незапамятных времен, но он никогда им не пользовался. Кроме того, Энрико проложил в лесу дорогу, по которой Филотти мог добраться до своего участка, не проезжая через внутренний двор Валле Коронаты. Таким образом, выступление Карло было чистым самодурством. Если такое случится еще раз, следует просто поговорить с Филотти, на самом деле он очень приятный человек.

Анна успокоилась и решила, что в следующий раз сумеет урегулировать отношения с Карло.

Она осталась одна и стала учиться вести себя так, словно никогда ничего не боялась, словно в Валле Коронате не случилось ничего необычного. Она купила телевизор, стиральную машину и морозильную камеру. Теперь, когда на верхней террасе перед спальней развевались на ветру джинсы, блузы и пуловеры, у нее, по крайней мере, появилось хотя бы слабое чувство дома. Большую часть продуктов она теперь замораживала, и ей не было необходимости уезжать из долины всякий раз, когда нужно было купить хлеб или пекорино [\[65\]](#).

Но больше всего ей нравилось по вечерам сидеть в уютном кресле в гостиной и смотреть фильмы по телевизору. Так она привносила кусочек родины и чувство защищенности в свой одинокий дом.

Прошла ровно неделя с тех пор, как пропала фотография Феликса. Было необычно холодное утро, когда она открыла окно спальни и снова увидела Аллору. Та стояла над бассейном в длинном, до щиколоток, платье бежевого цвета, которое в лучах утреннего солнца казалось оранжевым. Ее белые волосы необычно гладко лежали на голове, правую руку она держала перед глазами, словно восходящее солнце слепило ее. Она выглядела, словно прекрасная, нереальная фигура, почти как явление Мадонны.

«Наверное, она была в воде, — невольно подумала Анна, увидев волосы Аллоры. — Похоже, она искупалась в этой противной зеленой жиже».

Анна открыла окно. Аллора моментально услышала звук оконных запоров и посмотрела в направлении Анны.

— Аллора, — сказала она вместо приветствия и улыбнулась. Анна впервые заметила, какие у нее плохие зубы, и удивилась, что это непонятным образом растрогало ее.

Аллора стояла в лесу, словно статуя ангела, и не двигалась. Не пошевелилась она и тогда, когда Анна накрыла стол под ореховым деревом на двоих.

Когда кофе был готов, Анна крикнула:

— Аллора, иди сюда и садись за стол! — и помахала Аллоре рукой.

В это мгновение Аллора вышла из оцепенения и медленно направилась вниз, к бассейну. Теперь Анна увидела, что у нее в левой руке, которую она прятала за спиной. Это были красные кустовые розы на длинных и коротких стеблях, но они выглядели не как букет, а скорее как пучок цветов.

Возле бассейна Аллора остановилась и на какое-то время замерла, а потом начала срывать головки роз и по одной бросать в воду.

В потоке воды, текущей в бассейне, цветы танцевали на темно-зеленой поверхности, а потом сбивались в кучку перед узким водосбросом.

— Аллора, — пробормотала Аллора и медленно пошла по дороге позади мельницы к главному дому. Она осторожно и очень робко села к Анне за стол.

— Угощайся, — приветливо сказала Анна. — Что ты хочешь? Кофе? Молоко? Хлеб? Варенье? Свежий инжир?

Аллора жадно выпила молоко прямо из кувшина и громко рыгнула. Затем взяла ложку и медленно начала есть мед прямо из двухлитрового ведерка. При этом она сияла и громко чавкала от удовольствия, как медведь, опустошающий улей.

— Ты в любое время можешь приходить сюда, Аллора, — сказала Анна. — Я всегда буду тебе рада. Понимаешь?

Аллора кивнула, продолжая заливать в себя мед, ложка за ложкой, так что Анне от одного только ее вида стало дурно.

— Ешь сколько хочешь, — сказала она и пошла в дом, в туалет. «Я потом спрошу ее о Феликсе, — подумала она, — и буду спрашивать снова и снова. Очень осторожно. Без давления. Я хочу понять, зачем она бросала розы в воду и почему показала на воду, когда мы спросили о Феликсе. Проклятье, что Аллора не может разговаривать! Неужели она хочет дать понять, что Феликс в бассейне? Этого не может быть! Это ведь Энрико построил бассейн. Нет, быть этого не может! Но что же тогда она хочет сказать?»

Возвращаясь на террасу, Анна была уверена, что сможет вытащить тайну даже из молчащей Аллоры, и составила в общих чертах план того, что она хотела спросить.

Но Аллоры за столом уже не было. Аллора исчезла, а вместе с ней — и двухлитровое ведерко меда.

Кай и Анна были в бюро одни. Моника сегодня ушла домой пораньше, потому что у нее якобы разболелась голова, однако Кай знал, что на самом деле она познакомилась с парикмахером из Сицилии и хотела показать ему город. Кай еще вчера заметил, что с ней происходит что-то не то, потому что она перекрасилась в блондинку и наложила на веки теней больше, чем обычно. Сегодня она целый день была беспокойной и нервной. Казалось, она и двух минут не может усидеть на месте. Поскольку Моника беспрерывно делала ошибки при печатании, неправильно сортировала акты и занималась только своим маникюром, Кай с облегчением вздохнул, когда она закрыла за собой дверь и наконец исчезла.

Пока он вынимал бутылку просекко из холодильника и разливал вино по бокалам, Анна расстелила на письменном столе карту, на которой были обозначены не только практически все самые маленькие населенные пункты, но даже отдельные крупные усадьбы. Розовыми булавками она отметила места, где пропали три мальчика, а голубыми — где они жили.

— Посмотри, — сказала она Каю, — Филиппо жил в Ла Скатола, а пропал перед Бадиа а Руоти. Там не наберется и километра расстояния. Марко жил в Ченнине, до озера там было, может быть, километра два. Феликс исчез прямо в Ла Пекоре. А сейчас посмотри на все эти места. Ла Пекора, Валле Короната, Ла Скатола, Ченнина, озеро... В принципе, это очень маленький район. Убийца действовал в радиусе двадцати километров. Это означает, что он сидит здесь, как паук в паутине, чувствует себя в полной безопасности и, возможно, убьет еще одного ребенка. Здесь, в этой местности. Прямо по соседству.

— Но ведь полиция должна была это увидеть!

— Может быть. А может быть, и нет. Я не знаю, как они здесь работают, но я уверена, что ни один полицейский уже и не вспоминает о Феликсе. И вот еще что, Кай. Феликс пропал в 1994 году, Филиппо — в 1997, а Марко — в 2000 году. Раз в три года — один мальчик. С удивительной регулярностью. В прошлом году ничего не случилось. Почему? Убийца переселился куда-то, ему что-то помешало или очередное преступление должно вот-вот случиться?

Кай пожал плечами и поднял бокал.

— Выпей глоток, так будет легче думать.

Анна лишь пригубила просекко и сразу же отставила бокал. Она не хотела потерять мысль.

— Мы должны подумать, существует ли какая-то связь — и если да, то какая — между всеми этими населенными пунктами. У кого могут быть везде дела? Кто мог встречать детей во время ежедневных поездок? Может быть, пекарь, который каждый день снабжает свежим хлебом Монтебеники, Ченнину и Бадиа а Руоти? Или священник, который заботится об этих трех общинах? Или землемер, который отвечает за все земельные участки в этих местах? Или главный лесничий, который совершает объезды, чтобы посмотреть, не ведет ли кто нелегальное строительство?

— Или маклер, который работает посредником по продаже домов и развалин и постоянно мотается в этой местности? Перестань, Анна. Под подозрение попадает каждый, потому что каждый живущий здесь ежедневно куда-то ездит: или в гости, или собирать грибы, или... Да откуда я знаю, зачем еще! Ты не сможешь отделить одно от другого, это

невозможно.

Анна не дала увести себя в сторону. Она была серьезной и сосредоточенной. И даже покраснелась от напряжения.

— Когда, собственно, Энрико строил новые дома? Ты это знаешь?

Кай вздохнул.

— Нет, так просто, с ходу я не могу сказать, но могу посмотреть. Я был посредником при продаже всех этих развалин.

— Так посмотри.

— Сейчас? — Кай сделал испуганное лицо. — Я думал, мы сходим поесть. Я сегодня с утра выпил три бутылки минеральной воды и не съел даже ни кусочка кекса! Я плохо чувствую себя уже после бокала шампанского.

— Пожалуйста, посмотри. Сейчас.

Кай быстро нашел то, что искал, но все же перелистывал акты с недовольным видом.

— Итак, — заявил он, водружая на нос очки для чтения, — в 1992 году он начал вести строительно-восстановительные работы в Валле Коронате, в 1996 году сделал перестройку в Ла Пекора, в том же 1996 году он купил Ла Ласконе, а в 1999 году — Ла Рочиа. Остальное ты знаешь.

— Да. — Анна задумалась. — В 2000 году исчез Марко... Ты знаешь, когда он продал Ла Рочиа?

Кай снова посмотрел в свои документы.

— В феврале 2002 года.

— Значит, он где-то просчитался с финансами, и сейчас, летом 2004 года, ему пришлось даже продавать Валле Коронату, где он жил всегда, когда вел строительство в другом месте.

— Велика премудрость! — презрительно фыркнул Кай. — Он всегда продавал слишком дешево и никогда не придерживался общепринятых цен. Я был очень зол на него, я клялся, что никогда больше не буду вести с ним никаких дел, но ты же знаешь, как это бывает. Своим дурацким упрямством он, собственно, сбил все цены в этих местах. Ему точно хватало бы денег, если бы он не был таким идиотом.

— Но он не дурак, Кай! Должна быть какая-то иная причина, почему он так дешево продает дома. Он что, боится, что не сможет сбыть их?

Кай долил себе просекко.

— Если ты попытаешься понять, что Энрико думает, говорит и делает, то не продвинешься ни на шаг вперед. В деловом смысле он человек хаотичный. И никто не может заглянуть в его мозги.

— Он всегда вел строительство в местах, вблизи которых исчезали дети. И Карла каждый раз была в Германии, когда пропадали дети.

— Анна, прекрати! Хоть ты не начинай... Энрико — человек со странностями, но всегда готовый помочь, он милый человек, он и мухи не обидит. Не думай о каждом встречном, что он — убийца, тебе все равно никто не поверит. Мы уже установили, что убийцей мог быть каждый. И пекарь, и священник... Следовательно, и я как маклер под таким же подозрением, что и Энрико.

— Да, ты прав, — тихо сказала Анна. — Я просто высказала свои мысли вслух. Энрико — мой друг, и он последний человек, на которого я могла бы такое подумать. Но все же...

И она воткнула желтые булавки туда, где Энрико в последние годы строил дома. Все они находились в радиусе двадцати километров, в кругу, очерченном Анной.

— Я так подумала, — сказала она.

Передача «Tagesthemen»^[66] только что закончилась, и Анна раздумывала, стоит ли посмотреть американский триллер, который начинался в двадцать три часа, когда со стоянки послышался короткий сигнал машины. В первый момент она ужасно перепугалась, но потом до нее дошло, что если бы кто-то вознамерился напасть на нее, то вряд ли стал бы сигналить, и что обычно сигналил Энрико, возвещая о своем приезде.

Она включила наружное освещение и смотрела, как он поднимается по дороге. Было уже пять минут двенадцатого, и причина, по которой Энрико в такое время проделал нелегкий путь через лес, должна была быть веской.

— Привет, Энрико! — сказала она, когда он оказался перед дверью кухни.

— Как ваши дела? — спросил он очень дружелюбно, словно это была самая обычная вещь — появиться в такое время в отдельно стоящем доме, где жила одинокая женщина.

— Хорошо. Что-то случилось?

— Нет, ничего. Я хотел увидеть вас. Вот и все.

Анна на какое-то время оторопела, но не показала этого.

— Заходите, — сказала она. — На улице чертовски холодно.

— Вы так считаете? Я могу сидеть на улице, если надо, хоть всю ночь.

Они зашли в дом.

— Что с Карлой? — спросила Анна.

— Она уже спит. Сегодня весь день мостила дорогу и очень устала. Она не заметила, что я уехал. Но мне непременно надо было уехать.

Анна кивнула. Ситуация была странной, но она попыталась отреагировать на нее как можно спокойнее.

— Бокал вина?

— С удовольствием.

Анна поставила вино на стол и села напротив Энрико. Еще четверть часа назад она была до смерти уставшей, но теперь сразу же пришла в себя.

— Вы уже обвыклись в Валле Коронате? — спросил он.

— В некоторой мере. Если бы не эта история с пропажей фотографии Феликса, мне было бы легче.

Энрико кивнул.

— Загадочное дело. Есть хоть какие-то предположения, кто бы это мог быть?

— Нет, совсем ничего. Не могу даже представить. Наверное, я так и не узнаю, что произошло. Как, наверное, никогда не узнаю, что случилось с Феликсом.

Анна сама удивилась собственным словам. Можно было бы рассказать Энрико об Аллоре, но по какой-то причине, которую она сама не знала, она этого не сделала. Это произошло само собой.

— Я часто думаю о вас, — тихо сказал Энрико. — Представляю, как вы здесь живете. Одна, в молчании, в темноте... Особенно когда я работаю, мне кажется, что вы рядом со мной. Я вам удивляюсь. Вы сильная женщина, Анна, мало кто смог бы так. Но я боюсь, что с вами что-то случится. Поэтому и приехал. Иногда среди ночи я думаю, не нужно ли поехать сюда и посмотреть, все ли в порядке.

Анна улыбнулась.

— Мне уже не четырнадцать лет. Я в состоянии сама себе помочь. Да и Кай часто бывает здесь.

Хотя Анне и было приятно дружеское участие Энрико, одновременно в ней зародилось какое-то нехорошее чувство, и она пыталась понять, чего же он хочет на самом деле.

— Как хорошо, что вы нашли друг друга! Кай мне очень нравится, такой приятный человек.

«Ну-ну, — подумала Анна, — все пустая болтовня. На самом деле Кай интересуется Энрико не больше, чем грязь под ногтями».

— Я хочу почистить бассейн, — неожиданно для самой себя сказала Анна и сразу отметила, что Энрико вздрогнул. Но потом улыбнулся.

— А с чего бы это?

— Меня выводит из себя то, что я не вижу, что за твари там плавают. Я боюсь заходить туда. Недавно там купался Кай, так к нему под водой что-то прикасалось. Это же ужас! Скажите, как можно спустить воду? Я не нашла ничего. Ни крана, который можно открыть, ни трубы, ведущей наружу, ничего.

— Подождите до весны. Наступает осень, и это уже не имеет смысла. Все равно слишком холодно для купания.

— И все же я хочу знать, как выпускать воду. Вы же должны были что-то предусмотреть на такой случай!

— Когда вы поедете в Германию?

— Я не знаю. — Анна обвела глазами кухню. — Иногда я просыпаюсь, и мне хочется собрать вещи и немедленно бежать отсюда. Иногда я думаю, что выдержу еще пару недель. А бывают дни, когда мне вообще не хочется возвращаться. В общем, я и вправду не знаю.

— Я могу предложить следующее... — Энрико залпом выпил вино, чего Анна раньше за ним не замечала. — Забудьте о бассейне. Если бы вы знали, какая это грязная работа — чистить его! Надо сутками стоять в иле и вычерпывать лопатой грязь. Это мерзкая работа, и ужасно противно стоять в компании змей, жаб и тритонов. Я обещаю почистить бассейн, когда вы будете в Германии. А когда вернетесь, у вас будет чистый бассейн и прозрачная вода.

Анна подумала.

— Я бы поставила циркуляционный насос и чуть-чуть увеличила бассейн. Я должна поговорить с Гаральдом, может, он раскошелится на евро. Глупо, что я не могу пользоваться такой великолепной купальней.

— Чтобы вмонтировать циркуляционный насос, нужно все снести и построить заново, на что потребуются разрешение. И это затянется определенно на год. Тогда здесь развернется огромная стройка, и вы заплатите целое состояние. Вам этого хочется?

— Неужели? Я как-то не думала...

— Но прежде чем до этого дойдет, я почищу бассейн. Согласны?

— Вы же не можете все время работать на меня, Энрико, так нельзя!

— Нет, можно. — Энрико взял ее за руку и нежно погладил ее мизинец. Анна восприняла это как интимное прикосновение, чего никогда не было между ними, и была в недоумении. Но руку не отняла.

— Это очень мило с вашей стороны. Но у вас же столько работы в Каза Мериа...

Энрико ничего не ответил, только улыбнулся.

— Есть ли вообще спуск для воды?

— Да. На дне. Где-то в первой трети бассейна, перед водопадом. Надо нырнуть и порыться в иле, пока его нащупаешь. Задача не из легких. И чертовски холодно. На трубе там крышка, и надо приложить немало сил, чтобы ее открутить. Без инструментов сделать это невозможно. У меня есть все необходимое для этого, но если не ориентируешься, то в такой грязной воде, где ничего не видно, отвинтить ее почти невозможно.

Анна помолчала.

— Да-а... — разочарованно сказала она через какое-то время. — Вам в голову пришло действительно разумное решение. Это же с ума сойти, что так сложно управляться с бассейном.

— Для меня это был больше чем пруд. Мне хотелось, чтобы там завелись водоросли и болотные растения, поселились разные животные. Я вообще-то не планировал когда-нибудь спускать воду или чистить бассейн. Это просто случайность, что я вообще устроил там слив. Вначале я хотел просто все забетонировать.

— Ну что же... — Анна расстроилась. — Значит, о бассейне я на ближайшее время могу забыть.

— Я приведу его в порядок. Обещаю. Может быть, даже придумаю что-нибудь, чтобы вы могли спускать воду.

Анна кивнула. Она расстроилась из-за этой идиотской системы и перестала испытывать укоры совести из-за того, что Энрико взял на себя эту грязную работу. Она еще раз наполнила оба бокала и поставила пустую бутылку под стол. Энрико встал и подошел к ней сзади. Анна не слышала его и заметила только тогда, когда он нежно взял ее за плечи и медленно развернул к себе.

— Я почувствовал это сразу, еще когда вы впервые приехали в Валле Коронату.

— Что? — выдохнула Анна. Она не могла себе представить, чтобы Энрико действительно хотел этого, и не знала, что делать.

— Что между нами возникнет что-то совершенно особенное... Родство душ, которое невозможно ни с кем другим.

Он кончиками пальцев провел по ее бровям и щекам, потом по шее к груди.

— Может быть, вы единственная, кто понял, почему я жил в Валле Коронате, и, возможно, я единственный человек, который точно знает, почему вы хотите жить здесь. Здесь, и нигде больше.

Анна освободилась из его объятий и снова села к столу. У нее не было ни малейшего желания поддерживать с Энрико интимные отношения, к тому же его наглость раздражала ее.

— Почему?

Вместо ответа он спросил:

— Вы не будете против, если я переночую сегодня здесь, на мельнице?

Этого вопроса она и боялась. Конечно, она была против. Но могла ли она вообще быть против? В конце концов, он позволил ей жить на мельнице несколько недель, пока были готовы договоры.

Энрико почувствовал ее замешательство.

— Вино ударило мне в голову. У меня нет большого желания ехать сейчас через лес.

Чем дальше, тем хуже.

Анну бросило в пот. Почему ее в этом доме нельзя просто оставить в покое?

— Конечно, можете спать на мельнице, — с заминкой сказала она. — Но я отнесла

матрац в нижнее помещение, потому что он мне сейчас не нужен.

Энрико кивнул:

— Нет проблем.

— А что скажет Карла, когда утром вас не окажется дома?

— Пока она проснется, я уже давно буду там. Если я ее не бужу, то она, чаще всего, спит очень долго. Иногда даже до обеда.

Анна кивнула и задула свечку.

— Тяжело продавать дом, который построил сам, — неожиданно сказал Энрико. — словно ребенок вырос и уходит от тебя. Куда-то, где он практически за пределами досягаемости. До вас здесь было трое покупателей, которые хотели купить Валле Коронату, но я ее не отдал.

— Кай мне об этом ничего не рассказывал!

— Они вышли на меня не через Кая. Я давал объявления в местной газете Амбры. Под шифром.

— А почему вы не продали Валле Коронату этим людям?

Энрико пожал плечами.

— Не знаю. Просто у меня было странное чувство, что это не те люди. Что они не смогут ценить Валле Коронату и — что самое важное — что они не подходят здесь. Но когда приехали вы... — он сделал паузу и улыбнулся, — я сразу понял, что этот дом только того и ждал.

— Было бы прекрасно, если бы вы оказались правы, — тихо ответила Анна.

— Это магическое место, — сказал Энрико.

— Это я давно заметила и замечая, собственно, каждый день.

Значит, Энрико тоже почувствовал, что в Валле Коронате есть что-то особенное. Почему-то эта мысль ее успокоила.

— Следует бережно обходиться с этим местом, Анна. Нельзя мешать его магии, иначе мир, царящий в этой долине, будет утерян.

Энрико встал и обнял Анну:

— Спокойной ночи. И спасибо за приют!

Он улыбнулся, легонько поцеловал ее в щеку и покинул кухню. Анна увидела еще, как на мельнице зажегся свет и закрылась гардина на стеклянной двери.

Немного погодя, в постели, она задумалась над тем, что сказал Энрико. Как вообще можно помешать миру в долине? Устроить праздничное представление? Или срубить деревья и переделать бассейн?

«Завтра спрошу, что он имел в виду», — еще подумала она и тоже уснула.

Однако Анна не успела ничего спросить. Когда ее после восхода солнца разбудило пение птиц, Энрико уже не было. Мельница выглядела точно так же, как и в предыдущие дни, матрац был прислонен к двери ванной в нижнем помещении. При всем своем желании Анна так и не смогла понять, ночевал Энрико на мельнице или нет.

В то время как Беттина, казалось, вот-вот взорвется от избытка энергии, Марайке желала только одного — спать или целыми днями дремать в шезлонге. Этим утром Беттина в семь часов выпрыгнула из постели с такой скоростью, что, будь на ее месте Марайке, не обошлось бы без последствий в виде коллапса сердечно-сосудистой системы. Под душем Беттина во все горло распевала слащавые песни Хулио Иглесиаса. Марайке слушала их в полусне и раздумывала, что это: выражение чистой радости жизни или жестокий способ побудки детей? Когда аромат горячего кофе заполнил квартиру, Марайке тоже встала. Она не хотела сердить подругу.

Был необычайно теплый октябрьский день. Марайке появилась на террасе, где Беттина уже накрыла стол к завтраку, в шортах и хлопчатобумажной трикотажной рубашке. Она поцеловала Беттину в щеку, и та засияла.

— Господи, как нам повезло! — сказала Марайке. — В октябре мы завтракаем на улице! Фантастика! В Германии сейчас просто ужасная погода!

— Как ты относишься к тому, если сегодня мы поедем в сторону Гросетто, к морю? Немного погуляем по пляжу, поедем рыбы в каком-нибудь уютном кафе...

— Прекрасно! — сказала Марайке. — Нет, правда, прекрасная идея. Но оставьте меня дома, ладно? Для меня это уже слишком — торчать в машине полтора часа туда и полтора обратно. И потом, для меня там слишком много людей.

Беттина не могла скрыть разочарование. Весь ее энтузиазм, казалось, улетучился.

— Я и не думала, что настолько измотана, — заявила Марайке, — что так нуждаюсь в отдыхе. Наверное, я в Берлине вела непосильный образ жизни. Я хочу покоя, иначе отпуск не пойдет мне на пользу.

Беттина разочарованно кивнула.

— Ты этого не понимаешь, да?

— Нет-нет. Все понятно. Значит, я поеду с детьми. — Но прозвучало это не очень убедительно.

Через четверть часа появилась Эдда — как обычно, с недовольным и скучающим видом. Она заплела отдельные пряди волос в малюсенькие косички, которые торчали в разные стороны. За ней на террасу, спотыкаясь, приплелся Ян, так неотрывно нажимающий на клавиши гейм-боя, что за этим занятием даже не замечал, куда ступал.

— О боже! — сказала Беттина, глядя на голову Эдды. — Когда ты это сделала? Наверное, понадобилось несколько часов!

— Вчера вечером. Я не могла уснуть.

— Доброе утро, красавица и красавец! Возьми кусочек белого хлеба, Ян. Ты хочешь яйцо, Эдда?

Эдда покачала головой:

— Я на диете.

Марайке застонала, но ничего не сказала.

— Как вы относитесь к тому, что мы сегодня поедем на море? — спросила Беттина.

— Круто! — сказал Ян.

— О боже! — сказала Эдда. — Придется несколько часов шляться по пляжу, а это вообще хуже не придумаешь!

— Зато хорошо для твоей фигуры, — улыбнувшись, сказала Марайке.

Через час Марайке осталась одна. Почитав минут десять, она пошла в дом, чтобы надеть брюки. Когда неподвижно лежишь в гамаке, становится холодно. Еще минут через десять на террасе появилась Элеонора. Она была в перчатках и держала садовые ножницы для обрезки роз. Марайке улыбнулась. Просто Элеонору разобрало любопытство, и она искала способ поговорить. Обрезка роз, конечно, была лишь предлогом.

— Доброе утро! — сказала Элеонора. — Надеюсь, вам не мешает, если я обрежу розы? Это нужно делать сейчас, осенью, вот я и тороплюсь.

— Не беспокойтесь, — ответила Марайке, — мне это не мешает.

Элеонора поработала минут пять молча, затем не выдержала.

— Ваша подруга рассказала мне, что вы комиссар полиции... — осторожно сказала она.

— Да, это так.

— Вы ведете расследование убийств?

— Да.

— Мне кажется, это непросто.

— Да. Так оно и есть.

— Сколько времени вам требуется, чтобы расследовать убийство?

Марайке в душе застонала. Это был вопрос ради вопроса. Такой же абсурдный, как и постоянно повторяющийся вопрос журналистов к артисту: как это ему удастся выучить текст наизусть?

— Все зависит от обстоятельств, — тем не менее очень любезно ответила Марайке. — Иногда мы ловим преступника очень быстро, а иногда вообще не находим. Дело не только в следственной работе, нужно иметь еще чуточку везения.

— Верю.

Марайке захлопнула книгу. Это была возможность поговорить о своем.

— Скажите, Элеонора... — начала Марайке. — Я слышала, что в последние десять лет в округе исчезали дети. Вы что-нибудь об этом знаете?

Элеонора кивнула, отложила ножницы в сторону и села.

— Три маленьких мальчика бесследно пропали несколько лет назад. Один исчез, когда играл у ручья, другой — по дороге в школу... Никто из них больше не появился. Не было найдено никаких следов, нет никого, кто попал бы под подозрение. Просто жуть!

— А где именно это случилось?

— Здесь, в этих местах. Один мальчик даже жил в этом доме. Его родители, немцы, проводили здесь отпуск. Мальчик играл позади дома, у ручья, и исчез.

— И никто ничего не слышал? Никаких криков, ничего?

— Ничего. Но я знаю эту историю только понаслышке. Мать этого мальчика недавно купила здесь дом, совсем рядом. Потому что не могла выдержать, что не знает, что с ним произошло. Потому что хочет знать, где он, и надеется, что он еще жив.

Марайке постаралась скрыть волнение и спросила как можно более равнодушным голосом:

— Собственно, я не собиралась в отпуске заниматься чем-то, похожим на работу или хотя бы приблизительно связанным с ней... Но я бы с удовольствием поговорила с этой женщиной.

— Нет проблем. Мы не можем позвонить ей, но она почти всегда дома. Как вы отнесетесь к прогулке пешком? Или лучше поедем на машине?

— Нет-нет, чуть-чуть движения пойдет мне на пользу. — Марайке встала. — Подождите, я только возьму куртку.

— Извините, что мы появились так внезапно, — сказала, переведя дух, Элеонора, когда в сопровождении Марайке появилась в долине. — Но я хотела представить вам фрау Косвиг. Она снимает у меня квартиру и хотела бы с вами познакомиться.

Более бесцеремонного вторжения и объяснения своих намерений трудно было придумать. Анна очень устала, вспотела — она как раз вымыла весь дом, — и в руках у нее еще была тряпка. Вчера после обеда она ездила в деревню и заодно прослушала свою голосовую почту. Гаральд оставил ей сообщение, в котором объявил о своем приезде. В пять часов она должна была встречать его в аэропорту Флоренции, и ей хотелось показать Валле Коронату с лучшей стороны.

У Элеоноры был такой вид, словно только ведро воды могло спасти ее от криза, тогда как женщину, скромно державшуюся на втором плане, похоже, пеший переход из Ла Пекоры до Валле Коронаты ни капли не утомил. У нее была открытая, но абсолютно ненавязчивая улыбка, и Анна с первого взгляда прониклась к ней симпатией.

Анна обняла Элеонору и протянула Марайке руку:

— Садитесь, я принесу что-нибудь попить.

Когда она вернулась с бокалами, двумя бутылками воды — фризанте^[67] и натурале^[68] — и вазочкой с лимонами, Элеонора как раз объясняла госте особенности долины.

— Может, я покажу вам все? — спросила Анна.

— С удовольствием.

Долина очаровала Марайке, и ей было любопытно увидеть побольше.

Пока они прошли по дому, вдоль ручья, возле бассейна, водопада и вернулись назад через стоянку, Анна уже знала, что Марайке — главный комиссар полиции и что она вместе с подругой и двумя детьми проводит отпуск в Ла Пекоре.

«Не может быть, чтобы такая женщина просто свалилась сюда, как снег на голову. Может, ее послало небо?» У Анны было такое чувство, словно она толкнула маленький камешек и теперь ошеломленно наблюдала, как из этого получилась мощная лавина, сметающая все на пути.

Анна рассказала Марайке о том, как десять лет назад исчез Феликс и что предприняла полиция, и сказала, что в этих местах бесследно пропали еще два мальчика. Она призналась, что купила Валле Коронату лишь для того, чтобы спокойно идти по следам сына, не умолчала и о том, что из дома была похищена только фотография Феликса. Об Аллоре, которая иногда появлялась здесь и бросала розы в бассейн, она не упомянула.

Марайке слушала очень внимательно и ни разу ее не перебила. Анна смотрела в прозрачные как стекло, голубые глаза Марайке и была уверена, что та буквально впитывает, запоминает все и не забудет ни слова. Несмотря на то что Марайке не проявляла никакой активности, Анна чувствовала, что ее поняли.

— Я могу на что-то надеяться? — спросила Анна, закончив рассказ.

Марайке отрицательно покачала головой.

— Мне жаль говорить такое, но, похоже, нет. Нет.

Анна кивнула.

— Я и сама так думаю.

Она встала, ушла в дом и через несколько минут вернулась с фотографиями Феликса и с

картой, которую разложила перед Марайке и Элеонорой. Марайке внимательно посмотрела на карту и вспомнила все, о чем говорилось в телерепортаже.

— Я полагаю, он живет здесь, — неожиданно сказала она. — Среди вас. Наверное, он приятный сосед, которого знает каждый, хотя, конечно, у него не очень много контактов. Но он пользуется доверием и является неотъемлемой частью общины в Вальдаро. И каждую пару лет он выходит на охоту. Ему это несложно, потому что он прекрасно ориентируется на местности. Большой удаленный участок здесь не редкость, так что у него нет проблем с тем, чтобы спокойно закапывать или как-то еще убирать трупы. А поскольку никто не напал на его след, даже не заподозрил его, то никому и в голову не взбредет вести поиски на его земле. И детей никогда не найдут.

Элеонора бросила на Анну торжествующий взгляд, который, казалось, говорил: «Слушайте! А вдруг она сможет помочь вам».

— Я иногда думаю, что если бы Феликс исчез в Германии, то убийцу или похитителя уже давно бы нашли. Но ведь итальянцы ничего не делают! Не похоже, что они об этом думают, ведут расследование, ищут... Ну, я не знаю... За последние десять лет не было ни одного звонка от итальянской полиции, ни одного письма. Вообще ничего не делается, и это меня убивает!

Марайке кивнула.

— Я думаю, итальянцы все же ведут расследование, просто вы об этом ничего не знаете, потому что вас не вводят в курс дела. Может быть, здесь это не принято, не знаю. Но все так сложно еще и потому, что преступник, очевидно, выбирает свои жертвы случайно. Я уверена, что они сами появляются у него на пути. Случайно. А в таком случае, где искать концы? Откуда начинать поиски, если он действует так осторожно, что не оставляет следов? Наверное, полиция даже не знает мест совершения преступления — если детей действительно убили, — а значит, нельзя обнаружить его ДНК. — Она вздохнула. — Маньяков, которые не имеют никаких связей с жертвами, чрезвычайно трудно найти. В городе это немного проще, потому что преступник вынужден где-то оставлять трупы, ему очень редко удается избавиться от них незаметно. Но здесь, в этой глуши... Это очень сложное дело. — Марайке глубоко вздохнула и сочувственно посмотрела на Анну. — Боюсь, помощи от меня будет мало. Особенно за время такого короткого отпуска.

Анна кивнула.

— Да-да, конечно. Я другого и не ожидала.

— Как вы думаете, — в первый раз вмешалась в разговор Элеонора, — опять что-то случится? Опять исчезнет ребенок?

Марайке на минуту задумалась.

— Я думаю, да. Конечно, ни один убийца не обеспечил себе вечной жизни. Он может погибнуть в автокатастрофе, у него может случиться инфаркт, он может упасть с дерева во время сбора оливок. Все может быть. И тогда серия убийств закончится. Но если он еще жив, то будет убивать и дальше. Он просто ждет подходящего момента. Терпеливо ждет, пока судьба снова загонит в его руки какого-нибудь ребенка.

— О боже! — простонала Анна.

Элеонора выпила уже четвертый стакан воды с лимоном, и ее лицо снова приобрело нормальный цвет.

— Люди, живущие здесь, в этих местах, должны быть осторожнее. Не спускать глаз со своих детей, не отпускать их одних играть в лесу или у озера. А если детям нужно идти в

школу далеко и по безлюдной местности, то лучше отвозить их на машине и забирать из школы.

— Но ведь этого никто не знает! Пропавшие дети давно забыты, и никто и никогда не обращал внимание на трехлетний цикл преступлений!

— Значит, нужно исправить эти упущения как можно быстрее. Еще раз подогреть эту историю в прессе, хотя... — Марайке убрала волосы со лба. Она колебалась. — Есть тип преступников, которым кампания в прессе дает дополнительную мотивировку. Они получают удовольствие, совершая преступления именно тогда, когда все ждут и боятся очередного убийства. А труп снова не будет найден. Преступник будет смеяться в кулак и чувствовать себя еще неуязвимее, чем после первых трех убийств. Он наслаждается своей властью, потому что может продемонстрировать полиции, насколько она беспомощна! А поскольку ему это нравится, он будет доказывать всему миру, какой он всемогущий, будет убивать снова и снова. И перерывы будут все короче. Он потеряет чувство меры и станет получать все большее упоение от убийств. — Марайке, продолжая говорить, свернула бумажный носовой платок в валик. — Я уверена, что в данном случае мы имеем дело именно с таким типом преступника. Он на пороге того, чтобы заболеть манией величия, потому что никто не может напасть на его след. Он живет в непосредственной близости от мест преступления, и никто его ни в чем не подозревает. Преступник убежден, что он вершит свои дела успешно лишь благодаря собственному фантастическому интеллекту, который он уже считает значительно превосходящим интеллект среднего человека. — Она закурила и выпустила струю дыма вверх. — Нет, я думаю, лучше не обращаться к прессе. Чем больше преступник будет чувствовать, что никто не обращает на него внимания, тем лучше. Иначе он покажется себе еще более важной персоной, хотя, наверное, и без того считает себя самой главной особой.

— Теперь до меня дошло... — сказала Анна. — Следовательно, мы ничего, ну абсолютно ничего не можем сделать?

— Можно лишь надеяться, что преступник не будет больше убивать или в следующий раз допустит ошибку. Может быть, кто-то за ним наблюдает, я не знаю.

У Анны был очень задумчивый вид. Марайке спросила:

— Вы разрешите воспользоваться вашим туалетом?

— Конечно.

Анна показала, где находится ванная, и Марайке исчезла за домом.

— Она потрясающая, правда? — сказала Элеонора.

— Да. Было бы здорово, если бы она занялась этим делом, но я понимаю, что ей хочется отдохнуть.

— Я в Германии тоже расследую дело об убийстве детей, — сказала Марайке, вернувшись и сядя за стол. — Но наш убийца действует иначе, чем преступник из Тосканы. Немецкий убийца, правда, тоже убивал маленьких мальчиков, которые были приблизительно того же возраста, что и дети, пропавшие здесь, но он совершал убийства по всей Германии. Места преступлений находятся за сотни километров друг от друга. Кроме того, он не прячет трупы, а практически преподносит их полиции, устраивая маленькие сцены, на которых усаживает трупы так, словно они еще живые. Несмотря на то что он дал нам множество зацепок, мы с 1983 года не можем напасть на его след. Для меня невыносимо сознавать, что этот тип на свободе и смеется над полицией, потому что она не в состоянии схватить его.

— Я ничего об этом не слышала, — пробормотала Анна.

— Со времени последнего убийства уже прошло пятнадцать лет. По какой-то причине он перестал убивать. Может быть, его уже нет в живых. Это было бы лучше всего, только мне хотелось бы знать это точно. У нас есть его ДНК, но это нам не поможет. Он нигде не зарегистрирован, нигде не попал на заметку, ранее не судим. Что, собственно, странно для маньяка.

— С какими интервалами он совершал убийства в Германии?

— Тоже раз в три года.

— Кажется, это его любимый отрезок времени, — сказала Элеонора и криво улыбнулась.

— Хотите бокал вина? — спросила Анна.

— Мне не надо! — простила Элеонора. — А то я не переживу обратный переход.

Следующую четверть часа они говорили об итальянском климате, о еде, о вине и об итальянцах, а потом Элеонора и Марайке отправились в обратный путь. Марайке попросила Анну разрешить ей оставить у себя снимок Феликса — просто так, на всякий случай. Анна охотно дала одну из фотографий и пообещала на следующей неделе заглянуть в Ла Пекору. Марайке попросила Анну ничего не рассказывать ее подруге Беттине об исчезновении детей. У Беттины за это время выработалась аллергия на убийства, и особенно — на расследования убийств во время отпуска. Если она узнает, что Марайке занимается этим делом, пусть даже в мыслях, то оторвет ей голову.

Анна пообещала и долго махала им рукой, пока они не исчезли за ближайшей горой.

«Она хотя бы задумается над этим, — подумала Анна, — она просто не может иначе. Может, мы хоть чуть-чуть, хоть капельку продвинемся вперед».

Анна посмотрела на часы и ужаснулась. Было уже почти три. Надо спешить, если она хочет забрать Гаральда из аэропорта. Она быстро убрала ведра, швабру и тряпки, унесла бокалы со стола, провела щеткой по волосам, тщательно заперла дом и побежала на стоянку, где, как всегда, стояла ее машина.

Самолет должен был приземлиться в семнадцать часов пять минут. В семнадцать часов шесть минут Анна прибежала в зал для прибывших пассажиров аэропорта «Веспуччи» во Флоренции и с облегчением вздохнула, увидев на табло, что самолет опаздывает на тридцать минут. Тогда она выпила в маленьком баре еще один эспрессо, уселась с книгой на один из стульев и стала ждать.

Зал был необычно маленьким, далеко не красивым и, естественно, не соответствовал тем ожиданиям, которые бывают, когда приземляешься во Флоренции. Он скорее подошел бы какому-нибудь незначительному государству где-то в пустыне, чем одному из важнейших городов Италии.

Несколько итальянцев громко разговаривали между собой, и им было совершенно безразлично, что каждый мог их слышать. Маленькая черноволосая итальянка носила перед собой огромный щит, на котором было написано «Фрау Кюпперсберг». Анна улыбнулась. Ни один из итальянцев никогда не сможет прочитать или произнести такую фамилию, они ломали себе языки даже на таких простых словах, как «Küken»^[69] и «Kuchen»^[70].

На маленьком экране под потолком напротив рейса «Люфтганзы» из Мюнхена появилась надпись микроскопическими буквами «arrivato»^[71], и вскоре из автоматически открывающихся дверей вышел Гаральд.

«Он классно выглядит, — подумала Анна, — намного лучше, чем раньше. Ему пошло на пользу, что пару недель я не готовила ему еду».

Гаральд обрадовался как ребенок, когда увидел Анну среди встречающих.

— Привет! — сказал он, подходя.

И Анна ответила:

— Привет.

Они смущенно смотрели друг на друга, не зная, что еще сказать. Тогда Гаральд крепко прижал Анну к себе и поцеловал в щеку.

— Прекрасно, что ты наконец здесь, — пробормотала она и взяла его за руку. — Идем, моя машина стоит как раз под запрещающим знаком. Я прямо не могу дождаться момента, чтобы посмотреть на твое лицо, когда ты увидишь долину.

Гаральд был в таком же восторге, как и Анна, когда она увидела Валле Коронату в первый раз.

— Боже, как романтично! — сказал он, когда они шли по дороге к дому. — Фантастика! Я себе такого и не представлял. Теперь я понимаю, почему ты так влюбилась в этот уголок.

Он оставил дорожную сумку под ореховым деревом и вошел в дом. Он медленно ходил из комнаты в комнату, ощупывал то стену, то дверь, то проводил рукой по полу. Он проверил окна, попробовал, как закрываются двери, и ничего не сказал.

— Крыша не протекает? — спросил он, закончив обход.

— Думаю, нет, но сильных дождей еще не было.

— Дом далек от совершенства, — в конце концов сказал Гаральд. — Двери и окна сделаны по-дилетантски, но в целом дом очень красивый. В нем какая-то особая атмосфера, и я думаю, что должен поздравить тебя с твоей долиной.

Он сказал «твоей», а не «нашей».

Потом он обнял Анну, и она расслабленно прислонилась к нему. От одобрения мужа ей сразу стало очень хорошо, и только сейчас она поняла, как ей его не хватало.

Анна приготовила салат из тунца с бобами и сварила к нему еще *penne all'arrabbiata*, потому что знала, как Гаральд любит острый томатный соус чили.

Гаральд говорил почти весь вечер, потому что Анна хотела знать все новости из Фрисландии. Она спросила и о Памеле, но Гаральд сказал, что не видел ее уже несколько недель, — наверное, она уехала, он точно не знает. Анна даже поверила ему.

Пока Гаральд рассказывал, Анна почувствовала, как в ней пробуждается что-то вроде ностальгии по Фрисландии, и решила, что не позже чем через месяц вернется домой. Она ни за что не хотела в одиночестве проводить зиму в долине.

Анна не собиралась в первый же вечер рассказывать Гаральду все, что здесь пережила, но, после того как они выпили две бутылки вина, просто не смогла иначе. Когда Гаральд почти равнодушным тоном спросил: «Ну, ты что-нибудь узнала о Феликсе?», Анна рассказала ему все. Не умолчала ни о чем. Ни о измене с Каем, ни о странной Аллоре, ни о комиссаре полиции, которая всего лишь несколько часов назад была здесь. И, естественно, она снова рассказала о фотографии и о своих догадках.

Как и Марайке, Гаральд слушал молча, и Анна заметила, как глубокие морщины, которых она раньше не замечала, пролегли у него от крыльев носа к уголкам рта. Выражение его лица стало не просто серьезным, а строгим, и это ее обеспокоило.

Когда она закончила рассказывать, он некоторое время молчал, разминая пальцы и покусывая верхнюю губу. Потом сказал:

— Ты что, всерьез хочешь уверить меня, что купила эту долину просто потому, что она тебе понравилась, а теперь она вдруг становится местом, где орудует убийца и, возможно, даже похоронен Феликс? К тому же в бассейне? Что за дикая мысль! Ты себе что-то нафантазировала лишь потому, что какая-то сумасшедшая или слабоумная, которая не умеет читать, писать и даже не говорит, время от времени бросает в бассейн розы? Хочешь знать, что я думаю по этому поводу?

Анна кивнула.

— Что ты рехнулась, моя дорогая! Что у тебя не все в порядке с головой! Люди становятся странными, если живут в одиночестве, а ночью смотрят на темный лес и слушают, как кричат сычи. И тогда вдруг вокруг бассейна начинают танцевать злобные ведьмы, черти и призраки. По-моему, здесь все прекрасно! И не лезь ко мне с этими дурацкими выдумками.

— Ты ничего, абсолютно ничего не понял! — У Анны ком стоял в горле, она едва могла говорить.

— Я все очень хорошо понял. Но я реалист, Анна, а ты истеричка. Вот так. Если ты пойдешь в лес погулять и увидишь там кучу листьев, то начнешь рыться в ней, потому что тебе покажется, что под ней труп. Ты видишь одни трупы. Везде. И это не совсем хорошо, моя дорогая.

Анна порадовалась было легкости, спокойствию и гармонии, которая установилась между ними с момента приезда Гаральда, и вдруг все закончилось. Он все разрушил. Ей хотелось только одного: остаться одной. И она ужаснулась от мысли, что придется спать с ним в одной постели. Он приехал из другого мира, и он никогда не поймет ее. Все закончилось. Больше их ничего не связывало.

— Ты знаешь, где ванная и спальня, — сказала она и пошла вверх по лестницу. Ей не

хотелось ни стирать косметику, ни чистить зубы, ей хотелось просто уснуть и больше не думать о том, почему муж не в состоянии понять, что она вышла на след тайны исчезновения Феликса и была на шаг от того, чтобы решить их общую проблему. Для него она была просто женщиной, потерявшей рассудок.

Когда Гаральд через полчаса вошел в спальню, то увидел, что ее подушка промокла от слез и что Анна плачет во сне.

Тихо и осторожно он залез под одеяло и выключил свет. Потом поцеловал ее в голову и прошептал:

— Завтра утром все будет выглядеть по-другому. Завтра утром мы еще раз подумаем обо всем, не беспокойся.

Но она этого уже не слышала.

Когда Анна проснулась на следующее утро, на постели рядом с ней было пусто. Но место было смято, а одеяло свернуто так, как это всегда делал Гаральд. Он сворачивал одеяло в виде валика и оставлял его в ногах.

Анна встала и выглянула в окно. Гаральд в шортах стоял у края бассейна, задумчиво всматриваясь в воду. Она быстро накинула банный халат и выбежала на улицу. Гаральд улыбнулся, когда она подошла к нему.

— Да, действительно отвратительная лужа, — сказал он. — Купаться здесь можно только если появится сильное желание, чтобы пиявки выпили из тебя последнюю каплю крови. Где, как сказал этот Энрико, устроен сброс воды?

— Где-то в передней трети. Точно он не мог объяснить. Он сказал, что нужно нырнуть, нащупать в иле крышку и с помощью какого-то инструмента открутить ее. Может быть, крышка так проржавела, что ее вообще невозможно сдвинуть с места.

— Этот Энрико явно не в своем уме, — презрительно сказал Гаральд. — Как можно было соорудить такой идиотизм? Ну, это уж слишком. Свари кофе покрепче, Анна, а я пока поищу какой-нибудь выход. В любом случае я бассейн почищу.

— Ты что, хочешь туда нырнуть? — Анна не могла поверить собственным ушам и с ужасом смотрела на мужа, который со своими худыми бледными ногами, в этих нелепых шортах выглядел каким-то очень уж уязвимым.

— Черта с два! Меня в эту гнилую дыру и на аркане не затанешь. У тебя есть хоть какие-нибудь инструменты?

Анна показала ему маленькую кладовую рядом с ванной комнатой и места, где кучами лежали камни, строительный мусор, деревянные балки, железные решетки и тому подобное. У Энрико после строительства или не возникло желания выбросить все это, или он думал, что что-то еще может пригодиться.

Пока Анна готовила завтрак, Гаральд рылся во всем этом «богатстве».

Когда она вынесла поднос на улицу, то увидела, что он нашел металлический стержень и прошупывает им дно бассейна. Она позвала его, но он отмахнулся и продолжал сосредоточенно тыкать стержнем в бассейн.

Вдруг его рука дернулась. Очевидно, он на что-то натолкнулся и ощутил сопротивление. Он изо всей силы снова и снова бил стержнем в дно бассейна. И ругался.

Анна наблюдала за ним, сидя под орехом. «Наверное, он жалеет о том, что сказал вчера, — подумала она, — иначе бы сейчас этого не делал. С ним трудно говорить, но иногда, к счастью, он в состоянии образумиться сам по себе».

Она намазывала себе хлеб повидлом, когда услышала ликующий крик Гаральда. Одновременно толстая струя воды вырвалась из трубы ниже стенки, ограничивающей бассейн.

Гаральд довольно улыбнулся и направился к дому.

— Я только вымою руки и что-нибудь накину, — сказал он. — Мы спокойно позавтракаем, а когда бассейн опустеет, сможем его почистить. Иногда помочь может только грубая сила. Ты знаешь какой-нибудь магазин, где можно купить новые крышки для слива?

Анна кивнула, и Гаральд исчез в доме.

Аллора стояла в своем укрытии и все видела. Здесь появился мужчина, которого она не знала, поэтому она не решилась подойти к Анне. И этот мужчина тоже делал какие-то странные вещи с бассейном. И снова из бассейна вытекла вся вода, как тогда, когда черт, *diavolo*, вышел из дома с ребенком на руках.

Аллора испугалась. Ледяной страх гусиной кожей пополз снизу вверх по спине и по всему телу. Она задрожала и присела в траву. Она мяла в руках розы, которые принесла с собой. Она ничего не могла сделать, только ждать и смотреть, что будет дальше.

Она пролежала в своем укрытии четыре часа. Наконец Анна и этот мужчина перестали выгребать грязь из бассейна. Они выбрались оттуда, убрали скребки, садовый шланг, веники, совок и разные щетки в маленькую кладовку рядом с ванной и ушли в дом. Аллоре не пришлось долго ждать, пока они снова вышли во двор. Анна надела джинсы и пуловер, мужчина — коричневые вельветовые брюки и кожаную куртку. Они тщательно заперли дом, прошли на стоянку и уехали.

Аллора еще слышала, как Анна сказала:

— Мы сначала посмотрим в Амбре, а если не найдем крышку там, то поищем в Монтеварки. Я знаю там несколько магазинов.

Солнце стояло высоко. Аллора сидела на краю бассейна и терпеливо ждала, пока жара высушит дно бассейна. Потом она принялась за работу.

В четверть третьего позвонила Карла и сказала, что благополучно добралась до Гамбурга и сейчас поедет в больницу, чтобы еще раз увидеть отца.

— Хорошо, — сказал Энрико. — Будь мужественной и позвони завтра вечером, ладно?

— Да, конечно, позвоню, — прошептала Карла. — И пожалуйста, не забывай, что я тебя люблю.

И положила трубку.

Энрико отключил телефон. У него есть полтора дня покоя до следующего звонка.

Все произошло совершенно неожиданно. Вчера в обед перед его дверью вдруг появилась Фиамма. «Значит, все-таки выполнила свою угрозу зайти в гости, старая сучка», — подумал Энрико и приветливо улыбнулся.

— Фиамма! Как чудесно, что вы заехали, — радостно сказал он. — Что я могу вам предложить?

Фиамма внимательно осматривалась вокруг. Для нее не было ничего более интересного, чем чужие дома. Она как губка впитывала в себя каждую деталь дома и составляла собственное представление о его хозяине. Ей не терпелось посмотреть, как живет этот симпатичный итальянец, но она не могла найти предлог, чтобы зайти и удовлетворить свое любопытство. Сегодня утром ей помог случай в облике почтальона из Амбры, который держал в руке телеграмму и не знал, как добраться до Каза Мериа. Энрико и Карла до сих пор забирали свою корреспонденцию с почты.

Фиамма взяла телеграмму и нежным голосом сообщила, что в Каза Мериа живут ее друзья и что она сразу же поедет туда и отдаст им телеграмму. Почтальон был очень доволен и уехал назад в Амбру, а Фиамма пошла в дом, чтобы накраситься и надеть что-нибудь особенное.

Карла и Энрико сидели под фикусом.

— Вы фантастически выглядите! — соврал Энрико, и Фиамма пришла в восторг. Этот мужчина нравился ей все больше и больше.

Карла принесла персиковый сок и воду.

— У вас здесь прекрасно! — сказала Фиамма. — Просто невероятно, что вы сделали из этого дома, точнее говоря, из этой руины. Я могу это оценить, я еще помню, как все выглядело, когда здесь жили старая Джульетта и Аллора.

— Аллора, Аллора... — задумался Энрико. — Похоже, я ее не знаю.

— Может быть, — ответила Фиамма, — но вы ее определенно хотя бы раз видели. Она очень худая и кажется намного моложе, чем есть на самом деле. У нее торчащие светлые волосы, и она говорит одно-единственное слово «аллора».

Теперь Энрико все стало ясно. Значит, та ведьма, которая следила за ним, когда он работал, и которую он чуть было не насадил на вилы, и была Аллорой. Сейчас, когда он узнал, что она здесь когда-то жила, он даже в какой-то мере мог понять, почему она наблюдала за ним.

— Прекрасная погода сейчас, осень... Даже лучше, чем летом! Надо наслаждаться каждой секундой, проведенной на воздухе.

— Верно, но у нас еще очень много работы. До зимы Энрико хочет закончить дом, — сказала Карла. Фиамма была ей абсолютно несимпатична, и она этого не скрывала.

— Ах, — сладко улыбнулась Фиамма в сторону Энрико, — у вас так чудесно, что я чуть не забыла, зачем пришла. Вот, почтальон дал мне телеграмму... Карла Роде... — подчеркнуто медленно прочитала она. — Это вы?

— Да. — Карла взяла из рук Фиаммы телеграмму, вскрыла ее и пробежала взглядом. — Это от моей сестры, — сказала она глухим голосом. — Папа умер. Мне нужно возвращаться в Германию.

И она убежала в дом.

Энрико перевел Фиамме то, что сказала Карла.

— О боже, как ужасно! Мне очень жаль! — Фиамма встала, расстроенная тем, что ее визит закончился так быстро и так неожиданно.

— Когда приедете в следующий раз, я покажу вам дом, — сказал Энрико. — Пожалуй, весной. Тогда, по крайней мере, он будет готов.

Фиамма кивнула и важно прошествовала к своей машине. «Как глупо упустить такой шанс», — подумала она, но подчеркнуто сердечно попрощалась с Энрико.

— Передайте привет вашей очаровательной подруге, — хрюкнула она, прежде чем сесть в машину и уехать.

Карла не плакала. Она почти ничего не говорила, лишь лихорадочно собирала вещи.

— Как долго тебя не будет? — спросил Энрико.

Карла пожала плечами.

— Столько, сколько нужно. Мать сейчас нуждается во мне. Надо посмотреть, сможет ли она жить одна в доме. Я не знаю, Энрико, я действительно ничего не знаю... Но три или четыре недели — это точно.

— Я построю тебе бассейн, — сказал он. — Когда ты вернешься, он будет готов, и уже весной ты сможешь купаться.

— Дострой сначала дом, — сухо ответила Карла. — Я считаю, что важнее иметь настоящую ванную и хорошую кухню. Бассейн ты можешь построить и в следующем году.

— Я думал, ты обрадуешься! — Он сделал расстроенное лицо.

— Да я рада...

— Вот видишь.

Дискуссия была закончена. Он построит бассейн, ситуация была подходящей.

В Монтеварки Карла успела сесть на вечерний поезд, на котором через Флоренцию за ночь могла без пересадки добраться до Мюнхена. Пересесть там на любой транспорт до Гамбурга проблем не составляло.

Энрико махал ей до тех пор, пока не перестал различать руку Карлы, машущую в ответ. А потом он наконец снова остался один.

Энрико ходил вокруг дома, выбирая подходящее место для бассейна. Он смотрел, куда светит солнце, нет ли вблизи дубов, чья листва постоянно будет падать в бассейн, и проверял прочность почвы. Всегда существовала опасность, что бассейн на склоне холма от времени или от сильного дождя обрушится вниз.

В конце концов он нашел место, которое было не слишком удалено от дома и которое соответствовало его требованиям. С помощью кольшков и рулетки он начал отмечать контуры будущего бассейна, когда услышал приближающиеся голоса. Если так будет продолжаться и дальше, ему придется менять свои планы. Это не Каза Мериа, а какой-то проходной двор. Столько гостей, как в последние дни, у него не было в Валле Коронате за

все десять лет.

Он оперся на лопату и без особой радости посмотрел на тех, кто шел к нему.

Трудно сказать задним числом, может быть, все было бы по-другому и закончилось благополучно, если бы Марайке в то утро не споткнулась по дороге в ванную. Из маленькой спальни на втором этаже в ванную вела узкая винтовая лестница, все ступеньки которой были разной высоты — одна ниже, другая выше.

Марайке была в пляжных шлепанцах, еще не пришла в себя ото сна и, споткнувшись на предпоследней ступеньке, неудачно упала и повредила левую лодыжку.

Уже за завтраком лодыжка распухла и превратилась в толстую колбасу, которая все больше и больше принимала форму мяча.

Элеонора сразу же предложила отвезти Марайке в Амбру к дотторессе, которая должна была решить, что делать дальше, а Беттина собралась с детьми на пешеходную прогулку. Поскольку они в этот день собирались все вместе поехать в Сиену, чтобы посетить собор, посмотреть Пьяццу дель Кампо и, может быть, еще какую-нибудь церковь, в худшем случае — музей, то для Яна и Эдды изменение планов стало приятным сюрпризом.

Где-то в половине десятого Марайке, опираясь на Элеонору, проковыляла к машине, чтобы поехать к врачу, и приблизительно в это же время Беттина с Яном и Эддой отправилась в путь. У всех троих в рюкзаках были бутылки с водой и достаточное количество провианта, потому что прогулка, которую они себе наметили, должна была продолжаться несколько часов.

У них с собой была подробная и очень точная карта для пешеходных прогулок. Беттина планировала пойти пешком через Монтебеники в направлении Сан Винченти, пересечь долину, подняться к Моте ди Рота и через Каза Чингхале вернуться в Ла Пекору.

Элеонора и Марайке два часа просидели в приемной врача. Когда наконец подошла их очередь, дотторесса бросила быстрый взгляд на ногу и послала их в больницу Монтеварки. Она сказала, что нужно немедленно сделать рентгеновский снимок, а потом уже назначать лечение.

Через три часа Марайке, опираясь на костыли, вышла из больницы. На рентгеновском снимке перелома обнаружено не было. На ногу наложили бандаж и отпустили их, посоветовав укладывать ногу повыше и быть с ней поаккуратнее.

— Ну, хоть перелома нет, — сказала Элеонора на обратном пути.

— Но я не могу сделать и шагу, — сказала Марайке. — А это самое последнее, что нужно при моей работе.

До Сан Винченти прогулка проходила без особых происшествий. И Ян, и Эдда были необычайно послушными и ныли меньше, чем обычно. Эдда, похоже, напилась, как говорится, из болтливового колодца, и без остановки рассказывала о выдающихся качествах своего друга Майки, который был уже в двенадцатом классе и хотел стать специалистом по информатике. Майки одолевала угревая сыпь, он был ростом метр девяносто пять и пока что не очень удачно справлялся с координацией движений своих конечностей. Когда с ним заговаривали, он становился красным как рак и, похоже, стеснялся того, что живет на белом свете. Но Эдде в ее состоянии влюбленности все это абсолютно не мешало. Ей удалось два с половиной часа беспрерывно восторгаться мальчиком, который даже рта не раскрывал. Ни для беседы, ни для поцелуя.

Беттине казалось очень трогательным то, что Эдда все ей рассказывала, — она умела ценить такое проявление доверия. Когда она сама была в возрасте Эдды, то до смерти влюбилась в свою учительницу химии и от отчаяния даже начала шепелявить и заикаться. В этом смысле Эдде повезло больше. Им пришлось три раза делать Привал, потому что звонил мобильный телефон Эдды. Это был Микки, которого Эдда называла «Майки». Тогда Эдда бежала в кусты и минут десять шептала что-то в телефон, чтобы потом появиться с покрасневшимся лицом. Что такого волнующего было в этих разговорах, Беттина представить себе не могла.

За Монтебеники под привязью для лошадей Ян нашел маленькую черепаху. Он гладил ее по панцирю и щекотал под головой, на что черепаха с удовольствием подставляла ему шейку, так ей это нравилось. Ян был наверху блаженства, а когда Беттина разрешила ему взять черепаху с собой, то даже не мог поверить своему счастью. Он набрал полные карманы зелени ей на ужин и нес ее в руках так осторожно, словно это была не черепаха, а сырое яйцо. Как только Эдда переводила дыхание и возникал перерыв в вещании о Майки, он обсуждал с Беттиной, как назовет черепаху.

Так они пересекли Сан Винченти. Беттина уже немного устала, но ни Ян, ни Эдда не чувствовали трудностей марш-броска, поскольку были заняты своими любимцами.

Выйдя из городка, Беттина пошла по дороге, которая, как она думала, ведет в нужном направлении. На карте, правда, был обозначен другой путь, который должен был начинаться в центре населенного пункта, но она не смогла его найти.

Через полчаса они вышли к дому за небольшим холмом. Беттина никак не ожидала, что в этом месте есть какой-то дом, поскольку с дороги его видно не было. Внезапно у нее появилось неприятное чувство, что они находятся на чужой земле. Ян и Эдда болтали без умолку, в то время как Беттина озиралась по сторонам в надежде увидеть кого-то, перед кем можно было бы извиниться за вторжение.

— Не кричите так громко, — сказала она, когда они проходили мимо дома.

Энрико сидел, закинув ногу за ногу, под фикусом и приветливо улыбался.

— Привет! — сказал он. — Что за милые гости! Обычно сюда никто не забредает. У вас такой вид, словно вам хочется пить!

Беттина была совершенно обескуражена таким сердечным приемом, ее также удивило то, что с ними заговорили по-немецки.

— Откуда вы знаете, что мы немцы? — Это было первое, о чем она спросила.

— Так это же видно, — улыбаясь, ответил Энрико. — Вдобавок я услышал обрывки вашего разговора. Да присядьте же хотя бы на минуту!

— Спасибо! — Беттина с удовольствием приняла приглашение и села. Ян и Эдда тоже. Энрико принес воду, фруктовые соки и итальянское соленое печенье, которое всегда было у него в доме на случай, если вдруг закончится хлеб.

Потом была приятная, непринужденная беседа, в которой даже участвовали Ян и Эдда. Все трое мгновенно прониклись симпатией к Энрико. Беттина рассказала, что они живут в прекрасной квартире в Ла Пекоре, а Энрико сказал, что, мол, какая приятная случайность, он хорошо знает Ла Пекору и один из домов там он построил или перестроил.

Беттина узнала, что он архитектор и переселился сюда из Германии, что в настоящий момент он, к сожалению, соломенный вдовец, поскольку его жена на несколько дней уехала к родителям. Он рассказал о жизни в этой глуши, о своем желании оставить дела и жить, довольствуясь немногим и, по возможности, без достижений цивилизации, таких как радио,

телевизор, компьютер, вплоть до отказа от электричества.

Ян и Эдда смотрели друг на друга так, словно встретили инопланетянина. Боже мой, жизнь без телевизора и компьютера! Что за глупости! Такая жизнь казалась им совершенно невозможной, зато Беттина была просто очарована.

Ян отпустил Гарри, как он окрестил свою черепаху, побегать в высокой траве позади дома, но не спускал с нее глаз ни на секунду, поскольку она бегала довольно быстро и он боялся ее потерять. Энрико показал ему, как выглядят одуванчики, которые особенно охотно едят черепахи, и нарезал тонкими ломтиками яблоко, которое Гарри проглотил с огромным аппетитом.

— Приходи ко мне в гости в ближайшие дни, — сказал Яну Энрико. — А потом я построю в Ла Пекоре ограду для твоей черепахи, чтобы она могла там свободно бегать и не нужно было постоянно следить за ней. Это ужасно, если ты все время будешь бояться, что она убежит.

— Правда? — спросил Ян. Он не мог поверить, что этот совершенно чужой мужчина готов сделать для него такое.

— Правда, — сказал Энрико и ласково провел рукой по его волосам.

Когда Беттина наконец посмотрела на часы, то испугалась. Они проболтали целых три часа! На обратный путь им потребовалось бы как минимум столько же времени. Беттина очень устала. У нее было такое чувство, что даже после столь долгого отдыха она просто не в состоянии сделать и шага.

Энрико предложил отвезти их в Ла Пекору. Беттине было неловко, но Энрико заверил ее, что сделает это с удовольствием, и она приняла его предложение.

По дороге Энрико сказал:

— Буду рад, если вы еще раз зайдете ко мне в гости, прежде чем уедете в Германию. Мне очень понравилось послеобеденное время, проведенное с вами.

Он посмотрел в зеркало заднего вида на Яна, сидевшего на заднем сиденье, и подмигнул ему. Ян улыбнулся. Эдда уже уснула.

— Мы с удовольствием заглянем к вам еще раз, — сказала Беттина, — я поговорю с Марайке.

— Как я уже сказал, вы всегда желанные гости.

За это короткое время они, словно это было само собой разумеющееся, перешли на «ты». У Беттины вообще было ощущение, что она сидит рядом не с незнакомым человеком, а с приятелем, которого знает уже много лет.

Энрико не поехал к дому, а остановился на развилке дороги перед Ла Пекорой.

— Не сердитесь, что я не подвез вас прямо к воротам, но я давно не видел Элеонору. Она милая женщина, и я ее очень люблю, но если она меня увидит, то мне придется остаться на весь вечер, а это будет уже слишком. Мне сегодня вечером надо еще почитать.

— Без проблем, — сказала Беттина. — Я все понимаю. И так здорово, что ты подвез нас. Спасибо, тысячу раз спасибо. Надеюсь, мы когда-нибудь сможем отблагодарить тебя.

— Конечно, — сказал Энрико и улыбнулся. Потом развернулся и быстро уехал.

Вечером Беттина и Марайке долго сидели на террасе. Марайке уложила ногу повыше и была необычно молчалива. Пламя свечей колебалось от легкого ветерка. Беттина рассказывала об Энрико. Марайке еще не видела, чтобы хоть один мужчина произвел на Беттину такое благоприятное впечатление.

— Ты обязательно должна познакомиться с ним! — восторгалась Беттина. — Это очень интересный человек, и я уверена, что он тебе понравится. Разве не прекрасно, что здесь, в глуши, можно встретить таких интересных людей?

Было еще светло, когда Анна и Гаральд вернулись в Валле Коронату. Они побывали на нескольких строительных рынках, и в конце концов Гаральд купил две крышки, которые, по его мнению, были подходящими.

— Хотя эта система, в принципе, уже давно устарела, — сказал он, бросая крышки на заднее сиденье машины. — Мы же не можем каждый год разбивать крышки, чтобы почистить бассейн. Великий мастер строительного искусства, воздвигший этот дом, думает довольно однобоко. Главное, чтобы бассейн не протекал. Что будет через год, его не интересует.

— Похоже, ты к нему придираешься.

— Ну, я его не знаю. Может быть, он очень приятный человек, может быть, но если судить по его работе, то я далек от восторга.

Анна и Гаральд съели в Бучине пиццу диаметром пятьдесят сантиметров, тонкую, как дуновение ветерка, и с крайне экономно уложенной начинкой, зато великолепную на вкус.

— Я заранее радуюсь холодному пиву, — сказал Гаральд, когда они уже спускались в долину. — У тебя есть пиво в холодильнике?

Анна покачала головой.

— Извини, я забыла купить.

— Расскажи мне об этом Кае, — неожиданно сказал Гаральд. — Что это за тип?

— Не сейчас, — сказала Анна, — пожалуйста, только не сейчас. Он хороший парень. Легкий и жизнерадостный, и, мне кажется, хороший приятель. Но сейчас я не хочу об этом говорить.

Анна вышла из машины и пошла к бассейну. Гаральд взял ее сумочку, крышки и овощи, которые они купили по дороге, и направился вслед за ней.

Анна стояла у края бассейна и неподвижно, не отрываясь, смотрела вниз. Не двигаясь, словно загипнотизированная.

— Анна! — окликнул ее Гаральд. — Что случилось?

Она никак не реагировала. Он крикнул еще пару раз, но она даже не обернулась. Она стояла там, словно окаменев.

Гаральд швырнул все, что у него было в руках, на землю, и бросился к ней.

Он обнял Анну за плечи и посмотрел в бассейн. Его бетонное дно было сейчас сухим и светло-коричневым. На дне было изображение мальчика в натуральную величину. Из камней и земли сложилась четкая картина. На мальчике были шорты и футболка, и у него были светлые волосы: вокруг лица было нанесено много желтой цветочной пыльцы, чтобы подчеркнуть это.

— Ты и сейчас думаешь, что я сошла с ума и что я истеричка? — У Анны побелели даже крылья носа. Казалось, она вот-вот упадет в обморок.

— Нет. Идем отсюда.

Он крепко обнял ее и повел к дому. Анна не сопротивлялась. Гаральд усадил ее за стол и подал стакан воды.

— Выпей глоток. Ты белая как стена.

Он сел рядом и взял ее за руку. Она была холодной как лед.

— Давай подумаем. Очень медленно. Шаг за шагом. Не бойся, я не считаю, что ты

истеричка. Я ведь и сам вижу, что здесь что-то не так. Ты можешь объяснить, что это значит?

Анна покачала головой.

— Может быть, эта странная женщина снова была здесь? Та, которая не может говорить, которая еще и украла фотографию?

— Может быть. Она появляется здесь время от времени. Я ведь тебе рассказывала, что она несколько раз бросала в воду розы.

— Ты знаешь, что я думаю?

— Я думаю то же самое.

— Но я не хочу в это верить!

— Я тоже. Но иначе что бы это значило? Мы должны вскрыть дно бассейна, Гаральд, иначе нам не будет покоя. Я действительно хочу знать, есть там что-нибудь или нет.

— Как ты себе это представляешь?

— Не знаю! — Анна разозлилась. — Но этот проклятый бассейн как-то можно вскрыть! Он же построен не навечно!

Гаральд задумался.

— Киркой это сделать невозможно. Я буду долбить недели четыре, если не больше. Нам нужен экскаватор. Это единственная возможность.

— Значит, привезем экскаватор.

— Если мы сейчас все разроем, тебе нужно будет сразу же делать заявку на строительство нового, нормального бассейна. На это определенно уйдет несколько месяцев, если не год или два. Еще нам надо подумать, какой банк нужно ограбить, чтобы раздобыть деньги на бассейн, и только потом начнутся строительные работы. Вероятно, год или два у тебя не будет бассейна.

— Мне все равно. Я все равно не могу войти в бассейн, потому что все время думаю, что там... значит... — Она искала слова, не желая озвучить самое ужасное, что было у нее в мыслях. — Ну... Если я все время думаю, что там что-то есть.

— О'кей. У тебя есть знакомый экскаваторщик?

— Нет. Но если ты не возражаешь, то я прямо сейчас, пока не стемнело, поднимусь на гору и позвоню Каю. Он курирует и строительство, поэтому сможет найти экскаваторщика, я уверена.

— Надо иметь настоящих друзей, тогда в жизни все будет получаться, — сказал Гаральд и криво улыбнулся. — Да, действуй. Позвони ему. Чтобы наконец покончить с привидением в этой долине.

Марайке всю ночь не могла уснуть из-за боли. Около четырех утра она разбудила Беттину, потому что уже не могла обойтись без болеутоляющего. Беттина принесла ей таблетку, стакан воды и сразу же снова уснула.

Марайке лежала без сна и размышляла. Монстр, который промышлял в этих местах, был либо настолько наглым и самоуверенным, что даже не думал сбегать или хотя бы сменить место преступления, либо же он привязан к этой местности. Поскольку до сих пор не было никаких следов, пригодных для анализа, то, если верить тому, что рассказали Элеонора и Анна, многое говорило в пользу того, что убийца лишал детей жизни у себя дома, а потом прятал трупы где-то поблизости. Он не спешил, его никто не видел, и он чувствовал себя в абсолютной безопасности. В этом случае наличие у него семьи представлялось, скорее всего, маловероятным.

Итальянец — отец семейства, убивающий маленьких детей, тоже казался Марайке вещью невероятной, зато самоуверенный холостяк, живущий в уединенном доме, где он мог без труда прятать трупы, представлялся более реальным.

«Если бы я жила здесь с детьми, у меня не было бы ни одной спокойной минуты», — подумала Марайке. Она лежала на спине, пытаясь расслабиться и дышать равномерно, но заснуть ей так и не удалось.

В семь утра Марайке в своем банном халате на заднице сползла по лестнице вниз и поковыляла на террасу. Как раз всходило солнце. Марайке глубоко вздохнула и прогнала ночных призраков из своих мыслей. Все было прекрасно. В ее семье все были живы и здоровы, они проводили отпуск в этом чудесном месте, а ее нога скоро будет в порядке. В крайнем случае она побудет на больничном еще какое-то время. Такого за ее многолетнюю службу еще не бывало, но в любом случае это пойдет ей на пользу.

В восемь проснулась Беттина и приготовила завтрак.

— Мне надо еще раз съездить в больницу, — сказала Марайке. — Что-то с ногой не так, нужно ее еще раз обследовать. Может, врачи чего-то не заметили. От щадящего режима, холодных компрессов и добрых побуждений мне лучше не становится.

— Без проблем, — сказала Беттина, — я отвезу тебя.

— Нет, не надо. Лучше я поеду с Элеонорой. Она хоть ориентируется в этой ужасной больнице, огромной, как атомная электростанция, федеральное агентство для государственных служащих и Франкфуртская биржа, вместе взятые. Кроме того, она немного говорит по-итальянски и довольно пробивная. Мы же с тобой сойдем там с ума.

— Хорошо, — улыбнулась Беттина, — тогда я останусь. Посижу на террасе, отдохну и подожду тебя.

— А Ян и Эдда? Что они будут делать?

— Не знаю. Спросим у них.

За завтраком Ян и Эдда были еще заспанными, в плохом настроении и не имели собственного мнения по поводу планирования дня.

В девять часов Марайке с Элеонорой уехали в Монтеварки, а Беттина стала читать бульварный роман под названием «Столпы Земли», который специально взяла с собой в отпуск. Уже после первой сотни страниц она заливалась слезами.

Эдда сидела в кухне и писала километровое письмо Майки, Ян на террасе играл с

Гарри, который постоянно пытался удрать, и сучал.

— Можно, я покатаюсь на велосипеде? — спросил он через некоторое время.

Беттина оторвалась от книжки и сняла очки.

— На велосипеде? Что это тебе взбрело в голову?

— У Элеоноры есть маунтенбайк. Он стоит возле кухонной двери за домом. Она сказала, что я могу кататься на нем, когда захочу.

Беттине стало жалко Яна.

— Ладно, а куда ты поедешь? Просто так, куда-нибудь?

— Могу поехать к Энрико. Он сказал, что когда я еще раз приеду к нему в гости, он сделает клетку для Гарри. Я могу делать ее вместе с Энрико, а потом ты заберешь меня.

Беттина задумалась. Это была не такая уж плохая идея. Яну у Энрико будет хорошо, он будет занят полезным делом, а когда Марайке вернется из больницы, они вместе заедут за мальчиком. Заодно Марайке сможет познакомиться с Энрико.

— Ты найдешь туда дорогу?

— А как же! — Ян почти обиделся за такой вопрос. — Там дорога почти все время идет прямо. До Монтебеники, затем на Сан Винченти, а сразу же за Сан Винченти направо. Как там можно заблудиться!

— Ну ладно. — Беттина вздохнула. — Если хочешь, поезжай. Только осторожно, слышишь? Не мчись как сумасшедший. И осторожнее на поворотах, на щебенке запросто может занести!

— Обязательно! — Ян был в восторге. Он подскочил и поцеловал Беттину в щеку. — Классно! А ты присматривай за Гарри, ладно?

Беттина кивнула. Ян посадил Гарри в тазик, где черепаха до этого ночевала на куче одуванчиков, и помчался за дом, чтобы взять велосипед.

Через секунду он снова был здесь.

— Пока! — Ян помахал рукой и вскочил на велосипед.

— Самое позднее после обеда мы за тобой заедем, о'кей? И передай Энрико привет от меня!

— Хорошо!

Ян нажал на педали и поехал по дороге, которая поднималась за домом на гору.

Беттина закрыла глаза, наслаждаясь теплыми осенними лучами солнца. Она не заметила, что мобильный телефон Яна остался рядом с тазом, где сидела черепаха.

Экскаватор с грохотом съехал с горы к Валле Коронате около десяти утра. За ним ехал Кай на своей машине. Гаральд и Кай протянули друг другу руки и обменялись взглядами, говорящими «я знаю о тебе все, и ты знаешь обо мне, но сейчас мы не будем выбивать друг другу зубы».

Анне было немного не по себе, но она скрывала свое беспокойство за бурной деятельностью, готовя кофе и бегая между кухней и ореховым деревом чаще, чем это было необходимо.

Кай объяснил экскаваторщику, что надо делать, и тот принялся за работу. Зазубренным ковшом он разбил бетонное покрытие и начал выламывать из бетонной плиты кусок за куском.

Анна, Гаральд и Кай молча стояли на краю бассейна и наблюдали, как экскаватор все больше и больше разламывает дно.

Первое, что увидела Анна, был маленький кусочек Эйфелевой башни. Она закричала и вцепилась пальцами в пуловер Гаральда, словно боясь упасть в бассейн.

— Футболка из Парижа! Там футболка Феликса, которую мы купили в Париже! Она была на нем в Страстную пятницу, — запинаясь, с трудом выговорила Анна и показала на дно бассейна.

Гаральд подтолкнул Анну к Каю:

— Придержите ее!

Экскаваторщик продолжал работать как ни в чем не бывало. Из-за того что на нем были наушники для защиты от шума и из-за грохота экскаватора, он не слышал крика Анны и не заметил возникшего замешательства.

— Прекратите! — заорал Гаральд, но экскаваторщик ничего не слышал и продолжал работать. Гаральд побежал на противоположную от экскаватора сторону бассейна и замахал руками, как сотрудник аэропорта, который хочет заставить самолет остановиться.

Экскаваторщик выключил двигатель и снял наушники.

— Небольшой перерыв, — сказал ему Кай по-итальянски. Тот пожал плечами и слез с экскаватора. Он еще не заметил того, что показалось в бассейне.

Экскаваторщик закурил сигарету, глядя, как Гаральд прыгнул в бассейн. Он осторожно выбивал киркой кусочки бетона из плиты, и постепенно стали видны футболка, шорты, а потом и все маленькое тело. Цемент хорошо законсервировал труп. Никаких сомнений больше не оставалось. Они нашли Феликса.

Анна не плакала. Она, скрестив руки перед грудью, неотрывно смотрела в бассейн и едва дышала. Кай обнял ее за плечи и крепко держал. Гаральд оперся рукой о стенку бассейна, пытаясь понять, что у его ног лежит его мертвый сын. Экскаваторщик схватился за голову и еле слышно прошептал: «O dio!»^[72]

Анна опустила на землю. Силы покинули ее, и она обмякла, как мешок. А затем она подняла голову и посмотрела на Кая. Ее лицо было воскового цвета.

— Энрико убил его, — сказала она глухим голосом. — А мы все время доверяли ему.

Экскаваторщик растер сигарету между большим и указательным пальцем и вдруг бросился бежать. Прямо на гору, по узкой пешеходной дорожке, которая за бассейном шла вверх. Никто не обратил на него внимания.

Анна, Гаральд и Кай несколько минут молчали, пытаясь осмыслить то, что Феликс действительно был замурован в этом бассейне.

Анна первой вышла из оцепенения. Она спустилась в бассейн и осторожно прикоснулась к телу. Гаральд вытер лицо рукавом куртки, осторожно положил руку на плечо Анны и сказал:

— Едем туда. Покажи мне, где он живет. Я хочу посмотреть ему в глаза. А потом я убью его.

Гаральд выбрался из бассейна. С горы, задыхаясь, сбежал экскаваторщик и сказал:

— Но telefonato. Vengono. I carabinieri vengono^[73].

Анна ошеломленно смотрела на него, словно не понимая, что он сказал, Кай кивнул, а Гаральд взорвался:

— Ты что сделал, глупая задница? Вызвал полицию? Какое твое дело! — Его лицо побагровело. — Тут лежит наш мертвый сын! — продолжал кричать он. — Мы искали его десять лет, а ты просто так вызываешь карабинеров? Это моя проблема, а не твоя, идиот! — Голос Гаральда почти сорвался на визг. — Я сейчас пойду и отрежу яйца убийце этого маленького мальчика. А потом я вызову карабинеров. Я сделаю это, понимаешь! И тогда, когда я этого захочу! Может, через полчаса, может, через час, а может, и завтра утром. Я сделаю это тогда, когда я посчитаю нужным, ты, итальянский идиот!

Анна никогда не слышала, чтобы Гаральд так кричал. Он бросился на экскаваторщика, который не понял ни слова, и схватил его за куртку, словно собираясь избить. Но тут вмешался Кай.

— Перестаньте! — сказал он. — Этот человек тут не при чем. Он сделал то, что посчитал правильным. И я думаю, это действительно правильно. Полиция должна приехать сюда. А потом посмотрим. То, что вы хотите свернуть шею Энрико, я хорошо понимаю. И я вам мешать не буду.

Гаральд смотрел на Кая, как на привидение. В конце концов он кивнул головой:

— О'кей... о'кей... о'кей... о'кей...

И потерял сознание.

Около двух часов Элеонора и Марайке вернулись в Ла Пекору. Нога Марайке была в гипсе. На ультразвуковом исследовании все же обнаружили, что у нее надорвано ахиллесово сухожилие. Марайке была в хорошем настроении: по крайней мере она знала, что с ней и как себя вести. Три недели в гипсе, дающем возможность передвигаться, пройдут быстро.

Марайке удивилась, что при ее возвращении Ян не бросился к ней, как обычно. Беттина объяснила, что Марайке не нужно беспокоиться, что Ян поехал на велосипеде к Энрико, с которым она познакомилась вчера, чтобы вместе с ним строить загородку для Гарри. Он ждет, что после обеда они за ним заедут.

— Что? — закричала Марайке. — Ты отпускаешь его одного на велосипеде в этих местах, причем к совершенно чужому человеку, с которым вчера поговорила, может быть, с час? Ты что, совсем рехнулась?

Беттина была потрясена реакцией Марайке.

— Я не знаю, что с тобой и почему ты на меня орешь. Он поехал на велосипеде. Ну и что? Он достаточно взрослый, чтобы ездить на велосипеде, и здесь везде есть лесные дороги и дорожки для пешеходов. В Берлине он тоже ездит на велосипеде на футбол, и ты не сходишь из-за этого с ума. Хотя ездить в Берлине в тысячу раз опаснее. И он поехал к человеку, которого я знаю и считаю очень милым. В чем проблема, Марайке?

Беттина ужасно разозлилась.

Марайке медленно опустила ногу в шезлонг и уложила ногу, которая сильно пульсировала под гипсом, повыше.

— Проблема в том, — сказала она тихо, — что в этих местах, именно здесь, в радиусе двадцати километров, похоже, орудует убийца детей. Бесследно пропали три мальчика в возрасте Яна. Мне рассказала об этом Элеонора, а позже я говорила с матерью одного из пропавших детей. Я тебе ничего не сказала, чтобы ты не злилась, что я в отпуске занимаюсь такими вещами.

— Если бы ты сказала мне об этом, — отрезала Беттина, — я бы его не отпустила.

Эдда стояла в дверях кухни и слышала весь разговор.

— Я, кстати, такого же мнения, как и Беттина, — сказала она. — Я тоже думаю, что с Энрико все о'кей. — И она посмотрела на Марайке: — Тебе не кажется, что ты все ужасно преувеличиваешь? Что постепенно ты начинаешь за каждым деревом видеть убийцу? Мне кажется, это уже болезнь!

— Надеюсь, что ты права. Надеюсь, что я безмерно преувеличиваю и все это лишь плод моего воображения. У вас есть номер телефона Энрико? Мне было бы намного спокойнее, если бы я знала, что Ян благополучно добрался туда.

— У Энрико нет телефона, — сказала Беттина, — есть только мобильник, но его он включает только в крайнем случае. Он не хочет, чтобы ему звонили, потому что жаждет покоя. Наверное, у него телефонофобия.

— Позвони-ка Яну. У него мобилка с собой?

Беттина покачала головой.

— Я нашла ее на земле. Он оставил ее рядом с тазом для Гарри.

— Проклятье!

Марайке в ярости ударила кулаком по шезлонгу. Ночные мысли снова пронеслись у нее

в голове. Телефонофобия... Высокомерный одинокий холостяк, который не хочет, чтобы ему мешали... Правда, Беттина рассказывала, что у него есть жена, которая сейчас как раз в Германии, у родителей, но это могло и не соответствовать действительности. Можно многое рассказать, если день долгий.

— Давай поедem к нему! — сказала Марайке. — Пожалуйста!

— Прямо сейчас? — Беттина посмотрела на часы. — Но только два часа! Я сказала Яну что мы приедem после обеда. Он рассердится...

— Может быть, в силу своей профессии я стала слишком чувствительной и за каждым деревом вижу убийцу, но я непременно хочу именно сейчас, немедленно поехать туда, Беттина!

Ее тон был крайне резким.

— Ладно, как хочешь. Я только возьму свои вещи. — Беттина пошла в дом.

Эдда нацепила на спину свой лиловый рюкзак и заявила:

— Я поеду с вами.

— Нет, — сказала Марайке, — ты останешься. Не сердись! Я хочу, чтобы здесь был кто-нибудь, если Ян все же приедет домой.

Эдда кивнула и сняла свой рюкзак. Печаль, которая исходила от нее, когда она села на камень и посмотрела на поросшие лесом холмы, почти разрывала сердце Марайке.

Беттина просигналила два раза, когда они подъезжали к Каза Мериа.

— Чтобы их не напугать. В конце концов, сюда никто не заезжает.

Она остановилась прямо перед домом и вышла из машины.

— Энрико! Ян! — крикнула она, но никто ей не ответил.

Марайке понадобилось больше времени, чтобы выбраться из машины и допрыгать на костылях к дому.

— Никого нет, — сказала Беттина. — Машины Энрико тоже нет. Странно.

Марайке почувствовала, что ее охватывает паника. «Спокойно, абсолютно спокойно! — приказала она себе. — Реагируй не как мать, а как комиссар полиции. Ты же знаешь, что надо делать».

— Давай обойдем дом, — сказала она Беттине. — Посмотри внимательно вокруг. Скажи мне, если что-то бросится тебе в глаза, если что-то выглядит не так, как вчера.

Беттина пошла впереди, а Марайке похромала за ней.

— Ничего, — сказала она, — я не вижу никакой разницы. Но вчера я, естественно, особо не присматривалась. Я же не могла предположить...

— Ладно, — коротко сказала Марайке, когда увидела, что у Беттины комок подступил к горлу. Она подошла к первой попавшейся двери и нажала на ручку. Дверь не была заперта.

— Оставайся на улице и скажи мне, если кто-то появится. Я немного осмотрюсь внутри.

С этими словами Марайке исчезла внутри, а Беттина принялась ходить взад-вперед перед домом, чтобы хорошо видеть подъездную дорогу к нему.

Марайке всю трясло, но она заставила себя обыскать все как можно быстрее и тщательнее, как делала это в других домах бесчисленное количество раз. Костыли не особенно ей мешали, и она надеялась, что ей не придется удирать, потому что на костылях это было невозможно.

Она начала с кухни. Здесь был всего лишь один шкаф с ужасающе малым запасом продуктов, тут не было даже самого необходимого. Шкаф для посуды, под мойкой — единственная тряпка и средство для мытья посуды. Ящик с ложками, вилками и ножами, ящик со свечками — и все. На столе — чертежи какой-то конструкции. Никаких денег, никаких газет, никаких валяющихся книг. Не было даже шкатулки, где можно было бы порыться. Марайке не ощущала, что в этой кухне ели, пили и вообще бывали люди.

В недостроенной будущей гостиной она нашла ящик с постельным бельем, полотенцами и несколько книг. «Преступление и наказание» Достоевского, «Улисс» Джеймса Джойса, «Брат сна» Роберта Шнайдера и «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма. В остальном помещение было пустым, камином еще не пользовались.

В соседней комнате она сразу поняла, что здесь живет женщина. На столе, служившем письменным, стояла ваза с еще не увядшими розами. Значит, женщина уехала недавно. Две чернильные авторучки, несколько шариковых ручек и карандашей стояли в красивом хрустальном бокале, посреди стола лежала бумага для писем. Рядом стопка газет, бумаги и несколько скоросшивателей. Марайке принялась перелистывать бумаги и внезапно вздрогнула. Она сразу узнала мальчика на снимке. Это была фотография Феликса. Он стоял на пляже и в шутку напрягал свои маленькие мускулы.

«Значит, все-таки он, — подумала Марайке. — Он залез в Валле Коронагу, украл фотографию и спрятал ее в вещах своей жены».

Роясь в вещах, стоявших прямо в ящиках в комнате Карлы, она продолжала думать.

Неужели Энрико положил фотографию среди вещей своей жены, потому что не знал, куда ее спрятать? Если его жены в действительности не существовало, значит, это его письменный стол. Очень женский стол. Следовательно, он гомосексуалист, который убивал и, возможно, насиловал мальчиков. Это еще больше подходило к образу преступника, который составила себе Марайке.

Ее бросило в пот. Что здесь происходило? И где Ян и Энрико?

В спальне на полу лежал матрац, на нем — куртка и брюки Энрико. И больше нигде не было места, где бы Энрико хранил свои личные вещи.

В последнюю очередь Марайке обыскала мастерскую Энрико, которая, в отличие от бедной обстановки дома, была оборудована на удивление хорошо. Это была мучительная работа, но она заставила себя открывать каждую маленькую баночку с разными винтиками, дюбелями и гвоздями, как несколько десятилетий назад она научилась в полицейской школе. Где лучше всего можно спрятать необычный алмаз? Среди алмазов.

«Куда же они уехали? — думала Беттина. — Может быть, в магазин, чтобы купить пару шурупов и материалы для оградки? Вполне возможно. Но почему тогда здесь нет велосипеда Яна? Его ведь не берут с собой, когда едут покупать пару мелочей? А если они пошли пешком или оба поехали на велосипедах, почему тогда нет машины Энрико?»

Или Ян вообще не доехал сюда, и это просто случайность, что Энрико нет дома?

Она начала молиться так жалобно и страстно, как не молилась с самого детства.

Позже Беттина уже не могла точно сказать, прошло ли полчаса или всего лишь несколько минут, пока ее подруга вышла из дома. В руке она держала маленькую коробочку. Беттина никогда не сможет стереть из памяти выражение лица Марайке, потому что в тот момент, когда Марайке доскакала до нее, Беттина поняла, что случилось что-то страшное. Какая-то катастрофа, связанная с Яном.

— Я смогу доказать это на сто процентов только тогда, когда то, что я нашла, будет исследовано в лаборатории, — сказала Марайке, — но поверь мне, Беттина: здесь живет детоубийца, который в Германии убил троих, а в Италии, как минимум, тоже троих мальчиков. И, если не случится чудо, его следующей жертвой будет Ян.

Она открыла коробочку.

— Посмотри внимательно сюда, Беттина. Это его трофеи. Шесть глазных зубов на кусочке бархата. Я уверена, что это зубы Даниэля, Беньямина, Флориана, Феликса, Филиппа и Марко.

В доме, который ему показал Энрико, были замурованы двери и окна. «У него ужасно мертвый и пустой вид», — решил Ян. Ему было страшно и одновременно любопытно забраться в дом через небольшое отверстие, которое было пробито в замурованном окне.

Внутри было темно и сыро. В воздухе висел запах гнили и чего-то кислого. Так когда-то воняло дома в кладовке, когда за полкой с консервными банками разложилась дохлая мышь.

— Подожди немного, — сказал Энрико Яну. — Я только принесу кое-что из машины. Я сейчас вернусь.

Энрико вылез в окно. Ян присел на корточки. Увидеть он смог немного. Пол был из глины, но он не мог даже понять, был ли он сырым или просто холодным. Он медленно продвигался вдоль стены, ощупывая ее руками. Он попал лицом в паутину и содрогнулся от отвращения. Он пытался убрать паутину со своих волос, а она прилипла к пальцам, как сахарная вата к зубам. Только сахарная вата была сладкой и вообще не противной. Как раз тогда, когда он подумал, не лучше ли выбраться отсюда, вернулся Энрико. Он зажег свечу, и Ян увидел, что он еще принес собой. Одеядло, полотенца для посуды, бутылку с водой, бутылку граппы, веревки и щипцы.

Энрико улыбался в свете свечи.

— Ты должен вести себя тихо, — прошептал он. — Никто не должен знать, что мы здесь. Это тайное место, обладающее магическими силами. Нужно провести здесь одну ночь, и тогда загадать желание. И это желание обязательно сбудется.

Ян испугался:

— Я не могу остаться здесь! За мной приедет Беттина!

— Куда?

— К вашему дому!

— Когда она хотела приехать?

— Сегодня после обеда. Я точно не знаю. Наверное, часа в три или в четыре.

— А почему ты мне ничего об этом не сказал?

— Потому что все случилось так быстро, и вы сказали, что мы сразу же вернемся. Может быть, я приеду в другой раз?

— Нет.

— Но я не могу остаться!

Ян задрожал. Он знал, как быстро Беттина и Марайке начинали беспокоиться. Однажды он видел, как Беттина плакала. Это было ужасно, и он не хотел пережить такое еще раз. Эдда ушла к подруге, чтобы переночевать у нее. Но когда Марайке позвонила этой подруге в одиннадцать, к телефону никто не подошел. В двенадцать — тоже. Как и в час, и в два. У Марайке от набора номера уже болели пальцы, а Беттина сидела в гостиной на ковре и плакала. В руке она держала любимого слона Эдды. В половине третьего Марайке попросила двоих своих коллег о помощи и поехала с ними на поиски Эдды. Ян остался с Беттиной, которая никак не могла успокоиться. До этого он не знал, что может до такой степени впасть в отчаяние и так беспокоиться.

В пять утра Марайке вернулась домой вместе с Эддой. Она нашла ее и подругу на дискотеке. Обе даже не могли себе представить, что их тайное посещение дискотеки выплывет наружу.

Марайке в ту ночь не сказала ни слова. Она молча пошла спать. Беттина обняла Эдду и разрыдалась по-настоящему. Это было невыносимо. Ян втайне поклялся, что никогда не сделает ничего такого, что бы заставило Беттину еще раз так плакать.

— Не получится, — прошептал он. — Действительно, мне нельзя. Может быть, завтра Беттина разрешит мне переночевать здесь. И тогда я принесу с собой спальный мешок.

— Ты слишком много говоришь, — сказал Энрико. — Дети, которые слишком много говорят, действуют мне на нервы.

Ян замолчал. Он не ожидал от приветливого Энрико такого тона.

— Ложись на одеяло, — приказал Энрико. — На живот.

— Зачем?

Яну все больше становилось не по себе. Страх ледяной рукой медленно прошелся по его спине снизу вверх.

— Делай, что я тебе говорю!

Ян лег на одеяло. Его сердце билось так, словно готово было выпрыгнуть из груди.

Энрико захватил руки Яна и привычным движением стал связывать их за спиной. Ян попытался сопротивляться.

— Прекрати, — прошипел Энрико, — иначе я сделаю тебе ужасно больно!

Когда Ян, связанный по рукам и ногам, с завязанным полотенцем ртом, лежал на земле, Энрико вытащил из кармана нож и разрезал на нем одежду.

«Мама, — мысленно умолял Ян, — забери меня отсюда. Пожалуйста, приди и помоги мне! Ты же всегда знаешь, кто убийцы и где они находятся. И у тебя же есть пистолет! Марайке! Беттина! Эдда!» А затем он вспомнил о Гарри, который сидел в тазу в таком же плену, как и он. «Я отпущу тебя! — поклялся он. — Когда выйду отсюда, я отпущу тебя на свободу, и тебе не надо будет ехать со мной в Германию».

Он пытался торговаться с судьбой, и ему не пришло в голову ничего более дорогого, от чего он мог бы отказаться.

Энрико нагнулся к нему. В свете свечи Ян увидел его холодные глаза. «Почему он не смотрит мне в лицо? Почему он так странно смотрит?»

И Ян понял, что из этого темного дома живым он уже не выйдет.

Марайке вытащила свой мобильный телефон из кармана и хотела уже звонить в полицию, когда увидела, как по дороге вниз едут две машины. Одна частная, другая — машина карабинеров.

В частной машине сидели Кай и Гаральд. Анна осталась в Валле Коронате. Марайке и Беттина узнали, что в Валле Коронате был найден труп пропавшего без вести Феликса. Кай переводил, а Марайке короткими фразами объяснила итальянским коллегам, кто она такая. И что ее сын находится в руках предполагаемого убийцы и его жизни угрожает опасность.

Вскоре после этого началась самая большая полицейская операция, какой еще никогда не было в районе между Флоренцией, Ареццо и Сиеной. Над зоной между Валле Коронатой и Каза Мериа кружились вертолеты, разыскивавшие машину Энрико. Но она стояла рядом с домом, в котором он прятался с Яном, в заброшенном сарае, и не была видна с воздуха. Уже через полтора часа из Флоренции прибыла сотня полиции и прочесала местность. Военное подразделение из Пиенцы в восемнадцать часов прибыло в Амбру и подключилось к поисковой операции. На подъездных дорогах в направлении Рима и Милана были установлены заграждения. На выездах на автобан дежурили патрули. По радио каждые полчаса передавали приметы разыскиваемого Энрико, телевизионные каналы «Рай Уно», «Рай Дуэ» и «Рай Тре» обратились к населению с просьбой о помощи.

Это была гонка со временем.

Ян не двигался. Энрико почти наполовину опустошил бутылку граппы и наблюдал за мальчиком при свете свечи. Он еще далеко не закончил заниматься им.

Ян лежал так тихо и неподвижно, что Энрико на какой-то миг испугался, что тот умер. Просто так, сам по себе, совсем незаметно.

Энрико пришел в ярость. Эта маленькая жаба не имела права испортить все и лишиться его самого прекрасного мгновения. Того мгновения, когда перед ним лежало всего лишь тело, чья воля была сломлена и которое перестало бороться. Которое покорилося своей судьбе и без сопротивления двигалось к смерти. Он, Энрико, хотел указывать, когда наступит это время. Чаще всего это были лишь секунды, зато они были самыми потрясающими из всего, что только может пережить человек. Секунды такой силы, что она наполняла его еще многие месяцы после этого, давая ему возможность чувствовать себя легким и счастливым. Просто божественно!

Он отвел ногу и ударил мальчика по почкам. Ян содрогнулся. Значит, еще жив.

Энрико откинулся назад и по-звериному откровенно полез к себе в штаны, чтобы сдержаться. Медленно... Очень медленно... Яну сейчас нужен отдых, а то он не переживет того, что Энрико запланировал сделать с ним. А это будет жаль.

Он чувствовал усталость после граппы. В принципе, он мог бы поспать пару часов.

Естественно, они будут искать Яна. Но, вероятно, лишь к вечеру, с наступлением темноты. Беттина доверяла ему.

Даже если они обнаружат, что в Каза Мериа никого нет, то ничего не заподозрят. Беттина считала, что у Энрико Ян в безопасности. Энрико улыбнулся. Беттина была такой приветливой, такой безобидной, просто редкостной дурой! А в темноте любые поиски бесполезны. Значит, они начнут искать не раньше завтрашнего утра. Он действительно мог позволить себе пару часов поспать. В полночь он продолжит, и до наступления дня будет еще много времени. Великолепно!

Он задул свечу и больше уже ни о чем не думал. Он моментально уснул.

Альбано Лоренцо, маресчиалло^[74] карабинеров, руководил обширной поисковой операцией, которая была продолжена с наступлением светлого времени суток, на рассвете.

Полицейские силы были разделены на четыре группы. Первая, как и в предыдущий день, прочесывала местность вокруг дома Энрико, Каза Мериа и через Сан Винченци до Монтебеники и Ла Пекоры. Вторая была нацелена на окрестности Ла Роччия, Солаты и Ченнины, третья вела поиски в районе Каза Ласконе, Бадиа а Руотти до маленькой деревни Рапале, а четвертая осматривала леса вокруг Валле Коронаты и Дуддовы и вниз, до Амбры. Это были окрестности домов, которые реставрировал и полностью отстраивал Энрико. Валле Короната, Ла Пекора, Каза Ласконе, Ла Роччия и наконец Каза Мериа.

Почти всю ночь Марайке вместе с Анной провела в уффицио^[75] начальника полиции.

Кай тоже был с ними и переводил, как только мог. Между тем капо карабинеров получил обширную информацию об Энрико. Марайке показала ему трофеи Энрико, глазные зубы, которые нашла в доме, и высказала предположение, что немецкий детоубийца, возможно, одно лицо с итальянским.

В три часа утра поступили первые результаты вскрытия из судебно-медицинской экспертизы во Флоренции, куда еще вечером был отправлен труп Феликса. На тот момент, как минимум, одно было несомненно: у Феликса глазной зуб тоже был вырван после смерти. Принадлежит ли один из найденных зубов Феликсу, пока однозначно установить не было возможности.

Той же ночью самые важные результаты расследования были переданы Карстенем Швирсом из Германии в Италию по электронной почте. Для перевода криминалистических терминов и судебных дел Лоренцо вызвал переводчицу-эксперта Марису Форелли из Ареццо, которая уже через час появилась в отделении полиции и немедленно начала синхронно переводить, что означало, что она просто читала начальнику по-итальянски то, что было написано в документах по-немецки.

Ранним утром у Лоренцо уже было достаточно информации, и он немедленно выслал поисковые отряды в районы, где раньше работал Энрико. Кроме того, он приказал немедленно вскрыть дно бассейнов в Каза Ласконе и Ла Роччия.

Джианкарло Понтичини этой ночью спал слишком мало и плохо, и, соответственно, у него было скверное настроение. Он командовал четвертой поисковой группой и считал совершенно излишним еще раз прочесывать всю местность вокруг Валле Коронаты, Каза Винья, Иль Нидо и вокруг озера, поскольку они вчера каждую травинку на берегу озера осмотрели и спереди, и сзади, как непочтительно выразился Джианкарло. Иль Нидо, ко всему, был домом, окна и двери которого были замурованы еще несколько лет назад, так что туда не могла залезть ни куница, ни лисица. Джианкарло был охотником и хорошо знал эти места. Он был абсолютно уверен, что еще вчера заметил бы что-то необычное, если бы оно там было.

Джианкарло, который недолюбливал маресчиалло и поэтому критиковал и презирал каждое решение своего начальника, выступал за то, чтобы обыскать местность вокруг Сан Панкрацио. Лес там был намного гуще и лучше годился для укрытия. Тем более, что год назад они нашли там в машине влюбленную пару, которая совершила совместное

самоубийство. Трупы обнаружили лишь на десятый день — так хорошо была спрятана машина в лощине за густыми зарослями. Джианкарло точно запомнил, где это было. На его взгляд, лучшего места, чтобы спрятаться с ребенком или устранить труп, просто не существовало.

Когда Джианкарло позвонил по мобильному маресчиалло и заявил ему, что считает поиски вокруг озера и в его окрестностях бессмысленными и что лучше обратить внимание на местность вокруг Сан Панкратио, у маресчиалло, который тоже был переутомлен, полностью сдали нервы. Высоким срывающимся фальцетом он наорал на Джианкарло и заявил, что тот должен быть настолько любезен, чтобы выполнять его приказы, и к тому же так хорошо, как только можно, иначе он, маресчиалло, лично позаботится о том, чтобы Джианкарло перевели в Палермо. У него есть свои основания считать, что местность вокруг озера нужно еще раз обыскать, и баста.

Джианкарло покорился своей судьбе. Он знал, какими обширными связями обладал Лоренцо, а Палермо было последним местом, куда бы он хотел попасть. В его преклонные годы у Джианкарло не было ни малейшего желания еще и бороться с мафией.

Итак, люди Джианкарло обыскали Каза Винья, полуразрушенный и заброшенный дом, которым пользовались лишь раз в году, во время сбора урожая оливок. Кроме остатков оливок на полу и засохших сливок с острым перцем, окаменевшего хлеба и полбутылки вина, которое за это время превратилось в уксус, они не нашли ничего, что указывало бы на то, что за последние недели тут побывал хоть один человек.

Собаки обнюхивали дороги и кусты на крутом склоне за Каза Винья, вплоть до поворота на Каза Чингхале — поместья, окруженного забором и охраняемого собаками, где незаметно спрятаться было совершенно невозможно.

Затем поисковая группа повернула налево и стала медленно продвигаться в долину и к озеру.

Джианкарло взял свой мобильный телефон и позвонил жене.

— Приготовь что-нибудь повкуснее, — сказал он. — У меня стресс. Бессмысленные поиски действуют мне на нервы.

И он пошел за своими людьми и собаками, которые медленно приближались к Иль Нидо.

Ян во сне пытался просунуть руку через решетку, а злая ведьма грызла его указательный палец, отрывивала ему в лицо и орала: «Ты, противный кусок дерьма, ты все еще слишком худой, все еще недостаточно жирный!»

Сколько еще недель и месяцев ему придется лежать здесь и ждать, пока придет злая ведьма и сожрет его? Он был согласен делать все, что требовала ведьма, он был готов есть и пить все подряд, но ничего не было. Только холод и темнота — такая, что он не мог даже рассмотреть свои пальцы. Как же ему разжиреть?

Когда он проснулся, то в полутьме увидел, что мужчина еще спит. Он едва решался дышать, чтобы не разбудить его. Его желудок свело, и его стало тошнить. Он не знал, кружится у него голова или нет, и больше не мог различить, где верх, а где низ.

Марайке и Беттина. Обе его мамы, их больше не было, они были мертвы, иначе бы уже давно забрали его отсюда, освободили из этой тюрьмы. Он был еще жив, но он был один, а это хуже, чем быть мертвым.

Он попытался выпрямиться, но ему это не удалось. Он не мог двигать ни руками, ни ногами. И сейчас он снова вспомнил почему. Мужчина, который был врачом, связал его и сделал ему операцию, потому что ему в попку влезла змея и въелась ему в живот.

— Как больно! — вскрикнул он и дернулся. И снова потерял сознание.

Энрико проснулся внезапно. Он молниеносно вскочил на ноги и сквозь трещину в стене посмотрел на улицу. Было уже светло. Он проспал драгоценное время, которое у него было.

В ярости он ударился головой об стену и взглянул на Яна, лежавшего на спине прямо у сырой стены. Его шея была вытянута, рот слегка приоткрыт, пальцы скрючены, как когти. Его веки дрожали, и он еле дышал.

Энрико инстинктивно чувствовал, что у него оставалось не так много времени, и лихорадочно соображал, что же делать. Бежать? Оставить Яна здесь? Попытаться убежать вместе с ним? Но куда? Если они ищут ребенка, то будут искать везде. Теперь он нигде не мог чувствовать себя в безопасности.

«Они меня не поймают, — подумал он и сам себя успокоил, — они меня не поймали все предыдущие разы, не поймают и на этот раз».

Вдруг он застыл и некоторое время, прислушиваясь, стоял неподвижно. Где-то вдали слышались голоса, которые медленно, очень медленно приближались. Лаяли собаки, и время от времени раздавался короткий свист.

Энрико кивнул и улыбнулся. Бежать было слишком поздно. Они застрелят его. А если в этой жизни было что-то, что он в любом случае хотел определять сам, так это то, когда ему умирать. Если он не станет жертвой несчастного случая, то ни за что не выпустит из рук решение о времени и способе своей смерти, не отдаст его даже смертельной болезни, и уж ни в коем случае — взбесившимся карабинерам, жаждущим хоть раз в жизни использовать свое оружие. И он не оставит им Яна. Яна, который сейчас принадлежал ему, как все те, кто до самой смерти принадлежали только ему одному. Нельзя, чтобы в больнице Яна подключили к аппаратуре и насильно вернули к жизни. Ян должен уйти. У него на глазах. Может быть, немного быстрее, чем другие. Он подарит ему покой, он освободит его...

Ян не почувствовал, как чужая рука почти нежно обхватила его шею и сжала ее. А

потом ослабила хватку, чтобы снова сжать. У него не осталось возможности ни молить Бога, ни позвать своих матерей, ни попросить прощения у сестры за мелкие ссоры. Он больше не мог плакать и сопротивляться, он не чувствовал боли и страха. Он был полностью во власти своего убийцы.

Можно назвать иронией судьбы то, что именно Джианкарло первым обнаружил за живой изгородью из ежевики дыру в каменной стене Каза Иль Нидо. Джианкарло подал знак всем отойти назад, снял оружие с предохранителя и пустил вперед собак, которые моментально прыгнули внутрь темного дома.

Джианкарло мысленно сосчитал — двадцать один, двадцать два, двадцать три — и хотел уже сунуть пистолет назад в кобуру, как раздался оглушительный душераздирающий вой собак, который перешел в злобный лай.

Джианкарло протиснулся через дыру в стене, за ним — двое его коллег. Его сердце бешено билось, он задыхался. В ярком свете карманных фонарей, которые держали в руках полицейские, склонившись над телом Яна, на корточках сидел Энрико и абсолютно не реагировал на то, что творилось вокруг Собаки сидели рядом с ним, но уже не лаяли. Не раздумывая, Джианкарло бросился на Энрико и рванул его назад. Тот мягко перекатился на спину и даже качнулся взад-вперед, словно хотел спровоцировать полицейского. Потом все произошло очень быстро. Тренированным движением Джианкарло захватил запястья Энрико и защелкнул на них наручники.

Один из полицейских занялся Яном.

— Быстрее вызывайте врача! — закричал он. — У мальчика, похоже, есть слабый пульс. Черт возьми, он еще жив!

— О, — тихо сказал Энрико, — этого я не хотел.

И его холодное высокомерие превратилось в оцепенение.

Когда Марайке вернулась домой, Беттина и Эдда неподвижно, словно две гипсовые фигуры, сидели на террасе. Она ничего не сказала, а Беттина ничего не спрашивала, потому что у Марайке на лице было написано, что они не нашли Яна. Никаких известий, никаких следов. Энрико и Ян бесследно исчезли.

Марайке села, и Беттина дрожащими руками налила ей чашку еле теплого кофе.

— В настоящий момент мы ничего не можем сделать, — сказала Марайке. — Совсем ничего. Только ждать и надеяться, что они его найдут. Что они его найдут еще живым.

Она обхватила чашку руками, словно хотела согреться от практически холодного кофе.

— Поэтому он столько лет не совершал больше убийств в Германии. Потому что продолжил это здесь, в Италии. Он прятался в горах и изображал из себя великого любителя искусства и отшельника. И он оставался безнаказанным, пока не совершил огромную ошибку.

— Какую?

— Он не должен был продавать дом, в котором совершил убийство и спрятал труп, матери своей жертвы.

— Почему Ян? Почему же еще и Ян? — Беттина встала и бросилась Марайке на шею. — Держи меня крепче, — прошептала она. — Я больше этого не выдержу.

— Еще не все потеряно, — пробормотала Марайке, на секунду обняв подругу, и эта секунда показалась им вечностью.

Зазвонил мобильный телефон. Беттина и Марайке вздрогнули одновременно. Эдда взяла телефон.

— Нет, Майки, мы сейчас не можем разговаривать, линия должна быть свободна. Пропал мой маленький брат, и полиция ищет его. Да, я сразу позвоню, как только его найдут, и тогда мы снова сможем поговорить. Да, конечно. Пока.

Она отключилась и положила мобильник на стол.

Марайке под села к ней и обняла за плечи.

— Надеюсь, ты скоро снова сможешь разговаривать с Майки по телефону, — сказала она.

В девять часов в Ла Пекору приехали Анна, Гаральд и Кай. Они не выдержали пребывания в Валле Коронате, куда невозможно было дозвониться и где они были отрезаны от всего, что происходило.

Элеонора приняла две таблетки от сердца и взяла на себя обеспечение всей группы ожидающих свежим горячим кофе и панини, горячими бутербродами с колбасой и сыром. Исчезновение Яна и почти стопроцентная уверенность в том, что милый и всегда готовый помочь Энрико является серийным убийцей детей, потрясли Элеонору и вызвали у нее тахикардию.

Анна молчала, но производила впечатление спокойного и собранного человека. Неизвестность закончилась. Ее сын был мертв, он перенес ужасные мучения, но все это уже позади. Она уже не могла ничем ему помочь, она лишь хотела, чтобы у него была достойная могила, куда она могла бы приходить. Одна, и чтобы никто ей не мешал. Он бы продолжал жить в ее мыслях, и она бы видела его таким, каким он был до Страстной пятницы 1994 года.

Гаральд не мог усидеть на месте. Его, который основным принципом своей деятельности считал клятву Гиппократ, всю ночь одолевали фантазии, связанные с применением силы. Впервые в своей жизни он почувствовал огромное желание убить другого человека. На последствия ему было наплевать. Если бы Энрико попался ему в руки, он бы это сделал.

Солнце поднялось выше. Почти вся терраса была залита солнечным светом, и казалось, что день снова будет таким же теплым, как день середины лета в Гамбурге.

Было одиннадцать часов двадцать три минуты, когда зазвонил мобильный телефон Марайке. Звонил маресчиалло. Марайке, не говоря ни слова, передала телефон Каю. Она боялась неправильно понять или вообще ничего не понять из того, что собирался сказать маресчиалло. Кроме того она почувствовала, как желудок свело от страха. Она была не в состоянии воспринимать информацию, какой бы она ни была.

Кай внимательно слушал. Время от времени он говорил «va bene» или «subito» и «sicuro»^[76], но чаще просто вздыхал, проводил рукой по голове и молча кивал.

Остальные сидели неподвижно. Время остановилось. Даже ветер больше не дул. На какой-то момент Земля перестала вращаться.

Когда Кай наконец выключил телефон и посмотрел на Марайке и Беттину, глаза у него были красными, словно онпил три ночи подряд.

— Они их нашли, — тихо сказал он. — В нежилом доме, который пустовал много лет. Недалеко от Валле Коронаты.

— А Ян? Он жив? — Беттина чуть не задохнулась от этих слов.

— Да, он жив. — Кай кивнул. — Но ему очень-очень плохо. Он в коме. И нет уверенности, что он выживет. «Скорая помощь» как раз везет его в Монтеварки.

Эдда закрыла лицо руками и начала громко всхлипывать.

— Я отвезу вас туда, — сказала Элеонора и встала.

Беттина и Эдда побежали к машине, Марайке на костылях попрыгала так быстро, как только могла, вслед за ними.

— Где эта свинья? — спросил Гаральд.

Кай пожал плечами.

— Думаю, его отвезут в следственную тюрьму в Ареццо. Но точно не знаю.

Гаральд ударил ребром ладони по столу и заходил по террасе, словно тигр в клетке.

— Ян жив, — прошептала Анна. — Сейчас это самое главное. Хоть один выжил.

Берлин / Моабит, ноябрь 2005 года

Вот уже шесть лет он жил в Моабите. Задний двор, первый этаж, тридцать восемь квадратных метров. Он делил свое обиталище с кучей рыжих и черных тараканов, а также крыс, которые пожирали его кухонные отбросы, а в остальном вели себя крайне сдержанно, очевидно, не будучи заинтересованными ставить под угрозу столь удобное содружество. Лишь ночью он время от времени слышал, как пищали крысы, набрасываясь на еду и ссорясь между собой. Он слушал этот писк с удовольствием, воспринимая его как утешение, что он, по крайней мере, не один.

С тех пор как он жил в Моабите, он еще ни разу не убирал в квартире, не наводил там порядок, не выбрасывал прочитанные газеты, не бросал пустые пивные бутылки в контейнер и не относил в мусорный ящик старые упаковки из-под пиццы. За это время хаос вышел из-под контроля, в буквальном смысле слова накопился выше головы, и он уже ничего не мог в этом изменить. Слой, состоящий из мусора и его вещей, устилал пол квартиры, достигая полуметровой толщины, и он мог лишь попытаться хотя бы запомнить места, где были зарыты самые важные вещи.

У него была крыша над головой. Не более того. И иногда этой мысли было достаточно, чтобы почувствовать легкое подобие удовлетворения.

Когда он выходил из дому, то приветливо здоровался со всеми, и с ним тоже приветливо здоровались. Но он ни с кем не разговаривал, поэтому его никто не знал. Никто ничего не знал о его прошлом, о его судьбе. Он был спокойным, приятным квартиросъемщиком с редкими седыми волосами. Он выглядел как семидесятилетний старик, хотя на самом деле ему было всего пятьдесят четыре года. В доме его уважали, потому что он не устраивал пьянок, не слушал громкую музыку и не забивал мусором контейнеры.

Он тщательно следил за тем, чтобы гардины на его окнах были всегда закрыты. Никто не должен был видеть, куда девался мусор, от которого он избавлял сообщество жильцов.

Если он и любил что-нибудь на этом свете по-настоящему, то только свою работу. Уже три года он работал уборщиком в ландгерихте, в суде земли, и был самым чистоплотным, самым приличным, самым основательным и самым надежным среди своих коллег.

Он любил ходить через высокий вестибюль, в котором всегда царил приятная прохлада, он наслаждался звуком своих шагов ранним утром, когда кроме уборщиков в суде никого не было. Огромное помещение с высокими колоннами, галерея, где у него кружилась голова, когда он смотрел вниз, на вход, широкая лестница с необычно низкими ступеньками, по которой можно было подниматься бегом... У него было чувство, что ему позволено работать в священном месте, и это давало ощущение свободы.

Он любил длинные коридоры, полы которых пахли воском и на которых при каждом шаге попискивали резиновые подошвы его обуви. Он не мог себе представить более прекрасной работы, чем водить влажной тряпкой по отполированным до блеска столам в залах заседаний, и для него настоящим счастьем было все же где-то найти пыльный угол. Он тщательно контролировал каждое сиденье, каждый пульт и добросовестно сдавал вахтеру каждый забытый документ, каждую шариковую ручку, каждую зажигалку, даже бумажные носовые платки и наполовину пустые пачки сигарет.

И пока он был в суде и буквально впитывал в себя запах моющих средств, он забывал

свою вонючую, забитую мусором квартиру, в которой ему было нечем заняться, кроме как дремать и ждать следующего рабочего дня.

Он называл себя Питом. На Пита всегда можно было положиться на все сто процентов. Он был хорошим приятелем, однако никогда не ходил с коллегами пропустить по рюмочке после работы. И никто из его коллег в суде не знал, где он живет. И никто не имел ни малейшего представления о том, кем он был в действительности.

Этим утром все было иначе. Крысы испуганно разбежались и попрятались за горой подушек, когда он в четыре часа утра скатился с кушетки, чтобы не торопясь найти свою белую рубашку. Он точно знал, что у него есть еще одна, ни разу не надетая и в пластиковой упаковке. Это был рождественский подарок его жены, умершей восемнадцать лет назад. Его фигура вряд ли изменилась, скорее он даже похудел с тех пор, как стал пить меньше пива, потому что на много у него просто не хватало денег. Все эти годы у него не было повода надеть белую рубашку, но сегодня он должен быть в ней. Непременно.

Он нашел ее в половине шестого в самом низу стеллажа, верхние ячейки которого уже давно были сломаны. Было сложно и трудно разбирать стеллаж, чтобы добраться до самого низа, и это увеличило высоту мусора почти на метр, но все же это ему удалось.

Когда он надел новую, с иголки рубашку, то почувствовал, как в нем поднимается энергия, которая, словно теплая река, вливается в его усталое тело. Такого окрыляющего чувства у него не было уже много лет.

Он едва мог дождаться, когда уже можно будет идти на работу. Если все пойдет хорошо, то сегодняшний день — самый важный в его полной лишений жизни.

Уголовный суд

Марайке била нервная дрожь в первый день судебного процесса против Альфреда Фишера, урожденного Хайнриха, он же Энрико Пескаторе, убийцы ее приемного сына Яна. Ян после спасения из замурованного дома не вышел из комы и пять дней спустя умер в больнице Монтеварки.

Марайке пыталась заглушить боль работой и помогала, как только могла, в расследованиях, которые вели ее итальянские коллеги. В Каза Ласконе, а также в Ла Роччия были вскрыты бассейны и найдены трупы Филиппо и Марко.

Во всех семи случаях убийств было проведено сравнение следов ДНК с ДНК Энрико известного также как Альфред Фишер. Сомнений в том, что он был убийцей детей, больше не оставалось. Была доказана также принадлежность зубов всех жертв.

В то время как Марайке изо всех сил работала над процессом, Беттина впала в глубокую депрессию, глушила отчаяние все более сильными медикаментами и уже несколько месяцев была нетрудоспособной. И хотя она вместе с Марайке должна была свидетельствовать перед судом, ее психическое состояние было настолько нестабильным, что ее присутствие на процессе стало невозможным.

Марайке много раз в день звонила ей, постоянно живя в страхе, что Беттина когда-нибудь поддастся внутреннему давлению и совершит что-то необдуманное.

В это утро, за несколько минут до начала процесса, Марайке ходила взад-вперед по коридору суда, крепко прижимая мобильный телефон к уху и пытаясь подбодрить подругу. Альфред получит заслуженную кару, объясняла она в тысячный раз, это совершенно точно. Цепочка доказательств была без единого изъяна, Альфред признался в содеянном, хотя и не

испытывал ни малейшего раскаяния. Хотя наказание Альфреда не вернет к жизни никого из детей, но, по крайней мере, можно быть уверенным, что он больше не причинит вреда ни одному ребенку.

До открытия зала оставалось еще двадцать минут. Но уже сейчас все больше и больше людей собиралось в коридоре и ожидало перед пока еще закрытой дверью.

Поэтому Марайке не обратила особого внимания на уборщика в зеленом халате, который, опустив голову, медленными привычными движениями водил шваброй по покрытому линолеумом полу. Правда, в какой-то момент она задала себе вопрос, не глупо ли вытирать пол в то время, когда столько людей ходит по коридору, но сразу же отбросила эту мысль.

Пит посмотрел на часы. Он убрал принадлежности уборщика в маленькое, предусмотренное для этого помещение, снял халат и пошел к входной двери в зал судебных заседаний.

Перед дверью стоял охранник из службы безопасности Кобер, которого Пит знал уже несколько лет. Пит приветливо поздоровался с ним.

— Что это с тобой? — спросил Кобер, намекая на необычный, праздничный вид Пита. — У тебя что, день рождения?

— Не-е, — улыбнулся Пит. — Просто я закончил работу, а это дело заинтересовало меня. Не могу же я сесть там в халате.

— Что правда, то правда, — сказал Кобер. — Но потерпи еще немного. Десять минут, и я открою зал.

Постепенно перед залом собрались представители прессы и телевидения. Анна Голомбек, отец Даниэля Долля и комиссар Карстен Швирс давали короткие интервью для телеканалов SAT1 и RTL, лишь Марайке незаметно для прессы удалилась в конец коридора, чтобы без помех говорить по телефону с Беттиной, которая не переставала плакать.

Через несколько минут Кобер открыл зал. Пит был первым, кого охранники обыскали и проверили на металлоискателе. Потом он вошел в зал и сел с правой стороны у окна, прямо возле батареи и огнетушителя.

Марайке закончила безуспешный телефонный разговор, потому что Беттина все еще плакала, и одной из последних вошла в зал. Она заняла место в правой стороне зала, рядом с адвокатом Мертенсом, который отвечал за дополнительные иски по делам, возбужденным прокурором.

Зал судебных заседаний 17А

Марайке коротко кивнула Анне Голомбек, которая уже заняла свое место. Анна тоже выступала с дополнительным иском и сидела чуть дальше. Контакт между Марайке и Анной за прошедшие три месяца не оборвался. Анна вернулась к мужу в Шлезвиг-Гольштейн и уже давно пыталась продать Валле Коронату. Но даже такому ловкому маклеру, как Каю, пока что это не удалось — слишком свежими были воспоминания о случившемся. Никто не хотел покупать дом, в котором был убит ребенок. Марайке знала, что Анна снова беременна и рада будущему ребенку.

Когда ввели обвиняемого, в зале стало тихо. Альфред шел с высоко поднятой головой. Он не пытался прятать лицо, наоборот — заметно наслаждался вниманием к своей особе. Но вид у него был бледный. Из-за длительного пребывания в следственной тюрьме он потерял здоровый коричневый загар и выглядел старше своих лет. Лишь его самоуверенность

казалась нестигаемой.

Когда были выяснены его личные данные и прокурор начал зачитывать длинное, на нескольких страницах обвинение, Альфред расслабленно откинулся на своем стуле.

Марайке не отрываясь смотрела в его холодные голубые глаза и даже выдержала, когда он ответил на ее взгляд самодовольной улыбкой. Этот процесс и осуждение серийного убийцы могли бы стать самым большим триумфом всей ее карьеры в качестве комиссара полиции, но сейчас перед судом говорилось о ее самом большом личном поражении. В конечном итоге победителем стал он, убив и ее сына.

В последнем ряду для зрителей сидела Карла. На ней была широкая шерстяная накидка, и она, кроме того, прикрывала лицо шерстяным шарфом, так что были видны лишь глаза. Никто в суде с ней не разговаривал, и она была уверена, что Альфред даже не подозревает, что она здесь.

Она знала, что то, что говорит прокурор, правда, но тем не менее не могла поверить в это. Когда-то он был ее Альфредом, ради которого она оставила все и с которым прожила четырнадцать лет. Мужчина с ласковым голосом, который любил природу, который мог радоваться тому, как светятся светлячки и часами смотреть в небо, узнавая в меняющихся горах облаков всякие фигуры, который выдумывал разные истории...

Марайке с трудом слушала, когда зачитывали обвинение. Она знала все подробности, в ее воображении сотни раз повторялись страдания детей и страшная смерть Яна, и она старалась не прислушиваться, а думать о чем-нибудь другом. Если ей придется еще раз пережить все по минутам, то она не дотянет до конца процесса.

Она окинула взглядом зал для зрителей. Многие лица были ей знакомы. Отец Даниэля Долля казался в высшей степени сосредоточенным, он избегал смотреть на Альфреда и читал какой-то акт. Лицо Анны было непроницаемым. Она не удостоила Альфреда ни одним взглядом и лишь время от времени крутила обручальное кольцо на пальце правой руки. Здесь были и родители Флориана Гартвига, которые все время держались за руки.

Рядом с батареей отопления сидел человек, который показался ей знакомым, но она при всем желании не могла вспомнить, откуда его знает. Он закинул ногу за ногу и оперся головой на руку, поэтому она не могла рассмотреть его лица.

Марайке снова и снова посматривала на этого мужчину. Когда прокурор заговорил о Беньямине, он шевельнулся и внимательно посмотрел на обвиняемого. И в этот миг она узнала его. Это был Петер Вагнер, отец Беньямина.

Когда прокурор стал говорить о Феликсе Голомбеке, Марайке заметила, как рука Петера Вагнера скользнула за огнетушитель. Он что-то оттуда вытащил и моментально спрятал в карман пиджака. Марайке затаила дыхание. Она знала, что сейчас у Петера в кармане. Она не просто предполагала, а была в этом уверена почти на сто процентов. Но она ничего не сделала. Она осталась сидеть на месте и больше не спускала с Петера Вагнера глаз.

Петер обвел глазами зал, оценивая, действительно ли никто ничего не заметил. И на какую-то долю секунды их взгляды встретились.

Петер Вагнер узнал комиссара Марайке Косвиг. Ее пристальный взгляд нервировал его. Он подумал, не наблюдала ли она за ним все это время. Но потом на ее губах появилась какая-то тень, лишь подобие улыбки. Петер Вагнер расслабился и коротко улыбнулся в ответ. Если бы она что-то заметила, то уже давно что-нибудь предприняла.

Петер Вагнер снова сосредоточился на Альфреде.

Он подождал еще две минуты. Потом встал и пошел к выходу. У Марайке на лбу выступил холодный пот. Петер проходил недалеко, почти рядом с ней. Было очень легко предотвратить то, что он намеревался сделать. На сотую долю секунды она даже подумала об этом...

Петер Вагнер прошел мимо скамьи подсудимых, потом повернулся. В руке у него был пистолет. Он сделал два шага к Альфреду и, пока целился, смотрел в его прозрачные как стекло, бледно-голубые глаза, которые не хотели верить тому, что видели.

Он попал Альфреду точно в середину лба.

ТРОХИТЕЛЬ ДЕТЕЙ

— Я полагаю, он живет здесь, — неожиданно сказала она. — Среди вас. Наверное, он приятный сосед, которого знает каждый, хотя, конечно, у него не очень много контактов. Но он пользуется доверием и является неотъемлемой частью общины... И каждую пару лет он выходит на охоту. Ему это несложно, потому что он прекрасно ориентируется на местности. Удаленный участок здесь не редкость, так что у него нет проблем с тем, чтобы спокойно закапывать или как-то еще убирать трупы. А поскольку никто не напал на его след, даже не заподозрил его, то никому и в голову не взбрет вести поиски на его земле. И никого никогда не найдут.

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-0499-2

9 785991 004992

www.bookclub.ua

ISBN 978-966-14-0017-6

9 789661 400176

Похититель ДЕТЕЙ

— Я полагаю, он живет здесь, — неожиданно сказала она. — Среди вас. Наверное, он приятный сосед, которого знает каждый, хотя, конечно, у него не очень много контактов. Но он пользуется доверием и является неотъемлемой частью общины... И каждую пару лет он выходит на охоту. Ему это несложно, потому что он прекрасно ориентируется на местности. Удаленный участок здесь не редкость, так что у него нет проблем с тем, чтобы спокойно закапывать или как-то еще убирать трупы. А поскольку никто не напал на его след, даже не заподозрил его, то никому и в голову не взбредет вести поиски на его земле. И никого никогда не найдут.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Allora (*ит.*) — Ну вот, итак. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

Бабушка (*ит.*).

Киц (*нем.*) — как правило, окраинный район города, застроенный недорогими домами, постепенно приходящими в упадок.

Соответствует отметкам «единица» и «двойка» по пятибалльной системе.

Имена главных героев книги известного детского писателя Эрвина Керстена.

Моя дорогая (*ит.*).

Пока, любимая (*ит.*).

Пока, милая (*ит.*).

В Ульме и возле Ульма и вокруг Ульма растут вязы (игра слов: Ulm — название города, Ulme — вяз) (*нем.*).

Способ совершения преступления (*лат.*).

В те годы в ФРГ не запрещалось садиться за руль после приема спиртных напитков, однако при условии, что содержание алкоголя в крови не превышает 0,8 промилле.

Первое из четырех воскресений перед Рождеством.

В немецком языке слово «смерть» мужского рода.

Убить, прикончить; дословно: сделать холодным (*нем.*).

Просекко — итальянское сухое молодое вино.

«Острые перья» (*ит.*).

По законам ФРГ при разводе бывший муж обязан, независимо от причин развода и наличия детей, платить алименты бывшей жене, если она не работает (чем во всю пользуются немецкие дамы). Исключение составляют случаи, когда дети остаются у отца.

Подросток (*ит.*).

Итальянские пельмени.

Извините меня (*ит.*).

Салат (*ит.*).

Добрый день (*ит.*).

Свиная пикантная колбаса (*ит.*).

Сельдерей (*ит.*).

Первое блюдо (*ит.*).

Луковица (*ит.*).

Сухое вино (*ит.*).

Народная игра, похожая на игру в кегли.

Кукурузная каша.

Гренки, бутерброды (*ит.*).

Клецки (*ит.*).

Два кофе! И счет, пожалуйста (*ит.*).

Кирпич (*ит.*).

Густой овощной суп (*шт.*).

Ведьма (*ит.*).

Сыр из овечьего молока (*ит.*).

И это сердце поет сладкую мелодраму, это суть любви, что я буду петь для тебя, это мелодрама, та, что я пою без тебя (*ит.*).

Вечерний выпуск новостей за день (нем.).

Известный своей таинственной судьбой найденыш, одна из загадок XIX столетия. В психиатрии синдромом Каспара Хаузера называется психопатологический симптомокомплекс, наблюдаемый у людей, выросших в одиночестве и лишенных в детстве общения.

Деръмо, козел (*ит.*).

Добрый вечер, Альдо. Почему ты приехал? Что случилось? (*ит.*).

Карла позвонила мне (*ит.*).

Извините, синьора (*ит.*).

Разрешите? (*ит.*).

Черт возьми! (*ит.*).

Черт подери! (*ит.*).

Другие предложения? (*ит.*).

Прощение (*ит.*).

Старший лесничий (*ит.*).

Навозные вилы (*шт.*).

Замок (*ит.*).

Поджаренный хлеб (*ит.*).

Яппи (*англ.*) — молодой бизнесмен, ориентированный на престижную карьеру.

Закусочная (*ит.*).

Магазин металлоизделий (*ит.*).

Наркоманы (*англ.*).

Обучение на собственном опыте (*англ.*).

Что вам нужно? (*ит.*).

Уходите! Это мой дом (*ит.*).

Ничего не поняла (*ит.*).

Добрый вечер. Кай здесь? (*ит.*).

Кладовая (*ит.*).

Красивый (*ит.*).

Очень красивый (*ит.*).

Сыр из овечьего молока (*ит.*).

Новости с комментариями на 1 канале телевидения ФРГ.

Газированная (*ит.*).

Минеральная без газа (*ит.*).

Цыпленок (*нем.*).

Пирог (*нем.*).

Прибыль (*ит.*).

О боже! (*ит.*).

Я позвонил. Едут. Карабинеры едут (*ит.*).

Начальник, командир (*ит.*).

Служебный кабинет (*ит.*).

Хорошо, сейчас, конечно (*ит.*).